

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЕ
СЛАВЯНЕ
И КИЕВСКАЯ
РУСЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1989

ББК 63.4(2)я43
Д73

Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Толочко П. П.— Киев: Наук. думка, 1989.— 200 с.— ISBN 5-12-000680-9.

В сборнике помещены статьи, посвященные важнейшим проблемам славяно-русской археологии. Раскрываются уровень социально-экономического развития славян во второй половине I тыс. н. э., их политическая и духовная жизнь, взаимоотношения со степными народами.

Для историков, археологов, краеведов.

Редакционная коллегия

П. П. Толочко (ответственный редактор),
В. Д. Баран, О. М. Приходнюк (секретарь),
Я. Е. Боровский

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор *А. А. Золотарева*

Научное издание

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Художественный редактор С. П. КВИТКА

Технический редактор И. А. РАТНЕР

Корректоры Л. В. МАЛЮТА,

Л. П. БУЗИАШВИЛИ, Э. Я. БЕЛОКОПЫТОВА

ИБ № 9943.

Сдано в набор 02.01.89. Подп. в печ. 26.04.89.
Формат 70×100₁₆. Бум. тип. № 1. Обычн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 16,25. Усл.кр. -отт. 16,74. Уч.-изд. л. 19,33. Тираж 3000 экз. Заказ 9—56. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграффинга», 252057 Киев 57, ул. Довженко, 3 в Киевской книжной типографии научной книги. 252004, Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 9-547

Д $\frac{0504000000-344}{M221(04)-89}$ 67-89

ISBN 5-12-000680-9

© Издательство «Наукова думка», 1989

*Памяти В. И. Довженка
посвящается*

П. П. Толочко

**В. И. ДОВЖЕНОК И УКРАИНСКАЯ
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ**

Настоящий сборник посвящен памяти крупного историка и археолога, доктора исторических наук, профессора В. И. Довженка, с чьим именем связан более чем двадцатипятилетний путь развития украинской советской археологии. История ранних славян, Киевская Русь, позднее средневековье — таков творческий диапазон ученого, перу которого принадлежит более 100 научных трудов, в том числе такое фундаментальное исследование, как «Земледелие древней Руси до середины XIII в.» (К., 1961 г.). В нем на основании широкого круга источников, а также диалектико-материалистического понимания исторического процесса рассмотрены проблемы происхождения Киевской Руси, сложения феодальных производственных отношений, возникновения древнерусских городов, эволюции государственного строя, историко-культурного развития древнерусской народности и др.

В. И. Довженок родился 23 апреля 1909 г. в с. Кропивна Стародубского уезда Черниговской губернии (теперь — Стародубский р-н Брянской обл.) в семье крестьянина. Девятнадцатилетним юношей вместе с тысячами таких же молодых людей он отправился на новостройки республики. Три года работал на Донбассе на шахте им. Ф. Э. Дзержинского в г. Щербаківка и одновременно учился на курсах подготовки рабочей молодежи в высшие учебные заведения.

В 1930 г. В. И. Довженок едет в Киев и поступает в художественный институт на отделение музееведения и искусствоведения. Интенсивный труд в период учебы принес ему не только специальные знания по избранной спе-

циальности, но и заполнил неизбежные для людей его биографии пробелы в общем образовании. Этому способствовала атмосфера общего подъема, а также глубоко содержательные лекции профессорско-преподавательского состава института. О многих своих учителях, и в первую очередь о замечательном художнике-реставраторе Л. П. Калининченке, В. И. Довженок всегда вспоминал с глубоким уважением. Это было непростое время в истории украинской советской культуры, искавшей свой новый путь развития. Народный художник Украинской ССР С. А. Кириченко, сослуживец и товарищ В. И. Довженка, отмечает, что дискуссии на эту тему не утихали до утра.

В 1934 г., после окончания Художественного института, В. И. Довженок работает научным сотрудником Киевского исторического музея. Без отрыва от производства поступает в аспирантуру Киевского государственного университета на кафедру истории Украины. В 1938 г. он перешел на работу в Институт археологии АН УССР, одновременно преподавал в Киевском педагогическом институте курс истории СССР. В 1934 г. В. И. Довженок защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1941 г. ему присвоено звание доцента.

Во время Великой Отечественной войны В. И. Довженок с 1943 по 1945 г. находился на фронте. Будучи рядовым 17-го Гвардейского воздушно-десантного полка 2-го Украинского фронта, принимал участие в Корсунь-Шевченковской, Ясской операциях, а также в боях за Будапешт и Прагу. За боевые заслуги перед Родиной

удостоен правительственных наград.

После демобилизации из рядов Советской Армии В. И. Довженок возвращается в Киев и восстанавливается на работе в Институте археологии на должности старшего научного сотрудника. С 1954 г. он возглавил отдел славяно-русской археологии. Еще перед войной В. И. Довженок занялся изучением древнерусского хозяйства, в том числе земледелия. С тех пор эта проблема стала доминирующей в его научных поисках. В докторской диссертации, защищенной в 1962 г., а также в монографии и статьях В. И. Довженок впервые в советской исторической науке дал научно обоснованную концепцию о ведущем месте земледелия в хозяйственном развитии Киевской Руси. Располагая совершенными для того времени орудиями труда, а также развитой системой землепользования и агротехникой, земледелие являлось по существу базовой отраслью экономики, где создавалась основная часть совокупного прибавочного продукта. Именно высоким уровнем земледелия В. И. Довженок объяснял феномен ускоренного социально-экономического, политического и культурного развития древнерусского общества. Много внимания уделял В. И. Довженок изучению основных категорий сельского населения. Ему принадлежит продуктивная попытка увязки сведений литературных источников о смердах и закупках с конкретными археологическими материалами, а также опыт палеоэкономического моделирования в земледелии, позволивший определить размеры и продуктивность крестьянского хозяйства.

Еще одним важным научным направлением, которое В. И. Довженок разрабатывал всю жизнь, являлась проблема феодальных отношений. На основании анализа письменных источников, отечественных и зарубежных, а также большого фонда археологических материалов он пришел к выводу о довольно раннем формировании системы феодального землевладения, начальные этапы которого отчетливо заметны уже в IX в. Особенностью

древнерусского феодализма, согласно В. И. Довженку, являлось то, что ведущей формой эксплуатации на первой стадии была продуктовая рента, так называемое полюдье, дававшее возможность необычайно мобильного включения отчуждаемого прибавочного продукта в систему товарного оборота. В условиях недостаточной развитости феодальных хозяйств такой путь давал максимальный экономический эффект.

В ряде работ В. И. Довженок определил новое перспективное научное направление в археологии, связанное с изучением вопросов социальной типологии населенных пунктов Киевской Руси. В большей мере его занимали городищенские центры, в которых он видел не только остатки военных крепостей, населенных преимущественно дружинным сословием, но также и феодальных замков — средоточий крупных владельческих поместий или вотчин.

В круг исследовательских интересов В. И. Довженка входило и военное дело Киевской Руси, которому он посвятил ряд статей, а также монографию «Военное дело на Руси» (1950 г.). В своих работах В. И. Довженок особое внимание уделил не столько оружейведческому аспекту темы, сколько организации военного дела как важного социального явления, оказывавшего заметное влияние на все сферы жизни Киевской Руси.

Большое место в научно-исследовательской деятельности В. И. Довженка занимал собственно археологический поиск. Под его началом и при непосредственном участии проведены масштабные раскопки на десятках раннеславянских и древнерусских памятниках, в том числе в Вышгороде, Воине, Чучине, Сахновке, Иванковцах, Комаровке, хуторе Половецком и др. В. И. Довженок первым применил опыт концентрации усилий большого коллектива археологов на исследовании одного памятника, что дало положительный результат при раскопках древнерусского города — гавани Воиня в устье Сулы. Городище удалось исследовать полностью и получить важные материалы для реконструкции всех сторон его

жизни (см. монографию «Древнерусский город Воишь»).

Занимаясь научно-исследовательской работой, В. И. Довженок вел большую научно-организационную и педагогическую деятельность. Он воспитал многих ученых-археологов, положив тем самым начало формированию украинской школы археологов-руссистов. Признанием его заслуг перед славистической наукой явилось избрание его в 1965 г. на первом Конгрессе славянской археологии в Варшаве вице-президентом Международной унии археологов-славистов. В 1967 г. В. И. Довженок удостоен высокой государственной награды — ордена «Знак Почета».

Особо следует отметить активное участие В. И. Довженка в общественной жизни. Он был человеком неравнодушным, с развитым чувством ответственности за судьбу отечественного

историко-культурного наследия. Известны его яркие публицистические статьи на тему охраны памятников прошлого, непосредственное участие в этом глубоко патриотическом деле. И, видимо, не случайно В. И. Довженок был одним из инициаторов, а затем и учредителей Украинского общества охраны памятников истории и культуры.

В последние годы своей жизни В. И. Довженок работал над крупной исторической темой «Археология и летописи», в которой предполагал воссоздать широкое полотно жизни восточнославянского и древнерусского обществ на основании согласованного показания двух категорий источников. Лишь небольшую часть этой работы удалось выполнить. Предлагаемая читателю статья В. И. Довженка — один из ее разделов. К сожалению, смерть прервала реализацию этого интереснейшего замысла.

СЛАВЯНЕ

В. И. Довженок

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Вопрос о происхождении Руси так же стар, как сама историческая наука в России: первым его поставил родоначальник русских историков — летописец Нестор¹. Этому вопросу он подчинил идею своего основного труда, который так и назвал: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киве начал первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Много в этом труде наивного, взятого, согласно средневековым историческим представлениям, из библейских легенд. Но основной его смысл исторически обоснован и справедлив. Существо этой мысли состоит в том, что Русь — древнерусский народ, его государство и культура — результат длительного предшествующего развития местного восточнославянского населения. Такая идея первого русского историка остается непоколебимой и в наше время, хотя попыток ее поколебать было немало в историографии.

Идеи автора «Повести временных лет» о происхождении Руси безраз-

дельно господствовали в исторической науке до середины XVII в. С изложения взглядов Нестора начинали свое повествование русские и украинские летописцы XV—XVIII вв., среди которых следует назвать составителей «Никоновской летописи», «Русского хронографа», «Царственного летописца» и других известных и анонимных авторов этого времени. К числу выдающихся русских историков — последователей взглядов Нестора — принадлежит автор начала XVIII в. Василий Никитич Татищев, который древней Руси посвятил два тома «Истории Российской». В. Н. Татищев отстаивал положение, что государство у восточных славян возникло в результате потребностей внутренней жизни общества. Подобные взгляды высказывал автор «Синописа», которым считают архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля².

Разногласия и споры историков по вопросу о происхождении Руси начались с первой половины XVIII в., когда появилась пресловутая норманская теория. Содержание этой теории сводится к тому, что Русь не имеет местных корней в восточнославянском обществе, что древнерусское государство, древнерусская культура и даже само имя Русь принесены извне норманами — народом германского корня, жившим в Скандинавии и появившимся на Руси в IX в. под именем варягов. Авторами этой теории были историки Г. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер и М. Щербатов. А. Шлецер, например, писал о славянах в Восточной Европе до появления здесь норманов: «Конечно, люди тут были бог знает с которых пор и откуда, но люди без правления,

* Статья посвящена одной из важнейших и остродискуссионных проблем истории ранних славян, представляет собой часть комментария к словам летописца «Откуда есть пошла Русская земля». Этот комментарий состоит из трех разделов, посвященных культурам: зарубинецкой, черняховской и раннерусской, датируемой второй половиной I тыс. н. э. В публикуемом тексте В. И. Довженок наиболее четко и полно излагает свои взгляды на поставленную проблему. Этот этюд даст, надеемся, достаточное представление о том, насколько глубоким был замысел работы и как много потеряла отечественная историографическая наука от того, что начатый труд остался незавершенным.

Примечания с пометой (ред.) выполнены М. Ю. Брайчевским, остальные принадлежат автору и оставлены без изменений.

жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли из леса»³.

С этих пор борьба норманистов и антинорманистов стала в русской исторической науке одним из тех явлений, которые определяли ее идейное содержание. Уже при своем появлении норманская теория вызвала резкие возражения со стороны ученых, понимавших ее научную беспочвенность и идейную порочность. Первым против норманистов выступил М. В. Ломоносов. За ним последовали Г. Эверс, М. Максимович, С. Геденон, В. Ламанский, Д. Иловайский и другие историки. К историкам примкнули многие прогрессивные общественные деятели России: А. Радищев, Н. Тургенев, М. Фонвизин, В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов и др.

Однако норманисты удерживали господствующие позиции в исторической науке на протяжении всего досоветского периода. Последователями норманской теории были многие из крупнейших русских историков XIX — начала XX в. — Н. Карамзин, С. Соловьев, М. Погодин, В. Ключевский, Н. Рожков. Следует подчеркнуть объективные причины длительного существования в исторической литературе норманской теории. Основной из таких причин был недостаток исторических источников, которые объективно и конкретно освещали бы внутреннее состояние восточнославянского общества, в особенности в период появления варягов на Руси и в предшествующее время. Письменные сведения в этом отношении так скудны, что дают простор всяческому измышлению. Поэтому норманская теория уступала свои позиции в литературе по мере появления новых видов источников, наиболее объективно отражающих все стороны внутренней жизни общества (прежде всего — археологических памятников), и по мере вооружения исторической науки новым совершенным методом познания — историческим материализмом.

Вопрос о происхождении Руси как народа и государства является одним из основных в отечественной историографической науке. От его решения

зависит наше представление о первопричинах и условиях, которые привели к созданию одного из наиболее могущественных государств средневековой Европы; о том, кто был субъектом в процессе создания этого государства — восточные славяне или пришлый и чужой славянам народ; себе или пришельцам обязаны восточные славяне своим этническим именем Русь. Ответ на этот вопрос определяет историческую оценку Киевского государства в целом. А Киевская Русь — это тот важнейший исторический рубеж, от которого исторический процесс в нашей стране начинает новый отсчет. Поэтому данной проблемы так или иначе касались все советские историки и археологи, обращавшиеся к эпохе Киевской Руси, а многие выдающиеся специалисты посвятили ему фундаментальные исследования. В их числе можно назвать Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, А. Н. Насонова, В. В. Мавродина и многих других.

Киевская Русь возникла не вдруг. На протяжении долгого времени складывались условия для ее формирования. Первым, основным, условием было экономическое развитие восточных славян, разложение у них родоплеменных отношений и сложение отношений классовых. Вторым условием было образование древнерусской народности в результате ликвидации родоплеменной общественной структуры. Как эти процессы протекали конкретно, исторические источники освещают скупо, но все же позволяют представить ход истории в основных чертах.

Можно наметить три основных исторических этапа на пути возникновения Киевской Руси. Каждому из них соответствуют особые типы археологических памятников или особые археологические культуры. Каждый такой этап в какой-то мере отражен и в письменных источниках.

В течение I тыс. н. э. на восточнославянских землях сменились три археологические культуры: зарубинецкая, существовавшая на рубеже н. э., когда античные авторы упоминали славян под именем венедов; черняховская —

в первой половине и середине I тысячелетия н. э., когда византийские авторы знали восточных славян под именем антов, и русская культура второй половины I тыс. н. э., когда о восточных славянах начинают говорить летописные тексты.

В археологической литературе вызывает споры и разногласия отношение названных культур друг к другу. Главной темой дискуссии является вопрос, в какой мере эти культуры отражают последовательный исторический процесс, завершившийся образованием Киевской Руси.

Есть археологи, отрицающие приемственность и последовательность исторического развития на восточнославянской территории до середины I тыс. н. э. и тем самым отрицающие славянскую принадлежность археологических культур предшествующего времени. Особенно остро стоит вопрос о среднем звене, репрезентованном черняховской культурой, и это выдвигает его в качестве главного предмета полемики. Основанием для отрицания автохтонности развития восточнославянских земель как раз и является наличие здесь разных культур и отсутствие якобы переходных звеньев, связывающих эти культуры. Сторонники этого взгляда исходят из того, что за каждой археологической культурой стоит особый народ, а смена культур означает смену населения. Правда, никто из них прямо такого мнения не высказывал, но оно является исходным в подобном роде концепциях.

Между тем археологическая культура — категория историческая. Она отражает не только черты различия, присутствующие разным народам, но и черты общности единого народа на разных этапах его истории. Что касается связующих элементов между последовательными культурами одного и того же народа, то они находятся в прямой зависимости от многих фактов, прежде всего от темпов исторического развития данного народа. Связующие элементы между последовательными культурами одного и того же народа могут быть хорошо выраженными в том случае, когда развитие осуществляется эволю-

ционно и постепенно, когда старые явления долгое время уживаются с новыми. Однако исторический процесс происходит не всегда медленно, но и путем внезапных и резких изменений, вызванных особо важными внутренними и внешними обстоятельствами. В таких случаях трудно бывает проследить переходные формы в развитии материальной культуры. Этим объясняется тот факт, что так трудно отыскать переходные моменты многих элементов культурного комплекса на разных этапах развития конкретного народа. Примером могут быть культуры восточных славян второй половины I тыс. н. э. и древнерусской, или же эпохи Киевской Руси, и послемонгольского времени, которые, несомненно, принадлежат одному народу, но на разных этапах его исторического развития характеризуются такими отличиями, что между ними имеется больше разных черт, нежели сходных. Это приходится иметь в виду и при обращении к проблеме черняховской культуры и ее места в процессе развития восточнославянских народностей I тыс. н. э.

В черняховскую эпоху (первая половина и середина тысячелетия), как сказано, славяне были известны греческим авторам под именем антов. Сообщение византийцев и археологические материалы черняховской культуры позволяют достаточно ясно представить социально-экономический уровень восточных славян первой половины I тыс. н. э.

Черняховская культура, занимавшая всю Восточноевропейскую Лесостепь (Поднепровье, Южное Побужье, Поднестровье) представлена большим количеством памятников. В настоящее время известно более двух тысяч поселений и могильников⁴. Из них около ста поселений и 70 могильников подвергались археологическим раскопкам. Они распространены по всей лесостепной зоне.

Поселения располагаются преимущественно на солнечных пологих склонах небольших рек или балок, в удобных для земледелия местах, вблизи воды. По размерам они разнообразны (от 1 до 20 га). Постройки на них имеются

как наземные столбовой конструкции, так и углубленные в землю, с деревянными стенами, часто плетеными и обмазанными глиной. Жилища имеют площадь от 20 до 50 м². К жилым зданиям примыкают хозяйственные постройки. Известны хозяйственные комплексы, которые состоят из жилища, хозяйственных помещений и хлевов для скота. Среди производственных сооружений хорошо известны железоплавильные и гончарные горны, ювелирные и стеклянодельные мастерские, помещения для размола зерна и др.

Обрядом погребений на могильниках черняховской культуры являются трупосождения на стороне с захоронением остатков кремации в урнах или ямах без наземных признаков или трупоположения, иногда с расчленением тела покойника. Захоронения сопровождались одной или несколькими посудинами, содержащими остатки пищи, металлическими деталями одежды, украшениями, костяными гребешками и т. д. К памятникам черняховской культуры относятся клады римских монет, которых обнаружено около 150.

Определяющим фактором хозяйственной жизни славян первой половины и середины тысячелетия было земледелие. Византийские авторы IV в. рисуют антов как общество, экономической основой которого прежде всего было земледелие и связанное с ним скотоводство. Маврикий Стратег (Псевдомаврикий) свидетельствует, что «у них большое количество скота и земных плодов, которые лежат кучами, особенно проса и пшеницы»⁵. Тот же автор как военный специалист рекомендует учитывать богатство славянских земель как источник продовольствия для войска во время военных действий против славян⁶. Другие византийские писатели упоминают у склавинов и антов поля и посевы, которые во время вражеских нападений подвергались опустошению⁷.

Археологические памятники черняховской культуры подтверждают и дополняют сведения письменных источников. Среди них особое значение имеют земледельческие орудия. Известны многочисленные находки наральников, серпов и кос на поселениях чер-

няховской культуры⁸. Часть наральников относится к типу широколезвийных, которые являлись частью орудия плужного типа, способного подрезать и переворачивать верхний слой почвы.

Уровень развития земледелия, отраженный в сообщениях византийских писателей и в памятниках черняховской культуры, явился основой для выделения ремесла в самостоятельную отрасль производства и тем самым — для второго общественного разделения труда. В качестве самостоятельного производства у восточных славян, создающих черняховскую культуру, существовали металлургия и гончарное дело⁹. Подтверждением этого являются находки в памятниках черняховской культуры остатков железоплавильных мастерских, печей для обжига посуды и технически совершенной ремесленной продукции, имевшей массовый характер, рассчитанной на сбыт. На базе общественного разделения труда развивалась внутренняя и внешняя торговля, ярким свидетельством которой являются находки римских монет отдельными экземплярами и в кладах.

Технические усовершенствования в области производства и общественное разделение труда приводили к изменениям в области социально-экономических отношений. Господствующей формой социальной организации были самостоятельные в хозяйственном отношении семьи, объединенные в территориальную общину. Можно допускать для этого времени и наличие патриархальной семьи, но последняя уступала место семье индивидуальной как производственной и социальной единице общественной структуры. О этом свидетельствует характер поселений, которые состояли из обособленных хозяйственных дворов. Такой двор располагал всем необходимым для жизни и производственной деятельности отдельной семьи. При этом существовали разные в социально-экономическом отношении дворы. Некоторые принадлежали сравнительно зажиточным семьям.

Примером такого богатого двора может служить комплекс, раскрытый на

поселении черняховской культуры у с. Леськи Черкасской обл. Этот двор состоял из восьми помещений и хозяйственной ямы. Здесь были жилище, разделенное на четыре комнаты, погреб, три помещения для животных (одно из них отличалось значительными размерами и предназначалось, видимо, для рабочего скота), два сооружения производственного назначения (из них одно, где найдены запасы глины, возможно, было гончарной мастерской) и сарай. Несомненно, что этот и подобные ему дворы представляли собой обособленные и производственные единицы; двор на лесковском поселении мог принадлежать либо патриархальной семье, что вела крупное хозяйство, либо индивидуальной, которая пользовалась трудом зависимых производителей. Все другие социально-экономические показатели черняховской культуры и характеристика антов византийскими писателями говорят в пользу второго предположения.

Показателем имущественной и социальной дифференциации восточнославянского общества первой половины I тыс. н. э. являются находки римских монет. Клады с сотнями и тысячами монет, несомненно, были закопаны отдельными зажиточными лицами и им принадлежали. Количество этих, разумеется, не исчерпывается количеством известных науке кладов. Не каждый из зажиточных зарывал свое денежное имущество и не каждый закопанный клад к настоящему времени обнаружен и фиксирован.

Сведения византийских авторов об имущественном положении отдельных представителей антского общества соотвествуют той характеристике восточнославянского общества, которая вытекает из археологических материалов. Иоанн Эфесский говорит, что анты стали богатыми, имеют золото, серебро, много коней и много оружия¹⁰. Конечно, он имел в виду не всех антов, а только их общественную верхушку. Византийским писателям были известны некоторые наиболее выдающиеся по своему положению лица антского происхождения. Так, Менандр упоминает о целой династии антских вель-

мож — об отце Идаризии, о сыновьях Межемире и Калагасте.

Источником частной собственности антов, засвидетельствованной археологическими памятниками и сведениями византийских авторов, был, видимо, труд зависимого населения. Из показаний письменных источников вытекает, что анты использовали труд рабов, которыми становились военнопленные. Прокопий говорит как славяне после удачных военных походов возвращались со многими десятками тысяч военнопленных¹¹. Естественно, что военнопленные, если они не выкупались на волю, не сидели без дела. Но в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие считать, что рабский труд у антов уступал месту труду производителей, находившихся в иных формах зависимости. Маврикий Стратег свидетельствует, что анты и склавины не держали пленных постоянно в рабстве, а после некоторого срока предлагали им на выбор: за определенный выкуп возвратиться домой или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей¹². Обычно исследователи комментируют это сообщение в том смысле, что военнопленные, которые не могли дать за себя выкуп, оставались у славян равноправными членами общины. Но в таком случае остается непонятной цель захвата большого количества военнопленных и положение военнопленных, которые должны не по своей воле, а по принуждению оставаться у победителей.

Более правдоподобным будет предположение, что военнопленные, неспособные уплатить за себя выкуп, попадали в зависимость, отличную от рабской, что не исключало некоторой личной свободы. Последнее могло явиться основанием для византийского автора, знавшего самые жестокие формы классового угнетения, считать их свободными людьми. Такая зависимость представляла собой, вероятно, нечто вроде положения серва или крепостного.

Этническая принадлежность черняховской культуры до сих пор вызывает споры археологов. Но в Восточной Европе существовал славянский народ, которому могла принадлежать культу-

ра такого масштаба. И также не было в Восточной Европе в первой половине I тыс. н. э. другой крупной культуры, кроме черняховской, которая могла бы принадлежать бесспорно существовавшим в это время славянским племенам. Отрицание славянской принадлежности черняховской культуры означает, что ярко выраженная археологическая культура оказывается без народа, который ее создал, а твердо засвидетельствованные письменными источниками славяне в Восточной Европе остаются без принадлежавшей им археологической культуры.

Вызывает возражение и гипотеза П. Н. Третьякова, пытающегося найти в Восточной Европе корни славянской культуры, минуя культуру черняховскую¹³. Этот исследователь признает славян автохтонным населением в Восточной Европе и приписывает им зарубинецкую культуру последних веков до н. э. и первых веков н. э. Во II в. н. э. зарубинецкие племена, по его мнению, были вытеснены из Среднего Поднепровья носителями черняховской культуры. Под их натиском славяне продвинулись на север, в районы Верхнего Приднепровья и Волго-Окского междуречья. С этой миграцией П. Н. Третьяков связывает появление там культуры, напоминающей по некоторым признакам зарубинецкую, названной им поздnezарубинецкой культурой. В середине тысячелетия, когда население черняховской культуры якобы ушло из Восточной Европы, на освободившиеся земли с севера возвратились славяне — потомки тех зарубинецких племен, которые за три века до того покинули южные районы ради северных. Этим возвратившимся славянам принадлежат памятники второй половины I тыс. н. э. типа поселений в Пеньковке, которые якобы сохраняют традиции зарубинецкой культуры.

Гипотеза эта справедлива в той мере, в какой признает славян аборигенами Восточной Европы. Автор ее справедливо указывает на некоторые общие черты, связывающие памятники зарубинецкой культуры с восточнославянской культурой второй половины I тыс. н. э., но решительное возраже-

ние вызывают его попытки объяснить эти явления миграцией населения.

Не бывает вынужденных миграций, когда без важных причин целый народ бросил бы свои насиженные места и перешел бы на новые земли. И для зарубинецких племен во II в. не было причин, которые вынудили бы их вдруг оставить благодатные пространства Среднего Поднепровья и перекочевать в менее выгодные условия верхней Десны, Волги и Оки. Среди племен Восточной Европы начала н. э. не найден след тех воинственных завоевателей, которые вынудили бы племена зарубинецкой культуры на такую миграцию.

Памятники черняховской культуры рисуют отнюдь не воинственное население. Они не содержат признаков, которые характеризовали бы носителей черняховской культуры как агрессоров, изгнавших население зарубинецкой культуры с их насиженной территории. Наоборот, черняховская культура имеет ярко выраженный мирный характер. Эта ее особенность выступает определенно очевидно, что существует определение черняховской культуры как безоружной. С другой стороны, в памятниках зарубинецкой культуры не обнаруживается никаких признаков военного насилия — нападения или погрома, что обязательно имело бы место, если бы зарубинецкие племена были насильственно изгнаны из мест их обитания. Закономерным является вопрос, откуда могло прийти население, оставившее памятники черняховской культуры, если оно не было потомками зарубинецких племен. Гипотеза П. Н. Третьякова не дает ответа на этот вопрос и даже не ставит его. В действительности нет другой территории, где черняховская культура могла бы сформироваться и откуда она могла бы продвинуться в область восточноевропейской Лесостепи.

Для объяснения следов традиции зарубинецкой культуры в памятниках второй половины тысячелетия нет необходимости прибегать к надуманной гипотезе о двойной миграции зарубинецких племен — сначала на север, а затем на юг. Эти традиции сохранились на месте, и их нужно искать в

памятниках черняховской культуры. Именно отсюда они перешли в памятники второй половины тысячелетия.

Еще В. Хвойка без основания отмечал генетическую связь между зарубинецкой и черняховской культурами, объединяя их по обряду погребения. В настоящее время черт, объединяющих зарубинецкую и черняховскую культуры, известно науке больше, чем признаков, объединяющих зарубинецкую культуру с культурой второй половины тысячелетия.

В исторической интерпретации черняховской культуры есть много спорного. Для решения дискуссионных вопросов нужно всестороннее ее изучение — от общеисторической обстановки, в которой она складывалась, до отдельных предметов, которые ей принадлежали. Но и на современном уровне изучения черняховской культуры нам известно в основном все то, что определяет ее историческое содержание. Особенности культуры позволяют представить и характерные черты народа, которому она принадлежала. Этот народ был оседлым, длительное время проживавшим в лесостепных районах Восточной Европы. Это был многочисленный народ, который с таким количеством населения не мог появиться вдруг и неизвестно откуда. Такой народ мог вырасти только на месте в результате длительного предшествующего развития. Черняховская культура создавалась в условиях Лесостепи. Этим условиям подчинена вся хозяйственная деятельность населения, все обычаи и верования. Экономические и культурные связи с римскими провинциями, сарматским миром и народами Центральной Европы, что прослеживаются по материалам черняховского типа, уточняют эту территорию областями Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья. Только славяне были здесь исконным автохтонным населением.

Конечно, черняховская культура обладает специфическими чертами, что не связывается с предшествующей зарубинецкой и последующей славянской культурами. Эти черты требуют своего объяснения и являются основным аргументом для тех, кто исключает эту

культуру из исторического процесса славянского населения в Восточной Европе. Но этот аргумент теряет свою силу, если принять во внимание внешние влияния, которым подвергались черняховская культура и создавший ее народ.

Вообще культурных влияний в историческом процессе нельзя недооценивать. В первой половине I тыс. н. э. вся Европа в той или иной мере находилась под влиянием более высокой римской культуры. В Средней Европе культура этого периода, подобная во многом черняховской культуре, определяется как культура римского периода. Так в 30-е годы некоторые ученые называли черняховскую культуру. Это влияние сказалось в распространении римских монет и римского импорта, заимствовании технических знаний в некоторых отраслях производства, особенно в гончарном ремесле; в распространении некоторых форм посуды, напоминающих провинциально-римскую посуду и соответствующих новой гончарной технике. Экономические и культурные связи восточнославянского населения с Римской империей не могли не оказать влияния и на социально-экономические процессы внутри общества, содействовали общественному разделению труда, что выразилось в возникновении крупных ремесленных центров, развитии торговли с денежным обращением и т. п. Несомненно, что общество, создавшее черняховскую культуру, в середине или в начале второй половины I тыс. пережило какие-то важные события, нарушившие исторический процесс. Результатом этих событий являлось исчезновение черняховской культуры и появления славянской культуры второй половины I тыс. Такими событиями были Великое переселение народов и падение Римской империи. Они оказали большое влияние на жизнь многих европейских народов. Восточные славяне не стояли в стороне от общеевропейских событий и не избежали такого влияния.

Лесостепные районы Восточной Европы, где была распространена черняховская культура, оказались на первой линии великого переселения народов.

В конце IV — начале V в. в Азово-Черноморских степях господствовали гунны. Как соседи восточных славян они не могли не соприкасаться с ними, а как воинственные кочевники не могли не нападать на них и не разрушать их поселений¹⁴. В середине VI в. через лесостепные земли восточных славян прошли авары, оставившие о себе печальную память в виде записанной летописцем легенды о насилиях над дубами. Славяно-аварские и славяно-византийские войны VI в. не обошли стороной и славян, обитавших в Восточноевропейской Лесостепи. Принимали они участие и в заселении Балкан.

В этих условиях объяснимы многие из тех изменений, которые отмечают исчезновение культуры черняховской и возникновение восточнославянской культуры последующего времени. Находят объяснения гибель в огне многих черняховских поселений¹⁵, сокращение числа поселений, изменение их топографических условий. Для мирных земледельцев, которыми были славяне, не лишним было скрывать свои поселения в труднодоступных кочевникам-конникам местах, в заболоченных поймах или на возвышенностях, изрезанных балками и оврагами. Разрушенными или заброшенными оказались ремесленные центры. А сокращение числа рыночных потребителей не создавало условий для быстрого их восстановления. В гончарном производстве стало преобладать домашнее изготовление посуды путем ручной лепки¹⁶.

С падением Римской империи во многом изменилась историческая обстановка внутри страны, создавшаяся под влиянием экономических и прочих связей с Римской империей и римскими провинциями. В этой обстановке примитивней стала материальная культура. Исчезли прежние изящные формы посуды, которые были позаимствованы от римской культуры вместе с гончарной техникой. Возобновились традиционные формы лепной посуды, которые существовали здесь еще в зарубинецкой культуре и сохранялись частично в лепной керамике черняховской культуры. Исчезли импортные предметы римского или провинциально-римского происхож-

дения. Прекратилось проникновение на восточнославянские земли римских монет, а те, что здесь оставались, с сокращением внутреннего рынка постепенно вышли из денежного обращения.

Словом, изменение всей исторической обстановки, наступившее в Восточной Европе в середине I тысячелетия н. э., не могло не отразиться и на принадлежавшей восточным славянам археологической культуре. Черняховская культура сменяется культурой восточных славян второй половины I тыс.

¹ В настоящее время текстологическое изучение древнерусских летописей приводит к выводу, что начальные сведения «Повести временных лет» восходят к более ранним сводам, из числа которых древнейшим была «Летопись Аскольда», составленная около 865—866 гг.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М., 1953.— С. 159—173 (ред.).

² Иннокентий Гизель в 1646—1656 гг. (то есть в период народно-освободительной войны под руководством Б. Хмельницкого) был ректором Киевской коллегии (ред.).

³ Цит. по: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен.— М., 1933.— Т. 1.— С. 9.

⁴ Приведенные В. И. Довженком цифры в настоящее время устарели. Ныне известно более трех тысяч поселений черняховского типа (ред.).

⁵ Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ.— 1941.— № 1.— С. 253.

⁶ Там же.— С. 256.

⁷ Там же.— С. 247.

⁸ Источниковедческую разработку вопросов, связанных с земледельческой техникой черняховских племен, см. в книге автора «Землеробство древней Руси».— К., 1961 (ред.).

⁹ С большой степенью уверенности можно говорить о следующих отраслях ремесленного производства у носителей черняховской культуры: черной металлургии (добыча железа), кузнечном деле (обработка черных металлов), гончарстве, ювелирном искусстве; возможно, — о выделке стекла, вещей, украшенных выемчатыми эмальями, а также костяных гребешков: Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964.— С. 204—220 (ред.).

¹⁰ Мишулин А. В. Указ. соч.— С. 252.

¹¹ Там же.— С. 241.

¹² Там же.— С. 253.

¹³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М., 1966.— С. 254—265.

¹⁴ В настоящее время мысль об уничтожении гуннами черняховских поселений оставлена: Петров В. П. Етногенез слов'ян.— К.,

1972.— С. 11—26. Раскопки поселений данного типа обычно не несут следов насильственного уничтожения (ред.).

¹⁵ Следы пожарниц на поселениях черняховской культуры встречаются сравнительно редко и не обнаруживают следов военного по-

грома; в частности, здесь не находим скелетов убитых жителей, оставленного на месте домашнего скарба и т. п. признаков, столь ярко выступающих, скажем, на древнерусских поселениях, разгромленных Батыевым нашествием (ред.).

И. С. Винокур, В. Ф. Мезей

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ НОВОЙ ЭРЫ

Регион Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры представлен памятниками нескольких в целом синхронных археологических культур: гето-фракийской, зарубинецкой, восточно-пшеворской и сарматской. Указанные культуры часто выступают в Среднем Поднестровье не только как хорошо выделяющиеся комплексы в древних поселениях и могильниках, но и в виде отдельных элементов. Наряду с «чистыми» археологическими комплексами этих культур в среднестровском регионе имеются памятники со смешанными морфологическими особенностями (рис. 1).

Попытку определения историко-культурной принадлежности среднестровского населения рубежа и первых веков новой эры предприняли в конце 30-х годов М. А. Тиханова¹. Этому же вопросу были посвящены работы М. Ю. Смишко². В последние годы накоплен новый фактический материал и сделаны определенные обобщения по древностям рубежа и первых веков новой эры в Поднестровье³. Вместе с тем еще и сейчас имеется ряд важных вопросов истории и культуры племен Поднестровья рубежа и первых веков новой эры, которые ждут своего разрешения. Это касается прежде всего историко-культурной и этнической интерпретации археологических памятников указанного времени.

Цель настоящей статьи — еще раз обратить внимание исследователей на зону Среднего Поднестровья, которая для рубежа и первых веков новой эры имеет теперь уже стационарно исследованные, эталонные памятники, а также

материалы из многочисленных разведок.

На Среднем Днестре в памятниках рубежа и первых веков новой эры активно взаимодействовали традиции зарубинецкой, гето-фракийской и восточнопшеворской культур. Они составляли основу, субстрат для активного проникновения указанных соседствующих массивов. Вместе с тем в регионе присутствуют и инфильтраты: памятники или их элементы сарматской, а для черняховской культуры и поморско-мазовецкой (древности типа Брест — Тришин — Дитиничи) культур.

Обратимся прежде всего к стационарно изученным памятникам. Важное место среди них принадлежит поселению Великая Слободка Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. Раскопками 1980—1984 гг. здесь открыты остатки 38 жилищ рубежа и первых веков новой эры. Это были наземные и полуземляночные постройки в плане прямоугольной и квадратной форм. Средняя площадь жилищ 15—20 м², они ориентированы своими стенами или углами по сторонам света. Конструкция стен построек столбовая или срубная. Стены обмазывались глиной, о чем свидетельствует глиняная обмазка, зафиксированная на месте большинства исследованных жилищ. Отопительные устройства в жилищах представлены открытыми очагами, глинобитными печами и печами-каменками (рис. 1, 1).

Хозяйственно-вещевой комплекс селища характеризуется наличием серии каменных зернотерок и появлением первых единичных круглых ротационных каменных жерновов. В комплексе

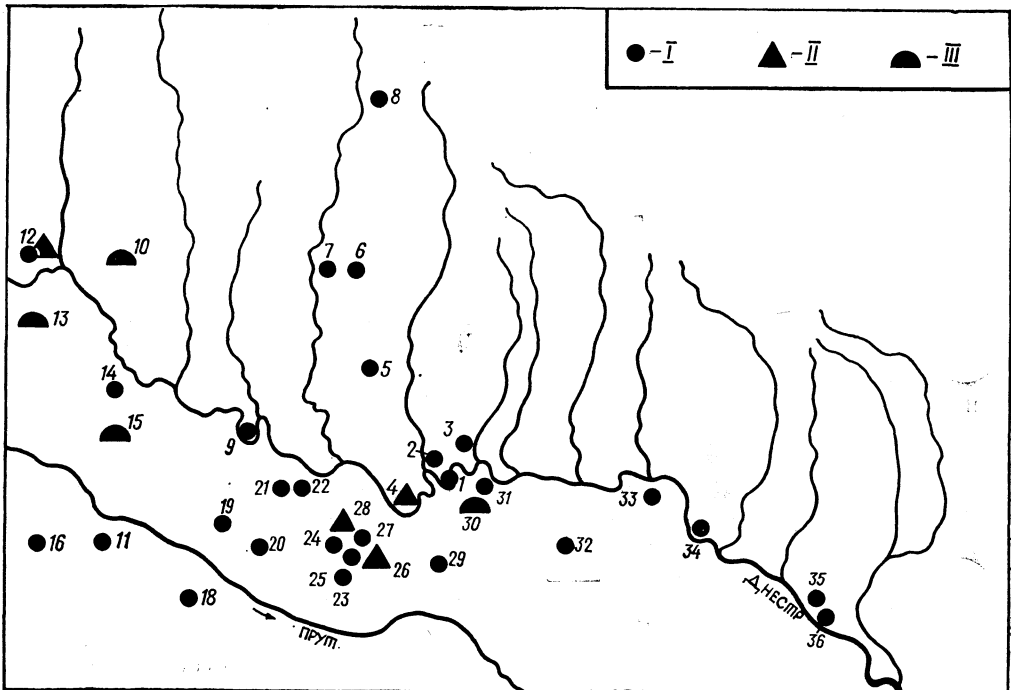

Рис. 1. Карта-схема памятников рубежа и первых веков н. э. Среднего Поднестровья:

I — поселение; II — могильник; III — сарматский могильник. 1 — Великая Слободка, 2 — Устье, 3 — Лука-Врублевская, 4 — Гринчук, 5 — Орынин, 10 — Буряновка, 11—12 — Возилов, 13 — Островец, 14 — Прилипче, 15 — Киселев, 16 — Волока, 17 — Драчинцы, 18 — Корытное, 19 — Топоровцы, 20 — Ракитное, 21 — Малинцы, 22 — Клишковцы, 23 — Жилровка, 24 — Ставчань, 25—26 — Круглик, 27 — Пашковцы, 28 — Долиняны, 29 — Зеленая, 30 — Ленковцы, 31 — Грушевцы, 32 — Грубно, 33 — Ветрянка, 34 — Бернашовка, 35 — Бронница, 36 — Григоровка

представлены железные ножи, серп, каменные точильные бруски; глиняные пряслица, грузила от ткацких станков и рыболовных сетей, зооморфные фигурки; костяные лопатки, проколки и т. п.

Историко-этнографические особенности наиболее четко фиксирует керамический комплекс селища Великая Слободка. Здесь представлены керамические формы, которые составляют 32 % всей керамики селища и относятся к зарубинецкой культуре. Это лепные горшки с округлым высоким и средним плечом, прямым, плавным и хорошо отогнутым венчиком. В глиняном тесте этой посуды имеются примеси песка и дресвы. Поверхность их шероховатая или слегка подлощена. По венчику нанесены пальцевые вдавления или насечки. Керамика светло-коричневого и серого цветов (рис. 2, 2, 3, 5, 10). Миски с прямым, вогнутым и отогнутым наружу (часто подгранным) венчиком. Гли-

няное тесто столовой посуды с примесями песка. Поверхность хорошо сглажена, подлощена, коричневого, серо-черного и черного цветов (рис. 2, 1, 7, 17).

Параллельно с зарубинецкими на селище имеются и наборы керамической посуды, формы которой связаны с памятниками культуры Поянешты — Лукашевка. Они составляют 28 % всей керамики поселения. Это лепные горшки с выступами-упорами по корпусу. Тесто этой посуды с примесями песка. Поверхность сосудов хорошо сглажена, подлощена, серо-черного и коричневого цветов. Миски с прямым и отогнутым наружу венчиком (подгранным). Глиняное тесто этой столовой посуды с примесями песка. Поверхность изделий хорошо сглажена, подлощена, коричневого и серо-черного цветов (рис. 2, 13, 14, 15, 27) (рис. 2, 20, 21, 24, 25).

Интересным, пережиточным по хро-

нологии компонентом керамического комплекса селища Великая Слободка являются формы посуды позднескифского времени (миски с загнутым внутрь краем). Глиняное тесто этой столовой посуды с примесями песка. Поверхность хорошо сглажена, подложена, серо-черного и черного цветов. Черпаки с ленточной и округлой ручкой светло-коричневого цвета. В глиняном тесте — примеси песка. Имеются горшки с налепным валиком по корпусу с пальцевыми вдавлениями, а также с пальцевыми вдавлениями и отверстиями по венчику. Посуда с шероховатой, слегка заглаженной и подложенной поверхностью серо-коричневого цвета (рис. 2, 4, 8, 16, 18). Указанные формы позднескифского времени составляют 30 % всей керамической посуды селища. Такая керамика характерна для населения позднескифского времени Лесостепи и, возможно, является свидетельством местных, коренных предзарубинецких традиций IV—III в. до н. э.

На поселении Великая Слободка присутствуют и черепки сероглиняной гончарной посуды (10 % всей керамики), которые, очевидно, можно связывать с началом формирования в местной среде первых веков новой эры керамического гончарного производства черняховской культуры (рис. 2, 29, 31). Об этом же свидетельствуют и непосредственные остатки гончарного горна двухъярусной конструкции, открытые на поселении.

Таким образом, материалы раскопок фиксируют в керамическом комплексе селища Великая Слободка своеобразный сплав зарубинецких и гето-фракийских форм посуды при определенном влиянии той керамической традиции местного лесостепного населения, которая сохранилась от IV—III вв. до н. э. Вместе с тем на селище проявляется новая гончарная традиция черняховских лесостепных племен. Все это говорит о большой продолжительности функционирования поселения. Об этом же свидетельствуют и некоторые датирующие предметы — фрагменты железных и бронзовых фибул, бронзовая шпилька рубежа и первых веков новой эры, а также бронзовая фибула

раннеримского времени конца II в. н. э. Это означает, что селище Великая Слободка пережило в своей истории два основных хронологических этапа — от III—II вв. до н. э. до начала I в. н. э. и I—II вв. н. э. В конце второго этапа и появилась традиция черняховского гончарного производства.

На правом берегу Днестра, в пределах Хотинского р-на Черновицкой обл. в 1957—1959 гг. И. С. Винокуром и Б. А. Тимощуком, а затем в 1973 г. С. П. Пачковой⁴ исследовались остатки селища Круглик. Здесь открыто 5 наземных жилищ со столбовой конструкцией стен. Средняя площадь этих построек 30—40 м². Отопительные устройства в жилищах двух типов: открытые очаги и глинобитные печи (рис. 1, 25, 26).

В хозяйственно-вещевом комплексе Кругликовского селища представлены железный наральник латенского типа, железные серпы и ножи, каменные зернотерки, точильные бруски, костяные проколки, ложила и т. п. Керамика селища включает в себя формы гето-фракийской и зарубинецкой посуды. Привозная амфорная тара, а также фрагмент фибулы I в. до н. э.— I в. н. э. датируют поселение II в. до н. э.— I в. н. э. (рис. 3, 17, 18)⁵.

В 1965—1966 гг. экспедицией Каменец-Подольского пединститута произведены исследования на поселении в с. Бережанка Чемеровецкого р-на Хмельницкой обл. Здесь открыты остатки жилищных и хозяйственных сооружений с поздзарубинецкой и раннечерняховской керамикой. На поселении найден вещевой клад, который датируется II—III вв. н. э. Аналогии вещам Бережанского клада зафиксированы среди вещей славянского, кельтского, сарматского и фракийского мира в районах Юго-Восточной и Центральной Европы (рис. 1, 6)⁶.

В 1969 г. экспедицией Каменец-Подольского пединститута проведены исследования на поселении в с. Возилово Бучачского р-на Тернопольской обл., где открыты остатки наземного жилища со столбовой конструкцией стен. В помещении обнаружен открытый очаг, выложенный камнем и обмазанный слоем

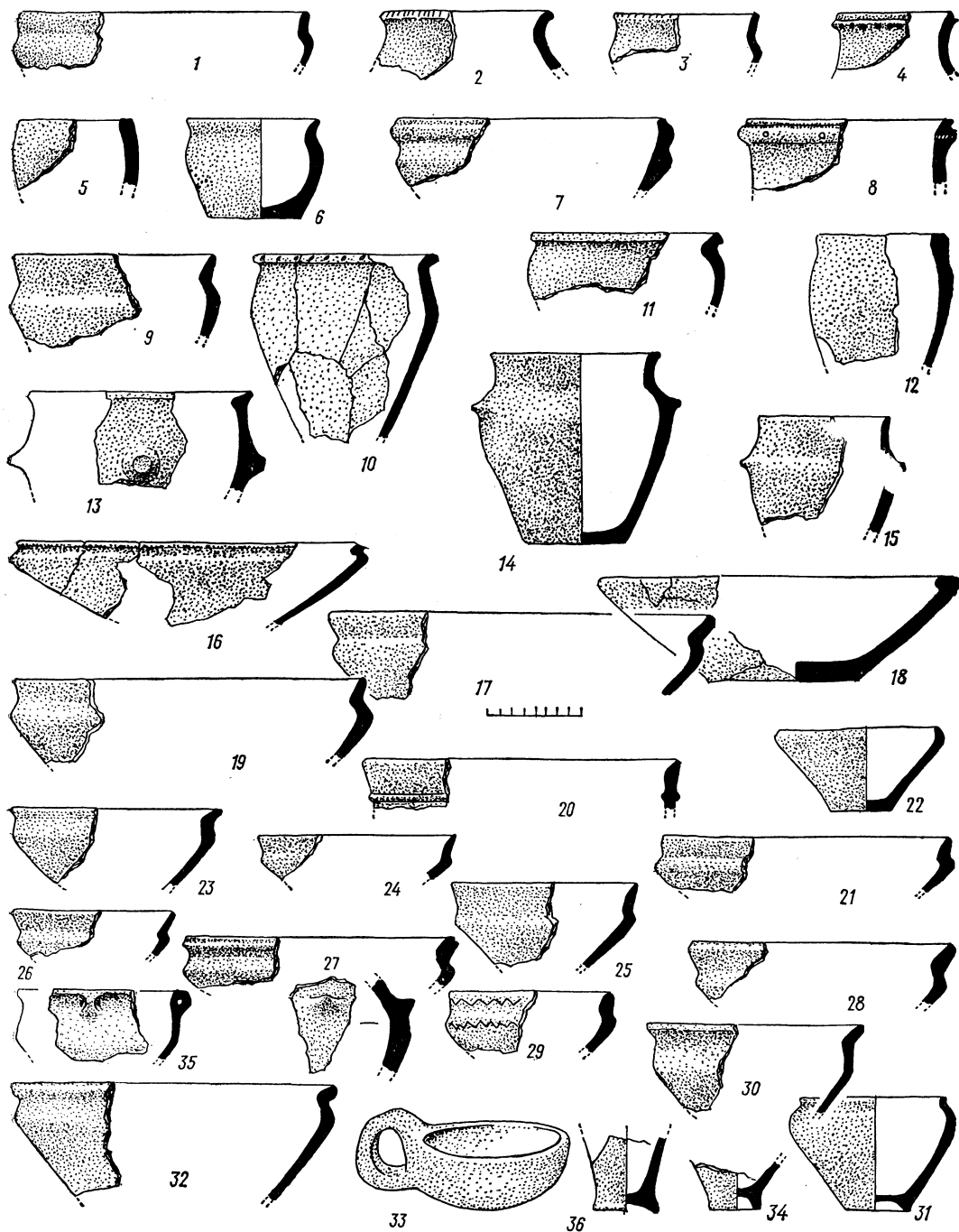

Рис. 2. Образцы керамики селища Великая Слободка

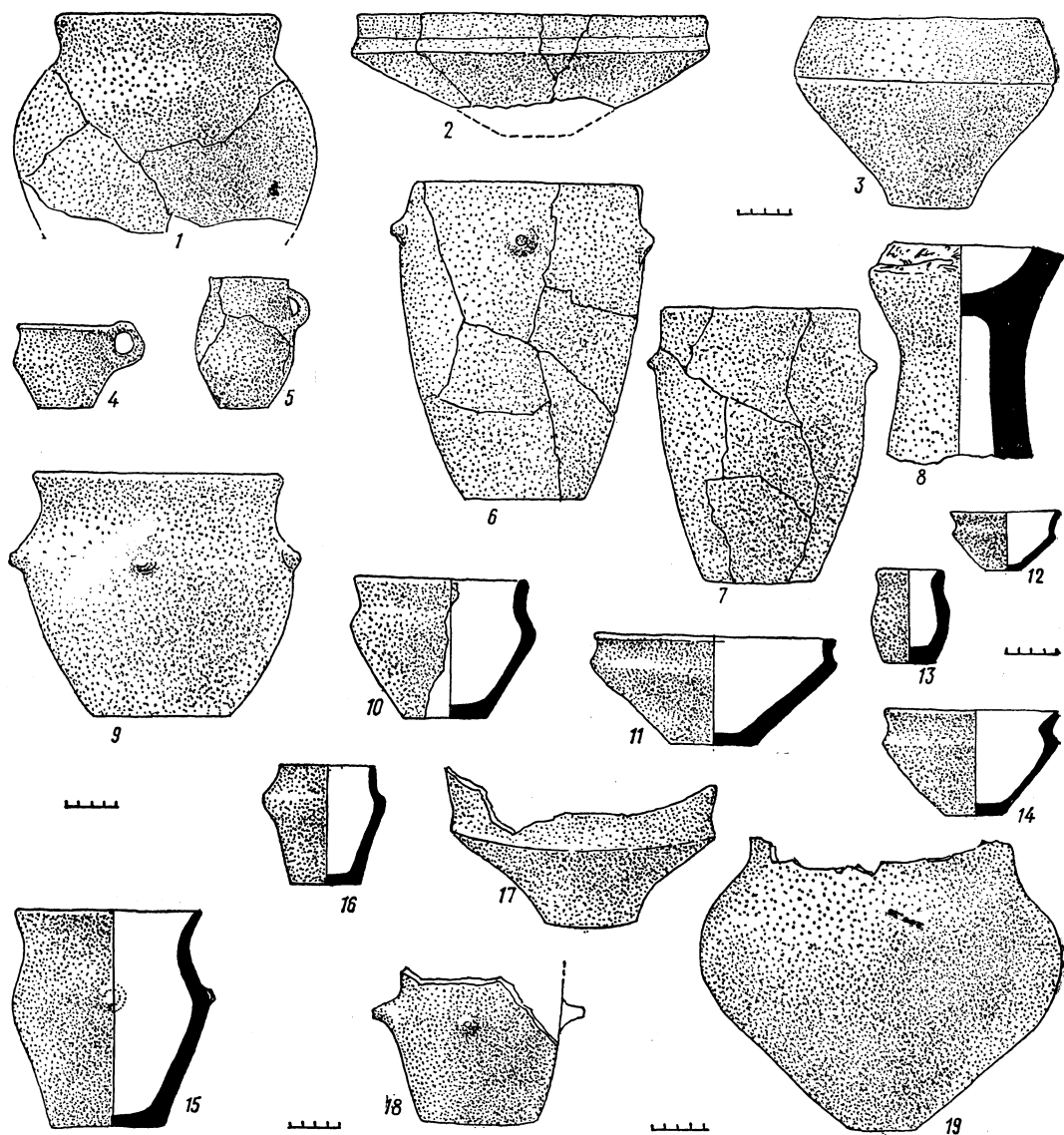

Рис. 3. Керамика рубежа и первых веков н. э. Среднего Поднестровья:

1—3 — Куровка, 4 — Сокиринцы, 5—9 — Возилово, 10—16 — Долиняны, 17, 18 — Круглик, 19 — Гринчук

глины. Расчищено скопление глиняных конических грузил от ткацкого станка, найден миниатюрный чернолощенный керамический кубок, фрагменты ребристых мисок, формы которых характерны для зарубинецкой и липицкой культур. На поселении обнаружены и фрагменты привозных причерноморских амфор, которые датируются III в. н. э. (рис. 1, 11).

Поселение восточнопшеворской культуры латенского времени исследовано С. П. Пачковой у с. Горошева Боршевского р-на Тернопольской обл. Здесь обнаружены жилища-полужемлянки в плане прямоугольной формы, очаги, хозяйственные ямы и ямы-погребки. Керамика представлена обломками кухонных горшков с шершавой или заглаженной поверхностью, а также образ-

цами столовой посуды (чернолощенные миски с гранеными венчиками). Обнаружены также глиняные пряслица и грузила (рис. 1, 9) ⁷.

Объединенная экспедиция Института археологии АН УССР и Каменец-Подольского пединститута исследовала селище у с. Бернашовка Могилев-Подольского р-на Винницкой обл. Раскопками открыты объекты нескольких историко-археологических эпох ⁸. Исследованы остатки полужемлянки рубежа нашей эры. В ее заполнении, а также на полу постройки собраны керамические фрагменты, которые по форме вобрали в себя элементы восточнопшеворской и гето-фракийской культур. Жилище датировано бронзовой позднелатенской фибулой I в. до н. э., обнаруженной на полу помещения (рис. 1, 34) ⁹.

Кроме коротко описанных поселений Среднего Поднестровья, на которых проводились раскопки, здесь известны и другие селища, открытые в процессе разведок. Это, например, поселения Малинцы, Клишковцы, Оселивка, Пашковцы (правый берег Днестра), Куровка, Сокиринцы (левый берег Днестра) (рис. 1, 22, 21, 27, 7, 8).

В последние годы в регионе Среднего Поднестровья открыты и исследованы могильники рубежа и первых веков новой эры. Экспедицией Каменец-Подольского пединститута зафиксированы остатки могильника в с. Возилово Бучачского р-на Тернопольской обл. На глубине 0,8—0,9 м здесь было открыто при земляных работах 9 урновых погребений. Остатки кремации были помещены в глиняные лепные горшки-урны. Горшки имели вытянутую форму корпуса с прямым венчиком, а также налпными пищечками, что характерно для керамики древнего фракийского населения. Обнаружены фрагменты гончарных мисок на высоком кольцевом поддоне (рис. 3, 8).

Керамический комплекс Возиловского могильника можно отнести к известным в Верхнем Поднестровье древностям липицкой культуры. Возиловский могильник — один из памятников, который расположен на юго-восток от основной территории липицкой культу-

ры. Материалы могильника можно датировать I—III вв. н. э. (рис. 3, 5, 6, 7, 9).

В 1974 г. в с. Гринчук Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. было открыто урновое трупосожжение. Урна представлена чернолощеным широкогорлым горшком (рис. 3, 19). В ней вместе с остатками кремации (кальцинированные кости) находился железный нож и еще три фрагмента каких-то изделий из железа ¹⁰.

Экспедицией Государственного Эрмитажа при участии Каменец-Подольского пединститута в последние годы проведены раскопки на месте могильника рубежа новой эры у с. Долиняны Хотинского р-на Черновицкой обл. ¹¹ Здесь открыто 29 погребений, совершенных по обряду трупосожжения. Представлены остатки захоронений в урнах и в ямах. Погребения сопровождалась керамикой, железными и бронзовыми фибулами средне- и позднелатенского типов, а также железными ножами, бритвой, бронзовыми и железными браслетами, глиняными пряслицами. Хронологические рамки функционирования могильника определяются II—I вв. до н. э. ¹²

Относительно историко-культурной принадлежности Долинянского могильника высказаны различные мнения. Г. И. Смирнова относит его к памятникам культуры Поянешты — Лукашевка ¹³. С. П. Пачкова считает, что могильник у с. Долиняны — это своеобразное явление позднего предримского времени на Среднем Днестре. Для него характерны черты как северо-западного, так и юго-восточного ареалов латенизированных культур ¹⁴. Мы полагаем, что по характеру материальной культуры этот памятник включает пшеворские, гето-фракийские и зарубинецкие элементы ¹⁵ (рис. 3, 10, 16).

Погребение по обряду кремации в урне было открыто и у с. Круглик Хотинского р-на Черновицкой обл. По форме керамического сосуда-урны исследованное погребение находит аналогии в материалах Лукашевского могильника в Молдавии ¹⁶. Среднелатенская фибула датирует погребение у с. Круглик II—I вв. до н. э. ¹⁷

Среди древностей рубежа и первых веков новой эры выделяются сарматские памятники I—II вв. н. э. (Ленковцы, Киселев, Островец, Буряковка и др.)¹⁸. Они фиксируют появление в Среднем Поднестровье ираноязычного инфильтрата с юга. Сарматы, видимо, постепенно смешивались с местным славянским и частично гето-фракийским населением. В историко-культурном отношении они передали местному населению отдельные элементы своей материальной культуры, восприняв со временем и основные направления культуры аборигенного оседлого земледельческого населения. Оседание позднесарматских группировок в Среднем Поднестровье и Прикарпатье имело вполне реальную историческую основу (рис. 1, 10, 13, 15, 30).

Таким образом, археологические материалы и их анализ дают возможность реконструировать историко-культурный и в какой-то мере этнический процесс, протекавший в Среднем Поднестровье на рубеже и в первые века новой эры. Изученные материалы поселений и могильников группируются по хронологии в два основных этапа взаимодействия местных и пришлых по происхождению археологических культур. К первому этапу взаимодействия субстратных культур Среднего Поднестровья во II—I вв. до н. э. относятся поселения и могильники, в которых присутствуют взаимодействующие элементы гето-фракийской, зарубинецкой и восточнопшеворской культур (Великая Слободка, Круглик, Горошева, Бернашевка, Долиняны, Гринчук и др.). Для этого этапа характерно и доживание в керамическом комплексе форм местной посуды позднекиевского времени IV—III вв. до н. э. (Великая Слободка, Круглик и др.).

Ко второму этапу развития связей местных и пришлых культур в Среднем Поднестровье относятся памятники, в которых присутствуют элементы зарубинецкой и гето-фракийской культур I—II — начала III вв. н. э. (Великая Слободка, Возилов, Бережанка). К I—II вв. н. э. относятся и появившиеся в Среднем Поднестровье сарматские па-

мятники (Ленковцы, Киселев, Островец, Буряковка).

Интересно, что в погребальном обряде памятников первого этапа доминирует трупосожжение. Что же касается древностей второго хронологического этапа, то здесь ощущается новая традиция — появление ингумации, принесенной сарматским населением.

Интеграционные процессы, протекавшие у населения Среднего Поднестровья на рубеже и в первые века новой эры, привели, видимо, к формированию тех основных групп, которые зафиксированы в письменных исторических источниках как часть венедского (славянского) массива племени. Большое значение в указанном плане имели носители славянской зарубинецкой культуры и их связи с западными и юго-западными группировками. Нам представляется исторически реальной картина развития зарубинецкой культуры как синтеза местных среднеднепровских и западных элементов, как результат сложной культурно-этнической интеграции, на что в свое время обратил внимание П. Н. Третьяков¹⁹.

Археологические материалы рубежа и первых веков новой эры Среднего Поднестровья дают возможность проследить начало формирования черняховской культуры, которая, несомненно, сложилась в результате взаимодействия и интеграции субстратных культур: зарубинецкой, гето-фракийской и восточнопшеворской при значительном влиянии со стороны культуры Северного Причерноморья и римских провинций. Определенное значение в этом процессе имели и носители культуры переходных групп памятников от юго-западных к зарубинецким. В этом отношении памятники поянешты-лукашевской и липицкой культур следует, по нашему мнению, рассматривать как смешанные в этническом отношении. Их материальная культура является, видимо, своеобразным археологическим эквивалентом контактной зоны древнего славянского и северо-фракийского населения. Интересны керамические комплексы указанных древностей, которые вобрали в себя элементы гето-фра-

кийской и зарубинецкой культур, а на последующем этапе — влияние Северного Причерноморья и римских провинций. Весьма показательна такая форма посуды, как миски с так называемым подгранным венчиком. Они были широко известны как непосредственно на землях гето-фракийцев, так и на сопредельных территориях Юго-Восточной Европы. М. А. Романовская правильно, на наш взгляд, связывает их появление и дальнейшее распространение с территорией Дунайско-Днестровского междуречья и отмежевывает от форм керамики северо-западных районов Центральной Европы²⁰. Мы же добавим к этому, что такие же формы мисок были распространены и на левом берегу Днестра с выходом на земли Южного Приднестровья. Это означает, что указанная форма столовой посуды бытовала и среди населения, которое в историко-культурном плане может быть связано с древностями зарубинецкой культуры.

Техника гончарного производства в памятниках липицкой культуры находит свое подобие, соответствие в гончарном деле черняховских племен Среднего Поднестровья и сопредельных территорий Юго-Восточной Европы.

Все это означает, по нашему мнению, что в контактной зоне Среднего Поднестровья и Прикарпаття имели место явления, связанные с проживанием смешанного в этническом плане населения.

Исследования показывают, что в материальной культуре древностей рубежа и первых веков новой эры в зоне Среднего Поднестровья нашли свое отражение этнически смешанные группировки. Но среди них значительное место, несомненно, занимали раннеславянские племена. На рубеже и в первые века новой эры в среднеднестровском регионе, как и в других районах Юго-Восточной Европы, ощутимо прослеживается влияние материальной культуры Северного Причерноморья и римских провинций. Усиливаются связи носителей поднестровских древностей с населением Центральной Европы. Это, очевидно, полностью соответствует реальной исторической ситуации

рубежа и первых веков новой эры и фиксирует взаимное проникновение смежных культурно-исторических массивов, что нашло свое отражение в морфологических особенностях керамических комплексов²¹.

Памятники Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры имеют самое непосредственное отношение к процессу этногенеза древних восточных славян. Их дальнейшее изучение и систематизация вместе с древностями гето-фракийского, а для черняховского времени — и древнегерманского круга (памятники поморско-мазовецкой культуры и их элементы) является важной задачей археологов-славистов.

¹ Тиханова М. А. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры // МИА.— 1941.— № 6.

² Смишко М. Ю. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР // Докл. VI науч. конф. Ин-та археологии.— К., 1953; *Его же*. Раннеслов'янська культура Карпатського підгір'я // Наук. зап. Ін-ту сусп. наук.— 1953.— Вип. 1.— С. 131—153.

³ Федоров Г. В. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА.— 1960.— № 89.— С. 8—57; Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К., 1975.— С. 143—164; Баран В. Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу.— К., 1981.— С. 152—163; Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— К., 1972.— С. 18—35; Козак Д. Н. Штеворська культура у Верхньому і Західному Побужжі.— К., 1984.— С. 46—67.

⁴ Тимощук Б. А., Винокур І. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине // КСИА АН СССР.— 1962.— Вып. 90.— С. 74; Пачкова С. П. Поселения поблизу с. Круглик на Буковині // Археологія.— 1977.— № 23.— С. 25.

⁵ Тимощук Б. А., Винокур І. С. Указ. соч.— С. 74; Пачкова С. П. Указ. соч.— С. 25.

⁶ Винокур І. С. Бережанський скарб // Слов'яно-руські старожитності.— К., 1969.— С. 14—21.

⁷ Пачкова С. П. Раскопки пшеворского поселения у с. Горошева на Днестре // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 383.

⁸ Баран В. Д., Винокур І. С., Журко А. И., Козак Д. Н., Мегей В. Ф., Штегельский И. И. Раскопки селища Бернашовка. Там же.— С. 295—296.

⁹ Козак Д. Н. Раскопки памятников пшеворской культуры на Днестре // Там же.— С. 339—340.

¹⁰ Пачкова С. П. Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністрі // Археологія.— 1979.— № 25.— С. 113—114.

¹¹ Смирнова Г. И. Поселение и могильник у с. Долиняны на Буковине // Археологические открытия 1978 года.— М., 1979, с. 403—404.

¹² Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешты — Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА.— 1981.— № 3.— С. 193—208.

¹³ Там же.

¹⁴ Пачкова С. П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині // Археологія.— 1984.— № 47.— С. 99—101.

¹⁵ Винокур І. С. Історія Лісостепоного Подністров'я та Південного Побужжя. Від кам'яного віку до середньовіччя.— Київ; Одеса, 1985.— С. 55.

¹⁶ Федоров Г. Б. Лукашевский могильник // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 59.

¹⁷ Тимошук Б. А., Винокур И. С. Указ. соч.— С. 76.

¹⁸ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК.— 1953.— Вып. 51.— С. 65—67; Винокур И. С., Ва-

куленко Л. В. Киселевский могильник I—II вв. до н. э. // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 126—132; Смишко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ.— 1962.— Вып. 4.— С. 54—74; Малеев Ю. М., Піоро І. С. Сарматські поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія.— 1973.— № 12.— С. 73—77.

¹⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.— М.; Л., 1966.— С. 217.

²⁰ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка. Древние фракийцы в Северном Причерноморье.— М., 1969.— С. 90—92.

²¹ Винокур І. С., Мегей В. П. Деякі морфологічні особливості пам'яток рубежу і перших століть нової ери на Середньому Дністрі // Тези доповідей V-ї Подільської історико-краєзнавчої конференції.— Кам'янець-Подільський, 1980.— С. 122—123.

Л. В. Вакуленко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ В I—II вв. н. э.

Внимание исследователей давно привлекают памятники раннеримского времени (I—II вв. н. э.), известные на территории верхнего Днестра. Это могильники у сел Верхняя Липица, Звенигород (урочища Загуменки, Гоева гора, Садыба Великача), Болотное и Гринев (рис. 1). К этой же группе относятся богатые погребения в Колоколинне и Чижикове и отдельные захоронения в Лучках и Хотымире. Они представляют собой грунтовые могильники с обрядом трупосожжения в урнах. На двух могильниках у Звенигорода (Загуменки, Гоева гора) и в Болотном открыты также трупоположения. По обряду трупоположения совершены и богатые погребения в Колоколинне и Чижикове.

Впервые опубликованные М. Ю. Смишко в начале 30-х годов¹ и дополненные новыми раскопками И. К. Свешникова², Д. Н. Козака³ и В. Н. Цыгылыка⁴ материалы верхнеднестровских могильников до сего времени продолжают вызывать различное истолкование своей культурной принадлежности.

В свое время материалы Верхнелипицкого могильника послужили

М. Ю. Смишко для выделения новой археологической культуры, названной им липицкой. При этом автор отметил выраженный гето-дакийский этнический облик новой культуры⁵. К липицкой культуре им был отнесен и ряд погребений из могильников в Гриневе и Звенигороде⁶. Другая же часть погребений этих могильников была определена им как вандальские, как тогда называли памятники пшеворской культуры⁷. С тех пор могильник у с. Верхняя Липица, бесспорно, является эталонным памятником липицкой культуры.

Что же касается остальных могильников звенигородского круга, то различные авторы определяют их по-разному.

Опубликовав в конце 50-х годов материалы новых раскопок на могильниках у сел Звенигород и Болотное, И. К. Свешников определил их как липицкие, хотя и отметил в некоторых погребениях черты пшеворской культуры, а именно аналогии ряду керамических форм и присутствие оружия в некоторых погребениях⁸.

Т. Домбровская, занимаясь определе-

нием восточной границы пшеворской культуры, все упомянутые памятники, за исключением Гринева, относят к липицкой культуре на основании того, что они находятся за пределами территории распространения пшеворской культуры⁹.

Двойное определение могильников в Звенигороде и Гриневе как липицких и пшеворских дано и в своде памятников, подготовленных львовскими археологами, в то время как Болотное, памятник аналогичный Звенигороду, подан только как липицкий¹⁰.

В. Н. Цыгылык в монографии, посвященной липицкой культуре¹¹, могильники в Верхней Липице и Гриневе относит к липицкой культуре, а два могильника у Звенигорода (Загуменки, Гоева гора) и могильник у Болотного считает примером взаимных связей липицкого и пшеворского населения, поскольку там есть погребения обеих культур.

По мнению Д. Н. Козака, могильники в Гриневе, Звенигороде и погребения в Хотымире и Лучке принадлежат волыно-подольской группе пшеворской культуры¹².

По поводу могильника в Звенигороде (Гоева гора) Д. Н. Козак полемизирует с В. Н. Цыгылыком о числе погребений, которые следует отнести к пшеворским. Так, из 20 открытых здесь погребений В. Н. Цыгылык относит к пшеворской культуре 16, а к липицкой 4¹³. Д. Н. Козак пшеворскими считает только 3 погребения, но в целом присоединяется к мнению В. Н. Цыгылыка, что могильники в Звенигороде являются отражением сосуществования пшеворского и липицкого населения в зоне их непосредственного территориального стыка. При этом он подчеркивает, что Звенигород не является примером их соотношения на всей территории Поднестровья и Побужья¹⁴. В. В. Кропоткин опубликовал погребение № 8 из могильника в Звенигороде (Гоева гора) как пшеворское¹⁵.

Действительно, часть погребений на этих могильниках носит яркий отпечаток дакийского этноса, другая — пшеворской культуры, в третьих наблюдаются черты и того и другого. Очевидно,

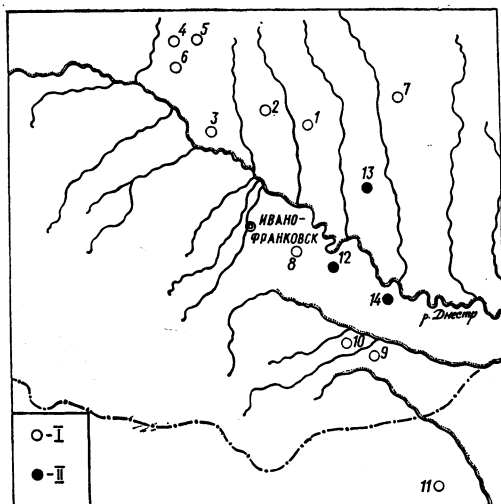

Рис. 1. Карта-схема могильников I—II вв. н. э. в Поднестровье и Прикарпатье: I — могильники липицкой культуры; II — могильники сарматские.

1 — Верхняя Липица; 2 — Болотное; 3 — Колоколин; 4 — Звенигород; 5 — Чижиков; 6 — Гринева; 7 — Лучка; 8 — Хотимир; 9 — Неполоковцы; 10 — Завалье; 11 — Сучава; 12 — Остривец; 13 — Бурякивка; 14 — Киселев

поэтому в археологической литературе в последнее время прочно утвердилось их определение как смешанных липицко-пшеворских памятников типа Звенигорода — Болотное.

Вместе с тем выяснение культурно-этнического содержания этих памятников представляется достаточно важным для исследования общей этнокультурной ситуации в Поднестровье в первые века н. э.

Для решения этого вопроса прежде всего обратимся к их хронологическому соотношению. Следует отметить, что хронология верхнеднепровских могильников опирается на хорошо датирующиеся материалы и детально разработана рядом исследователей (М. Ю. Смишко, Т. Домбровской, А. К. Амброз)¹⁶. Эти разработки положены в основу таблицы хронологического распределения фибул, обнаруженных в погребениях верхнеднепровских могильников, которая была приведена в работе «Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.»¹⁷. Здесь хорошо видно, что могильники в Звенигороде, Болотном, Гриневе представ-

ляют собой более ранние памятники, чем могильник в Верхней Липице. Наиболее частой датированной находкой в первом случае являются бронзовые литые остропрофилированные фибулы типа А-68 по классификации О. Альмгре-на, бытующие в ступени В_{1в} раннеримского времени, то есть в 40—70-е годы н. э.¹⁸ Имеются также современные им грубчатые фибулы первого варианта по классификации, предложенной Т. Лианой¹⁹. На этот же период указывают и другие датированные находки. Тогда же были произведены захоронения в Хотымире, где обнаружены шпоры типа 46 по классификации М. Яна и Чижикове, хорошо датированном бронзовыми римскими сосудами²⁰.

Могильник в Гриневе, судя по находке остропрофилированной фибулы с ажурным приемником типа А-67 — А-68 и др., начал функционировать несколько ранее, между 20—40-и годами I в. н. э.²¹ Еще раньше было совершенно богато погребение в Колоколине, датированное сочетанием фибул А-67 и типа пертомарус²². Однако эти единичные более ранние находки не меняют общую картину.

Итак, хронологические определения показали, что могильники в Звенигороде, Болотном, Гриневе, а также отдельные погребения в Чижикове, Хотымире составляют некую группу памятников, складывающихся в Верхнем Поднестровье в 40—70-е годы н. э., то есть на стадии В₁ раннеримского времени.

Что же касается Верхнелипицкого могильника, то весь пласт датированных находок, обнаруженных здесь, четко лежит в пределах 70—170-х годов н. э., то есть в последующей стадии В₂. Обнаруженные остропрофилированные фибулы относятся к более поздним вариантам, чем фибулы из погребений Звенигородской группы. Уже II в. датируют погребения вытянутые грубовидные и глазчатая неорнаментированная фибула. Более поздние — эмалевые фибулы, время бытования которых заходит во вторую половину II в. н. э.²³ Интересно отметить, что являющаяся столь частой находкой в погребениях памятников типа Звенигород — Болотное фибула типа А-68 здесь встречена

только в одном экземпляре и представляет собой самую раннюю датированную находку на могильнике.

Итак, могильники I—II вв., открытые в Верхнем Поднестровье, не одновременны, а представляют собой два разных последовательных хронологических этапа. При этом могильники в Звенигороде, Болотном и др. представляют более ранний (40—70-е годы н. э.), а могильник в Верхней Липице более поздний (70—170-е годы н. э.) этапы. Здесь мы оказываемся перед странным противоречием. С одной стороны, ни о каком смешении липицко-пшевурского населения в некой контактной зоне, как это утверждали Д. Н. Козак и В. Н. Цыгылык²⁴, не может идти речь, поскольку липицкая культура как таковая появляется в то время, когда памятники типа Звенигорода — Болотное заканчивают свое существование. С другой стороны, анализ археологических материалов бесспорно указывает, что последние оставлены смешанным разноэтничным населением. Что же это за население? Какие этнические группы приняли здесь участие?

Как уже отмечалось, один из этих компонентов имеет выразительные черты пшеворской культуры. Другой, долгое время определяемый как липицкий, есть не что иное, как дакийский этнический элемент. Позвольте, возражать нам, разве липицкая культура не является гето-дакийской по своему этническому содержанию? Безусловно, является. Однако дакийский этнос отнюдь не выражается одной липицкой культурой. Дакийские древности хронологически и территориально явление гораздо более масштабное, чем липицкая культура. Итак, памятники типа Звенигород — Болотное оставлены смешанным дакийско-пшевурским населением.

Рассмотрим вопрос о том, каковы природа и содержание этого смешения. Выше мы показали неправомочность наиболее распространенного в науке до последнего времени мнения, что эти памятники являются отражением сосуществования липицкого и пшеворского населения в зоне их непосредственного территориального стыка. Следует рассмотреть и гипотезу М. Б. Щукина,

первым заметившего, что могильники типа Звенигород — Болотное — памятники хронологически более ранние, чем Верхнелипицкий могильник. Исходя из этого, он считает, что они не могут относиться к липицкой культуре, а представляют собой синкретическую культурную группу — симбиоз пшеворских, дакийских и сарматских элементов²⁵. Что касается липицкого населения, то, по его мнению, оно появляется здесь вследствие миграции в конце 80-х годов I в. н. э.

Однако изучение материалов верхнеднепровских могильников убеждает нас в том, что липицкая культура не появляется в готовом виде на территории Верхнего Днестра. Напротив, Верхнее Поднестровье и было областью ее формирования. Исходные этнические группы, послужившие базовыми компонентами при образовании липицкой культуры, появились на Верхнем Днестре в результате встречных миграционных процессов. Когда в первые десятилетия новой эры с юго-востока, из областей Дакии, на эту территорию проникло дакийское население, оно застало здесь чуть более ранее, в конце позднего латена, продвинувшихся сюда с северо-запада пшеворцев. Памятники типа Звенигород — Болотное отражают начавшийся на Верхнем Днестре процесс этнической интеграции пшеворского и дакийского населения, завершением которого и явилось создание липицкой культуры. Поэтому, как памятники периода ее формирования, они могут и должны быть также отнесены к липицкой культуре. Таким образом, материалы могильников I—II вв. н. э. на Верхнем Днестре предоставили нам довольно редкую в археологии возможность выделить археологическую культуру уже в период ее формирования.

Безусловно, когда образование культуры происходит на основе двух разноэтнических групп, то на памятниках периода ее сложения достаточно сильно заметны характерные черты слагаемых культурных компонентов. В нашем случае обе группы обладают глубокими и устойчивыми этническими традициями, что находит археологическое отражение в погребальном обряде, керамике и др.

К тому же имеется возможность при сравнении обратиться к материалам одноэтнических памятников на исходной территории, поскольку и первые, и вторые являются отщепенцами больших культурно-этнических массивов. Археологически мы застаем их на Верхнем Днестре уже в тот момент, когда интеграция зашла довольно далеко.

Тем не менее специфические особенности каждой из наших этнических групп дают возможность выделить в археологических материалах черты, присущие только каждой из них. Выразительным примером интеграции является погребение № 15 из могильника в Звенигороде (Гоева гора, 1953). Здесь урна — типичный дакийский гончарный сосуд, покрытый гончарной чашей на высокой ножке (чаша и обычай употреблять ее как крышку урны тоже типично дакийские), стояла на вбитых в землю согнутом мече и наконечнике копья²⁶. Последняя деталь является известным обычаем пшеворской культуры на всех этапах ее бытования²⁷. В других случаях процесс интеграции выражен не так ярко. Например, погребение № 21 из Звенигорода (Гоева гора, 1953) совершено в традициях дакийского погребального обряда²⁸. Урной здесь служил серый гончарный сосуд, прикрытый кусками известняка. Внутри урны вместе с чисто перебранными кальцинированными человеческими костями находились две бронзовые остропрофилированные фибулы и железный нож со следами действия огня. К этому же погребению, очевидно, относился и лепной кубок, помещавшийся на уровне венчика урны. Последняя представляла собой широкогорлый сосуд, часто встречающийся и в погребениях Верхнелипицкого могильника. Дакийские этнографические черты четко выступают в ряде других погребений Звенигорода и Болотного, где урнами служили изготовленные на круге сосуды типичных дакийско-липицких форм. Напротив, погребение № 8 из Звенигорода (Гоева гора, 1955) имеет все черты пшеворского обряда. Урной здесь служил чернолощенный пшеворский сосуд, а в погребении обнаружен ритуально согнутый меч, нако-

вечник копья, две шпоры, железный нож, ножка бронзовой остропрофилированной фибулы. Однако найденная здесь керамика представляет собой дакийские кружальные и лепные сосуды²⁹. Пшеворский лепной сосуд служил урной в погребении № 3 из Болотного. Урна была прикрыта фрагментом жернового камня и обломками сосудов. Среди последних удалось реставрировать чашу на высокой ножке без нижней части, небольшой лепной сосудик, маленькую чашечку на высоком поддоне и придонную часть большого лепного горшка. Проявлением пшеворских черт погребального обряда следует считать и безурновые захоронения остатков кремации.

Особо следует рассмотреть вопрос о труположениях, которые наряду с трупосожжениями выявлены на могильниках Звенигородской группы. В настоящее время помимо захоронений в Колоколине и Чижикове известно пять труположений в Болотном, одно в Звенигороде — Загуменки и десять в Звенигороде — Гоева гора³⁰. Большое количество труположений в последнем случае позволяет некоторым исследователям высказать мысль о биритуальности памятника. Между тем при внимательном рассмотрении материалов Звенигорода — Гоевой горы возникает сомнение в принадлежности всех этих погребений к раннеримскому периоду. В частности, все погребения, обнаруженные в Болотном и Звенигороде — Загуменки, имеют северную ориентацию. На север ориентировано и захоронение в Чижикове. В Колоколине направление погребения не установлено. В Звенигороде — Гоевой горе северную ориентацию имеет только часть погребений, другая — западную. Итак, погребения с западной ориентацией имеются только на Гоевой горе, где находится и могильник XI—XIII вв. Для погребений последнего, а там открыто их несколько десятков, характерна исключительно западная ориентация, изредка с небольшими отклонениями.

Анализ материалов погребений с труположениями показывает, что только погребения с северной ориентацией сопровождалась выразительным

вещевым инвентарем, позволяющим определить их хронологию и культурную принадлежность. Это погребения № 15 и 17 (Звенигород — Гоева гора, 1954 г.), № 1 (Загуменки), № 1 и 2 (Болотное). Погребения с западной ориентацией, открытые на Гоевой горе и также отнесенные автором раскопок И. К. Свешниковым к липицкой культуре, лишены вещевого материала. Эта черта характерна для раннефеодалных погребений и для кладбища на Гоевой горе. Исключение составляют погребения № 7 (1953 г.) и 6 (1954 г.), для которых в публикации отмечена западная ориентация³¹. Погребение № 7 сопровождалось железной остропрофилированной фибулой и в таком случае, без сомнения, должно было быть отнесено к раннеримскому периоду. При обращении к отчету о раскопках выяснилось, что погребение № 7 имело северо-западную ориентацию, таким образом, его скорее можно отнести к группе с северной ориентацией. Второе из них (№ 6, 1954 г.), ориентированное на запад, судя по обнаруженной в нем ладанке из кожи и бересты на серебряной цепочке и цинковому кольцу, принадлежит кладбищу XI—XIII вв. Таким образом, из погребений с труположениями, открытых на Гоевой горе, к раннеримскому периоду относятся только 5 (№ 7, 10, 13 — 1953 г. и № 15, 17 — 1954 г.). Все они, как и погребение № 1 в Звенигороде — Загуменки, и пять погребений, открытых в Болотном, а также захоронения в Колоколине и Чижикове, имеют северную ориентацию и сопровождалась погребальным инвентарем.

По нашему мнению, наличие погребений с труположениями на памятниках звенигородской группы также является проявлением пшеворского компонента*. Такие погребения, хотя

* Относительно шести погребений с труположениями, которые были открыты на могильнике в Верхней Липице, сказать что-либо определенное не представляется возможным. В пяти из них отсутствовал инвентарь, к тому же в трех случаях неизвестна ориентация. Остальные три ориентированы на восток, запад и юго-запад. В двух последних случаях тела были уложены на бок в скорченном положении. У подбородка одного из них (юго-за-

и составляют небольшой процент на пшеворских могильниках, известны на всей территории распространения культуры³². Как правило, это, как в Звенигороде и Болотном, единичные погребения на могильниках с обрядом трупосожжения или отдельные богатые погребения, как в Колоколине и Чижикове. По наблюдениям Г. Ф. Никитиной, ориентировка пшеворских погребений бывает самой различной, за исключением западной. Наиболее часто встречаются южная и северная с различными отклонениями. Еще одним аргументом в пользу пшеворского происхождения верхнеднепровских труположений является погребение № 1 в Загуменках.

Одно из двух мужских погребений, среди открытых труположений на трех могильниках, сопровождалось предметами вооружения, что является яркой чертой пшеворского обряда³³. Очевидно, следует отказаться от мнения, что звенигородские труположения есть следствие включения сарматского этнического компонента. Против этого мнения, в частности, говорит сравнение их с погребениями ближайших подгостровских синхронных могильников в Островце (урочища Вертебы и Олеччина), Киселеве и Буряковке³⁴.

Из приведенной таблицы видно, что для всех сарматских погребений характерна юго-восточная, южная или восточная ориентация погребений, а не северная, как в Звенигороде и Болотном. Другие отличия касаются погребального инвентаря, отражающего разные для сарматов и пшеворцев традиции в изготовлении керамики и одежде. Следует отметить, что различия на памятниках типа Звенигород — Болотное касаются главным образом тех категорий археологического материала, которые отражают глубокие и устойчивые этнические традиции, такие как погребальный обряд и керамика. В меньшей степени это касается, например, украшений. Так, бронзовые

падное направление погребения) стоял лепной горшок, рисунок которого в книге не представлен.

остропрофилированные фибулы одинаково распространены в дакийских и пшеворских погребениях.

Итак, интеграция разнородного этнического конгломерата на памятниках звенигородской группы привела к формированию липицкой культуры. Соотношение же традиционных черт пшеворской и дакийской этнокультурных групп в новой липицкой культуре показывает, что ведущую роль при ее формировании играл дакийский этнический компонент. Это хорошо прослеживается на материалах Верхнелипицкого могильника. Здесь налицо характерные черты дакийского погребального обряда. Чисто перебранные от остатков костра кости помещались в урну, в большинстве случаев накрытую. Как крышка чаще всего использовались чаши на высокой ножке, для чего ножка специально отбивалась. В Верхней Липице зафиксирован обычай сжигать покойников в пределах могильника на специально отведенных местах, что характерно для кладбищ дакийских культур. Сопровождающий инвентарь, как правило, не носит следов огня. В качестве урн использовались чаще гончарные сосуды не бытовавшие в раннеримское время в пшеворской среде. Лепная керамика также в большинстве случаев имеет характерные дакийские формы. Обращает внимание, что здесь совершенно отсутствуют погребения с оружием, являющиеся ярким признаком пшеворских могильников и еще бытующие на кладбищах периода сложения культуры типа Звенигорода — Болотного.

Итак, преобладание дакийского этнического компонента, его ведущая роль в процессе формирования липицкой культуры обусловили ее выразительную дакийскую этническую окраску. Этим и объясняется заблуждение исследователей, принимающих устойчивые характерные общедакийские этнические черты, за черты дакийской липицкой культуры. Между тем последняя, относясь к кругу дакийских древностей, тем не менее представляет самостоятельную культуру с присущими только ей характерными чертами. Ее отличает территория, отстоящая далеко на север от

Памятник		Номер погребения	Поло-возрастная принадлежность			Фбула	Зеркало	Нож	Меч и его детали	Бусы	Лепной горшок с открытой горловиной	Пряжка	
			м	ж	д								
Липицкая культура	Звенигород — Гоева гора	7	+			+							
		10	?										
		13		+									
		15		++			+	+	+			++	
		17		+		+			+		++		
	Звенигород — Загуменки	7	+					+	+			+	
	Болотное	1		+		+							
		2		+		+					+		
		3			+								
	Чижиков Колоколин		+			+						+	
Сарматы	Островец	Вертебы	1	+					+				
			2	++			+		+	+			
			3	++									
			4	++									
			5	+	+							+	
			6	+	+							+	
			8	+								+	
			9	+					+			+	
			10	+	+							+	
				Олечина	1	+							
	2	++											
	3	+											
	Буряковка	1		+						+			
	Киселев	5	+										
		6	++										
		7	+						+				
		8											
		9	+	+					+				
		10	+						+				

всего дакийского массива. Время ее существования (40-е годы I в. н. э. — третья четверть II в. н. э.) не совпадает с хронологией ни одной из дакийских культур. Наконец, липицкой культуре присущ специфический набор керамических форм, не идентичный в полном наборе: керамики других дакийских культур.

Своеобразием в кругу дакийских

древностей липицкая культура не в последнюю очередь обязана тому, что в ее сложении активное участие принял и пшеворский компонент. Его следы достаточно ясно прослеживаются не только на материалах памятников периода образования липицкой культуры типа Звенигород — Болотное, как было показано выше, но и на материалах могильника в Верхней Липице — па-

Бронзовый сосуд	Шпоры	Фрагмент лепной керамики	Фрагмент гончарной керамики	Ориентация погребений						Бисер	Гончарный сосуд	Округлобокий лепной горшок с суженным горлом	Лепной кувшин
				С	С-З	С-В	В	Ю	Ю-В				
				+	+								
				+	+								
		++	++	+		++							
++	+			+									
							++					++	
							+			+		+	+
											+	+	
										+	+		
									+				
													+

мятнике уже сложившейся культуры. При рассмотрении материалов последнего под этим углом зрения мы обратили внимание на ряд погребений, несущих отпечаток сохраненного пшеворского компонента. Это погребение № 18³⁵, где урной служил лепной сосуд, близкий к ребристому, с наибольшим диаметром, расположенным высоко по корпусу, короткой шейкой, прямой

линией плечиков, плоским дном и опершавленной поверхностью. Внутри урны среди кальцинированных костей ребенка находились железный нож, железное кресало, две прямоугольных бляшки от оковки, глиняное прясло, бусина и бронзовое зеркало (рис. 2, 4а, е).

Таким же примером может служить и погребение № 12³⁶, урна которого — лепная глубокая миска — имела загну-

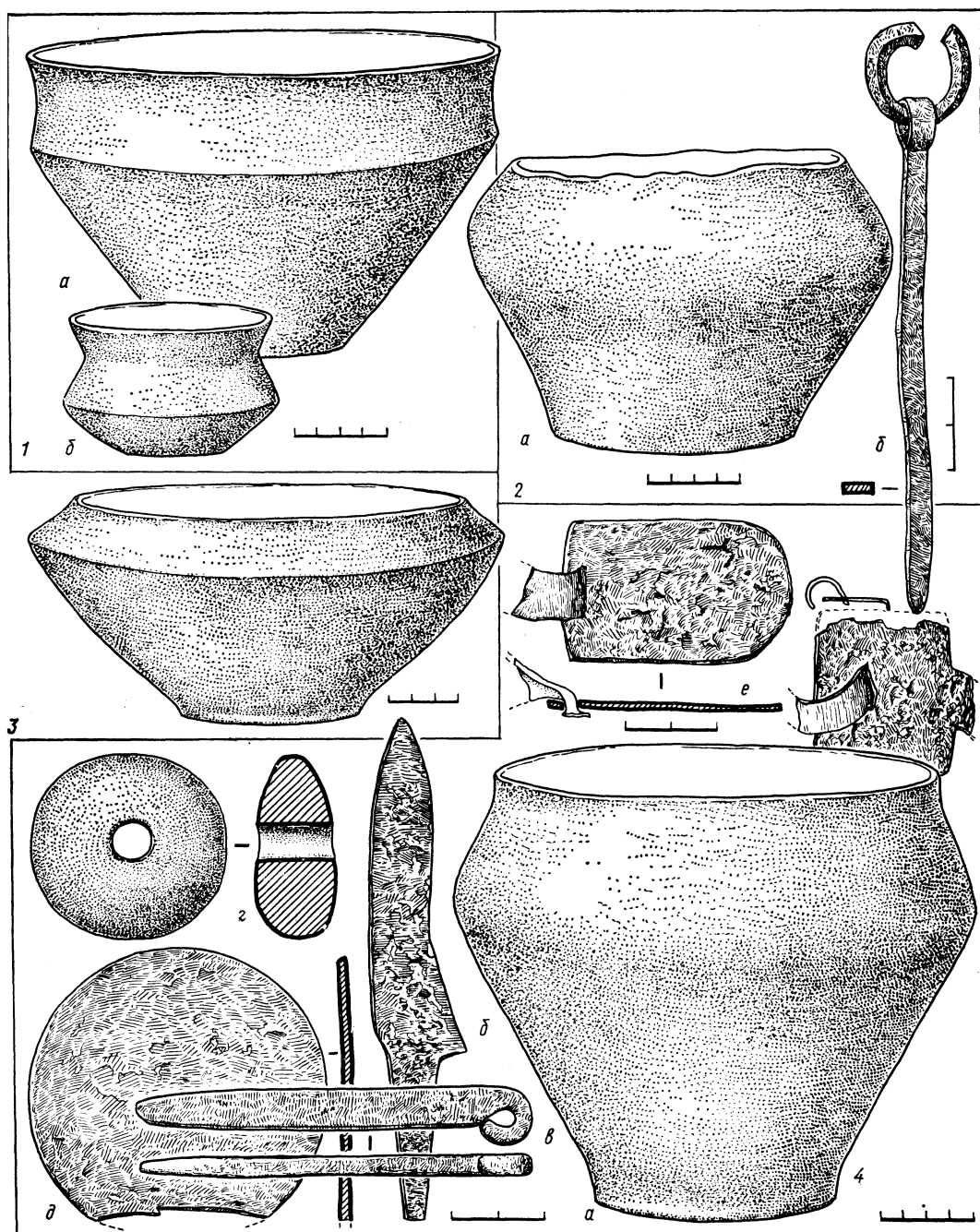

Рис. 2. Погребальные комплексы из могильника у с. Верхняя Липица:

1 — погребение № 31 (а — урна, б — крышка), 2 — погребение № 12, 3—4: а — урна, б — железный нож, е — железное огниво, з — керамическое прясло, д — бронзовое зеркало, е — железная оковка

тые внутрь края, высоко поднятое основание плечиков и плоское дно. Внутри среди кальцинированных костей находились железный ключ и нож (рис. 2, 2а, б). В погребении № 31³⁷ урна представляла собой лепную острореберную миску с вертикально поставленной шейкой и опершавленной поверхностью. Кальцинированные кости, находящиеся внутри, были прикрыты лепной чернолощенной острореберной мысочкой с низко посаженными плечиками. Среди костей находились три бусины (рис. 2, 1а, б). К этой же категории керамики относятся лепная острореберная миска с загнутым внутрь краем, заглаженной поверхностью (рис. 2, 3) и биконический сосуд с мягким переломом почти на середине высоты³⁸. Следует отметить и сосуд, служащий урной, в захоронении № 8, орнаментированный косыми насечками по краю венчика и покрытый в верхней части корпуса округлыми углублениями³⁹. Все упомянутые сосуды по форме и орнаментике находят прямые аналогии на памятниках пшеворской культуры⁴⁰.

Интересно, что такая характерная деталь мужских пшеворских погребений, как железные кресала⁴¹, обнаружена в тех погребениях (№ 8 и 18) Верхней Липицы, где урнами служили сосуды пшеворского вида.

Приведенные примеры понадобились здесь для того, чтобы показать, что липицкая культура, являясь продуктом смешения дакийского и пшеворского населения и получив благодаря преобладанию первого дакийскую окраску, вместе с тем сохраняет и следы пшеворского этнокультурного компонента. Более того, пшеворские этнографические черты, пусть в слабой степени, прослеживаемые на липицких памятниках, олицетворяют, по нашему мнению, одну из черт, характеризующих липицкую культуру как таковую.

Настало время сказать и о другой группе липицких могильников, открытых в последние годы довольно далеко от области левобережья Верхнего Днестра и позволяющих представить дальнейшую судьбу липицкого населения. Это памятники в селах Завалье, Ивано-Франковской обл., Неполоковцы, Чер-

новицкой обл. и в г. Сучаве (СРР) (рис. 1). На могильнике в с. Завалье, открытом автором в междуречье Прута и Черемоша, исследовано 14 урновых и 2 ямных погребения. Два разрушенных могильника обнаружены Б. А. Тимощуком и Г. Ф. Никитиной в 10 км к востоку от Завалья, у с. Неполоковцы, где удалось исследовать 3 трупосожжения в урнах и одно трупосожжение⁴². Наконец, самый южный из них — это могильник, открытый при строительных работах в г. Сучава, на ул. А. Ипэтеску. Здесь обнаружены 9 урновых и несколько ямных трупосожжений, а также площадка обгорелого грунта, по всей видимости, представляющая собой место для сожжения покойников⁴³.

Погребальный обряд, прослеженный на этих могильниках, полностью и в деталях совпадает с обрядом Верхнелипицкого могильника. Трупосожжение на стороне, преобладание урновых погребений над ямными, применение как кружальных, так и лепных сосудов в качестве урн, обычай очищения костей от других остатков погребального костра — все это мы наблюдаем, в частности, в материалах наиболее исследованного из этих памятников — могильника в Завалье. Крышками урн здесь в большинстве случаев служили вазы на высокой ножке с отбитой нижней частью. Кружальные сосуды, обнаруженные в погребениях Завалья и Неполоковец и Сучавы, находят прямые аналогии в материалах Верхней Липицы. Чаще всего это широкогорлые биконические сосуды на высоком поддоне с переломом примерно на половине высоты сосуда. Такие изделия служили урнами в Завалье (рис. 3, 1а, 3, 4б), Неполоковцах⁴⁴, Сучаве⁴⁵. Там же находят аналогии одноручные кувшины, вазы на высокой ножке и др.

Следует особо отметить погребения № 7 и 45 в Завалье, где урнами служили лепные глубокие миски с высоко поднятым основанием плечиков и загнутыми внутрь краями (рис. 3, 2а, 3, 4а). Аналогии им имеются на памятниках пшеворской культуры (вспомним приведенные выше примеры материалов Верхнелипицкого могильника)⁴⁶.

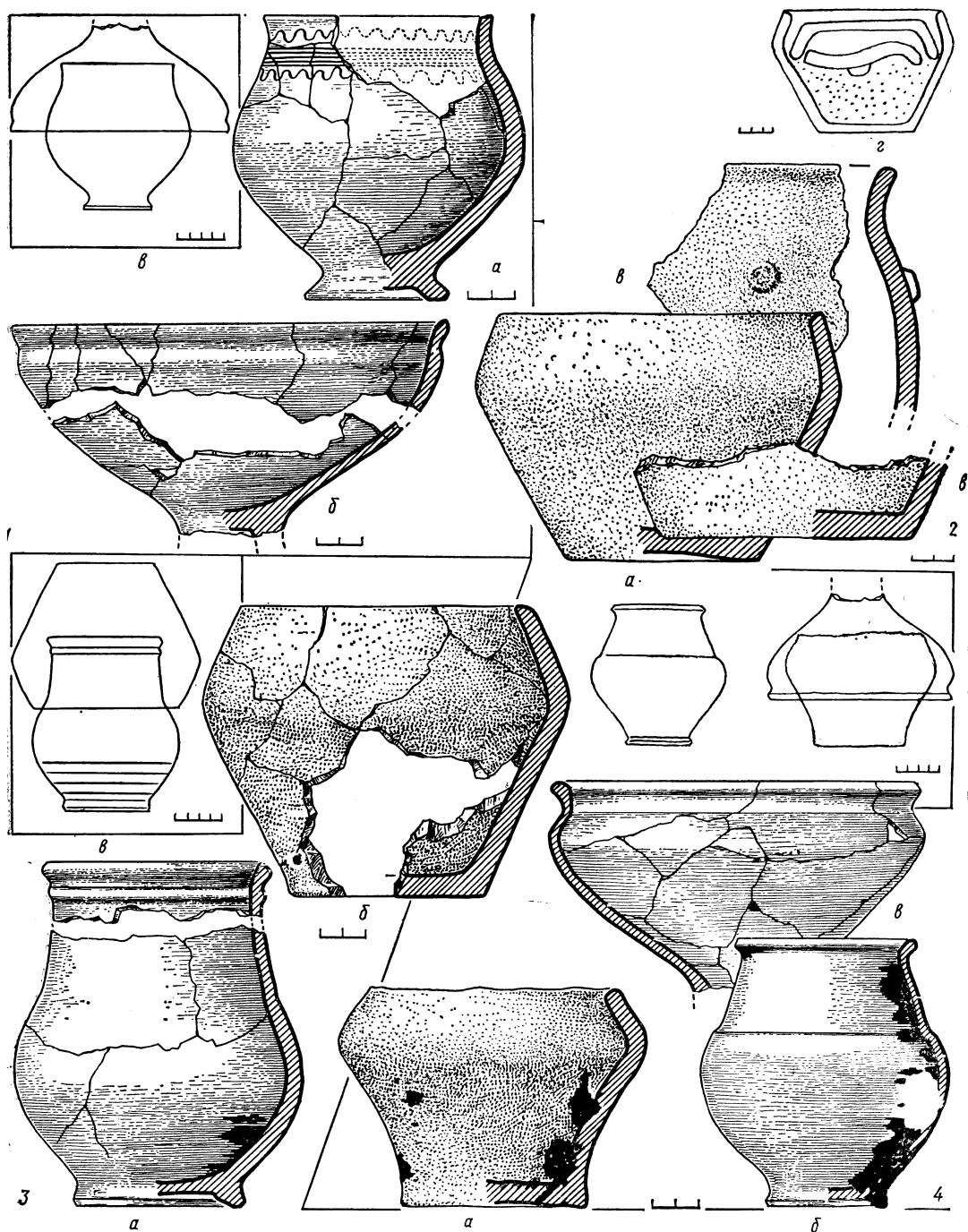

Рис. 3. Погребальные комплексы из могильника у с. Завалье:

1 — погребение № 4 (а — урна, б — крышка, в — схема расположения сосудов в погребении); 2 — погребение № 7 (а — урна, б, в — крышки, г — схема расположения сосудов в погребении); 3 — погребение № 44 (а — урна, б — крышка, в — схема расположения сосудов в погребении); 4 — погребение № 48 (а, б — урны, в — крышка, г — схема расположения сосудов в погребении)

Датирующая находка в виде фрагмента ажурного полого браслета из Неполоковец, находящая аналогии на дакийских памятниках⁴⁷, и другие приметы, наконец, само расположение могильников вне области формирования липицкой культуры, указывают на относительно позднюю дату этих памятников — не ранее второй половины II в. н. э. Материалы днестровских могильников позволяют наметить схему событий, происходящих здесь в это время. Представляется, что в первые десятилетия I в. н. э. с юго-востока на территорию левого бережья Верхнего Днестра проникает дакийское население, которое застаёт продвинувшихся сюда несколько ранее с северо-запада пшеворцев. В начале стадии В₁ (40—70-е годы н. э.) мы застаём их в процессе этнической интеграции, о чем свидетельствуют памятники типа Звенигород — Болотное.

К 70-м годам I в. этническая интеграция дакийского и пшеворского населения завершается становлением липицкой культуры. Могильник в Верхней Липице является отражением уже сложившейся липицкой культуры, имеет в целом дакийский облик, однако с включением отдельных пшеворских реминисценций, главным образом в формах керамики, чуждых кругу дакийских древностей и находящих аналогии на пшеворских памятниках.

Поздний этап существования липицкой культуры представляет группа памятников в междуречье Прута и Серета, фиксирующая отход липицкого населения из области Верхнего Днестра на некогда исходную для дакийцев территорию Дакии. Причиной этого движения, очевидно, послужили события Маркоманской войны (166—180 гг. н. э.), в частности новая волна пшеворской миграции, под натиском которой вынуждено было отступить липицкое население.

¹ Smiszko M. Kultury weczesnego okresu epoki cesanstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej.— Lwów, 1932.— S. 26—69.

² Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской области: Раскопки у сел Звенигород и Болотное // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 63—75.

³ Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигороді на Львівщині // Археологія.— 1978.— Вип. 25.— С. 96—108.

⁴ Цыгильк В. Н. Могильник липицкой культуры у с. Болотня на Львовщині // Археологічні дослідження на Україні в 1978—1979 гг.— Днепропетровск, 1980.— С. 140—141.

⁵ Smiszko M. Kultury...— S. 111—177.

⁶ Ibid.— S. 55—65.

⁷ Ibid.— S. 7—13.

⁸ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 63—75.

⁹ Dabrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // MSW.— 1973.— T. 2.— S. 218—220.

¹⁰ Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів.— К., 1982.— С. 10—11, 16.

¹¹ Цыгильк В. Н. Населення Верхнього Подністров'я перших століть н. е.— К., 1975.— С. 70—79.

¹² Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі.— К., 1984.— С. 49—55.

¹³ Цыгильк В. Н. Указ. соч.— С. 153—158.

¹⁴ Козак Д. Н. Указ. соч.— С. 53.

¹⁵ Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.) // КСИА АН СССР.— 1970.— Вып. 140.— С. 51—56.

¹⁶ Smiszko M. Kultury...— S. 174; Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ.— 1966.— Вып. ДП-30.— С. 29—30, 36—40; Dabrowska T. Wschodnia...— S. 215—217.

¹⁷ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 37.— Рис. 6.

¹⁸ Almgren O. Nordeuropäisches Fibelformen.— Leipzig, 1933; Амброз А. К. Указ. соч.— С. 36—40.

¹⁹ Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // WA.— 1970.— T. 35.— Z. 4.— S. 443.

²⁰ Jahn M. Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung.— Lipsk, 1921.— S. 41—42; Смишко М. Ю. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской обл. // СА.— 1957.— N 1; Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien.— Hamburg, 1951.— Bd 1.— S. 171; Bd 2.— Taf. 11, 124, 125.

²¹ Щукин М. Б. К предистории черняховской культуры: Тринадцать секвенций // АСГЭ.— 1979.— Рис. 4; Dabrowska T. Wschodnia...— S. 215.

²² Smiszko M. Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokolinie pow. Rohatynski // WA.— 1935.— Tabl. XIII.— S. 155—164.

²³ Амброз А. К. Фибулы...— С. 29—30; Riechhoff-Pauei S. Die Fibeln aus dem Römischen vicus von sulz am Nechar // Bericht des Saalburg Museums XXXIV.— Berlin; New York, 1977.— S. 18.— Abb. 5—103—105.

²⁴ Козак Д. Н. Указ. соч.— С. 53; Цыгильк В. Н. Указ. соч.— С. 153—158.

²⁵ Щукин М. Б. Кельто-Дакийские памятники рубежа н. э. и липицкая культура //

Кельты и кельтские языки.— М., 1974.— С. 20—21.

²⁶ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 66.— Рис. 24.

²⁷ Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетия н. э.— М., 1974.— С. 5—132.

²⁸ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 66.

²⁹ Кропоткин В. В. Указ. соч.— С. 52—53.

³⁰ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 69—72.

³¹ Там же.— С. 70.

³² Никитина Г. Ф. Погребальный обряд...— С. 68.

³³ Там же.— С. 84.

³⁴ Смишко М. Н. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської обл. // МДАПВ.— 1962.— Вип. 4.— С. 54—70; Винокур И. С., Вакуленко Л. В. Киселевский могильник I—II вв. н. э. // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 126—131; Малеев Ю. М., Піоро І. С. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія.— 1973.— Вип. 13.— С. 73—76.

³⁵ Smiszko M. Kultury...— S. 36.— Tabl. VIII, 5; XII, 21; XIII, 3, 23.

³⁶ Ibid.— S. 33.— Tabl. VIII, 9, XIII, 1.

³⁷ Ibid.— S. 42.— Tabl. XII, 1, 3.

³⁸ Ibid.— S. 46.— Tabl. VIII, 10, 14.

³⁹ Ibid.— S. 30—31.

⁴⁰ Godłowski K. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Gornym Slasku.— MSW.— 1983.— T. 4.

⁴¹ Ibid.— S. 95; Kokowski A. Die Feuer stahlwerkzeuge der przeworsk-kultur-Memoires Archeologiques.— Lublin, 1985.— S. 109—125.

⁴² Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф. Памятники первых веков н. э. у с. Неполоковцы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.— М., 1978.— С. 89—94.

⁴³ Foit G. Cimitrul de incineratie dacie din secolele II—III e. n. de la Suceava // Studii si Materiale istorie Suceava.— Suceava.— 1973.— P. 257—263.

⁴⁴ Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф. Указ. соч.— С. 91.— Рис. 1, 17.

⁴⁵ Foit G. Cimitrul...— Fig. 1, 3, 4; 2, 1.

⁴⁶ Godłowski K. Materiały...

⁴⁷ Teodor S. Săpăturile de la Cucorani // Archeologia Moldovei.— 1975.— T. 8.— Fig. 46, 7.

С. П. Пачкова

К МЕТОДИКЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КЕРАМИКИ

Керамика как одна из наиболее важных категорий археологических источников постоянно привлекает внимание исследователей. Со времени первых методических разработок В. А. Городцова в конце прошлого века по созданию унифицированной классификации керамики до настоящего времени в археологической литературе неоднократно предлагались различные варианты ее типологий. И это вполне естественно и закономерно, так как на основании анализа глиняной посуды исследователь ставит и решает важнейшие вопросы археологической науки, такие как культурная и хронологическая принадлежность памятников, генетическая связь между отдельными культурами, их специфика, развитие и изменение культур во времени и т. д. Не обойдена вниманием и керамика зарубинецкой культуры.

В литературе уже было опубликовано несколько типологий зарубинецкой посуды¹. Не так давно в печати появилась разработка А. М. Обломского².

Из-за ограниченного объема статьи не будем останавливаться на схемах Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболя и Е. В. Максимова (им дана краткая, но в сущности правильная оценка в работе А. М. Обломского)³. Обратим внимание на методику А. М. Обломского. Положительными в ней являются требования, предъявляемые к классификации: 1) «типология должна быть построена на основе однозначных признаков»; 2) «методом исследования должен быть анализ суммы керамических традиций в максимально доступном их объеме»; 3) «классификация целых форм должна предоставлять возможность для сравнения их с фрагментами»⁴.

Классификация А. М. Обломского носит частный характер. Уже в названии оговаривается, что она разработана для керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Введение в систему кодирования, например для вариантов мисок, буквенных обозначений от «а» до «х» как бы исключает возможность введения новых со-

вокупностей признаков, характеризующих отдельные части сосуда. Это затрудняет возможность использование схемы А. М. Обломского для сравнения с керамикой не только других культур, но даже других зарубинецких регионов.

Основное значение автор придает классификации формы, но при этом заметно несоблюдение первого требования классификации: («типология должна быть построена на основе однозначных признаков»). Проанализируем это на примерах. Так, если для выделения типов мисок по форме критерий четкий и однозначный, а именно характер перегиба «б», то при выделении вариантов этого уже нет. Варианты выделяются по остальным пяти признакам формы. Но при этом различия в форме одной и той же части сосуда в одних случаях могут объединять их в один вариант, в других — разделять по разным вариантам.

Отличия в характере перегиба «в» при тождественности всех остальных признаков не помешали объединить сосуды в варианты «а», «б» и «з». Аналогичная ситуация послужила поводом для отделения сосудов варианта «д» (группа 7) от варианта «ж» (группа 10), варианта «и» от варианта «к» и «л», варианта «о» (группа 18) от варианта «п» (группа 20). Миски варианта «с» от вариантов «т» и «и», варианта «ф» от варианта «х» различаются формой стенок части II. В то же время различия формы стенок части I не помешали объединить миски в варианты «д», «т», хотя по значимости в иерархической лестнице анализируемой классификации все перечисленные признаки стоят в одном ряду⁵. Иными словами, если бы какой-либо исследователь попытался воспользоваться классификационной схемой А. М. Обломского, то ему вряд ли удалось бы проникнуть в тайны вариантообразования по форме. Кроме того, при характеристике формы стенок части I автор смешивает признаки двух типологий: по форме, к которой относятся описательные признаки (шейка прямая, выпуклая и пр.), и по пропорциям, которые путем соотношений определяют степень отклоненности шейки.

Менее удачная, чем классификация по форме, на наш взгляд, типология по пропорциям. Задачей этой типологии было «составить представление о том, насколько сосуд и его части «вытянуты» по вертикали и «растянуты» по горизонтали»⁶. Для вычисления пропорций автор использует шесть параметров и вычисляет пять соотношений, которые, к сожалению, не выполняют поставленных задач. Во-первых, ни одна из пропорций не показывает, насколько «вытянут» по вертикали сосуд или его часть, а показывает только, насколько он «растянут» по горизонтали; во-вторых, ни одно из соотношений не дает представления о пропорциях целого сосуда. Части сосуда в этой типологии почему-то совмещены и уже не соответствуют частям, выделенным для типологии формы. Предложенные соотношения не дают возможности воссоздать «скелет» сосуда, так как, руководствуясь ими, можно сконструировать различные виды сосудов (рис. 1, 1). То есть выбранные автором пропорции тонко не фиксируют типовых различий (в связи с чем автор для типологии по пропорциям использует вместо пяти только три соотношения)⁷ и тем более не могут показать хронологические изменения в керамике⁸.

Общим недостатком разбираемой классификационной схемы является совместная типология сосудов, имеющих различный набор составных частей (от одного до четырех), что влечет за собой включение в один тип сосудов с полным набором составных частей (шейка, плечики, придонная часть, днище) и сосудов с одной или двумя частями (только с придонной частью) (рис. 1, 2). Так, в таблице миски варианта «з» зачисляются в тип I наряду с мисками других вариантов, подобная ситуация наблюдается и среди мисок типа II.

Вызывает некоторое удивление терминология А. М. Обломского. Вместо принятых в археологической литературе — горловина, плечики, придонная часть — автор пишет I, II, III, IV части, не раскрывая их содержания. Места перехода шейки к плечикам,

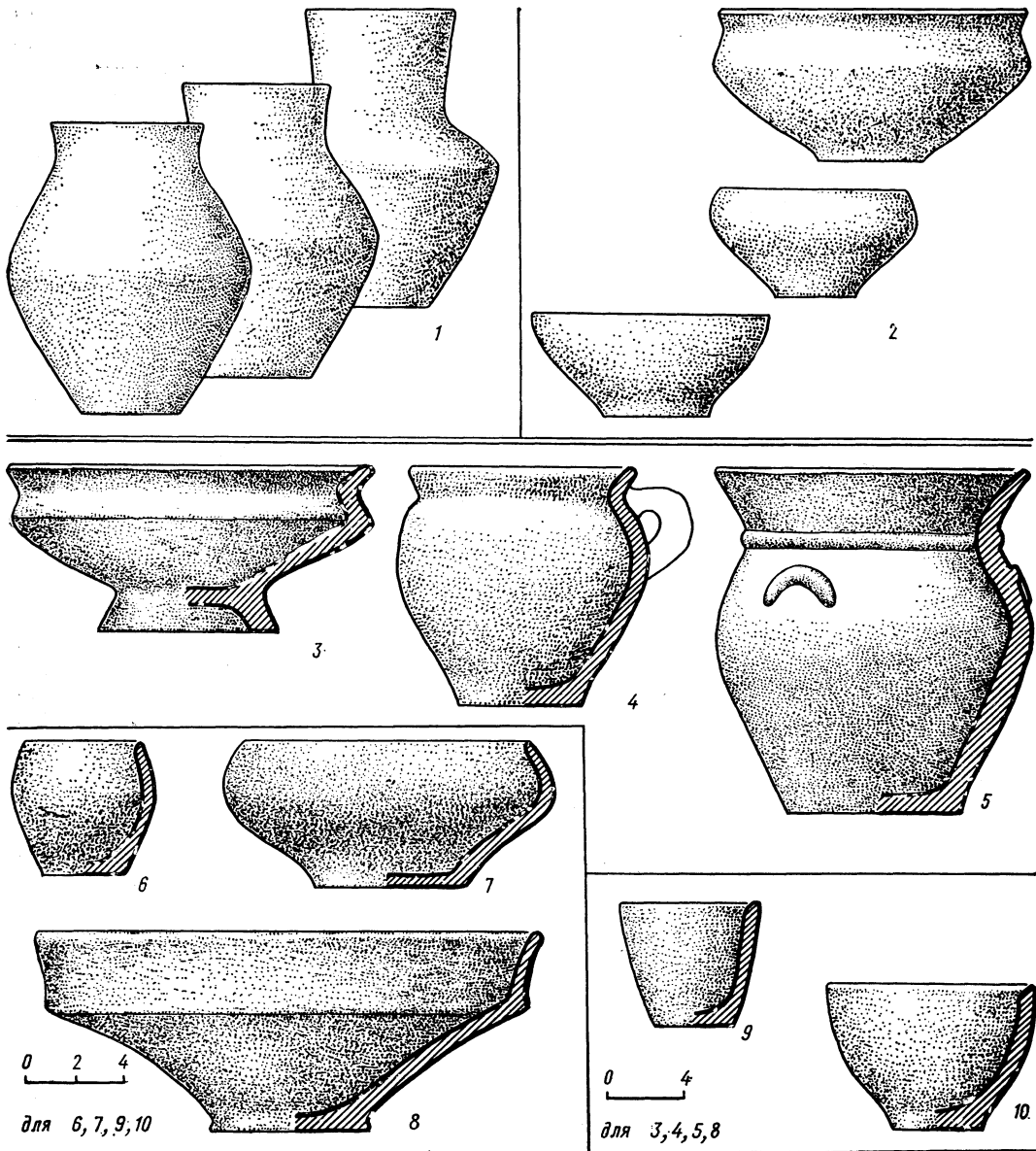

Рис. 1. Горшки, полностью совпадающие по пропорциям в типологии А. М. Обломского (1); миски из погребений 190, 271, 264 Чаплинского могильника, различные по набору составных частей, но входящие в один тип, по А. М. Обломскому (2); сосуды Пироговского могильника (3—10); миска, кружка, горшок класса А (3—5); горшочек и миска класса Б (6—7); миска класса В (8); стопки класса Г (9—10)

плечиков к придонной части, придонной части к днищу — перегибами «а», «б», «в». Не раскрывает автор и содержательное значение выбранных им параметров и соотношений (пропорций), ограничиваясь указанием их на рисунках, в таблицах и графиках.

Мы предлагаем иную схему классификации зарубинецкой керамики, лишенную, как нам кажется, недостатков типологии А. М. Обломского. Она предполагает возможность типологических разработок посуды не только зарубинецкой культуры всех ее регионов,

но и культур синхронных, предшествующих и последующих зарубинецкой, а также проведения сравнительного анализа и хронологического членения керамики этих культур.

В основу анализа была положена методика, разработанная В. Ф. Генингом для статистической обработки сосудов горшковидной формы⁹, но в нее внесены некоторые дополнения и изменения.

Классификация посуды проводится раздельно по классам, в которые объединены сосуды с однотипным набором составных частей.

В класс А вошли те, которые имеют шейку, плечики, придонную часть и днище. В зарубинецкой культуре сосуды класса А составляют основную часть керамического комплекса — это горшки, миски, кружки, кувшины.

Сосуды без шейки, но с плечиками, придонной частью и днищем относятся к классу Б. Их немного — это горшки и миски. Те сосуды, у которых плечики слились с шейкой и, кроме этого, имеют еще придонную часть и днище, объединены в класс В. Класс В — это специфическая особенность зарубинецкой культуры позднего этапа. В него входят только миски с высоким бортиком — шейкой. Сосуды класса Г — те, у которых нет ни плечиков, ни шейки, а только придонная часть с днищем, в основном это стопки (рис. 1, 3—10).

Внутри классов сосуды делятся на виды: горшки, миски, кружки, кувшины и т. д. Анализ каждого вида посуды проводится по пяти категориям совокупностей дискретных признаков: I — абсолютные размеры; II — относительные размеры или пропорции; III — форма сосуда; IV — некоторые технологические особенности; V — орнаментация; VI — дополнительные детали.

I. Типология по абсолютным размерам. Принимаются во внимание размеры сосудов (в см) — диаметр венчика и высота (таблица). Можно также вычислять объем полезной емкости сосуда.

II. Типология по пропорциям. Пропорции отражают как бы «скелет» сосуда, который базируется на вполне объективных математических данных-параметрах.

Для анализа по пропорциям исполь-

зуется восемь параметров (размеров), по которым вычисляются восемь соотношений (указателей пропорций), дающих представление о соразмерности всего сосуда и отдельных его частей (рис. 2).

Границы интервальных групп указателей пропорций были изменены по сравнению с предложенными В. Ф. Генингом. В основном они более дробные и укладываются в пределах 0,2. В указателях А, Б, В, Г в ряде случаев эти значения интервалов уменьшены в 2 раза, то есть укладываются в пределы 0,1. Это сделано в связи с тем, что более крупные интервальные группы указателей, определяющих высоту шейки и плечиков (А и В), степень их профилированности (Б и Г), с одной стороны, затушевывают различия между отдельными видами посуды (например, между мисками и горшками), с другой — не отражают нюансы в степени профилированности отдельных частей сосудов, которая, как показали исследования, является хронологическим признаком. И только при определении ширины днища мисок (указатель Д), наоборот, интервал каждой группы увеличен в два раза, его границы находятся в пределах 0,4.

В таблице отражено предлагаемое деление указателей на интервальные группы (признаки), каждый из которых имеет цифровое обозначение и описательный термин ее содержания. Из таблицы видно, что одно и то же значение ряда указателей отдельных видов посуды несет различную смысловую нагрузку. Так, горшки с высотным указателем Е5 относятся к категории очень низких, а миски — к категории высоких.

Таким образом, по полученным пропорциям можно представить «скелет» любого сосуда, закодированный в ряде цифр, которым соответствуют описательные термины. Для удобства проведения типологии целых сосудов или их фрагментов порядок цифр кода предлагаем расположить от пропорций, характеризующих сосуд в общем, к пропорциям, характеризующим отдельные части сосуда, разбив весь ряд цифр на четыре группы, соответствующие

Характеристика сосудов по признакам

Категория совокупностей	Совокупность признаков (номер и значение)	Градация совокупности	Номер признака в совокупности	Содержание признаков для видов посуды				
				миски	кружки	горшки		
1	2	3	4	5	6	7		
I — абсолютные размеры	1-диаметр венчика	до 5	1	очень малый	малый	очень малый		
		6—10	2	малый	средний	малый		
		11—15	3	средний	большой	средний		
		16—20	4	большой	очень большой	большой		
		21—30	5	очень большой	—	очень большой		
	2-высота сосуда	31—40	6	громадный	—	громадный		
		до 5	1	низкая	низкая	миниатюрный		
		6—10	2	средняя	средняя	очень низкий		
		11—15	3	высокая	высокая	низкий		
		16—20	4	—	—	средний		
		21—30	5	—	—	высокий		
		31—40	6	—	—	очень высокий		
		II — пропорции	3-высота сосуда	0,21—0,3	1	очень низкая	—	—
				0,31—0,4	2	низкая	—	—
0,41—0,5	3			средняя	—	—		
0,51—0,6	4			высокая	—	—		
0,61—0,7	5			очень высокая	очень низкая	очень низкий		
0,71—0,8	6		глубокая	низкая	низкий			
0,81—1,0	7		—	средняя	средний			
1,01—1,2	8		—	высокая	высокий			
1,21—1,4	9		—	очень высокая	очень высокий			
4-местоположение плечика	0,21—0,4		1	низкие	низкие	низкие		
	0,41—0,5	2	средние, чуть	ниже середины	высоты сосуда			
	0,51—0,6	3	средние, чуть	выше середины	высоты сосуда			
	0,61—0,7	4	высокие	высокие	высокие			
	0,71 и более	5	очень высокие	очень высокие	очень высокие			
5-ширина горловины	0,41—0,6	1	—	узкая	узкая			
	0,61—0,8	2	—	средняя	средняя			
	0,81—0,9	3	очень узкая	широкая	широкая			
	0,91—0,99	4	узкая	очень широкая	очень широкая			
6-профилировка шейки	1,0 и более	5	открытого типа	открытого типа	открытого типа			
	до —0,11	1	наклонная вовнутрь					
	—0,1—0,0	2	цилиндрическая (слегка вовнутрь наклонная)					
	0,01—0,1	3	цилиндрическая (слегка наружу отклоненная)					
	0,11—0,2	4	очень слабо профилированная					
	0,21—0,4	5	слабо профилированная					
	0,41—0,6	6	среднепрофилированная					
	0,61—0,8	7	сильно профилированная					
более 0,8	8	очень сильно профилированная						
7-высота шейки	0,01—0,05	1	низкая	очень низкая	очень низкая			
	0,06—0,1	2	средняя	низкая	низкая			
	0,11—0,2	3	высокая	средняя	средняя			
	0,21—0,3	4	очень высокая	высокая	высокая			
	0,31—0,4	5	—	очень высокая	очень высокая			

1	2	3	4	5	6	7
II — про- парции	8-профилиро- вка плечиков	до —0,11	1	отклоненные наружу плечики прямо поставленные, слегка отклоненные наружу прямо поставленные, слегка загнутые ве- внутри очень слабо профилированные слабопрофилированные среднепрофилированные сильно профилированные очень сильно профилированные сильнейшепрофилированные		
		—0,1—0,0	2			
		0,01—0,1	3			
		0,11—0,2	4			
		0,21—0,3	5			
		0,31—0,4	6			
		0,41—0,6	7			
		0,61—0,8	8			
		более 0,8	9			
	9-высота пле- чиков	0,01—0,05	1	низкие средние высокие очень высокие — —	— очень низкие низкие средние высокие очень высокие	— очень низ- кие низкие средние высокие очень высо- кие
		0,06—0,1	2			
		0,11—0,2	3			
		0,21—0,3	4			
		0,31—0,4	5			
		0,41—0,6	6			
	10-ширина днища	до 0,2	1	— очень широ- кое — широкое — среднее узкое очень узкое	очень широ- кое широкое среднее узкое очень узкое	очень широ- кое широкое среднее узкое очень узкое
		0,21—0,4	2			
		0,41—0,6	3			
		0,61—0,8	4			
		0,81—1,0	5			
		1,0—1,4	6			
		1,41—1,8	7			
		более 1,8	8			
	III — форма сосуда	11-форма кор- пуса		1	округлобкое близкое к ребристому ребристое	
			2			
			3			
12-переход шейки к пле- чикам			1		плавный резкий	
			2			
13-внешняя линия шейки			1		прямая выпуклая вогнутая двухчастная	
			2			
			3			
			4			
14-срез венчи- ка			1	горизонтально-плоский скошен наружу скошен вовнутрь округлый граненый с напылом вовне с напылом вовнутрь с оттянутым краем		
			2			
			3			
			4			
			5			
			6			
			7			
			8			
15-внутренняя линия шейки		1	граненая со следами гранения без гранения			
		2				
		3				
16-профиль горловины		1	утолщен не утолщен уточен			
		2				
		3				
17-внешняя линия плечи- ков		1		прямая выпуклая вогнутая двухчастная		
		2				
		3				
		4				

1	2	3	4	5	6	7	
III — форма сосуда	18-внешняя линия придонной части	1	1	прямая			
		2	2	выпуклая			
		3	3	вогнутая			
		4	4	двухчастная			
	19-переход придонной части к днищу	1	1	плавный			
		2	2	резкий			
		3	3	невыраженный			
	20-форма днища	1	1	плоское			
		2	2	плитчатое			
3		3	кольцевой поддон				
IV — технологические особенности	21-поверхность	1	1	лошенная			
		2	2	шероховатая			
		3	3	заглаженная			
		4	4	хруповатая			
		5	5	комбинированная			
	22-цвет поверхности	1	1	черный, серо-черный			
		2	2	буро-коричневый, темный			
		3	3	светло-желтый			
	23-примеси в глиняное тесто	1	1	песок			
		2	2	дресва			
		3	3	шамот			
	V — орнамент	24-наличие	1	1	есть		
			2	2	нет		
		25-характер	1	1	углубленный		
			2	2	выпуклый оттянутый		
3			3	выпуклый налепной			
4			4	комбинированный			
26-зона орнаментации		1	1	венчик			
		2	2	шейка			
		3	3	плечики			
		4	4	придонная часть			
	5	5	шейка и плечики				
	6	6	корпус				
VI — дополнительные	27-наличие	1	1	есть			
		2	2	нет			
		1	1	одна			
	Детали (ручки)	28-количество	1	1	одна		
2			2	две			
3			3	больше			
29-форма ручки		1	1	петельчатая			
		2	2	коленчатая			
		3	3	X-видная			
30- в разрезе		1	1	плоская			
		2	2	округло-овальная			
		3	3	квадратная прямоугольная			
31-место крепления		1	1	от шейки к плечiku			
		2	2	на плечиках			
		3	3	от плечиков к придонной части			
	4	4	от венчика к плечикам				
	5	5	на придонной части				

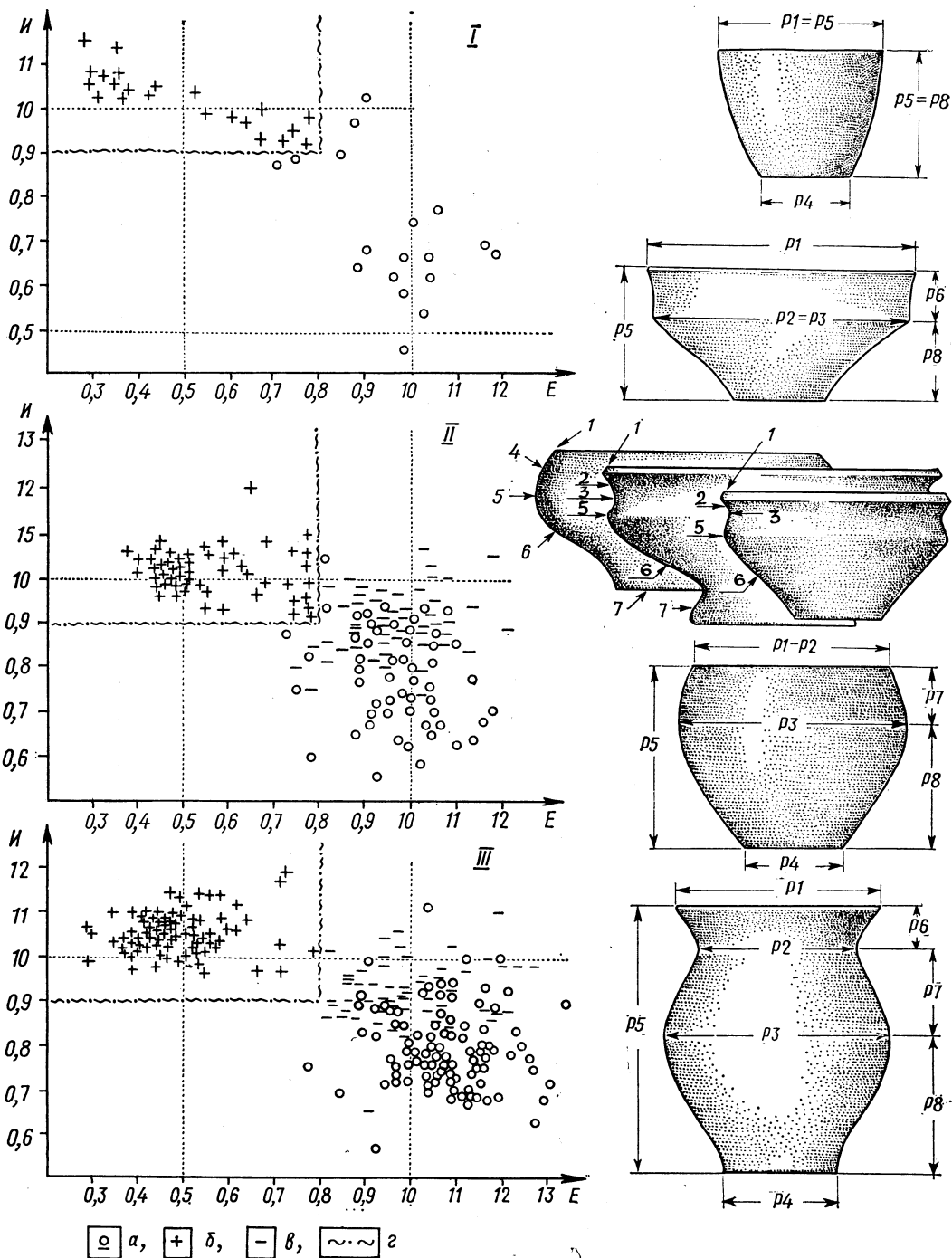
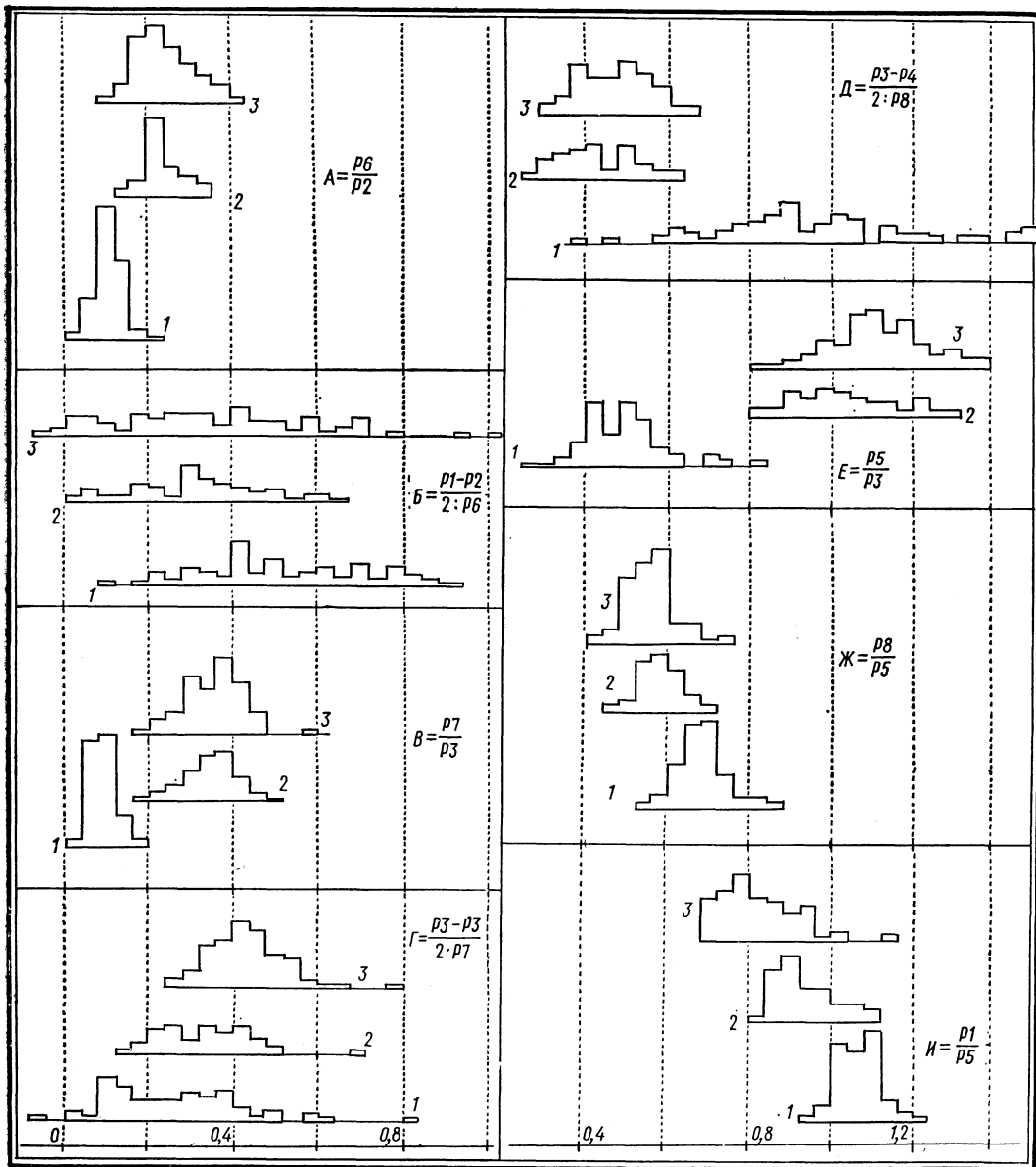

Рис. 2. Графы взаимосвязи указателей пропорций высоты (E) и ширины горловины (H) у посуды из могильников: I — Поенешти, II — Отвержичи, III — Пирогов:

a — горшки, б — миски, в — кружки, г — границы пропорций мисок; 1 — венчик, 2 — шейка, 3 — основание шейки, 4 — плечико, 5 — основание плечика, 6 — придонная часть, 7 — днище; P1 — диаметр венчика, P2 — диаметр шейки, P3 — диаметр плечиков, P4 — диаметр дна, P5 — высота сосуда, P6 — высота шейки, P7 — высота плечиков, P8 — высота придонной части

□ - 10%

Рис. 3. Гистограммы распределения указателей пропорций посуды класса А Пироговского могильника:

1 — миски, 2 — кружки, 3 — горшки; А — высота горловины, Б — степень профилированности горловины, В — высота плеча, Г — степень профилированности плеча, Д — ширина дна (степень выпуклости придонной части), Е — высота сосуда, Ж — местоположение основания плечиков, И — ширина горловины

отделу, типу, варианту и разновидности.

Отдел включает признаки, которые характеризуют пропорции сосуда в целом: высоту, местоположение основания плечиков, ширину горловины (указатели Е, Ж, И). Тип дает представление о «скелете» горловины: степень профилировки шейки и ее высота (указатели БА). Вариант — о пропорции плечиков: степень их выпуклости и высота (указатели ГВ). Разновидность определяется по степени профилированности придонной части, то есть ширине днища (указатель Д).

Большинство сосудов в зарубинецкой культуре относится к классу А и довольно четко делятся на виды посуды. Но иногда визуально трудно уловить переход от одного вида сосуда к другому: от горшка к кувшину, от кружки к горшку с ручкой или миске с ручкой. И чем западнее от Среднего Поднепровья находится памятник, тем больше в его материалах спорных случаев (рис. 3). Пропорции и абсолютные размеры помогают в разделении по видам.

В результате анализа керамических комплексов известных крупных могильников зарубинецкой и ряда синхронных латенизированных культур предлагаем установить следующие границы значений указателей пропорций для отдельных видов посуды: миски от горшков наиболее четкие границы имеют по высотному указателю Е и указателю И, характеризующему степень открытости горловины. Для мисок указатель Е варьирует в пределах от 0,2 до 0,8, а И — более 0,9.

То есть миски по сравнению с горшками — приземистые сосуды открытого (или близкие к открытому) типа, у которых высота значительно меньше наибольшего диаметра корпуса, а диаметр венчика превышает, равен или чуть меньше диаметра корпуса. Ряд пропорций мисок не совсем совпадает с соответствующими пропорциями горшков (указатели А, В, Д, Ж), а некоторые имеют близкое значение (указатели Б, Г). Горшки — это сосуды в основном закрытого типа, более вытянутых пропорций по сравнению с

с мисками. Высота их часто больше, а диаметр венчика меньше наибольшего диаметра по корпусу (указатель Е более 0,8, а И 0,9 и менее).

В небольшом количестве встречаются сосуды, у которых значения указателей Е и И выходят за указанные границы. Возможен вариант, когда значение Е находится в пределах, характерных для горшка, а И — в пределах миски. Такие сосуды относим к горшкам с широкой горловиной. Имеются отдельные сосуды, у которых значение указателя Е не выходит за пределы, свойственные мискам, а И — для горшков. В случаях, когда значения Е колеблются от 0,6 до 0,8, а И равно 0,9 или менее, то такие сосуды относим к очень низким приземистым (мисковидным) горшкам, а если Е меньше 0,6 и И равно или менее 0,9, то эти сосуды относим к разряду горшковидных мисок. Миски в зарубинецкой культуре по абсолютной высоте, как правило, не превышают 10 см, и лишь в редких случаях встречаются экземпляры в пределах до 15 см. Так, в коллекции Пироговского могильника из 83 мисок не было ни одной выше 10 см. В Отвержичах и могильниках у дер. Велимичи, насчитывавших от 50 до 65 мисок, высокие экземпляры составляли 2—4 миски, лишь в Чаплинском могильнике из 153 мисок 42 были выше 10 см.

В материалах синхронных латенизированных культур много сосудов с пропорциями мисок, но высотой более 15 см. В румынской литературе они называются супницами. В зарубинецкой культуре подобные экземпляры встречаются, но редко (например, в могильнике Отвержичи, в погребении № 81). В связи с этим все же целесообразно выделить их в отдельный вид посуды.

В зарубинецком керамическом комплексе имеются горшковидные сосуды с одной, иногда с двумя ручками. Сосуды с узким, но часто высоким горлом (указатель И 0,6 и менее, указатель А более 0,3), что в принципе нетипично для горшков, относили к кувшинам с ручкой. Если ручек нет, то это кувшины без ручек.

Кружки — сосуды с одной ручкой и с пропорциями, характерными для горшков, но по абсолютным размерам относящиеся к разряду очень низких и низких, то есть имеющих высоту менее 15 см. Иногда функции кружек выполняли миски с ручками.

Итак, если типология сосуда по пропорциям обозначена кодом П.445.32.61.5, то этот сосуд является высокой миской с высоко поднятыми основаниями плечиков и открытой горловиной (отдел). Шейка миски почти цилиндрическая, слегка отклоненная наружу, средняя по высоте (тип). Плечики среднепрофилированные, короткие (вариант), днище среднеширокое (разновидность).

Особенности линий контура сосуда, наличие дополнительных деталей, технологические особенности, орнаментация — все это создает большое разнообразие во внешнем облике каждого конкретного сосуда, делает его отличным от других, иногда даже близких по пропорциям.

Поэтому для анализа керамики, кроме мерных признаков, используются описательные (визуальные), которые объединены в 20 совокупностей (таблица). Кроме того, каждая совокупность признаков может быть дополнена неучтенными пока признаками, как и все категории — неучтенными совокупностями признаков.

По совокупности описательных признаков формы предлагается отдельная типология (III). В ней также иерархическое, ступенчатое деление на 4 группы, которые объединяют наиболее общие признаки, дающие представление о контуре сосуда в целом или его частях и соответствуют типологии по пропорциям.

Отдел характеризует форму корпуса в целом, то есть переход плечиков к придонной части, а также характер соединения шейки с плечиками. Тип дает представление о горловине — ее внешней линии, оформлении венчика, внутренней линии шейки и профиле горловины в разрезе. Вариант описывает линию плечиков, разновидность — форму внешней линии придонной части, ее переход к днищу и само днище.

Типология III может быть представлена цифровым кодом, где каждая цифра, как и в типологии по пропорциям, означает номер признака в совокупности, принимающей участие в этой типологии. Так, например, форма миски П.11.3432.1.322 означает, что она округлобокая с плавным переходом шейки к плечикам (отдел), имеет изогнутую вогнутую шейку с округлым венчиком, с внутренней стороны без гранения, в профиле без утолщения (тип); линия плечиков прямая (вариант); вогнутая линия придонной части резко соединяется с плитчатым днищем (разновидность).

Классификация по IV — VI категориям совокупностей проводится без деления совокупностей признаков на иерархические ступени.

Орнаментальные мотивы и их сочетания рассматриваются в специальных таблицах.

Для анализа посуды классов Б, В, Г используется эта же схема, но опускаются характеристики отсутствующих частей сосуда: у сосудов класса Б — пропорции и описательные признаки шейки, класса В — признаки плечиков, класса Г — признаки шейки и плечиков, и в кодированной записи на соответствующих местах ставится «0».

В случаях обработки фрагментов также опускаются характеристики отсутствующих частей сосуда и в кодированной записи на соответствующих местах ставится «—».

Анализ керамики, проводимый по предложенной схеме, позволяет выявить хронологические изменения в посуде, их культурные и территориальные особенности.

Однако подробная разработка этих вопросов является темой специальных исследований.

¹ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура // САИ.— 1964.— Вып. Д1-19.— С. 3—30; Польш Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск, 1971.— С. 88—100; Максимов С. В. Керамика зарубинецкой культуры // Археология.— 1982.— № 39.

² Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА.— 1985.— № 1.— С. 90—109.

³ Там же.— С. 90—94.

⁴ Там же.— С. 91.

⁵ Там же.— С. 94.

⁶ Там же.— С. 96.

⁷ Там же.— С. 100—101.

⁸ Обломский А. М. Верхнеднепровский ва-

риант зарубинецкой культуры: Автореф. дис. канд. ист. наук.— М., 1983.— С. 12.

⁹ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.— 1973.— № 1.— С. 114—136.

В. Д. Баран

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ I тыс. н. э.**

На рубеже и в первой четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы существовало несколько вполне сложившихся этнокультурных образований: зарубинецкая культура в Среднем и Верхнем Поднепровье и Полесье, пшеворская и липецкая на Верхнем Днестре, позднелатенская — в Закарпатье, поенешти-лукашевская — в междуречье Прута и Днестра, скифо-сарматская — в Северном Причерноморье и в степной части Украины.

Скифо-сарматские древности первых веков нашей эры образовались в результате завоевания сарматами скифских степей Северного Причерноморья. И степные скифы и сарматы, по свидетельству лингвистов, ираноязычное население. В подоснове позднелатенской культуры Закарпатья, поенешти-лукашевской и липецкой культур лежат кельтские, фракийские и бастарнские древности Подунавья. Пшеворские памятники из-за Вислы распространяются на Западный Буг и Верхнее Поднепровье в позднелатенский период уже в готовом виде. В упомянутом регионе пшеворская культура существовала с рубежа III—II в. до н. э. до V в. н. э. Там и происходили основные процессы ее развития.

Наибольший интерес для нас представляет зарубинецкая культура, сложившаяся на рубеже III—II вв. до н. э. на территории Среднего и Верхнего Поднепровья, а также Припятского Полесья. В предшествующее время ее территория в Поднепровье была занята культурами скифов-пахарей и подгорцевско-милоградской, а на Волыни — поморско-подклевшовой. Последняя как один из компонентов лежит в подоснове

и пшеворской культуры Повисленья.

Сравнительное изучение зарубинецкой культуры и более ранних древностей показало наличие в ней компонентов предшествующих культур — поморско-подклевшовой (особенно на памятниках волынской группы), элементов скифской лесостепной и подгорцевско-милоградской культур, которые преобладают в среднеднепровской и верхнеднепровской группах [Максимов, 1972, с. 117]. Общие черты наблюдаются в жилищном строительстве. Так, подквадратные полуземлянки со срубными стенами и очагом волюно-полесской группы зарубинецких поселений близки к жилищам поморско-подклевшовой культуры Припятского Полесья. Такой же формы или прямоугольные углубленные жилища были характерны для среднеднепровской группы зарубинецких поселений. Однако они имеют плетневые обмазанные глиной стены, что было характерной чертой жилищ предшествующего времени, известных по раскопкам лесостепных скифских городищ. На Верхнем Днестре зарубинецкие углубленные постройки близки к жилищам милоградской культуры. Одновременно все указанные черты в том или ином сочетании можно найти в каждой из локальных групп зарубинецких древностей, так как последние представляют уже иной, новый этап в домостроительстве поселений Верхнего Поднепровья и Волыни, лишь сохраняющий местные традиции.

Погребальный обряд населения зарубинецкой культуры, выраженный в ямных и урновых трупосожжениях, значительно больше связан с традиция-

ми поморско-подклевшовой и милоградской культуры, чем лесостепных скифских древностей. Для могильников позднескифского времени характерны как бескурганные, так и курганные погребения с труположениями, не имеющие продолжения в зарубинецкой обрядности. На них встречены лишь единичные ямные погребения с трупосожжениями, представляющие собой некоторые аналогии зарубинецким (Петренко, 1961, с. 86—96; Максимов, 1972, с. 121]. Е. В. Максимов и С. П. Пачкова отмечают, что по ряду деталей зарубинецкие погребения отличаются от трупосожжений милоградской и поморской культур [Максимов, 1972, с. 122]. Зарубинецкий погребальный обряд нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры, однако остается неоспоримым фактом то обстоятельство, что он в основном продолжает традиции, сложившиеся в средней и в северо-западной части Восточной Европы. Вполне допустимо, что наличие трупосожжений в лесостепных скифских культурах, где они составляют около 5 % всех погребений [Петренко, 1967, с. 58], также связано с северо-западными влияниями.

Зарубинецкая керамика по технике обработки поверхности четко подразделяется на две группы: грубая толсто-стенная кухонная посуда, столовая посуда с гладкой лощеной поверхностью. Следует отметить, что керамика первой группы по формам горшков различная. В волыно-полесской группе зарубинецких памятников явно преобладают округлобокие формы с наибольшей расширенностью сосуда в верхней части, на Среднем и Верхнем Поднепровье ведущей формой являются сосуды с наибольшей расширенностью на середине высоты. Соответственно первые типологически связаны с сосудами поморско-подклевшовой культуры, вторые — с посудой скифских лесостепных культур Среднего Поднепровья, понятно, с учетом определенной их эволюции. На зарубинецких памятниках отсутствуют формы, которые можно было бы связать с керамикой милоградской культуры. Весомым компонентом в зарубинецкой культуре яв-

ляется чернолощеная посуда второй группы. Несмотря на ее некоторую схожесть с керамикой предшествующих культур, особенно поморской, истоки этой группы посуды следует искать в латенских культурах Южной и Средней Европы. Именно эти влияния определили культурный облик ряда европейских культур рубежа нашей эры и охватили ряд культур Юго-Восточной Европы, в том числе и зарубинецкую [Филип, 1961, с. 192; Максимов, 1972, с. 127]. Исследователями отмечается латенское влияние на производство зарубинецких фибул. Они, созданные зарубинецкими мастерами по латенским образцам, имели все же свою оригинальную форму, характерную лишь для зарубинецкой культуры [Максимов, 1972, с. 128]. Таким образом, сопоставление наиболее весомых в этнокультурном отношении элементов зарубинецкой культуры с предшествующими древностями показало, что в ней в той или иной степени присутствуют компоненты поморско-подклевшовой, милоградской и скифской лесостепной культуры. Их преобладание в отдельных регионах стало фактом, в значительной мере обусловившим ее локальные различия. Рассматривая зарубинецкую культуру как единое этнокультурное образование, следует согласиться с Е. В. Максимовым, что ее нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры [Максимов, 1972, с. 128]. Попытки увязать сложение зарубинецких древностей или ее отдельных локальных регионов лишь с лесостепными культурами скифского облика (П. Ф. Либеров), милоградской культурой (Л. Д. Поболь), поморско-подклевшовой (Ю. В. Кухаренко) упрощают те сложные этнокультурные, экономические, социальные и политические факторы, которые создают предпосылки для возникновения качественно новых общественных явлений, которыми являются археологические культуры вообще и зарубинецкая культура в частности.

Если рассматривать сложение зарубинецкой культуры в целом, то трудно отдать предпочтение каким-либо из факторов, обусловивших ее возникновение. Причем на рубеже III—II вв. до

н. э. носители всех этих культур, в том числе и поморско-подклевшовой, могут рассматриваться в качестве субстрата. Однако в дальнейшем наблюдается усиление тенденции развития западных и северных элементов поморского и милоградского субстрата, особенно в погребальной обрядности. Этот компонент просматривается и в облике жилищ, и в керамическом производстве. Элементы скифских лесостепных культур сохраняются лишь частично в кухонной керамике и — в еще меньшей степени — в домостроительстве.

В последующем периоде (I — начало III в. н. э.) прослеживаются две линии развития: западные элементы довольно отчетливы в зарубинецко-пшеворских памятниках воляно-подольской группы; восточные в сочетании с западными — в позднезарубинецких памятниках Поднепровья.

Формирование этих направлений в развитии материальной культуры населения лесостепной части Юго-Восточной Европы приходится в основном на I в. н. э. Этот период характеризуется неустойчивостью, передвижением и смещением различных этнических группировок, что распатывало и приводило в упадок уже сложившиеся культурные образования и способствовало зарождению новых.

Первой под давлением гетов, даков, а возможно, и сарматов, прекращает свое существование к рубежу нашей эры культура Поенешти-Лукашевка, возникшая в Попрутье с приходом бастарнов и смешением их с местным фракийским населением [Пачкова, 1985, с. 25].

В I в. н. э. приходит в упадок и изменяет свой облик зарубинецкая культура. Главной причиной этих изменений является перемещение соседних племен. С юга на север продвигаются сарматы. Их погребения появляются в Среднем Поднепровье на Роси и Тясмине (Калантаев, Колодистое, Емчиха, Ярошовка и др.), на Воынь с запада продвигаются племена пшеворской культуры (Подрижье, Гирка Полонка, Боратын, Лыков и др.); на левом берегу Верхнего Днестра и его левых притоков начиная с I в. н. э. известны памят-

ники липицкой культуры (Верхняя Липица, Залесцы, Черепин, Бовшев I и др.). В этих условиях одна группа зарубинецкого населения со Среднего Поднепровья отходит к северо-востоку — на Десну, другие — к югу — на Южный Буг. Размывается и полесская группа зарубинецких древностей, часть населения которой постепенно проникает в Верхнее Поднепровье.

В результате этих перемещений в I—II вв. н. э. между Днестром и Верхней Вислой создается обширная зона смешанных памятников носителей всех упомянутых культур. В последние годы удалось выделить культурный пласт II в. н. э., образовавшийся в результате интеграции зарубинецких, пшеворских и липецких элементов материальной культуры накануне возникновения двух больших культурных образований позднеримского времени — черняховской и киевской культур. Они представлены на Днестре памятниками типа Ремезовцев, где преобладают дако-гетские, липицкие элементы при наличии зарубинецкого и пшеворского компонентов, и Подберезцев с преобладанием пшеворских. На Воыни (Гирка Полонка, Боратын) и в верховьях Южного Буга (Рахны) основным является зарубинецкий компонент. Определение этнокультурных черт, свидетельствующих о непрерывном развитии материальной культуры субстратного населения и элементов, привнесенных извне, а также установление их количественного соотношения на различных памятниках I—II вв. междуречья Днестра, Днестра и Верхней Вислы является одним из важных достижений славянской археологии последних десятилетий. Процессы их смещения и синтеза представляют одну из наиболее характерных особенностей развития материальной культуры населения Лесостепи Юго-Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.

В настоящее время трудно предсказать в каком направлении пошло бы развитие этой новой группы с проявившимися чертами определенной этнокультурной общности, если бы на рубеже II и III вв. она не подверглась давлению извне еще одной группиров-

ки. Имеются ввиду носители вельбарской культуры — гото-гепиды, могильники и поселения которых появляются в указанное время на Волыни (Трипши, Дитиничи и др.). Именно в это время, по письменным и археологическим данным, начинается их миграция из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье.

Это обстоятельство в значительной мере повлияло на дальнейшее развитие культурно-генетических процессов в Днепро-Висленском регионе, а также в Северо-Западном Причерноморье, где аналогичные процессы (с некоторыми своими особенностями) происходили в среде скифо-сарматского и гетского населения. Пришельцы со своей материальной культурой вливаются в эту среду и становятся еще одним ее компонентом. Кроме того, с их приходом изменяется политическая ситуация в Юго-Восточной Европе. Готы на определенное время становятся во главе новообразовавшихся племенных объединений в рамках черняховской культуры, состоящих из славян, скифов, сарматов и дако-гетов, ведущих «готские» («скифские») войны с Римской империей. Определяя в значительной мере политическую и военную ситуацию, готы — носители довольно примитивной вельбарской культуры — остаются мало заметными в сфере материальной культуры и в социальной сфере, особенно по сравнению с тем вкладом, который вносят в развитие черняховской культуры осевшие на землю скифо-сарматы, а также фракийское население Юга, имевшее многовековые традиционные культурные связи с античной цивилизацией. Именно последнее являлось носителем провинциально-римских влияний в черняховской культуре, особенно на юге. В лесостепной полосе важную роль в образовании и развитии черняховской культуры сыграло субстратное население, представленное памятниками, синтезирующими в различных соотношениях элементы позднезарубинецкой и пшеворской культур. Именно эта так называемая волыно-подольская группа памятников лежит в основе локальной группы черняховских древностей Днестро-Днепровского меж-

дуречья и придает им ту своеобразную этнографическую окраску, которая доживает до славянского средневековья. Это определяется сравнительным изучением памятников первой и второй четверти I тыс. н. э. на указанной территории по таким основным категориям, как жилища, погребальный обряд, домашнее керамическое производство, характер социальной структуры и др. (рис. 1—2).

В черняховской культуре Днестро-Днепровского междуречья основным типом жилищ остаются прямоугольные и подквадратные полуземлянки, характерные для позднезарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы. На черняховских поселениях заключительного этапа в Среднем и Верхнем Поднестровье появляются в жилищах печи-каменки, неизвестные в Юго-Восточной Европе в более ранний период. Наземные и углубленные большие, часто двухкамерные и трехкамерные дома не имеют прототипов на указанной территории. Они появляются тут с приходом вельбарского населения, но их немного [Тиханова, 1966; Баран, 1981, с. 53—61]. Каменные дома прибрежной полосы Северо-Западного Причерноморья связаны с традициями античной хоры. Они известны на этой территории в первых веках нашей эры на таких памятниках, как Козырка, Петуховка и др., где жило смешанное население, состоящее из греков, скифов, сарматов, фракийцев [Бураков, 1976, с. 145]. По-видимому, на таких селениях в Северном Причерноморье поселилось и пришедшее сюда готское население. Последнее не знало каменного домостроительства.

Каменное, как и глиняное многокамерное, домостроительство в Юго-Восточной Европе является тупиковым, не имеющим дальнейшего продолжения. В славянских культурах раннего средневековья продолжают бытовать лишь полуземляночные подквадратные жилища с печью-каменной или, в редких случаях, с глиняной печью, традиции которых достигают зарубинецкой культуры. Домостроительство черняховских поселений в междуречье Днестра и Дуная наиболее близко к жилищам

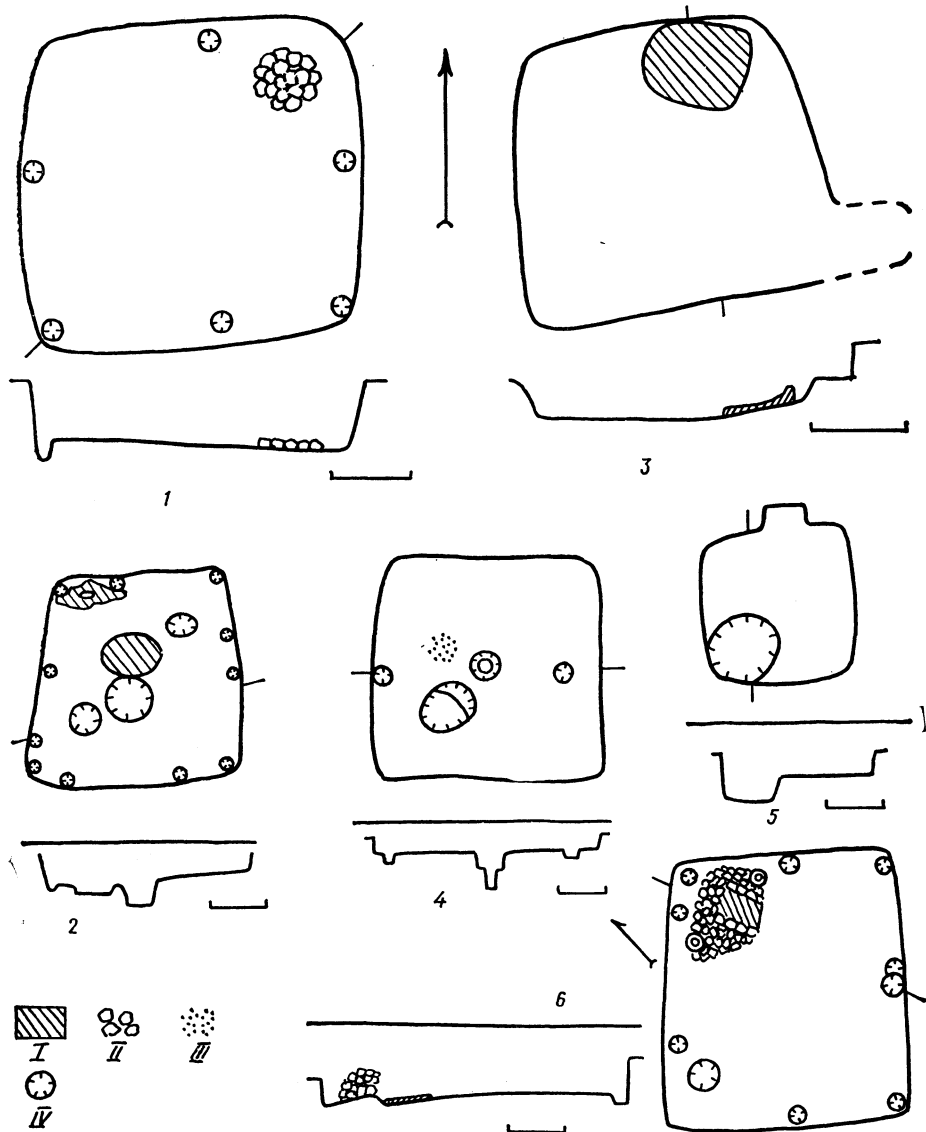

Рис. 1. Характерные типы углубленных жилищ:

1 — волыно-подольской группы (Подберезцы); 2, 3 — зарубинецкой (Пилипенкова Гора) и позднезарубинецкой культуры (Грини); 4 — киевской культуры (Киселевка 2); 5—6 — черняховской культуры (Теремцы)

поселений дако-гетских культур первой четверти I тыс. н. э. на этой территории. Лишь в IV — начале V в. в этом регионе, в том числе и на селищах культуры карпатских курганов в верховьях Прута (Гореча, Кодын II), появляются подквадратные полуземлянки, иногда с печью-каменкой, свидетельствующие о распространении днестровских домостроительных традиций.

Как и на поселениях, на могильниках черняховской культуры прослеживаются некоторые черты, свойственные населению предшествующих культур на определенной территории. Однако следует считаться с тем, что синтез материальной культуры различных этнических групп черняховского населения во второй четверти I тыс. н. э. и социальные преобразования вызвали из-

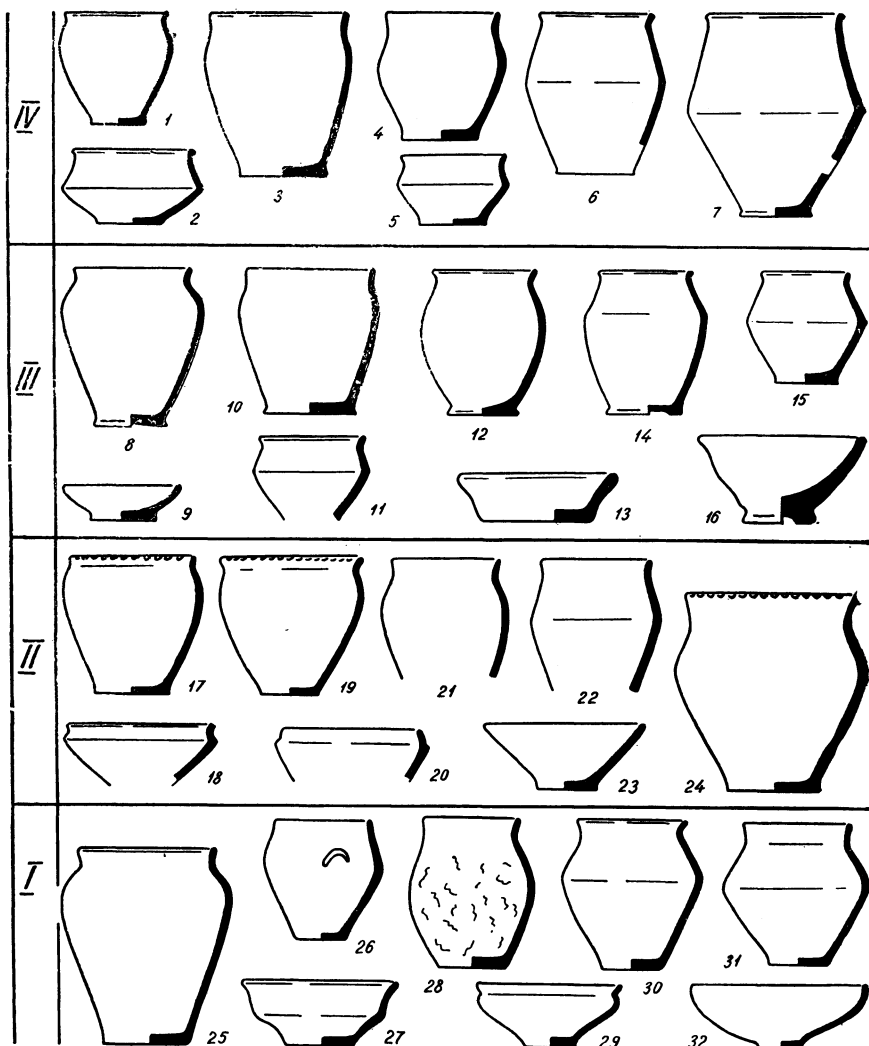

Рис. 2. Формы посуды, отражающие развитие местного производства лепной керамики в первой половине I тыс. н. э. в пограничной полосе Леса и Лесостепи:

I — посуда зарубинецкой культуры; II — посуда волыно-подольской группы и позднезарубинецкая; III — посуда черняховской культуры Верхнего и Среднего Поднестровья; IV — посуда киевской культуры; 1 — Казаровичи; 2 — Ройще; 3 — Казаровичи; 4 — Киселевка II; 5, 6 — Обухов III; 7 — Ульяновка; 8 — Бовшев II; 9, 15 — Хлопков; 10, 11 — Теремцы; 12, 16 — Черепин; 13 — Рипнев; 14 — Бовшев; 17, 19 — Пасеки-Зубрецькие; 18, 24 — Лютеж; 20 — Зубра; 21 — Сокольніки; 22 — Хоров; 23 — Подберезки; 25 — Велемичи II; 26, 27, 29, 31 — Пирогов; 28 — Отвержичи; 30 — Велемичи

менения в их духовной жизни. Обращаясь к погребальным обрядам зарубинецкого, пшеворского, вельбарского, фракийского и скифо-сарматского населения, занимавшего определенные регионы Юго-Восточной Европы в первой четверти I тыс. н. э., следует отметить, что четыре первые группы на нашей территории пользовались трупосожжением, а две последние — трупоположением. Единичные трупоположе-

ния, открытые И. К. Свешниковым на смешанных пшеворско-липецких могильниках в Звенигороде и Болотне Львовской обл., скорее всего, также принадлежат сарматам [Свешников, 1957; Щукин, 1973, с. 9]. Однако на территории Польши известны вельбарские погребения с трупоположениями и единичные пшеворские [Баран, 1981, с. 71—72]. На черняховских могильниках сочетаются почти все типы погре-

бений. Однако, как справедливо отмечают Э. А. Сымонович и Н. М. Кравченко, наличие соответственных черт погребальной обрядности связано, в первую очередь, с регионами, для которых она была характерна в предыдущий период. Так, фракийские черты преимущественно наблюдаются на территории Румынии и Молдавии [Федоров, 1960, с. 89—101]; зарубинецкие — в Среднем Поднепровье [Сымонович, 1959; Кравченко, 1970], иногда — в Поднестровье [Баран, 1981, с. 73]; пшеворские — в верховьях Западного Буга и Днестра; позднескифские и сарматские — в Северном Причерноморье [Магомедов, 1981, с. 8—9; Гей, 1985, с. 20].

Анализ основных черт погребального обряда показал, что при всей его консервативности он подвержен ассимилятивным процессам и изменениям. В результате интеграции определенных этнокультурных групп в черняховской культуре возникают новые формы идеологических представлений, при которых уживаются различные способы захоронения (ингумация, кремация в урнах или ямах и др.) на одних и тех же могильниках. Более того, биритуализм утверждается как постоянная форма погребального обряда.

Сравнительное изучение черняховских погребений показало, что ни один тип погребений нельзя рассматривать как простое продолжение погребальных традиций какой-нибудь одной из предшествующих культур. Такая оценка погребальной обрядности носителей черняховской культуры обязывает признать ограниченность возможностей в определении количественных показателей ее составных компонентов и ограничиться лишь констатацией их наличия. В настоящее время достоверно установлено, что носители последующих славянских культур V—VII вв. начиная с V в. никогда не хоронили своих покойников путем труположения, в погребальном обряде полностью утрачиваются черты, свойственные ираноязычному населению скифо-сарматов степной части Европы и остаются лишь различные типы трупосожжений, издревле преобладающие в Средней

Европе, лесной и лесостепной части Восточной Европы.

При решении вопросов преемственности культур нельзя обойти вниманием керамику. Следует отметить, что черняховская посуда разнообразна, что соответствует синкретичности самой культуры. Гончарная сероглиняная керамика, которой широко пользовалось черняховское население, ведет свое происхождение с юга. Она связана с провинциально-римским производством, с упадком которого она к началу VI в. выходит из употребления у жителей лесостепной полосы Юго-Восточной Европы. Это явление характерно не только для черняховских древностей, но и для многих культур Средней и Западной Европы. Лепная посуда представлена формами, происхождение которых связано в Днестро-Днепровском междуречье с субстратным населением вольтно-подольской группы, южнее — с гетским и скифо-сарматским субстратом, а также пришлым гото-гепидским населением, представленным в чистом виде вельбарской культурой. Эти группы и формы посуды нередко сочетаются на одних и тех же черняховских памятниках, хотя изучение количественного соотношения позволяет увязать их с определенными географическими районами, которые в общих чертах совпадают с областями распространения соответствующих субстратных культур. Как и гончарная изысканная сероглиняная посуда, все группы и типы лепной посуды, связанные с пришлыми гото-гепидскими группировками, а также позднескифским и сарматским населением, прекращают свое существование с упадком черняховской культуры. Их отголоски в виде единичных банковидных сосудов (черта сарматской лепной посуды) или с глухим ушком (черта вельбарской посуды) встречены на отдельных славянских поселениях раннего средневековья [Баран, 1983, с. 31]. Дальнейшее развитие имеют лишь те формы лепной посуды, которые связаны с территорией Лесостепи, начиная с зарубинецкой культуры. Именно они через зарубинецкие памятники и памятники вольтно-подольской группы пробиваются в

позднеаримское время, как и подквадратные жилища и определенные типы ямных и урновых сожжений, донося местные традиции до раннего средневековья (рис. 2). Этим процессам не противоречат и другие элементы материальной культуры: украшения, предметы быта и одежды, орудия труда и т. п. Однако последние, как правило, лишены узкоэтнографических особенностей. Они в большинстве имеют общеевропейский характер и в большей мере поддаются хронологическому членению, чем этнографическому, тем более в относительно ограниченном регионе.

В отличие от черняховской культуры, возникшей на многоэтнической основе и представляющей собой больше социально-экономическую и политическую общность, чем этническую, киевская культура была прямой наследницей позднезарубинецких древностей Среднего и Верхнего Поднепровья, которые на рубеже II—III вв. претерпевают значительную перестройку. Другие компоненты — пшеворский в Среднем Поднепровье и балтский на Верхнем Днепре — незначительны. Благодаря своему географическому положению киевская культура осталась вне досягаемости провинциально-римских влияний, что положительно сказалось на сохранности ее этнокультурного типа. Это подтверждает сравнительное изучение материалов киевской культуры с предшествующими древностями. Подквадратные или прямоугольные полуземляночные жилища со срубными, иногда плетневыми, стенами и очагом продолжают традиции позднезарубинецкого населения (рис. 1). Лишь в Подесенье появляется центральный столб, назначение которого пока не вполне ясно. Однако и он, по мнению исследователей [Терпиловский, 1984, с. 11—13], существенно не менял установленного вида интерьера жилища. Этот новый элемент в домостроительстве населения Верхнего Поднепровья времени киевской культуры еще ждет своего обоснованного объяснения. Он фиксируется по наличию ямы, которая некоторыми исследователями интерпретируется как очажная.

Погребальный обряд носителей киев-

ской культуры, представленный ямными трупосожжениями, по сравнению с предыдущим периодом несколько меняется, особенно в деталях. Полностью исчезают урновые трупосожжения, значительно беднее инвентарь, в ряде случаев появляется вторично обожженная керамика (черта пшеворских памятников). Учитывая то, что многие черты погребальной обрядности населения киевской культуры прослеживаются вплоть до милоградских ямных сожжений, а также наличие некоторых отдельных элементов пшеворской культуры, следует согласиться с мнением о продолжении традиций, сложившихся в северо-западной части Верхнего Поднепровья и Волыни, хотя погребения населения, обитавшего на данной территории в предшествующее время, во многом отличаются от киевской культуры.

Не лишен определенных трудностей вопрос о происхождении керамического комплекса киевской культуры. Наиболее близкую керамику имеют позднезарубинецкие памятники типа Гриней, которая дополняется чертами, свойственными посуде позднезарубинецких групп памятников Среднего Поднепровья (Оболонь, Лютеж), а в Подесенье — памятники типа Почепа (рис. 2). Именно эти типы лепных сосудов, а также диски и сковородки определяют вид керамического комплекса киевской культуры и в своем развитии достигают раннего средневековья. Однако нельзя не отметить единичные формы, восходящие к культурам штриховой керамики, а также пшеворской, свидетельствующие о некотором участии этих компонентов в процессах сложения киевской культуры. Приведенным данным не противоречат и другие составные части киевской культуры (бытовой и производственный инвентарь, украшения), особенно процессы социально-экономического развития населения на протяжении первой и второй четверти I тыс. н. э. Последние свидетельствуют об эволюционном (хотя и не очень быстром, но поступательном) развитии населения Верхнего Поднепровья и Волыни в указанный период без каких-либо существенных потрясе-

ний, связанных с внешними вторжениями.

Таким образом, изучение взаимосвязей культур первой половины I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы и их хронологической последовательности показало, с одной стороны, непрерывное развитие этнокультурных черт субстратного населения, с другой — наличие черт, привнесенных извне ираноязычными, фракийскими, германскими, балтскими группами населения. Это явление представляет собой одну из важнейших закономерностей исторического развития Юго-Восточной Европы на рубеже и в первой половине I тыс. н. э.

В процессе сложнейших взаимоотношений местного субстратного и пришлого населения осуществлялись этнокультурные и социально-экономические процессы, которые привели к образованию новых этнических общностей, в том числе и древнеславянской.

В области материальной культуры эти процессы фиксируются количественным соотношением различных культурных компонентов в каждой конкретной археологической культуре и интенсивностью их проявления в процессе ее развития. Нередко они определяют и локальные различия памятников в рамках культуры. Зарубинецкая культура включала в себя три локальные группы: волынскую, среднеднепровскую и верхнеднепровскую. Они обусловлены преобладанием различного наследия в указанных регионах: поморско-подклевовой культуры на Волыни, скифской лесостепной — в Среднем Поднепровье и подгорцевско-милоградской — в верховьях Днепра.

Анализ материалов зарубинецкой культуры и ее составных частей показал, что ее нельзя рассматривать как продолжение какой-нибудь одной из предшествующих культур или простой суммы всех этих культур. Это образование представляет новый этап исторического развития субстратного и пришлого населения, который начался в конце III — начале II в. до н. э. и продолжался до середины I в. н. э.

Но интенсивность развития указан-

ных компонентов была различной. Наиболее устойчивыми оказались элементы, восходящие к поморско-подклевовой культуре. Они не только наиболее полно проявились в погребальной обрядности и керамике, но и получили наиболее широкое пространственное распространение. Эти элементы хорошо фиксируются в комплексах I—II вв. н. э. на поселениях волыно-подольской группы. Образование последней происходило при участии зарубинецкой и пшеворской, а на Верхнем Днестре — и липицкой культур.

Таким образом, с середины I в. н. э. одновременно с процессом угасания памятников зарубинецкой культуры в ее классическом виде на территории Волыни и Верхнего Поднепровья образуется обширная группа памятников с чертами нового культурного образования. К концу I в. н. э. памятники этой группы распространяются в Среднее Поднепровье. Некоторые их элементы прослежены на поздnezарубинецких поселениях Среднего Поднепровья и верховьев Южного Буга, однако они тут незначительны. Следует отметить, что и на памятниках Волыни также доминирует зарубинецкий компонент, имеющий поморскую подоснову. В Среднем Поднепровье, кроме того, можно отметить отдельные сарматские, позднескифские, балтские элементы.

Выделенный регион поздnezарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы обширен. На севере, в лесной зоне, его можно ограничить территорией распространения балтских культур (культура штриховой керамики, днепро-двинская и верхнеокская), на западе, в верховьях Вислы и Западного Буга, — пшеворскими памятниками, отличающимися от рассматриваемых выразительной германской «окраской». Восточная граница в настоящее время может быть приблизительно определена в верховьях Сейма и Псла, южная приблизительно совпадает с северной границей степной зоны, занятой позднескифскими и сарматскими древностями (рис. 3).

Со второй половины II в. заметны тенденции к унификации культуры в

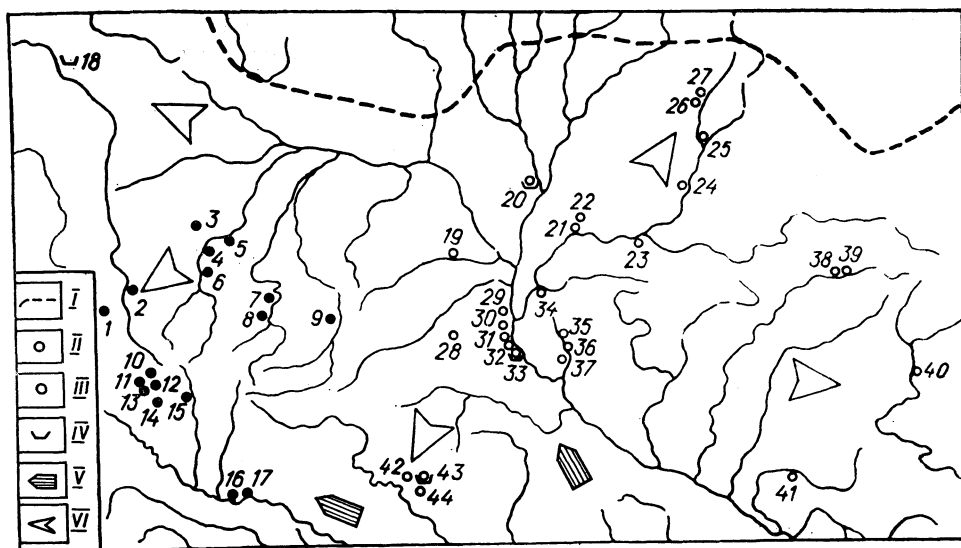

Рис. 3. Позднезарубинецкие памятники и памятники воыльно-подольской группы конца I — середины II вв. н. э. (по Д. Н. Козаку и Р. В. Терпиловскому):

1 — Белз; 2 — Святизв; 3 — Пидрижье; 4 — Боратын I; 5 — Семки; 6 — Луцк-Гнидава; 7 — Бильче; 8 — Боромель; 9 — Хоров; 10 — Подберезцы; 11 — Пидбирцы; 12 — Пасеки-Зубрецькие; 13 — Зубра; 14 — Звенигород; 15 — Майдан-Гологорский; 16 — Большая Слободка II; 17 — Оселивка; 18 — Гриневичи Большие; 19 — Маргьновичи; 20 — Чаплин; 21 — Киселевка III; 22 — Змеевка; 23 — Старая Бутовка; 24 — Чудатово; 25 — Гремяч; 26 — Синьково; 27 — Почеп; 28 — Бородянка; 29 — Лютеж; 30 — Оболонь; 31 — Новые Безрадичи (уроч. Глыбока); 32 — Таценки; 33 — Девич-Гора; 34 — Бирки; 35 — Селище; 36 — Кюржи; 37 — Вовчків; 38 — Шмырево; 39 — Картамышево II; 40 — Шосейне; 41 — Осиповка; 42 — Носовцы; 43 — Рахны; 44 — Марьяновка; I — граница балтских культур лесной зоны (по В. В. Седову и др.); II — позднезарубинецкие поселения; III — поселения воыльно-подольской группы; IV — позднезарубинецкие могильники; V — направление движения сарматов; VI — направление движения населения Среднего Поднепрорья в I—II вв. н. э.

пределах указанной территории, что, вероятно, свидетельствует о начавшемся процессе формирования единой этнокультурной группы. На дальнейшее развитие культурно-генетических процессов в междуречье Днепра и Вислы повлияло появление готов, принесших свою вельбарскую культуру, хотя памятники, объединившие в разной степени элементы зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур, остаются наиболее весомыми компонентами новых образований: черняховской культуры в лесостепной зоне Юго-Восточной Европы, а поздне-зарубинецкие — киевской культуры. В Южном и Северном Прикарпатье возникает новая культура карпатских курганов, основой которой остается местное фракийское население.

Этот период характеризуется исчезновением внутривременной замкнутости, усилением контактов с Причерноморьем, где наряду с провинциально-римскими городами существовали скифо-сарматские группы, и дунайскими

провинциями. Интенсификация внутренних и внешних торговых связей привела к социально-экономическим, и культурным сдвигам на территории большей части лесостепи и степи Украины, Молдавии, а затем и на территории Румынии, где образуется черняховская культура. В определенной мере ее культурно-экономическое единство подкреплялось военно-политическим союзом, проводившим готские (скифские) войны с Римской империей.

В настоящее время в науке сложилось мнение, что в состав населения черняховской культуры входили различные этнические группы (скифо-сарматы, фракийцы, славяне и готы), которые находились в процессе интеграции. С выводом о ее многоэтничности следует согласиться, учитывая, что черняховская культура сложилась прежде всего как хозяйственно-экономическая общность. В процессе ее развития в значительной мере стираются отличия в различных регионах распростра-

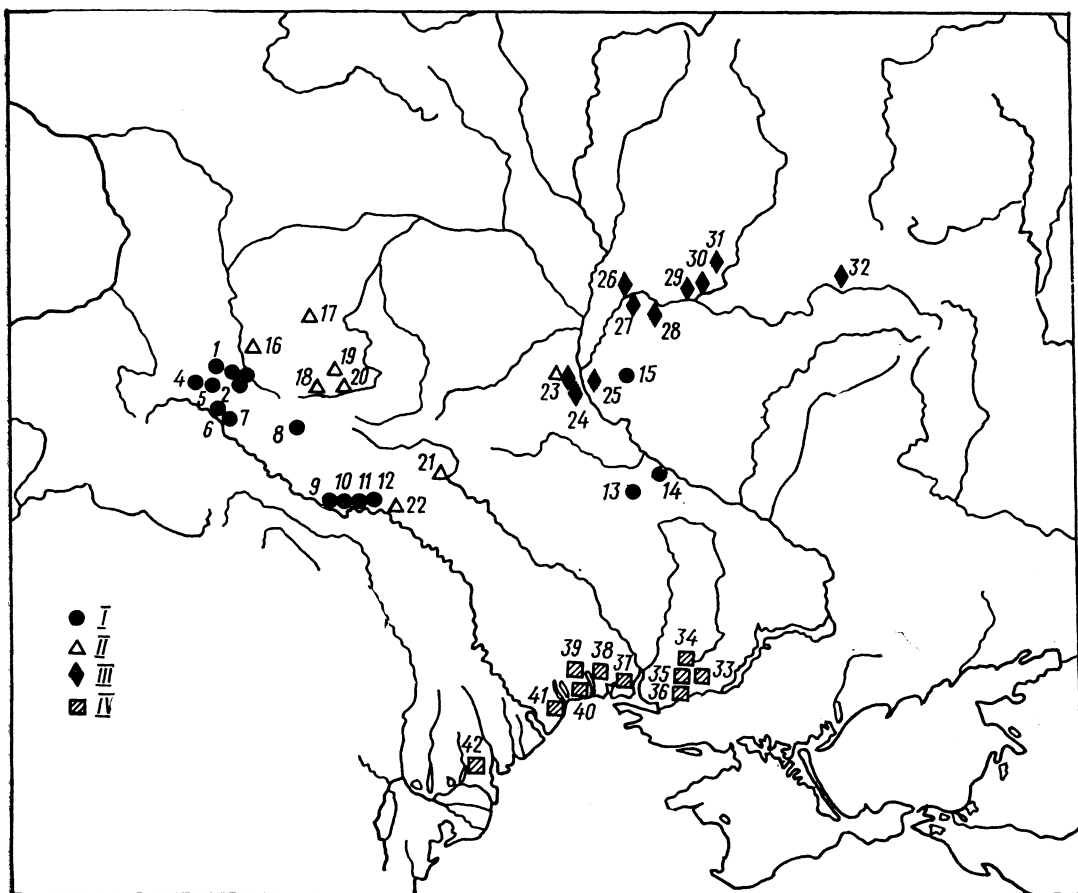

Рис. 4. Памятники III—IV вв. на территории Восточной Европы, поддающиеся этническому определению:

1 — Неслухов; 2 — Рипнев I; 3 — Ракобуты; 4 — Черепин; 5 — Чижиков; 6 — Демьянов; 7 — Бовшев; 8 — Верхний Иванов; 9 — Лука-Врублевская; 10 — Сокол; 11 — Теремцы; 12 — Бакота; 13 — Журовка; 14 — Ломоватое; 15 — Хлопков; 16 — Ромош; 17 — Боратын; 18 — Борсуки; 19 — Лепесовка; 20 — Викнины Великие; 21 — Демидовка; 22 — Великая Слобода; 23 — Глеваха; 24 — Обухов II, III; 25 — Вишенки; 26 — Киселевка II; 27 — Выбли; 28 — Салтыкова Девица II; 29 — Мена V; 30 — Киреевка; 31 — Лавриков Лес; 32 — Букреевка II; 33 — Кондаково; 34 — Афанасьевка; 35 — Александровка; 36 — Дарьевка; 37 — Каменка-Анчекрак; 38 — Тилигуло-Березанка; 39 — Рапжевое; 40 — Коблево; 41 — Киселово; 42 — Фурмановка; I — черняховские; II — вельбарские; III — киевские; IV — скифские памятники

нения культуры, в том числе лесостепной и лесной, чему способствовало расселение в различные ее регионы позднескифского, сарматского и фракийского населения, имевшего многовековые контакты с античными городами и хорой Северного Причерноморья, а также Дунайским лимесом. Именно эти группы являлись проводниками достижений провинциалноримской культуры в среду населения лесостепной зоны. Однако нивелировка граней в различиях уровня технических достижений не означает полной утраты этнографических особенностей опреде-

ленных регионов на этой огромной территории, занимаемой населением черняховской культуры. Они сохранились на всем протяжении ее существования, отражая главным образом своеобразие наследия.

М. А. Тиханова сделала попытку выделить пять локальных групп черняховских памятников: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией, Волянь [Тиханова, 1957, с. 168—194]. Е. В. Махно полагает, что основной территорией черняховской культуры было Среднее Подне-

провье, вокруг которого размещается инфильтрационное кольцо.

В настоящее время нами на основании наиболее важных и устойчивых особенностей черняховских памятников определены три локальные группы, связанные с тремя регионами: Северо-Западным Причерноморьем, междуречьем Днестра, Прута и Дуная и лесостепной зоной Украины [Баран, 1981, с. 163—165]. Наличие локальных вариантов внутри черняховской культурной общности подтверждает ее синкретический характер и вместе с тем указывает, что этнический состав населения в разных ее регионах был различным, то есть какая-то этническая группа занимала доминирующее положение в количественном отношении. В Северо-Западном Причерноморье преобладали скифо-сарматы, в Днестро-Дунайском междуречье — гето-даки и сарматы, в лесостепной зоне Украины основное население составляли славяне (рис. 4). Кроме того, черняховское население этих регионов включало различные по численности группы готы и сарматов [Баран, 1981, с. 161—163].

Черняховская общность, в которой важную военно-политическую роль сыграли готы, распадается в результате событий, связанных со вторжением гуннов. Часть составлявших ее племен (по письменным источникам готы и сармато-аланы) покидает Юго-Восточную Европу. Оставшиеся черняховские поселения V в. с подквадратными полуземлянками с печами-каменками проявляют уже выразительные черты зарождающихся славянских раннесредневековых культур — пражской и пеньковской.

Как и все рассмотренные нами выше культуры Юго-Восточной Европы, киевская культура также представляет собой новое образование по отношению к предшествующим древностям. Накануне, а также в процессе ее сложения совершались значительные передвижения различных групп позднезарубинецкого населения, что при воздействии внешних факторов привело к преобразованию их материальной культуры [Терпиловский, 1985, с. 58—59]. Киевская культура сформировалась на

рубеже II—III вв. н. э., главным образом на основе позднезарубинецких древностей при некотором участии пшеворского, а на севере — и балтского компонентов.

Сделаны попытки выделить в ареале киевской культуры локальные варианты. Пока наиболее выразительно выделяется деснинская и среднеднепровская правобережная группы памятников, хотя в дальнейшем, возможно, выделяются и другие регионы.

Местные особенности культуры в первую очередь связаны с предшествующими древностями: на Десне — с почепской группой памятников, на Правобережье — с такими памятниками, как Таценки, Оболонь, Грини, Вовки и др. Определенное влияние на сложение тех или иных черт материальной культуры оказывали контакты с соседними этнокультурными группами. Например, в северной части Верхнего Поднепровья — с населением культуры штрихованной керамики.

Занимая Северное Поднепровье и прилегающие к нему районы, киевская культура, в отличие от черняховской, осталась за пределами зоны интенсивных провинциально-римских влияний. Все это хотя и отрицательно повлияло на социально-экономическое развитие носителей культуры, но положительно сказалось на сохранности ее этнокультурного типа. Это позволяет более четко определить ее место в этнокультурных процессах Юго-Восточной Европы в середине I тыс. н. э., чем других синхронных ей культур. Линия этнокультурных связей с более ранними позднезарубинецкими памятниками, а в последующее время — колочинскими и пеньковскими, вычерчивается выразительно.

Таким образом, в пограничной полосе Леса и Лесостепи мы проследили те основные тенденции развития материальной культуры коренного населения лесостепной части Юго-Восточной Европы, которые возникают на рубеже и в первых веках нашей эры и через волыно-подольскую группу и позднезарубинецкие памятники доходят двумя линиями до черняховской и киевской культур, а в последующем периоде находят свое продолжение в славянском

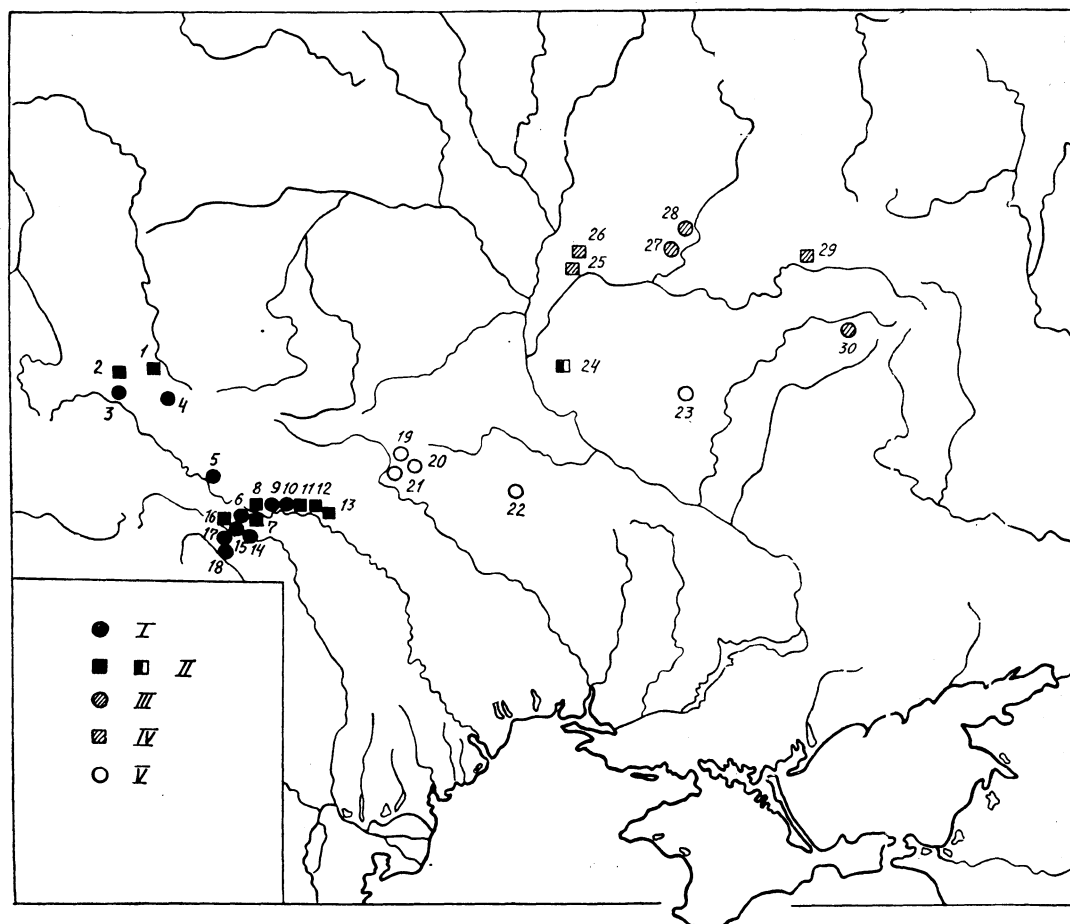

Рис. 5. Славянские памятники IV—V вв. на территории Украины:

1 — Рипнев II; 2 — Черепин; 3 — Водники; 4 — Подберезцы; 5 — Зеленый Гай; 6 — Рашков II; 7 — Рашков III; 8 — Сокол; 9 — Каветчина; 10 — Усте; 11 — Теремцы; 12 — Бакота; 13 — Бернашовка; 14 — Кодын II; 15 — Кодын I; 16 — Гореча; 17 — Рогозна; 18 — Глубока; 19 — Пархомовка; 20 — Голики; 21 — Куня; 22 — Кочубеевка; 23 — Хитцы; 24 — Хлопков; 25 — Ульяновка; 26 — Роище; 27 — Заярь; 28 — Целиков Бугор; 29 — Каменево II; 30 — Песчаное. I — пражские; II — позднеречняховские; III — колочинские; IV — поздниекиевские; V — пеньковские памятники

средневековье (рис. 3—5). Кроме того, показали сложность процессов этнокультурного развития на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Почти все культуры этого огромного региона, особенно черняховская, включали в себя элементы, чуждые местному населению, свидетельствующие о присутствии тут различных групп германского, балтского, ираноязычного, фракийского населения. Последние в середине I тыс. н. э. уходят за пределы очерченного региона (готы и сармато-аланы) или ассимилируются носителями тех

черт материальной культуры, которые проявляются в славянских древностях раннего средневековья.

Баран В. Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). — К., 1981. — 262 с.

Баран В. Д. Сложение славянской средневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. — Киев, 1983. — С. 5—48.

Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры. — Киев, 1976. — 159 с.

Гей О. А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985.

Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА АН СССР.— 1970.— Вып. 121.— С. 44—61.

Магомедов Б. В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.— 184 с.

Пачкова С. П. Культура Поенешти-Лукашевка // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 25.

Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА.— 1961.— № 96.— С. 53—102.

Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1-4.

Севшиников И. К. Могильники липицкой культуры Вольнской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 63—74.

Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры // СА.— 1959.— Т. 29/30.

Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья. III—IV вв.— Киев, 1984.— 123 с.

Терпиловский Р. В. Киевская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 58—59.

Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА.— 1957.— № 4.— С. 168—194.

Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки // VII Междунар. конгр. историков и протоисториков.— М., 1966.— С. 202—214.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. // МИА.— 1960.— № 89.— 378 с.

Филип Я. Кольцкая цивилизация и ее наследие.— Прага, 1961.

Щукин М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1973.— С. 20.

О. М. Приходнюк

АНТЫ И ПЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Среди европейских племен, активно влиявших на ход исторических событий «эпохи великого переселения народов», одно из ведущих мест принадлежит антскому союзу, о котором неоднократно упоминают в своих сочинениях раннесредневековые авторы. Анты часто опустошали придунайские области империи и доходили даже до «длинных стен» — передового форпоста на подступах к столице. Византия считалась с антами как с крупной политической и военной силой раннесредневековой Европы.

Свидетельства древних авторов позволяют ставить и решать вопросы о территории расселения антов и об их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей и варварским миром. В этой связи особая роль письменных источников в освещении вопросов взаимосвязи родственных славянских племен и племенных объединений, их взаимоотношений с другими народами Европы и кочевническим миром. Древние авторы проливают свет на вопросы социального строя, хозяйственной деятельности и зарождения классового неравенства в антском обществе.

Об антах узнаем от Агафия (VI в.). Ценным является сообщение Менаандра о миссии Мезамира в ставку аварского

кагана, которое изложено в его «Истории», посвященной событиям VI в. В «Стратегиконе» — произведении, приписываемом императору Маврикию (582—602 гг.) — есть данные, отсутствующие у других авторов: о нравах и обычаях, военном быте, местах обитания славян и антов. О судьбах антского союза говорится в «Истории» Феофилакта Симокатты (первая половина VII в.) и в «Хронографии» Феофана (около 760—818 гг.). При решении вопросов об исторической роли антов первостепенное значение имеют свидетельства готского историка Иордана, приведенные им в «Гетике» (551 г.), и Прокопия, писателя времен Юстиниана (527—565 гг.). В 550 г. Прокопий закончил семь книг «Истории войн», а в 554 г. — «Войну с готами».

Важность свидетельств Иордана и Прокопия определяется и тем, что они освещают не только события, современниками которых они были, но и делают неоднократные экскурсы в глубь веков. Благодаря этому получена хронологическая схема становления славян, которые вначале известны Иордану под именем «венеты»¹. Это позволяет вполне определенно связывать со славянами венетов первых веков н. э., сведения о которых имеются у Плиния Старше-

го, Тацита, Птоломея. Судя по этим данным, венеты I—II вв. н. э. были многочисленным народом, обитавшим на обширной территории от Вислы на западе до Балтийского моря на севере и до Карпатских гор на юге. Сведения о расселении венетов в конце III — начале IV вв. н. э. содержатся в Певтингеровых таблицах, где они один раз размещены на берегу Балтийского моря, а второй — между устьем Дуная и Днестром. Эти факты свидетельствуют о расширении территории обитания венетов в III—IV вв. н. э.

Во времена Иордана венеты известны под именем антов и склавинов «Хотя их (венетов.— *О. П.*) наименования меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»². Из этого можно заключить, что на базе венетов в более позднее время сформировались анты и склавины, которые произошли из одного венедакского корня. Но венедаки существовали и в третьей четверти I тыс. н. э., занимая свои исконные территории от северных склонов Карпат до истоков Вислы. Склавинов Иордан связывает с территорией между городом Новиетун и Мурсианским озером на западе, Днестром на востоке и Вислой на севере, а антов — с пространством между Днепром и Днестром³. Прокопий размещает антов и склавинов также на левом берегу Дуная. Антов он знает и далеко на востоке, которые жили к северу от утригур, обитавших на берегу Азовского моря и в дельте Дона⁴.

Таким образом, основная область обитания славян в VI в. н. э. охватывала пространство от низовий Дуная на юге до истоков Вислы на севере, от Паннонии на западе до Левобережного Поднепровья на востоке. При этом анты занимали южную часть славянской ойкумены, гранича на севере и на западе со склавинами, а на юге и юго-востоке с кочевническими народами, наиболее значительными из которых были утригуры и кутригуры.

С развитием полевой археологии и накоплением материалов I тыс. н. э. появились попытки связать антов с тем или другим ареалом восточнославян-

ских культур. В свое время больше всего сторонников собрала идея об антской принадлежности черняховских древностей (Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно и др.)⁵. Действительно, антская территория, зафиксированная письменными источниками для VI в. н. э., близка к территории расселения черняховских племен. Однако антская принадлежность племен черняховской культуры представляется маловероятной из-за хронологического разрыва, существующего между временем гибели черняховских древностей (начало V в. н. э.) и временем расцвета антского союза (VI — начало VII в. н. э.).

Ангов связывают с кладами мартыновского типа (А. А. Спицын), поселениями типа Пастырского городища (Б. А. Рыбаков), с корчакскими и роменско-боршевскими древностями (И. И. Ляпушкин), с позднечерняховскими и пеньковскими памятниками (А. Т. Смиленко), с пеньковской культурой (П. Н. Третьяков, В. В. Седов и др.)⁶.

По нашему мнению, вопрос идентификации антов с археологическими древностями тесно связан с пеньковской культурой. Их хронология и территория распространения в значительной мере совпадают.

Согласно Иордану, анты в VI в. н. э. «распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину»⁷. В отличие от Иордана, который указывает на Днестр как на границу между антами и склавинами, Прокопий размещает их вместе на левом берегу Нижнего Дуная: «гунны, славяне и анты... имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега»⁸. Анты и славяне, свидетельствует он в другом месте, «живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки»⁹. Как бы дополняя Иордана, Прокопий определяет восточную границу антской территории: «За ситами осели многие племена гуннов. Простирающаяся сюда страна называется Эвкликия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского болота и до реки Танаиса, которая впа-

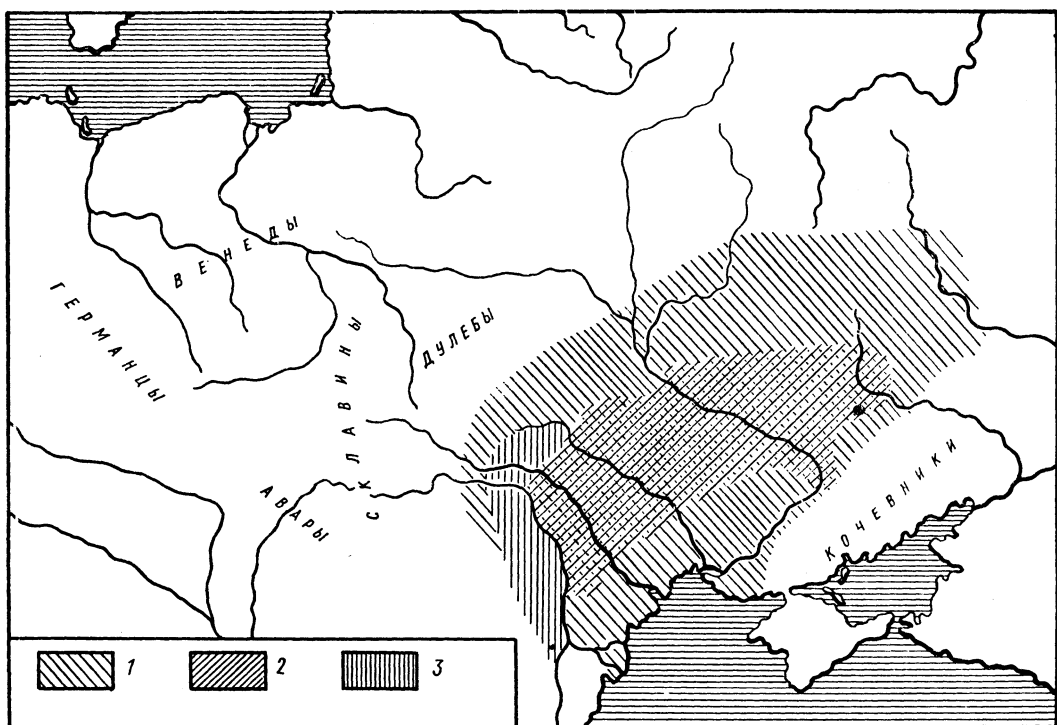

Рис. 1. Территория распространения антов (по письменным источникам) и пеньковской культуры:

1 — территория распространения антского племенного объединения (по В. А. Рыбакову); 2 — основная территория распространения пеньковской культуры; 3 — зоны инфильтрации пеньковской культуры

дает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвкийский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утригурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов»¹⁰.

В. А. Рыбаков, специально занимавшийся изучением территории обитания антов, пишет, что «письменные источники определяют землю антов широкой полосой от Дуная до Дона. На севере граница неизвестна, на юге она местами доходит до Черного моря»¹¹.

В очерченное пространство хорошо вписывается территория пеньковской культуры (Рис. 1.). Основной ее ареал охватывает обширное пространство восточноевропейского пограничья Лесостепи и Степи. Северную границу культуры определяют поселения Хитцы, Писаревщина, Цыбли на Левобережье Днестра; Белая Церковь, Войтовцы, Лука в Днепро-Днестровском меж-

дуречье; поселение Хуча в Молдавии. В северном направлении от Прута до Правобережного Поднепровья пеньковский ареал соприкасается с пражской культурой, а на Левобережье Днестра — с колочинскими памятниками. Южная граница пеньковских древностей, примыкавших к кочевническому массиву, определяется селищами Голубовка, Задонецкое, Изюм, Богатое, Чернечина, Осиповка на Левобережье Днестра. Оттуда они своеобразным языком опускаются по обоим берегам Днестра в район Надпорожья, где известны такие памятники, как Игрень-Подкова, Диброва, Хортица, Скельки и др. Далее на запад наиболее южными являются поселения Семеновка, Беляевка, Ивановка, Ханска II.

К западу от молдавской группы древностей, на территории Восточной Румынии вплоть до низовий Дуная, распространены древности со смешанными чертами, присущими пеньков-

ской, пражской и местной гето-дакийской культурам. На юге и юго-западе они соприкасаются с культурой Ипотешт — Кынденшт. Следовательно, археологические данные подтверждают, что анты и склавины в Нижнем Подунавье проживали чересполосно. Там на памятниках VI—VII вв. н. э. встречается пеньковская (антская) и пражская (склавиная) посуда¹².

В вопросе племенного определения населения, создавшего пеньковскую культуру, важную роль играет хронологический диапазон существования антского союза и пеньковских древностей. Наиболее ранние сведения об антах приведены Иорданом в эпизоде готантских войн времен Божа. Он рассказывает, что после смерти Германариха и ухода везиготов в пределы Римской империи (376 г.) остроготы остались на прежних местах, попав под власть гуннов. Сохранив некоторую самостоятельность, остроготы начали военные действия против антов. «По смерти короля их Германариха, они (остроготы.— *О. II.*), отделенные от везиготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удаче, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями и с семьюдесятью старейшинами для устрашения»¹³.

Однако власть Винитария над антами не была длительной. «Но с такой свободой повелевал он (Винитарий,— *О. II.*) едва в течение одного года: этого положения не потерпел Баламбер, вождь гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий... Но в третьем

сражении, когда оба (противника) приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако, так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и (соответственно) решению гуннов»¹⁴. Таким образом, при содействии гуннов анты были освобождены от остроготского господства. Вслед за Е. Ч. Скрижинской можно заключить, что готско-антские войны не были яркой страницей в истории готов. Они начались и закончились поражением остроготов, попавших в полную зависимость от гуннов¹⁵.

Для решения вопроса о соотношении археологических древностей с антами конца IV — начала V в. н. э. важна локализация раннеантской территории. В этой связи особая роль принадлежит упоминанию Иорданом р. Эрак, где были разбиты винитаровские готы. Она должна находиться в пределах антской территории, поскольку Винитарий после расправы с Божем не уходил из «пределов антов», повелевая ими «едва в течение одного года.»

Относительно местонахождения р. Эрак существует несколько мнений. Одни исследователи усматривают в ней р. Аракс в Армении или р. Тилигул. Наиболее убедительно выглядит аргументация Е. Ч. Скрижинской, отождествлявшей Эрак с Днестром. Как справедливо отмечала исследовательница, р. Аракс на Кавказе у Иордана упоминается трижды¹⁶. В данном же случае речь идет о р. Эрак, этимология которой близка к осетинскому «широкий». Более поздние итальянские этимологии также фиксируют название Днепра как Ерек¹⁷.

Исходя из этого, Е. Ч. Скрижинская считала, что гибель Винитария произошла в низовьях Днепра, где и следует размещать иордановских антов¹⁸. Однако такая их локализация в свете новейших археологических открытий требует уточнений. Ранних антов следует отождествлять с создателями археологической культуры Поднепровья рубе-

жа IV—V вв. н. э., генетически родственной классическим пеньковским древностям. Такие памятники имеются в Среднем Поднепровье. Речь идет о древностях типа Роиц, причисляемых к киевской культуре, и типа Хлопкова, интерпретируемых как черняховские¹⁹. По топографии, планиграфии и размерам поселений, по жилищному строительству и набору лепной посуды они близко стоят к пеньковским древностям. Для тех и других характерны небольшие поселения, располагающиеся на краях невысоких террас, вблизи от воды. Жилищами служили небольшие четырехугольные полуземлянки, расположенные без определенной системы. Почти идентичные у них и лепные керамические наборы, представленные биконическими, округлобокими и тюльпановидными горшками, дисками и сковородками, их процентное распределение (рис. 2, 1—14; 3, 1—19). Исходя из этого, древности типа Роиц—Хлопкова следует относить к наиболее раннему этапу пеньковской культуры, а их создателей отождествлять с ранними антами Иордана.

В V—VII вв. н. э. шел интенсивный процесс расселения племен пеньковской культуры на юго-запад, в районы Южного Побужья, Прутско-Днестровского междуречья, Нижнего Подунавья, где в предшествующее время обитали черняховские племена с чертами вельбарской и гето-дакийской культур. Примерно на это время приходится расцвет пеньковской культуры и антского племенного объединения.

Таким образом, в целом не только территория распространения, но и хронология, этапы развития и подъемов пеньковского и антского обществ совпадают. Эти факты служат достаточным аргументом в пользу антской принадлежности пеньковской культуры.

Несмотря на отсутствие внешней эффективности пеньковской культуры, ее создатели достигли высокого для своего времени уровня социально-экономического развития. Их экономика базировалась на сельскохозяйственном производстве, основу которого составляли пашенное земледелие и приселищное животноводство. У антов, создателей

пеньковской культуры, существовали различные формы общинных отношений. В одних случаях процесс ломки общественных начал, который вел к выделению самостоятельных малых семей, зашел дальше, в других — несколько задержался. Археологическим свидетельством существования у славян территориальной общины служит тот факт, что на некоторых расположенных на юге поселениях встречаются юртообразные жилища (Стецовка, Богатое, Чернечина, Осиповка). Они говорят о проникновении кочевников в земледельческую среду. Такое явление было возможным лишь при наличии территориальной общины, в состав которой могли входить разноэтничные элементы.

Выделение ремесленной прослойки нашло отражение на материалах Гайворонского металлургического центра и городища Селиште, где отмечена значительная концентрация ремесленного производства. То есть для племен пеньковской культуры речь может идти о начавшемся отделении ремесла от сельскохозяйственного производства, что ведет к социальной дифференциации общества.

На переходном этапе от бесклассового к раннеклассовому строю выросла роль племенной организации. Появляются общественные центры, которыми были городище у с. Будиц в Среднем Поднепровье и городище у с. Селиште в Молдавии. Первое из них, на котором постройки не обнаружены, по-видимому, было городищем-убежищем. На втором прослежен жилой и производственный районы. Судя по характеру застройки и наличию производственных комплексов, городище Селиште относится к административно-хозяйственным центрам. Сложным археологическим комплексом отличается Пастырское городище, которое расположено в Среднем Поднепровье на пограничье со Степью. На ранних этапах существования Пастырское было синхронным пеньковской культуре. Это подтверждается его хронологией и присутствием там лепной биконической керамики. Выступая как крупный экономический центр, городище впитало в себя

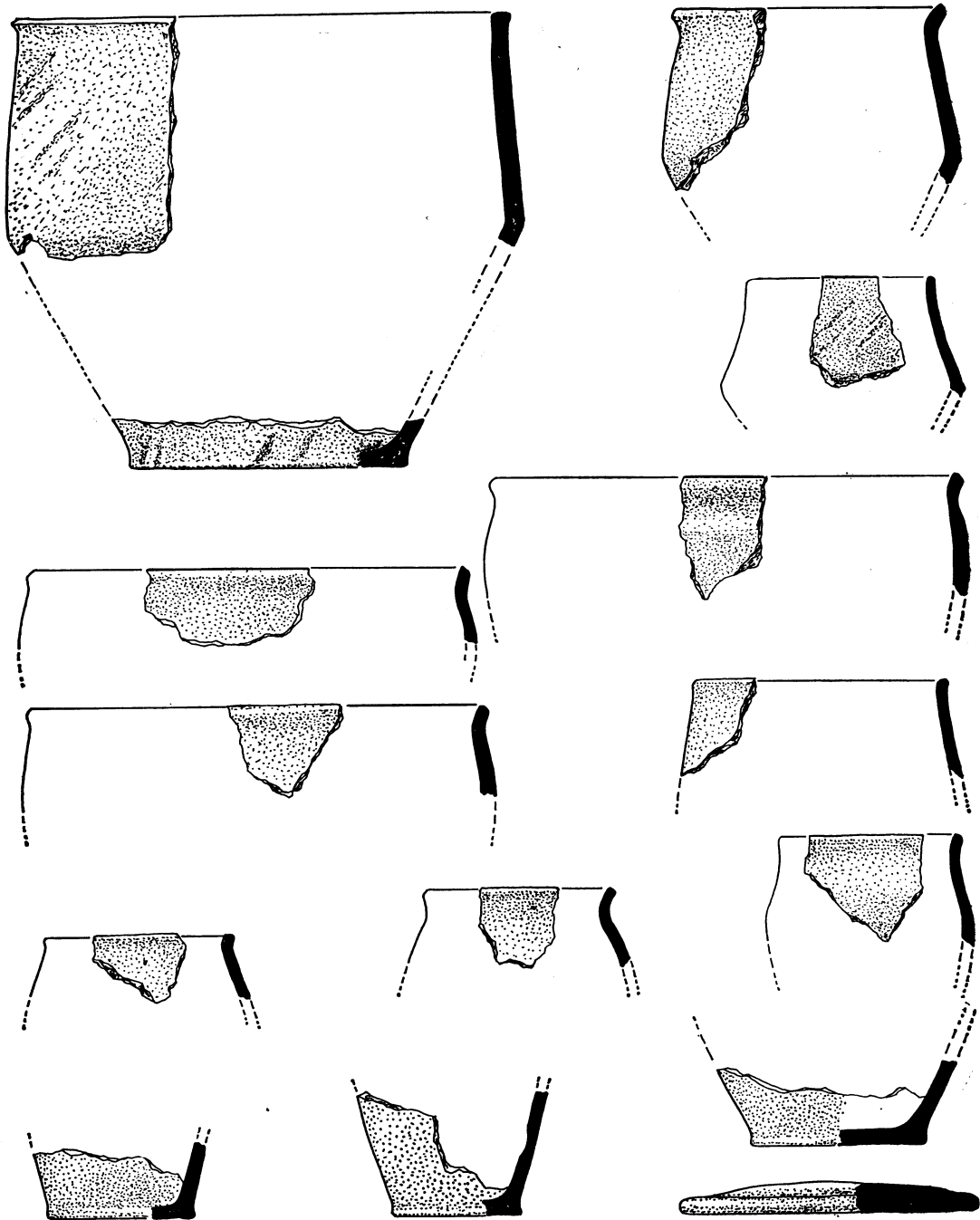

Рис. 2. Роице. Керамика из полуземлянки № 4

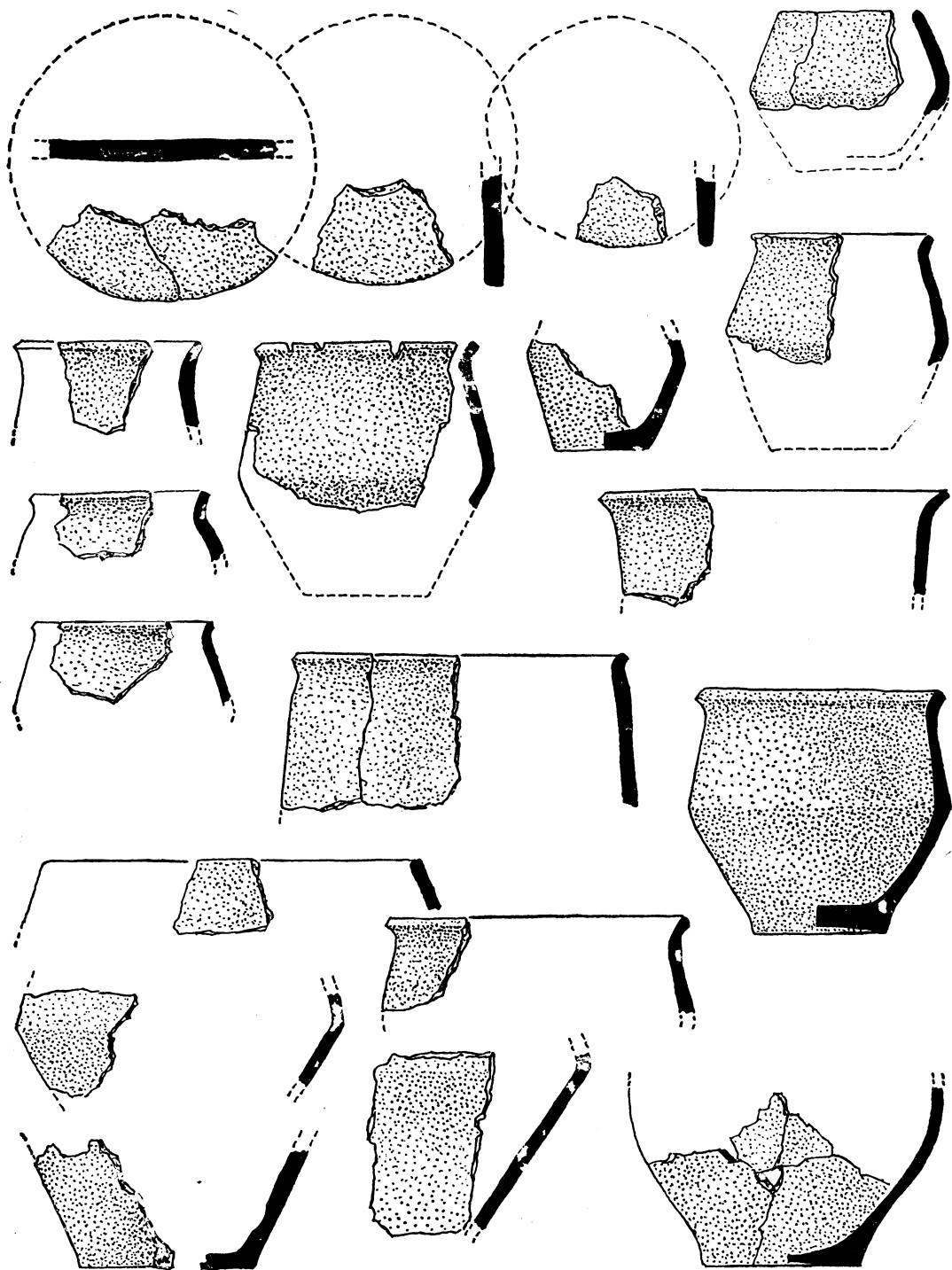

Рис. 3. Хитцы. Керамика из полуземлянки № 7

разноэтнические компоненты, характерные для земледельческого и кочевнического населения.

В те времена высшим органом власти оставалось народное собрание. Публичная власть еще не отделилась от народа. Славяне и анты, подчеркивает Прокопий, «издревле живут в народоправии (демократии)»²⁰. Вследствие удачных походов на Византию антская знать концентрировала в своих руках значительные ценности. Об этом неоднократно упоминают раннесредневековые письменные источники. Среди военной добычи, уводимой славянами из Византии, постоянно упоминаются пленные. По-видимому, славяне занимались работорговлей. Наряду с этим они знали зачатки патриархального рабства. Об этом имеются прямые свидетельства Маврикия²¹. Надо полагать, что вначале в качестве работорговцев и рабовладельцев выступала племенная знать, хотя постепенно элементы рабства могли получить и более широкое распространение. Наличие патриархального рабства говорит о далеко зашедшем разложении первобытно-общинной формации и о значительно продвинувшемся вперед процессе социального расслоения славянского общества.

Относительная бедность археологических материалов пеньковской культуры как будто бы находится в несоответствии с письменными источниками, неоднократно упоминающими о военных успехах антов в борьбе с Византией. Такое кажущееся несоответствие находит объяснение в сочинении Маврикия, согласно которому каждый из славянских воинов «вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты... Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами...»²². Предметы такого нехитрого вооружения (наконечники копий и стрел) встречаются при раскопках пеньковских памятников. Найдены они на поселениях в Заньках, Сухой Гомольше, Волосском, Семенках, Селиштах, Требуженах и в других местах.

Вместе с тем антская верхушка, которая концентрировала в своих руках значительные богатства, была вооружена значительно лучше родовых воинов.

Этому имеются свидетельства археологических источников. Речь идет о памятниках, непосредственно связанных с северо-восточным ареалом распространения пеньковской культуры — кладами мартыновского типа. По географическому расположению они делятся на Поросские (Мартыновский, Мало-Ржавецкой, Вильховчикский) и Харьковско-Курские (Козиевский, Ново-Одесский, Ново-Суджанский, Колосковский, Цыпляевский), которые по вещевому комплексу близки, хотя и неоднородны по своему происхождению. Истоки одних поделок обнаруживаются в Византии и на ее периферии — в Подунавье, других — в Прибалтике, третьих — в гуннской среде.

Лесостепные клады третьей четверти I тыс. н. э. впервые проинтерпретировал А. А. Спицын, определяя их как «древности антов»²³. Анализируя письменные источники, Б. А. Рыбаков пришел к заключению, что «область пальчатых фибул и других вещей VI—VII вв. н. э., выделенных А. А. Спицыным, настолько полно совпадает с Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что Русь — часть антов»²⁴.

Свидетельством наличия связей между лесостепными кладами и славянскими древностями являются находки присущих им предметов на пеньковских памятниках Среднего Приднепровья и Левобережья Днепра (Волосское, Коробовка, Майорка, Звонецкое и многие др.). Более того, клад из Вильховчика находился в лепном горшке, зарытом на территории пеньковского селища, исследования которого проводились в 1966 г. (рис. 4)²⁵. Комплекс из Вильховчика интересен еще и тем, что впервые клад третьей четверти I тыс. н. э. удалось связать с синхронным поселением.

Таким образом, Приднепровье и Левобережье Днепра характеризуется наличием богатых кладов, что может стать основой для выделения центра антского объединения.

По комплексу вещей, поддающихся узкой датировке, образование этих кладов можно определять серединой VI —

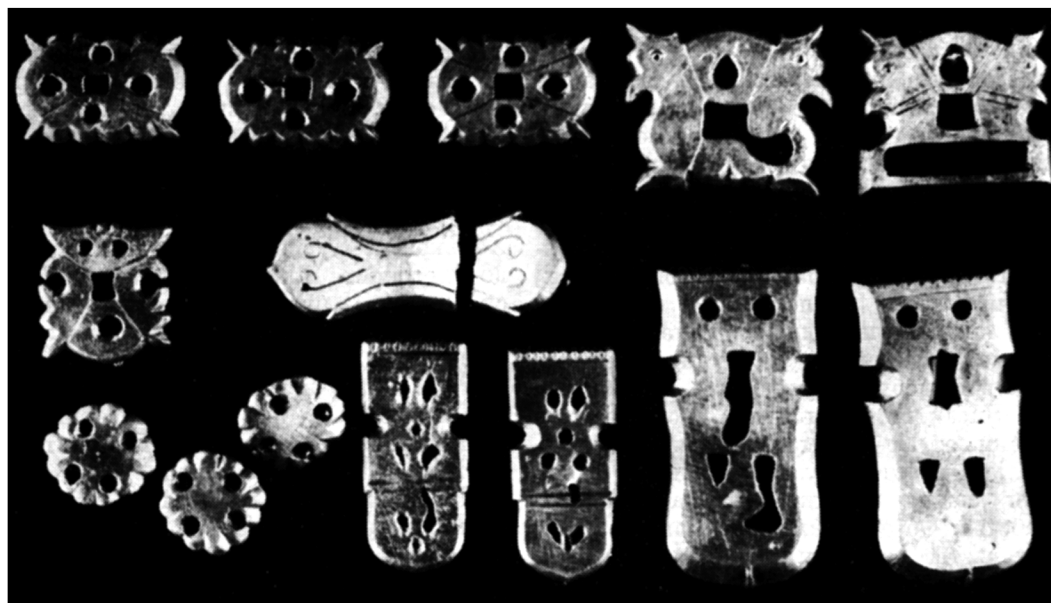

Рис. 4. Клад из Вильховчика

второй половиной VII в. н. э., хотя часть вещей имела более широкий хронологический диапазон. Наиболее ранние наборы содержал Цыпляевский, а наиболее поздние — Мартыновский клад (Рис. 5, 1—4; 6, 1—17). То есть лесостепные клады разновременны, и их создание нельзя связывать с каким-то одним событием.

Наборы кладов содержат серебряные накладки от поясов (рис. 5, 2; 6, 2—6). Такие пояса были портупейми, на которых подвешивался меч, но их функция этим не ограничивалась. Фигурные накладные бляшки были еще и своеобразными отличительными знаками, указывавшими на место их владельца в военной иерархии. Отдельные из них имеют тамги (знаки родовых старейшин), на основании которых Б. А. Рыбаков выводит более поздние знаки «рюриковичей»²⁶.

В вопросе о судьбах антского союза племен исключительно важное значение имеют свидетельства Феофилакты Симокатты и Феофана Исповедника. У Феофилакты Симокатты в VIII книге «Истории» рассказывается, что во времена аваро-византийских войн, в конце

правления императора Маврикия, «каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском, с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян»²⁷.

Отсутствие у Феофилакты Симокатты определенных данных о результатах военного похода Апсиха и исчезновение антов со страниц сочинений ранневизантийских авторов после 602 г. породило различные толкования такого явления. Одни историки высказывали предположение, что антов уничтожили авары, другие — что они были слишком многочисленными, чтобы их можно было полностью истребить, третьи — что анты из Поднепровья ушли на Балканы.

Загадочность, существовавшая в этом вопросе, прояснилась после того как был издан И. С. Чичуровым перевод «Хронографии» Феофана, где под 602 г. содержатся четкие данные о судьбе антского союза: «хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов как союзников ромеев. После того как это случилось часть варваров перешла к ромеям»²⁸. Из текста Феофана следует, что отход антов в Византию не был

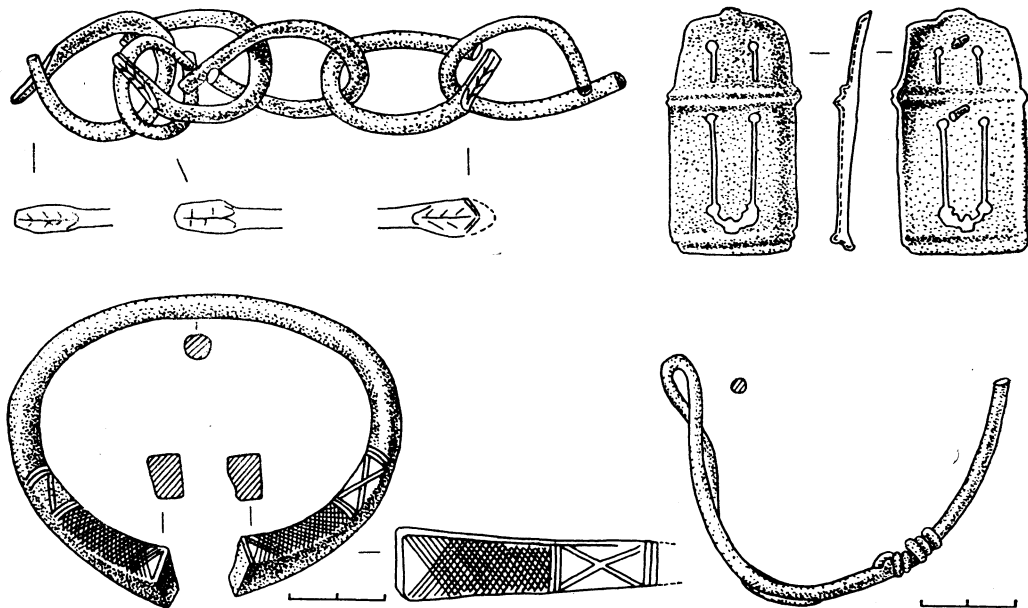

Рис. 5. Клад из Цыпляево

массовым. Надо полагать, что за Дунай могли перейти остатки вооруженных отрядов и антское население, обитавшее в придунайских районах.

Археологическим подтверждением этому могут служить разрозненные пеньковские материалы, встречающиеся на Правобережье Дуная и на Балканах, датирующиеся VII в. н. э. В этой связи важно иметь в виду, что раннесредневековые авторы неоднократно подчеркивали: славяне и анты до начала VII в. н. э. не имели своих поселений на Правобережье Дуная и в пределах Византии*. Массовые колонизационные движения славян на Балканы происходят только во второй половине VII в. н. э., после того как анты сошли с исторической арены. Если это

так, то не исключено, что следы антов на Правобережье Дуная, перешедших в земли Византии после миссии Аписха, является четырехугольная полуземлянка с печью-каменкой из Диногэци, в заполнении которой найдена лепная пеньковская биконическая посуда и бронзовая пальчатая фибула; погребения с лепной биконической посудой на раннесредневековом могильнике Пятра—Фрэкецей и немногочисленные фрагменты биконической посуды, встречающейся на поселениях VII в. н. э. в Силистрийском округе в Болгарии³¹. Более того, лепная керамика пеньковского вида зафиксирована раскопками памятников периода раннего средневековья в Греции³². Эти разрозненные следы пеньковских материалов, встре-

* Анты и склавины смело вступали в сражения с регулярными войсками римлян, побеждали их, брали крепости, захватывали ценности и рабов. Однако до поры до времени они нападали на византию с целью получить военную добычу, а не для приобретений новых территорий. В ранневизантийских источниках ясно говорится, что анты и склавины совершали рейды за Дунай с единственной целью «грабить римлян». С добычей они возвращались на родину²⁹. О колонизации Балкан в письменных источниках не упоминается. Напротив, когда в 545 г. Юстиниан предло-

жил через своих послов «одарить антов г. Туррисом и окружающей его областью... обещая, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят сделать набег на Римскую империю. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это»³⁰. Однако, не соблазнившись перспективой стать федератами Византии и нести гарнизонную службу, анты дальше обещаний не пошли.

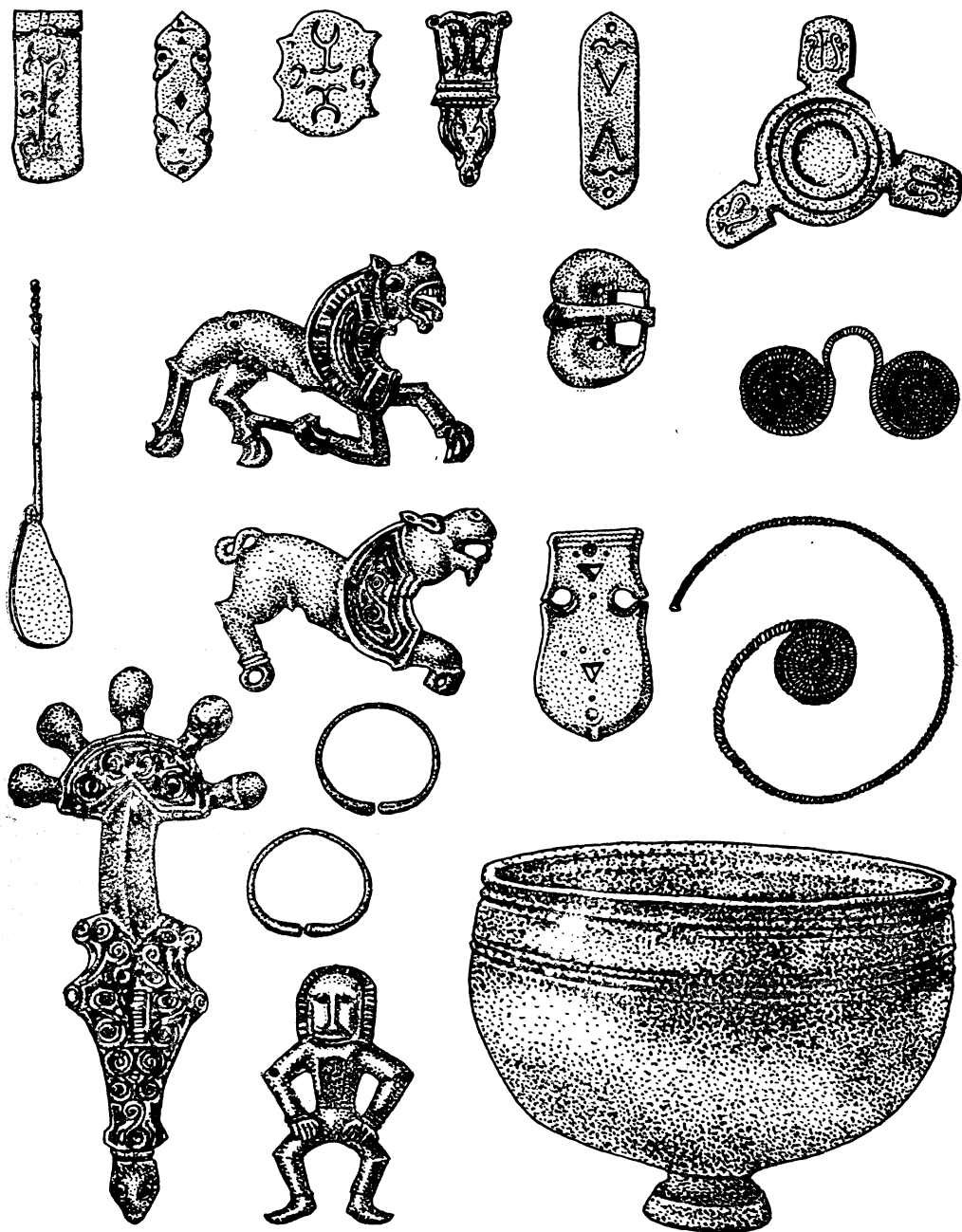

Рис. 6. Образцы вещей из Мартыновского клада

ченных на Правобережье Дуная и на Балканах, могут служить аргументом в пользу переселения части антов в земли Византии после аварских разгромов.

Казалось бы, время гибели антского

объединения хронологически должно совпадать с временем прекращения существования пеньковской культуры. Однако верхний хронологический рубеж антского союза едва заходит в VII в. н. э., а для пеньковской культу-

ры он фиксируется во второй половине VII в. н. э. Такое кажущееся несоответствие имеет свое объяснение. Дело в том, что антское население было слишком многочисленным, чтобы его можно было полностью уничтожить военной акцией. Авары разгромили антов как военную и политическую силу. Основная же масса населения, хотя и пострадала от разгромов, осталась на исконных территориях.

Поскольку ранневизантийских авторов интересовали в первую очередь только те народы, которые оказывали заметное влияние на имперскую политику, то утратившие былую мощь и распавшиеся как крупное политическое объединение анты исчезают со страниц письменных источников.

Потеряв политическое единство и военную мощь, анты — племена пеньковской культуры — постепенно попадают под влияние этнически родственных племен. Растворившись в их среде, антское население внесло свой вклад в процесс становления и развития восточнославянской общности, завершившейся созданием Древнерусского государства.

¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов.— М., 1960.— С. 71.

² *Там же*.— С. 71—72.

³ *Там же*.— С. 72, 74, 90.

⁴ *Прокопий*. Война с готами.— М., 1950.— С. 384.

⁵ *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь // ВДИ.— 1939.— № 1.— С. 319—337; *Третьяков П. Н.* Анты и Русь // СЭ.— 1947.— № 4.— С. 71—83; *Брайчевский М. Ю.* Антський період в історії східних слов'ян // Археологія.— 1952.— С. 21—42; *Махио Є. В.* Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу // Археологія.— 1950.— № 4.— С. 56—77.

⁶ *Спицын А. А.* Древности антов // Сб. отделения рус. языка и словесности АН СССР.— М., 1928.— С. 492—495; *Рыбаков Б. А.* Ранняя культура восточных славян // ИЖ.— 1943.— № 11—12.— С. 76—80; *Ляпушкин И. И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА.— 1947.— № 9.— С. 121—136; *Смі-*

ленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975.— С. 66, 102; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.— М.; Л., 1966.— С. 247; *Седов В. В.* Анты // Проблемы сов. археологии.— М., 1978.— С. 164—173.

⁷ *Иордан*. Указ. соч.— С. 72.

⁸ *Прокопий*. Указ. соч.— С. 156.

⁹ *Там же*.— С. 298.

¹⁰ *Там же*.— С. 384.

¹¹ *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— С. 321.

¹² *Приходнюк О. М.* К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 180—191.

¹³ *Иордан*. Указ. соч.— С. 115.

¹⁴ *Там же*.— С. 115.

¹⁵ *Там же*.— С. 322.

¹⁶ *Скрижинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новитетуне.— ВВ.— 1957.— 12.— С. 25.

¹⁷ *Там же*.— С. 25.

¹⁸ *Иордан*. Указ. соч.— С. 320.

¹⁹ *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв.— Киев, 1984.— С. 87—88; *Баран В. Д.* Поселение черняховской культуры у с. Хлопков // АО, 1982.— М., 1984.— С. 241—242.

²⁰ *Прокопий*. Указ. соч.— С. 297.

²¹ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ.— 1941.— № 1.— С. 253.

²² *Там же*.— С. 253—254.

²³ *Спицын А. А.* Указ. соч.— С. 492—495.

²⁴ *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА.— 1953.— 17.— С. 42.

²⁵ *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980.— С. 99.— Рис. 61.

²⁶ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч.— С. 95—97.

²⁷ *Феофилакт Симокатта*. История.— М., 1957.— С. 180.

²⁸ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения.— М., 1980.— С. 58.

²⁹ *Прокопий*. Указ. соч.— С. 373, 459; *Мишулин А. В.* Указ. соч.— С. 252, 253.

³⁰ *Прокопий*. Указ. соч.— С. 298.

³¹ *Barnea J.* L'incendie de la cite de Denogetia na VI-e siecle // Dacia.— 1966.— Т. 10.— P. 251—259.— Fig. 12, 13; *Vilceanu D., Barnea A.* Ceramica lu cratu cu mine din asearea romano-bizanti na de la Piatra — Frecate. (secolul de VI-lea) // SCIV.— 1975.— Т. 26.— P. 114.— Fig. 4, 1.

³² *Седов В. В.* Реп. на книгу: *Weitman M. W.* Die slawische Bevolkerung auf der griechische Halbinsel.— Munchen, 1978.— 350 s. // СА.— 1982.— С. 274—277.

Е. А. Шмидт

**О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ВЕРХОВЬЯХ ДНЕПРА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н. э.**

Вторая половина I тыс. н. э. в Восточной Европе была периодом окончательного разложения первобытнообщинных отношений, возникновения классового общества и Древнерусского государства. Значительные социально-экономические изменения, произошедшие к концу этого периода у населения Верхнего Поднепровья, обусловлены прежде всего быстрым ростом производительных сил и особенно — высоким уровнем развития земледелия. Совершенно очевидно, что успехи в области земледелия не возникли извне в готовом виде, а были результатом длительного развития всего хозяйства восточноевропейских племен. Установление общих закономерностей и локальных особенностей в развитии земледелия представляет значительный интерес для решения многих исторических проблем. Однако исследования, проводимые в этом направлении, наталкиваются на значительные трудности из-за отсутствия письменных и ограниченности и своеобразия вещественных источников.

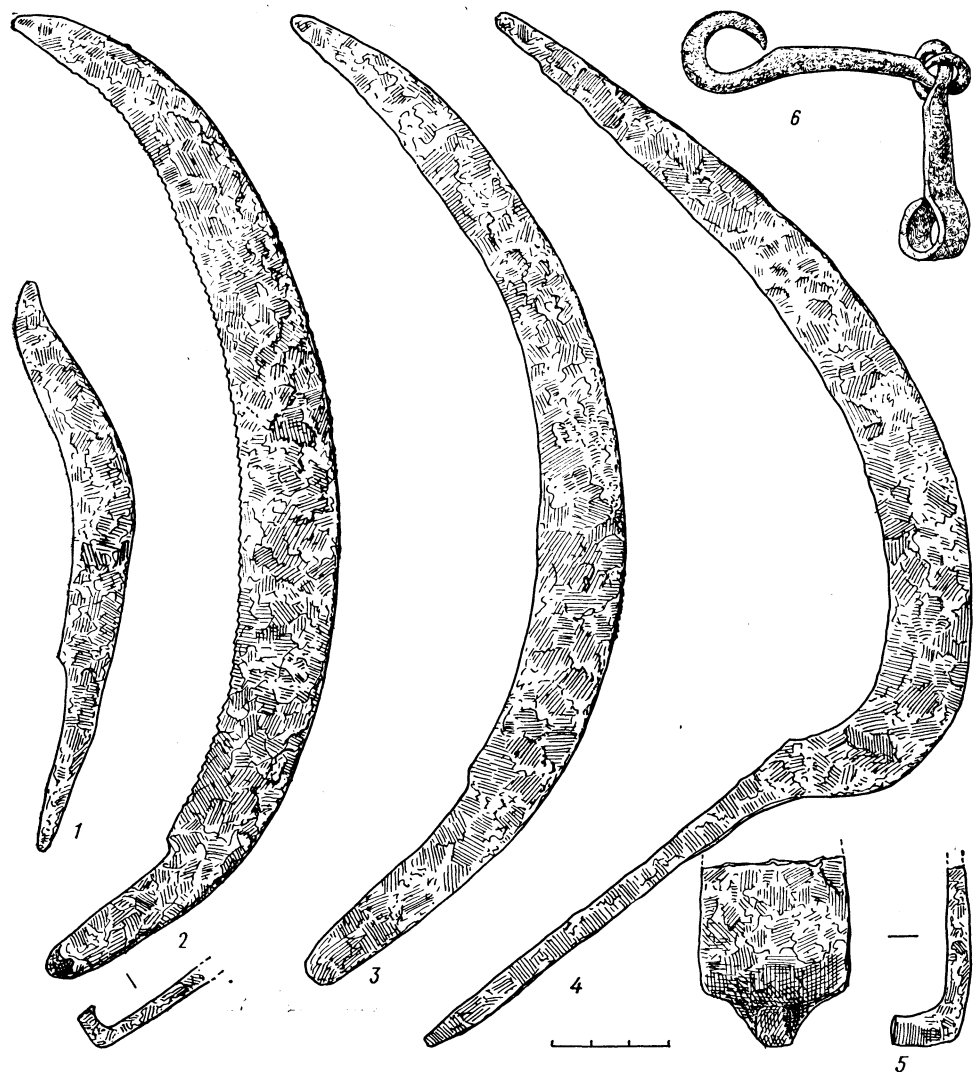
В исторической литературе имеются свободные работы, основанные на изучении различных источников, в том числе и вещественных (археологических), освещающие преимущественно сельское хозяйство Древней Руси IX — XIII в.¹ Но период предшествующий, от середины I тыс. н. э. до IX в., такой детальной разработке не подвергался. Происходило это в связи с слабой изученностью в прошлом археологических памятников этого времени в пределах Верхнего Поднепровья. Однако за последние десятилетия накопился материал, позволяющий уже составить некоторое представление о земледелии в верховьях Днепра и на смежных территориях.

К середине I тыс. н. э. в верховьях Днепра и на прилегающих территориях Подвинья складывается группа племен, оставившая археологические памятники типа Тушемля — Акатово, просуществовавшие всю третью четверть

I тыс. н. э. В этот период полностью господствуют подсечно-огневая и переложная системы земледелия. Об этом косвенно свидетельствуют существование небольших поселков со сравнительно тонким культурным слоем, что говорит о недолговременном проживании населения. Вообще считается, что подсечное хозяйство всегда вело к непрочной оседлости². Поселения земледельцев этого времени неукрепленные, размеры их в Верхнем Подесенье составляют 0,4—0,5 га, в смоленском течении Днепра и на смежных территориях Подвинья наряду с наличием преимущественно небольших поселений выявлены и более значительные по размеру (до 2 га). На этих же территориях возводились и специальные городища-убежища, в которых население укрывалось во время опасности.

Все земледельческие поселения середины и третьей четверти I тыс. н. э. располагались на низких надпойменных террасах, на дюнах в пойме, на краю самой поймы или на пологих берегах водоемов. Исходя из топографии поселений, есть основание считать, что население для земледелия использовало и поймы рек. Это подтверждено открытием в Подесенье пойменного подсечного поля³, использованного под посевы. Объясняется это тем, что земледельцы того времени предпочитали песчаные почвы, которые складывались на приречных пространствах, так как на песчанистых оподзоленных почвах при подсечном земледелии урожаи были выше, чем на гумусированных суглинистых или черноземных⁴.

Пахотные или другие землеобрабатывающие орудия этого периода в верховьях Днепра пока не найдены. Но в наиболее примитивной форме подсечно-го земледелия «не требуется применения специальных земледельческих орудий... Однако уже при вторичном использовании площади подсеки под посев рыхление почвы становится обязательным»⁵. В этих целях могли ис-

Орудия труда, связанные с земледелием:

1 — серповидный нож (селище у дер. Гнездово); 2, 3 — серпы с крючком (2 — городище-убежище у дер. Демидовка; 3 — селище у дер. Шугайлово); 4 — серп (длинные курганы у дер. Шугайлово); 5 — обломок косы-горбуши (селище у дер. Слобода-Глушица); 6 — удила (городище-убежище у дер. Демидовка)

пользоваться деревянное рало и простейшая борона-суковатка. Основным орудием для повала леса служил железный топор. Он был узколезвийным, сваренным из двух частей: основного корпуса с проухом и приваренного к нему лезвия. По-видимому, лезвие было из углеродистого железа, поэтому оно часто обламывалось и было частой находкой на поселениях.

Орудия уборки урожая обнаружены на многих местах поселений. Использо-

вались два типа жатвенных орудий: серпы с простым черенком, или жатвенные ножи (рисунок 1, 1) и серпы с крючком на черенке (рисунок 1, 2, 3). Не исключено, что эти орудия одновременно могли использоваться и для заготовки кормов для скота на зимний период. Жатвенные ножи встречаются на поселениях не так часто и являются как бы пережитком предшествующей эпохи днепродвинской культуры раннего железного века, когда они были

сравнительно широко распространены. Серпы с крючком имеют значительно большие размеры: длина их по прямой оси достигает 26, а ширина лезвия — 3 см. Судя по некоторым обломкам, были и более крупные экземпляры серпов. Особенность этого типа серпов заключается в том, что сравнительно массивное, изогнутое и широкое лезвие непосредственно переходит в плоский черенок, лишь немного более узкий, чем сам серп. В месте перехода от лезвия к черенку бывает плавный изгиб. Конец черенка отянут и загнут под прямым углом к плоскости черенка в виде крючка или невысокого выступа. Черенок серпа крепился к деревянной рукояти при помощи этого крючка. Такое крепление в какой-то степени должно напоминать крепление современных кос. На одном из серпов, обнаруженном на городище-убежище у дер. Демидовка, имеется зубчатая нарезка, где зубцы повернуты вершинами к рукояти (рисунок 1, 3), но на большинстве найденных серпов такая нарезка не прослеживается. Серпы подобного типа появились в Восточной Европе еще в I тыс. до н. э. у скифских племен⁶, затем в зарубинецкое время они постепенно распространяются в пределах Среднего и Верхнего Поднепровья⁷ и к середине I тыс. н. э. достигают бассейна Западной Двины. Для уборки могли использоваться и косы-горбуши, обломки которых найдены на селищах этой поры (рисунок 1, 5).

Многочисленны находки размола зерна. Так, например, в пределах только одной постройки на городище-убежище у дер. Демидовка были найдены три большие зернотерки, а вокруг них значительное количество обуглившихся зерен. Зернотерки этого времени отличаются массивностью и значительными размерами, их трущая поверхность достигает 50×30 см. В конце периода существования городищ-убежищ появляются каменные ручные жернова⁸, что говорит о значительном усовершенствовании процесса размола зерна.

В верховьях Днепра на городищах-убежищах, в которых население вместе с имуществом и запасами продуктов

укрывалось на время опасности, а большая часть этих убежищ погибла в результате пожаров, найдено большое количество обуглившегося зерна. На городище-убежище у дер. Демидовка в слое пожара собрано более тысячи зерен, среди которых больше всего было зерен ячменя двух видов (двурядный и многорядный), и некоторое количество зерен мягкой пшеницы, ржи и овса. Помимо этого есть находки конских бобов и обгоревших комков проса. На другом городище-убежище, у дер. Близнаки⁹, в слое пожара собрано более 6800 отдельных зерен, включавших мягкую пшеницу (2736 зерен), ячмень (2437 зерен), кормовые бобы (1627 зерен) и более десятка зерен проса. Кроме того, найдено 12 больших комков обгоревшего и спекшегося проса, при этом часть комков состояла из целых зерен проса или проса и ячменя, а часть — из дробленого зерна. Видимо, это были запасы, хранившиеся в какой-то деревянной таре. На городище-убежище у дер. Акатово, в междуречье Днепра и Западной Двины, под насыпью вала обнаружена пыльца льна, что говорит о возделывании и этой культуры.

В целом данные споро-пыльцевых анализов говорят о наличии в непосредственной близости от этого городища-убежища больших лесных вырубок и гарей, на которых произрастал кипрей (иван-чай) — типичный спутник подсечного земледелия. Сравнительно большое количество пыльцы полыни и подорожника указывает на наличие вокруг убежища значительных открытых пространств, окультуренных человеком¹⁰.

Таким образом, имеющиеся материалы дают некоторое основание считать, что в третьей четверти I тыс. н. э. население, оставившее городища-убежища и другие памятники типа Тушемля — Акатово, при господстве подсечно-огневого земледелия производило преимущественно яровые посевы проса, ячменя, пшеницы и кормовых бобов, тогда как выращивание ржи и овса не получило еще широкого распространения. Однако есть веские основания считать, что кроме подсечно-огневой

системы земледелия к концу этого периода распространяется и переложная система. В пользу этого свидетельствует длительное существование отдельных поселений на одном и том же месте и их значительная величина. Таковы селища у деревень Куприно, Яново и др. в Смоленском Поднепровье и у деревень Заозерье, Шугайлово и др. в прилегающих к Поднепровью районах Подвинья. Количество жителей этих поселений составляло многие десятки, а может быть и сотни, душ, что требовало только для прокормления жителей более 40 га возделанной земли, не считая площадей для посевного зерна и других нужд.

Обследование ближайшей округи этих поселений показало, что пригодных для подсечного земледелия участков здесь не так уж много. Видимо, население, оставаясь длительное время на одном и том же месте, вынуждено было использовать ранее выжженные участки по системе перелога. В конце 40-х годов В. И. Довженок, изучая земледелие Древней Руси в более южных районах Поднепровья, пришел к аналогичному выводу для конца I тыс. н. э. Он говорит, что вырубание и выжигание лесов имело место, но это уже не был целиком подсечно-огневой способ земледелия. «Вырубленная и выжженная делянка обрабатывалась и становилась полем»¹¹. Здесь вырубка была способом расширения земледельческих площадей. Выжженный участок при переложной системе в первый год использования обрабатывался такими деревянными рыхлящими орудиями, как борода-суковатка, но уже в последующем обработка поля проводилась ралом, изготовленным из дерева. Понятно, что эти деревянные орудия в культурном слое поселений до наших дней не сохранились.

Применение рала обусловило использование тягловой силы домашних животных, в первую очередь крупного рогатого скота. Однако не исключено, что в этот период в качестве тягловой силы для обработки земли начинают использовать и лошадей. В какой-то степени подтверждением этому могут служить находки на поселениях и на городи-

щах-убежищах железных удили (рисунок 1, б), и металлических деталей сбруи.

В VIII в. на территории верховья Днепра и смежных пространствах Подвинья происходят значительные изменения: археологическая культура типа Тушемля — Акатово сменяется культурой длинных курганов, бытование которой в настоящее время определяется отрезком времени от VIII до начала X в. Поселения этой культуры пока изучены недостаточно, но погребальные памятники подверглись детальным исследованиям.

Население культуры длинных курганов в значительной степени использовало для своих поселений такие же места, как и население предшествующей культуры. Часто на окраинах ранее существовавших поселений VII—VIII вв. возникают кладбища из длинных курганов. Это подтверждает тот факт, что ранее окультуренные места поселений и земледельческие угодья были преемственно использованы населением культуры длинных курганов.

В результате раскопок длинных курганов получен значительный вещевой комплекс, входивший в погребальный инвентарь, среди которого есть и орудия труда, связанные с земледелием. Неоднократно встречались рабочие проушные узколезвийные топоры¹², которые, без сомнения, использовались при рублении лесов и расчистке участков для нужд земледелия. В двух погребениях обнаружены серпы. Серп, найденный в женском погребении у дер. Заозерье¹³, хотя и имеет значительную кривизну лезвия, но по своей форме занимает как бы промежуточное положение между серпами предшествующего периода и развитыми формами серпов древнерусского времени, поскольку ось его рукоятки составляет единую линию с осью начальной части клинка серпа. В погребении одного из курганов у дер. Шугайлово, датированного IX в., обнаружен другой серп (рисунок 1, 4), который представляет собой совершенное орудие уборки урожая. У этого серпа длинный черешок отогнут под значительным углом к начальной части клинка, а по своей

форме он близок русско-литовским типам серпов древнерусского времени.

Хотя материалов о земледелии VIII—IX в. сравнительно мало из-за слабой изученности поселений культуры длинных курганов, все-таки можно считать, что дальнейшее совершенствование орудий уборки урожая — серпов — свидетельствует об увеличении объема работ на жатве, а следовательно, и об увеличении посевных площадей и, видимо, о дальнейшем совершенствовании системы земледелия и все возрастающей роли этой отрасли хозяйства в жизни населения верховьев Днепра и смежных территорий Подвинья.

¹ Довженко В. И. Землеробство древней Руси.— К., 1961; Левашова В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ.— 1956.— Вып. 32.— С. 19—93.

² Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л., 1981.— С. 13.

³ Горюнов Е. А. Указ. соч.— С. 34.

⁴ Давыдчук В. С., Фролов И. К. К истории

заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н. э. // КСИА АН СССР.— 1976.— Вып. 146.— С. 14.

⁵ Краснов Ю. А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА.— 1967.— № 1.— С. 13.

⁶ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА.— 1954.— № 36.— С. 141.

⁷ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.— С. 165—166.— Табл. XXVII, 14, XXVIII, 2; Третьяков П. Н. Чаплинское городище // МИА.— 1959.— № 70.— С. 140.

⁸ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины.— М.: Л., 1963.— С. 67.— Рис. 28.

⁹ Шмидт Е. А. Новые данные о земледелии в V—VII вв. н. э. по материалам раскопок у дер. Близнаки // Сельское хозяйство и крестьянство нечерноземного Центра РСФСР.— Смоленск, 1976.— С. 3—9.

¹⁰ Шмидт Е. А. Некоторые данные о земледелии и скотоводстве на территории Смоленской области во второй половине I тыс. н. э. // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР.— Смоленск, 1972.— С. 64—78.

¹¹ Довженко В. И. До питання про техніку орного землеробства на півдні древньої Русі // Археологія.— 1950.— Т. 4.— С. 25.

¹² Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области // Московский рабочий.— 1983.— Ч. 2.— С. 119.— Рис. 20, 1.

¹³ Там же.— С. 25.— Рис. 5, 27.

Б. А. Тимощук

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОРОДИЩ-СВЯТИЛИЩ

Древние авторы, касаясь славянских языческих святилищ, обратили внимание на то, что они были ограждены. Ибн-Фадлан, описывая святилище русов X в. на Волге, отметил, что оно состоит из «высокой воткнутой деревяшки, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю»¹. «Деревяшки, воткнутые в землю» — это частокол, на колья которого при жертвоприношениях, как отметил тот же автор, «вешали головы рогатого скота и овец»².

Ограждали свои святилища и западные славяне. Гельмольд писал, что Староградское святилище было окру-

жено «тщательно отделанной оградой с двумя воротами»³.

Из других источников можно узнать, что ограждения языческих святилищ были не только деревянными, но и земляными. В сочинении «Память и похвала князю Владимиру» говорится, что князь «храмы идольския и требища всюду раскопа и посече и идолы съкрушил»⁴. Требища — это вся огражденная площадь, на которой совершались моления, находились идолы, жертвенники и другие культовые сооружения⁵. Требища-святилища, как свидетельствует упомянутый документ, были ограждены не только деревянными стенами, которые при их уничтожении нужно было рубить («посече»), но и земляными валами, так как их прихо-

дилось раскапывать («всюду раскопа»). Документ позволяет предположить, что среди славяно-русских городищ должны выделиться памятники типа городищ-святилищ, то есть культовые места, огражденные земляными валами.

Первая попытка выделить городища-святилища принадлежит смоленскому археологу А. Н. Лявданскому. Он обратил внимание на так называемые болотные городища, располагающиеся на небольших всхолмлениях среди болот, имеющие овальную или круглую небольшую (до 20 м в диаметре) площадку, окруженную одним или двумя валами. А. Н. Лявданский широких раскопок на этих городищах не проводил и культурный слой на них не был обнаружен. Болотные городища были датированы материалами селищ первой половины I тыс. н. э. и древнерусского времени (XI—XIII вв.), которые находятся недалеко от этих городищ, а некоторые из них связаны с городищами дорожками⁶. Исследователь предположил, что эти крошечных размеров городища «служили для обрядовых и вообще для религиозных целей»⁷.

Болотные городища Смоленщины и Белоруссии привлекли внимание других археологов и получили неоднозначную оценку. А. В. Арциховский утверждал: «крошечные размеры жилых площадок, большие размеры валов и рвов, связь с селищами, дата селищ — все приводит к выводу, что это феодальные замки»⁸. С. В. Киселев болотные городища отнес к убежищам, где пряталось население окружающих сел во время военной опасности⁹. П. А. Раппопорт высказал предположение, что болотные городища «представляют собой не городища, а своеобразные майданы, т. е. разрытые для каких-то целей курганы»¹⁰.

На новом научном уровне исследование болотных городищ проведено В. В. Седовым. Он обратил внимание на то, что недалеко от болотных городищ находятся девнерусские селища IX—X вв., и на этом основании отнес эти городища к языческой поре восточного славянства, приняв их за языческие святилища кривичей¹¹. В. В. Се-

дов впервые выделил комплекс археологических признаков городищ-святилищ, а именно: небольшие размеры, нежилой характер их укрепленных площадок, расположение валов ниже площадки, наличие рвов ритуального назначения (некоторые из них располагаются с внутренней стороны вала), расположение недалеко от городищ синхронных селищ.

В. В. Седов приводит любопытные данные о том, что городища-святилища являлись местом поклонения длительного времени. «Некоторые общинные праздники, — пишет он, — еще в XIX в. справлялись не в селах, а на расположенных поблизости городищах и холмах»¹². На одном из болотных городищ второй половины I тыс. н. э. Псковской обл., вплоть до 20-х годов XX в. собиралась молодежь на весенние и осенние игры и праздники¹³. Следовательно, время функционирования, городищ-святилищ вряд ли правомерно ограничивать узкими хронологическими рамками.

Новые данные об археологических признаках городищ-святилищ получены при исследовании городища Благовещенская Гора возле Вщижа¹⁴. Это городище, как показали раскопки Б. А. Рыбакова, функционировало длительное время. На нем обнаружены остатки юхновской, роменской и древнерусской культур. Находки и раскопанные постройки позволили Б. А. Рыбакову принять городище Благовещенская Гора за остатки племенного святилища. На этом городище впервые и с достаточной полнотой были исследованы длинные дома, служивших местом собраний и жертвенных пиров, которые следует отнести к важным археологическим признакам городищ-святилищ. Лучшее сохранившийся на городище длинный дом (его предполагаемая длина 60 м) вплотную примыкал к подковообразному валу. Дом имел деревянные стены из вертикальных бревен и частично из плетня. Внутри дома с обеих его сторон находились широкие земляные седалища.

Таким образом, в процессе исследования городищ-святилищ Верхнего Поднепровья были выделены археологиче-

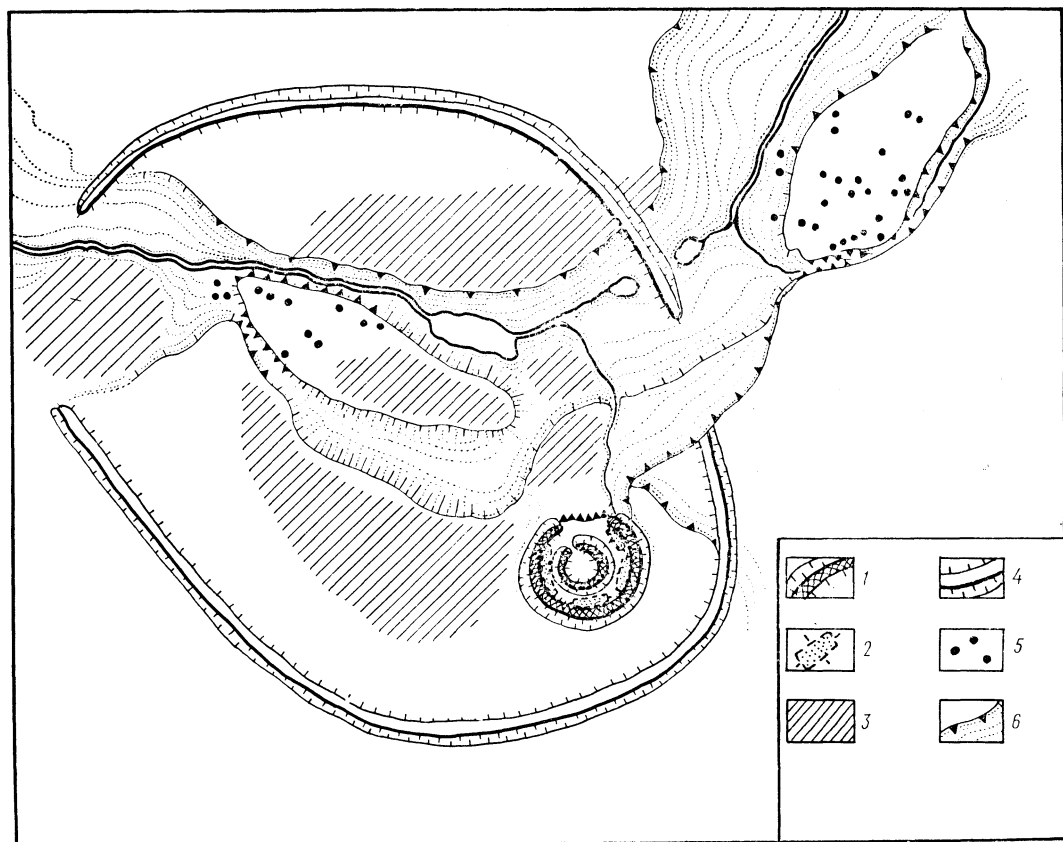

Рис. 1. Ржавинское городище-святилище:

1 — культовый вал IX в.; 2 — вал раннежелезного века; 3 — длинный дом; 4 — западина-жилище; 5 — распаханная часть древнерусского селища

ские признаки этих памятников, что позволило приступить к исследованию памятников подобного типа на других восточнославянских землях.

В 1973 г. экспедиция Черновицкого университета открыла хорошей сохранности городище-святилище на земле восточных хорватов, в Прикарпатье, у с. Ржавинцы Черновицкой обл.¹⁵ Это городище также обследовано Прикарпатской экспедицией ИА АН СССР в 1982 г.¹⁶

Ржавинское городище-святилище расположено на территории большого городища раннежелезного века (возможно, оно тоже является остатками древнего святилища), на высоком холме (рис. 1). На нем сохранились два кольцевых вала, с внешней стороны которых имеются неглубокие рвы. Внутренний вал окружает почти круг-

лую площадку диаметром до 24 м. Перед началом сооружения этого вала на его месте был совершен какой-то обряд, по-видимому, «очистительного» характера. Остатками этого обряда является слой сожжения (зола, угли, кусочки обожженной глины, обожженные камни) толщиной до 10 см, шириной до 5 м, подстилающий насыпь вала. Следы очагов под слоем сожжения не обнаружены. Представляется, что на место сооружения вала остатки кострища были принесены со стороны.

Слой сожжения под насыпью вала является одним из свидетельств культового характера этого вала. Следы деревянных оборонительных сооружений здесь не обнаружены. Оказалось, что вал служил платформой для устройства специальных площадок-алтарей. Остатками этих площадок

являются каменные плитки со следами огня, угли и зола, обнаруженные на склонах внутреннего вала во время раскопок. Такого же типа площадки, но лучшей сохранности, обнаружены на городище-святилище у г. Горбова Черновицкой обл.^{16а}

Наличие площадок-алтарей на валах следует отнести к одному из главных археологических признаков городищ-святилищ. Эти площадки указывают на культовый, а не на оборонительный характер валов, ограждавших место расположения идолов.

Культовый вал Ржавинского святилища ограждал центральную площадку, которая предназначалась для идола (остатки сброшенного каменного идола найдены во время раскопок на внешнем склоне этого вала). Это была главная часть святилища и здесь никаких строений не было. В то же время на площадке между двумя кольцевыми валами (ее ширина 10—12 м) находились длинные наземные дома. Их следы сохранились в виде горизонтальных площадок. Во время раскопок на месте одной из площадок обнаружен культурный слой, состоящий из кусков глиняной обмазки стен и обломков глиняной посуды типа Луки-Райковецкой.

Длинные дома общественного назначения обнаружены и исследованы на других городищах VIII—IX вв. Украинского Прикарпатья (Добрыновцы, Ревне, Городница и др.)¹⁷. Исследования показали, что длинные дома были наземными деревянными сооружениями, и их остатки не всегда могут быть зафиксированы во время раскопок. Но эти дома являются довольно важной составной частью общинных центров, в том числе и святилищ. В этих домах, как уже отмечалось, проводились собрания общинников и жертвенные пирры-братчины, вершился, как свидетельствует немецкий хронист Гельмольд, суд¹⁸ и т. п. Поэтому наличие длинных домов следует также отнести к главным признакам городищ-святилищ.

Длинные дома общественного пользования — это символ сплоченности общинников, свидетельство того, что городища, на территории которых

функционировали эти дома, являлись центрами общественной жизни общины. Это положение полностью относится и к городищам-святилищам, что подтверждается расположением этих памятников в окружении синхронных селищ. Например, возле Ржавинского городища-святилища находится большое синхронное селище (рис. 1). Большая часть селища распахана. В двух местах сохранились западины-жилища. Раскопаны две полуземлянки с печами-каменками, в которых найдены обломки керамики IX в. В 1 км на юг от городища-святилища, в уроч. Московская криница, находится еще одно селище VIII—IX вв. К северо-востоку от святилища, в лесу на берегу ручья в уроч. Около Фабрики также расположено селище VIII—IX вв. На нем сохранилось 40 западин-жилищ. Синхронные селища сопровождают и другие городища-святилища восточных славян. Это также важный археологический признак городищ-святилищ.

Исследование буковинских городищ-святилищ (Ржавинцы, Горбова) показало, что для них характерны приблизительно такие же археологические признаки, как и для городищ-святилищ Верхнего Поднепровья.

Новые данные об археологических признаках городищ-святилищ получены Прикарпатской экспедицией ИА АН СССР, которая в 1982 г. провела специальные исследования городищ на Верхнем Пруте и Среднем Днестре. Так, изучение городищ-святилищ у с. Кулишовка Черновицкой обл. (расположено на высоком мысу правого берега Днестра) и Рудники Ивано-Франковской обл. (расположено на высоком холме правого берега г. Рыбница, недалеко от Прута) показало, что важным признаком памятников этого типа являются также и культовые рвы¹⁹.

В Кулишовке, кроме двух культовых валов, на вершинах которых находились площадки для ритуальных огней и жертвоприношений, исследованы два культовых рва. Первый из них непосредственно окружает площадку диаметром 8 м для идола. Этот ров глуби-

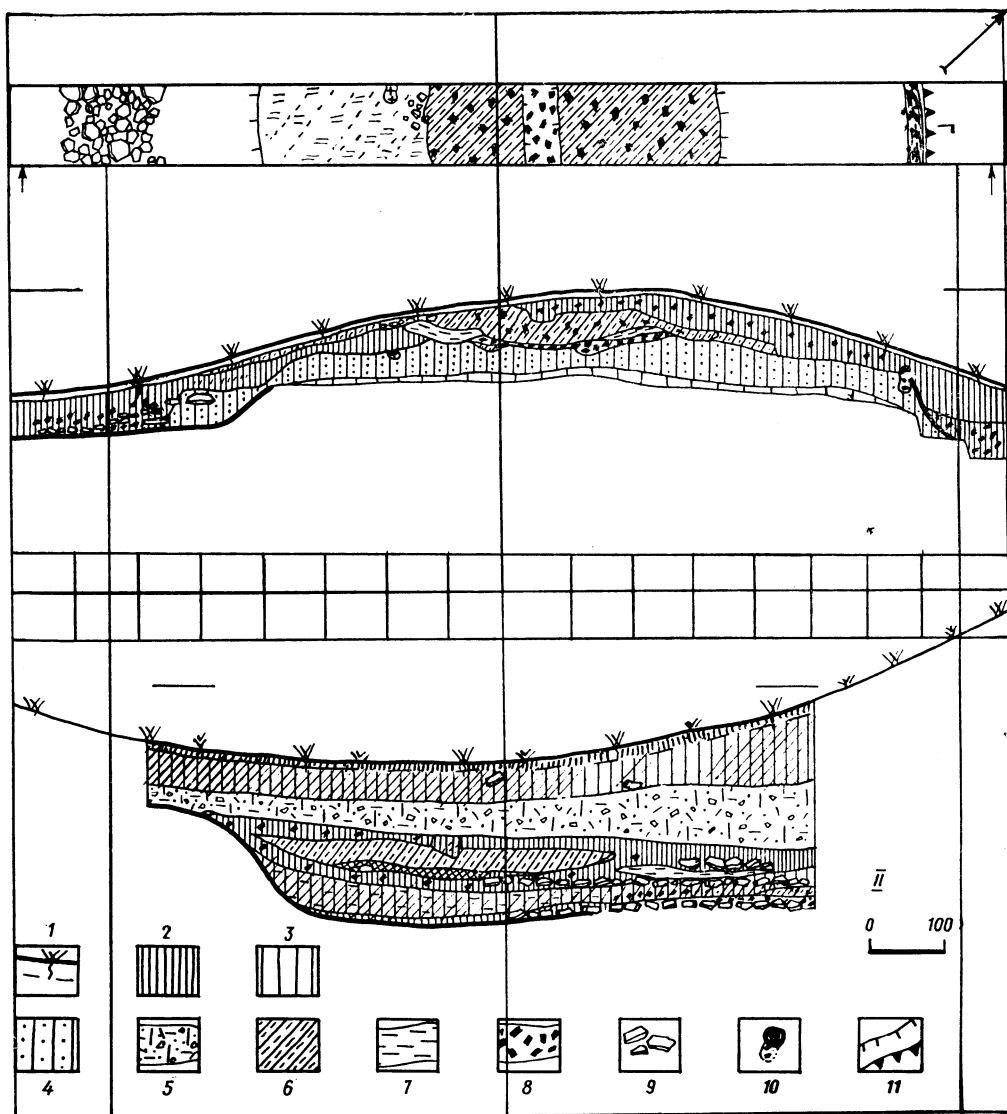

Рис. 2. I — Кулишовское городище-святилище. Профиль культового вала и рва:

1 — камни; 2 — обожженная глина; 3 — угли; 4 — глина; 5 — темно-серая земля; 6 — серая земля; 7 — остатки сгоревшего дерева.

II — Городище-святилище у с. Рудники. Профиль культового рва:

1 — камни; 2 — серая земля; 3 — черная земля; 4 — глина; 5 — обожженная земля; 6 — угли; 7 — смешанная земля

ной 0,6 м, шириной около 5 м окружал центральную площадку городища со всех сторон. На его плоском дне находилась разрушенная каменная площадка шириной больше 1 м. На этой площадке, камни которой обожжены, найдены угли, обломки керамики X—XII в., кости животных (рис. 2).

Второй культовый ров находится между первым (внутренним) и вторым валами. Его глубина 0,5 м, ширина (в верхней части) 5,3 м. На плоском дне рва хорошо сохранилась каменная площадка шириной 1,6 м, примыкавшая к склону внутреннего вала. На этой площадке-алтаре, поверхность

которой имеет следы огня, найдено много углей и обломки древнерусской керамики XII в., вторично побывавшие в огне.

Рудниковское городище-святилище X—XII вв. расположено на месте городища-святилища раннежелезного века. Главная часть древнерусского святилища занимает самое высокое в этом месте конусообразное возвышение, на вершине которого обнаружены остатки постройки, по-видимому, языческого храма. Подножие конусообразного возвышения окружено рвом глубиной 1,1 м. шириной больше 4 м. При раскопках этого рва обнаружены три каменные площадки-алтари, расположенные на разных уровнях заполнения рва. На плоском дне этого рва находилась каменная вымостка шириной 1,7 м, поверхность которой сильно обожжена. На камнях лежали угли, кости животных, иногда кальцинированные, и обломки глиняной посуды X—XI вв. Каменная площадка с культурными остатками была перекрыта слоем земли толщиной до 20 см и на ней находилась вторая каменная вымостка таких же размеров, поверхность которой также сильно обожжена. Найденные здесь обломки посуды датируются XI в. Затем ров с каменной площадкой-алтарем был засыпан глиной. Через некоторое время во рву снова соорудили каменную площадку-алтарь шириной около 1 м. На ней также видны следы сильного огня. Керамика, найденная на верхней вымостке, относится к XII в.

Обнаруженные на дне культового рва Рудниковского городища-святилища каменные площадки-алтари свидетельствуют о том, что верующие проявляли постоянную заботу о них, их реконструировали, перестраивали, и возобновляли, то есть они являлись обязательным признаком языческих восточнославянских городищ-святилищ.

Таким образом, целенаправленные исследования на разных территориях городищ-святилищ позволяют выделить следующие наиболее характерные (главные) археологические признаки памятников этого типа.

Обязательной и наиболее важной составной частью любого языческого городища-святилища является специально устроенная (обычно круглой или овальной формы) площадка для идола — капище. Жилища и другие постройки на площадках-капищах не сооружали.

Наличие культовых валов, ограждающих отдельно капище или всю территорию святилища-требища. Валы не всегда связаны с рельефом местности, могут, например, располагаться на склонах холмов и мысов (Рудники, Горбова и др.). Эти валы использовались не для размещения на них оборонительных срубов или каких-либо других укреплений, а для устройства на них культовых площадок-алтарей. На этих площадках зажигали огни, приносили жертвы богам.

Наличие культовых рвов, ограждающих капище или всю территорию святилища (требища). Рвы не всегда сопровождаются валами, могут играть самостоятельную роль в «охране от злых сил» святилища. Культовые рвы обычно имеют плоское или почти плоское дно, на котором устраивались специальные площадки-алтари.

Важной составной частью городищ-святилищ были длинные дома общественного назначения. В них могли проводиться разного рода торжественные собрания, трапезы, свадьбы, поминальные пиры, исполняться магические обряды и т. п. Длинные дома располагаются, как правило, за пределами капищ, но на территории святилищ.

Городища-святилища обычно выполняли функции общинных центров; они всегда находятся в окружении синхронных поселений.

Выделенные археологические признаки городищ-святилищ имеют прежде всего важное практическое значение. Они позволяют провести массовое археологическое изучение памятников этого типа. Благодаря этим признакам Прикарпатская экспедиция ИА АН СССР (руководитель И. П. Русанова) в 1984 г. обнаружила городище-святилище, на котором в свое время стоял

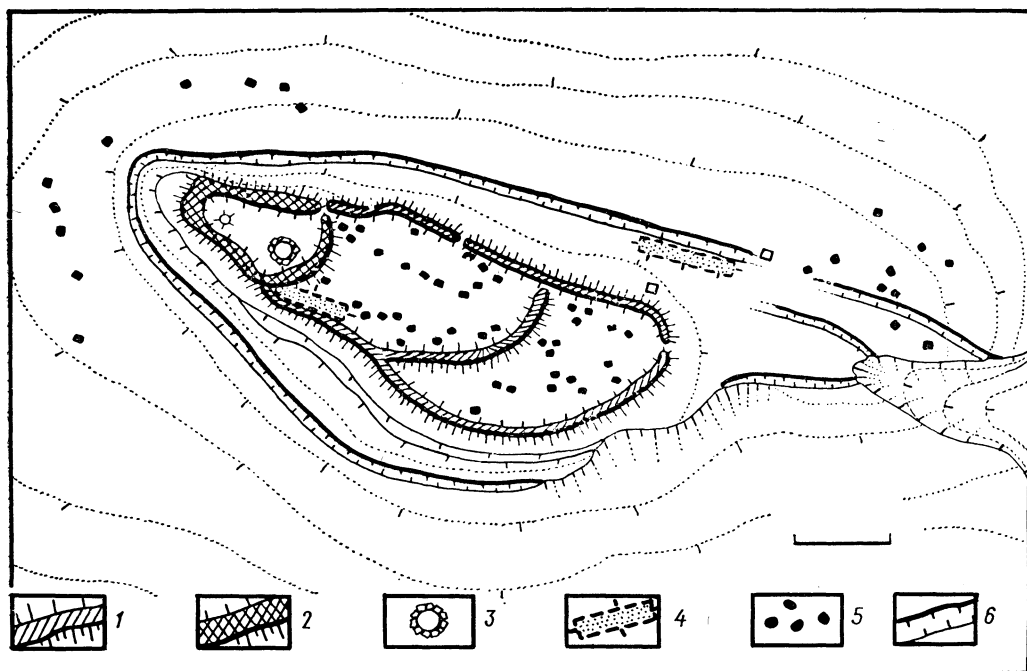

Рис. 3. Первое Збручское (Городницкое) святилище:

1 — каменный вал раннежелезного века; 2 — вал с площадками-алтарями; 3 — каменный пьедестал для идола; 4 — длинный дом; 5 — западины-жилища; 6 — культовый ров

знаменитый Збручский идол, найденный в 1848 г.

Збручское святилище находится у с. Городница Гусятинского р-на Тернопольской обл., приблизительно в 1,5 км от места находки Збручского идола. Оно расположено на высокой горе Богит, на вершине которой хорошо сохранились каменные валы, сооруженные в скифское время (рис. 3). Площадку городища, вытянутую с запада на восток на 300 м, окружает каменный вал, а два поперечных каменных вала делят ее на три части.

В древнерусское время городище раннежелезного века (вероятно, святилище) было приспособлено под святилище восточных славян (волынян). Об этом свидетельствуют его основные археологические признаки.

На самой высокой площадке городища находилось капище славянского святилища размером 50×70 м. В его юго-восточной части был сооружен пьедестал для идола в виде круглой каменной площадки диаметром 9 м, высотой 0,5 м, окруженный восьмью

жертвенными корытообразными ямами (их диаметр 3—5 м, глубина до 1 м). В двух ямах находились погребения мужчин в возрасте около 60 лет. Возле них найдены обломки керамики XII—XIII вв., вторично побывавшие в огне. В остальных ямах найдены такие же обломки керамики XII—XIII вв., кости животных (коровы, свиньи, лошади), угли и кости двух детей в возрасте до 3 лет (они находились в двух ямах). В северо-западной части пьедестала расчищена квадратная яма для идола (ее размер 50×50 см, глубина 50 см).

В западной части капища обнаружено еще одно сооружение — каменное курганообразное возвышение, в центре которого находилась жертвенная яма квадратной формы (ее размер 2×2 м, глубина 0,7 м). В ней найдены обломки керамики XI—XIII вв., со следами огня, кости животных, обломки стеклянных браслетов.

При реконструкции городища в древнерусское время вершина вала, окружающего капища, была спланирована,

а на ней устроены площадки-алтари. Таких площадок нет на валах за пределами капища. Верхняя часть площадок-алтарей сильно обожжена, на них найдены вторично обожженные обломки глиняной посуды X—XIII вв., кости животных и угли.

На Збручском (Городницком) городище-святилище обнаружен также культовый ров. Он был сооружен в древнерусское время в подножии городища (рис. 3, б). Плоское дно рва выложено камнями, на них найдены угли и керамика X—XI вв.

Длинные дома этого святилища располагаются за пределами капища. Исследованы два таких дома. Длинный дом № 1 расположен на территории городища сразу за культовым валом, ограждающим капище. Он прослеживается в виде горизонтальной площадки длиной 40 м, шириной 12 м. При раскопках на его территории обнаружены столбовые ямы, куски глиняной обмазки стен, найдено много обломков глиняной посуды XI—XIII вв., которая вторично побывала в огне, и кости животных. Пол дома выложен из каменных плиток. Второй длинный дом расположен в северо-восточной части городища, возле культового рва, с его внутренней стороны. От него также сохранилась горизонтальная площадка длиной 60 м, шириной 6—8 м. На полу этого дома, выложенного камнями, найдено несколько обломков керамики X—XI вв.

Збручское (Городницкое) святилище находится в окружении синхронных ему селищ X—XIII вв. Они обнаружены в пяти пунктах. Три селища примыкают непосредственно к городищу, располагаясь на склонах горы Богит. Одно селище находится в 1 км к югу от городища, в уроч. Скала (на нем сохранилось 80 западин-жилищ). Еще одно селище отстоит от городища на 1 км в северо-восточном направлении (на нем сохранилось 19 западин-жилищ).

Таким образом, несмотря на то, что под славянское святилище было приспособлено городище раннежелезного века, оно определяется такими же археологическими признаками, как и

другие славянские городища-святилища. Это подтверждается материалами второго Збручского святилища, которое расположено в 5 км от первого, у с. Крутилов Гусятинского р-на.

Второе Збручское (Крутиловское) городище-святилище находится на склоне высокого мыса правого берега р. Збруч в уроч. Звенигород. На нем также сохранились каменные валы, сооруженные, как показали исследования Прикарпатской экспедиции ИА АН СССР в 1985 г., в скифское время (рис. 4). В древнерусский период городище раннежелезного века было приспособлено под святилище восточных славян. Оно, по-видимому, обслуживало членов не одной, а многих общин, и здесь находилось не одно, а несколько капищ, то есть здесь находился пантеон языческих богов какой-то крупной группы восточных славян.

Пантеон-площадка Второго Збручского святилища располагалась на самой возвышенной части городища, между двумя валами раннежелезного века, занимая территорию размером 200×160—100 м. С востока пантеон был огражден земляным валом, сооруженным, по всей вероятности, в древнерусское время, а с запада — крутым склоном (здесь на краю площадки стоял длинный дом, который одновременно мог выполнять функцию ограды).

На территории площадки-пантеона выделяются три возвышения, на которых прослеживаются круглые площадки, вероятно, для идолов. Одна из них раскопана почти полностью. Это специально спланированная на склоне круглая горизонтальная площадка диаметром 10 м, покрытая каменной вымосткой, местами сильно обожженной. На ней найдены в большом количестве обломки посуды XII — первой половины XIII в., побывавшие в огне, кости животных, несколько обломков черепа человека, много различных предметов — также со следами огня.

За пределами капища, но недалеко от него, на территории площадки-пантеона обнаружен длинный дом шириной 5,5 м (длина его, судя по сохранившейся горизонтальной площадке,

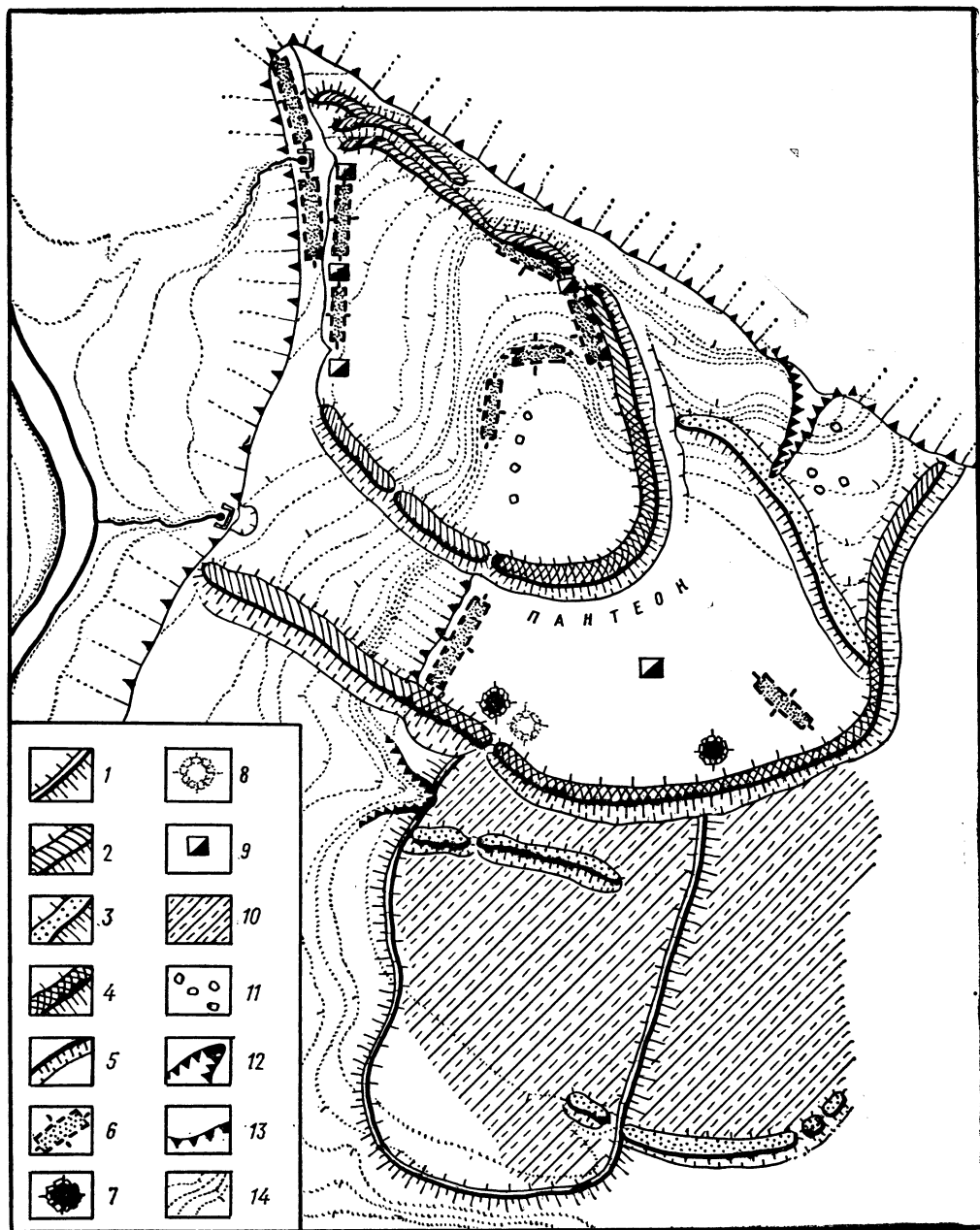

Рис. 4. Второе Збручское (Крутиловское) святилище:

1 — вал начала раннежелезного века; 2 — каменный вал скифского времени; 3 — земляной вал древнерусского времени; 4 — вал с площадками-алтарями; 5 — ров; 6 — длинный дом; 7 — капище; 8 — предполагаемое капище; 9 — культовое сооружение; 10 — селище X—XIII вв.; 11 — западины-жилища.

более 20 м). Он имел, как показали раскопки, стены столбовой конструкции, пол был вымощен камнями. В центре дома находился очаг, рядом с ним лежали кости животных, облом-

ки посуды XI—XIII вв. и различные предметы. Здесь также найдены обломки человеческого черепа. Длинные дома такой же конструкции обнаружены еще в 9 местах святилища.

На вершинах валов, которые окружают площадку-пантеон, обнаружены площадки-алтари. Они выложены из каменных плиток, на которых имеются следы огня и найдены обломки посуды XII — первой половины XIII в., кости животных и различные предметы, положенные здесь, по-видимому, как жертва богам. Каменные площадки-алтари были устроены в древнерусское время также и во рвах тех валов, которые ограждают площадку-пантеон. На них также найдены обломки керамики XII в. и кости животных.

Второе Збручское, как и Первое, святилище расположено в центре гнезда древнерусских поселений X — первой половины XIII в. Одно из этих селищ расположено на плато у городища-святилища, в уроч. Замчище (на нем сохранилось более 100 западин-жилищ), второе — в 0,5 км на северо-запад от городища, на левом берегу оврага Бабина Долина, в уроч. Хаща, третье — на правом берегу оврага Бабина Долина (здесь сохранилось более 80 западин-жилищ), четвертое — на юго-восток от городища, на первой надпойменной террасе р. Збруч, в уроч. Стадна, пятое — на юг от городища, на левом берегу Збруча, в уроч. Сиванки.

Таким образом, Второе Збручское святилище характеризуется теми же главными археологическими признаками, что и Первое. Это еще одно подтверждение того, что выделенные археологические признаки могут иметь важное практическое значение. При классификации древнерусских городищ следует учитывать и эти признаки (наличие капищ, длинных домов-контин, культовых валов и рвов, а также синхронных селищ).

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под. ред. акад. И. Ю. Крачковского. — М.; Л., 1939. — С. 78—79.

² Там же. — С. 80.

³ Гельмольд. Славянская хроника. — М., 1963. — С. 185.

⁴ Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. — Спб., 1897. — Т. 1. — № 6. — С. 5.

⁵ Динцес Л. А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // СЭ. — 1947. — № 2. — С. 69.

⁶ Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. — Смоленск, 1926. — С. 187—190.

⁷ Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Тр. Смоленских гос. музеев. — Смоленск, 1924. — Вып. 1. — С. 174.

⁸ Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Смоленской и Суздальской землях // Пробл. истории докапиталист. о-в. — 1934. — № 11—12. — С. 50—51.

⁹ Кисилев С. В. Поселения // Труды секции теории и методологии РАНИОН. — 1928. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 57—61.

¹⁰ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. — 1956. — № 52. — С. 40.

¹¹ Седов В. В. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА АН СССР. — 1962. — Вып. 4. — С. 57—64.

¹² Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. — 1960. — № 92. — С. 36—37.

¹³ Седов В. В. Разведки в Псковской земле // АО 1970. — М., 1971. — С. 18—20.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. // КСИИМК. — 1951. — Вып. 38. — С. 35—41; Его же. Стольный город Чернигов и удельный город Вщижь // По следам древних культур: Древняя Русь. — М., 1953. — С. 108—113.

¹⁵ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. — К., 1976. — С. 84—89.

¹⁶ Тимощук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. — 1983. — № 4. — С. 170—172.

^{16a} Тимощук Б. О. Слов'яни... — С. 90. — Рис. 44.

¹⁷ Там же. — С. 121—128.

¹⁸ Гельмольд. Славянская хроника. — С. 185.

¹⁹ Тимощук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища... — С. 161—173.

О НАЗВАНИИ
ВЕЛИКОЙ БОГИНИ СЛАВЯН

Славяне, как и многие другие народы мира, в древние времена почитали образ праматери-женщины, богини жизни (так называемая Великая богиня славян). Следы ее культа остались в многочисленных памятниках материальной культуры¹, а упоминания о ней — в описаниях средневековых писателей и историков (Ибн-Фадлан, Ал-Масуди, Титмар, Гельмольд, Длугош и др.)².

Изображали богиню-мать во весь рост с поднятыми вверх руками, в позе мольбы, обращенной к небу, солнцу, с солнечными дисками вокруг головы. Таким изображениям часто придавалась магическая сила, их носили при себе как обереги, которые должны были защищать от злых сил и волшебства и обеспечивать счастье и благополучие, о чем могут свидетельствовать бронзовые фибулы VI—VII вв. из Поднепровья, где богиня жизни, земли, плодородия чаще всего изображалась в окружении птиц и зверей³. Большинство таких фибул найдено в бассейне реки Рось, где, возможно, по мнению академика Б. А. Рыбакова, находилось и святилище Великой богини⁴.

Начиная с VII—VIII вв. изображения Великой богини становятся более схематическими. В это время образ ее на различных ювелирных предметах заменяется символами солнца (кресало из Ладоги X в. и различные вещи из киевской эмали)⁵. Со временем образ Великой богини переходит в обыкновенный декоративный мотив, и вышитые изображения ее встречаются только на полотенцах⁶, имевших в языческом ритуале важное священное значение. На таких полотенцах (XIX в.) Великая богиня чаще всего в руках держит расцветший куст или птицу — вестник ее весеннего возрождения или же держит за уздечки коней, на которых сидят жрецы, приносящие ей дары. Головы их и руки часто прорастают ветвями деревьев, вокруг нагромождены символы солнца

и живые существа, в том числе петухи — вестники утра, животворящего света⁷.

Такие изображения матери всего живого (также и земли), ее жрецов и птиц, по мнению исследователей, передают земледельческий характер религиозных представлений восточных славян о силах природы, о весеннем оплодотворении земли солнцем⁸.

Первоначальное название праматери-женщины, богини жизни славян к нам не дошло. Условно она названа Великой богиней. Из разных источников известны ее более поздние названия: Жива, Дана, Дива, Берегиня, Земля, Житная Баба, Рожаница, Лада и др. Думаем, что в древнейшие времена богиня-мать могла называться Славой и имела определенное отношение к происхождению этнонима «славянин», то есть от имени Слава народ стал называться славянами, страна, где жил этот народ — Славией, а все языческое богослужение получило название славления.

Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные слова в славянских языках, тесно связанных с общеславянскими, «слава» и «славянин». Это славити, славление, славословие, славляти, славословение, славаний, Славута (древнее название Днепра), славутый, славяне, славянство, славянский и др.⁹ Кроме того, у славянских народов сохранено много имен и географических названий с корнем «слав» (Слав, Слава, Славята, Славобой, Славомила, Славомир, Мстислав, Ярославль, Преслав и др.). Такие имена и названия зафиксированы в летописях и других древних памятниках¹⁰ и числом своим (а их известно около пяти-сот) и ныне поражают исследователей старины.

Имена на «слав» давали чаще всего членам княжеского дома, князьям (бывшим вначале и жрецами), а впоследствии воеводам и боярам. Люди, получившие подобные имена, часто по-

крывали себя, действительно, неумирающей славой (таковы Святослав — неустрашимый и смелый воитель, Болеслав, названный Храбрым, Бослав — вождь сербский).

О большой популярности и широком распространении на территории всего славянского мира собственных имен на «слав» говорит хотя бы такой пример. В свое время известный чешский ученый и поэт Ян Коллар (автор поэмы «Дочь Славы») сделал извлечение собственных имен из различных древних памятников и пришел к выводу о численном преимуществе корня «слав» по отношению к другим корням, входившим в состав собственных славянских имен. По его подсчетам, в летописи Нестора на 190 славянских собственных имен 103 приходится на «слав», в «Слове о полку Игореве» из 20 славянских имен — 14 оканчиваются на «слав», а в «Древностях» Шафарика из 77 славянских сложных имен 40 приходится тоже на «слав»¹¹.

Такое явление в славянском мире считалось вполне закономерным. Ведь известно, что в древние времена новорожденное дитя приносили к жрецам, и те возле святилища божества давали ему имя. При этом происходил обряд посвящения, в котором незримо для посторонних будто бы принимало участие божество, ставившее покровителем и защитником человека. Детей часто называли по именам того или другого бога, которого почитало племя¹². В данном случае — по имени богини Славы, которая давала своим будущим почитателям (конечно, устами жрецов, волхвов, чародеев) те или иные свои божественные признаки, которые чаще всего скрывались в первой части сложного двучленного имени на «слав». Анализируя эти имена¹³, мы сталкиваемся с отдельными важными моментами в богослужении и характере культа богини.

Во-первых, в таких именах есть прямое указание на Славу как божество. Об этом рассказывает, например, первая часть имени Дивислав(а), засвидетельствованное еще в XI—XIII вв. (у чехов, сербов — Дива)¹⁴. Происходит от санскритского *dēv* (*dēvas*) (бог,

божественный). Также индоевропейское *Deiuvos* — бог, латинское *deus* — бог, *dīva* — богиня, древнеиндийское, литовское и другие указывают на божество¹⁵, то есть Дива — богиня, Дива-слава — богиня Слава. О том, что Славу величали у праславян богиней, подтверждают и другие имена — Боугслав(а) Божислав(а), то есть то, что и творец мира, название, которое приписывали язычники своим идолам.

Другие корни такого сложного имени тоже указывают на божественное происхождение Славы. Это Белослав(а) от корня «бел», что значит не только белый, но и красный, светлый, чистый¹⁶. Указанное название совпадает с названием другого божества, известного как Белбог, ибо славяне белым цветом, цветом солнечных лучей обозначали все, достойное уважения. А Белбогу, по мнению Н. И. Костомарова, придавалось доброе, светоносное начало, и славяне верили, что от него приходит счастье¹⁷. Кроме того, значение Белбога равнозначно Свантовиду — солнечному богу западных славян¹⁸.

Подобное мы видим и в именах Светислав(а) от «свет» — светлый, сияющий, блестящий; Горислав(а) от гореть; в имени Святослав(а), где слово «свят» в древние времена имело значение светлый, сияющий, ибо слова «свят», «цвет», «квет», «свет» родственны и значат блеск, то есть светоносное начало¹⁹.

Таким образом, и в названных выше именах богиня Слава — божество животворящее и своими действиями все равно, что свет, солнце для природы. Как богиня жизни, которая возрождается весной, Слава была также богиней Весны. Так, в сложном имени Ярослав(а) слово яр(а) значит весна, созвучно с Яром, Ярилом, богом весеннего солнца²⁰, откуда Слава — богиня весны, то есть символ жизненного начала, а также богиня любви, гармонии, красоты и благополучия. Богиня Слава непосредственно связана с божеством Рода, ибо заботится (по верованиям древних) о продолжении человеческого рода (такой она предстает в имени Родислав(а) — от родить, то есть та,

которая дает всему начало)²¹, а соответственно близка и к греческой Артемиде (Родислава и Рожаницы — девы жизни — понятия тождественные)²², богине — деве, богине плодородия и покровительнице деторождения²³.

Одновременно богиня-мать является богиней окружающей природы и растительности (в имени Ростислав(а) «рост» значит произрастать, расти, пробуждать к жизни), засекает поля и нивы — Дедослав(а), где Дед — языческое божество, дух предков, который целую зиму сидит в закромах, а с приходом весны выбирается на волю и засекает землю и выращивает хлеб²⁴. По мнению исследователей, под Дедом понимается Солнце, которое у чехов и украинцев величают Дедом-Всеведом²⁵. Недаром в обрядовых песнях, которые исполнялись при встрече весны, вспоминается припев «Ой Дед-Ладо», где Ладо — одно из названий Солнца²⁶. Одновременно Слава была покровительницей скотоводства — Велеслав(а), Волослав(а).

Из анализа даже этих немногих имен ясно, что Слава олицетворяла всемогущее божество и в определенное время заменяла собой функции многих богов (Белбога, Рода, Ярила, Лады, Велеса и др.), а поэтому и называлась славянами Великой богиней — Велиславой (от общеславянского «вель», «велий» — великий)²⁷, то есть была матерью всего живого.

Таким образом, одна и та же богиня у праславян на рубеже нашей эры могла иметь название Славы, а образ ее на полотне дожил до XIX—XX вв. на полотенцах Северной Руси, на старинных полотенцах кролевских мастериц. Это древнее почитание богини оказалось настолько живучим, что упоминание о ней под ее собственным именем осталось в обрядах некоторых славянских народов (сербов) и в письменных памятниках старины («Слово о полку Игореве»).

У сербов праздник Славы существовал еще в те времена, когда каждый род имел своего родового бога, то есть еще до прихода их на Балканы (V—VI вв. н. э.). Когда же сербы приняли христианство, то в день своего креще-

ния каждый род выбирал себе среди христианских святых защитника и покровителя и славил его как своего бывшего языческого бога под именем «красно име», «слава», «свети», «свето». Этот праздник, который заменил для сербов дни рождения и именин, состоит в освящении хлеба, коллива (заупокойной кутьи), вина и торжественном ужине, на котором провозглашается Слава. Не только отдельные роды, но и села имеют свою Славу. Сельская Слава (в основном это моление за урожай) — пережиток аграрного праздника древних, совпадает со временем сеяния и сбора урожая. Поэтому обряды, которые исполняются на праздновании такой Славы, сохранили многое из культа богини-жизни. Особенно следует напомнить о жертвоприношении Славе животворной крови (при христианстве — крови животных), о молитве, которую творит хозяин, священник (в прошлом — жрец), что напоминает гимны-славения богини-жизни. Такое почитание огня, символа жизни древних, связывается с рождением весеннего солнца, временем наибольшего празднества Славы (в Георгиев день — 23 апреля), который является древним почитанием зимнего поворота солнца на лето — праздника Весны. Интересно, что к такому празднику сербы приурочивают самые важные события семьи, общества, страны²⁸.

По мнению М. Оболенского, на древний культ богини Славы есть указание и в «Слове о полку Игореве» (XII в.). По его предположению, память о богине-матери певец Игоря сохранил в выражении: «Встала Обида в войсках Дажьбожьа внука, вступила Девкою на землю Трояню, всплескала лебедьними крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилья»²⁹. Именно Дева-Обида, считает М. Оболенский, и является богиней Славы, которой на курганах ставили изваяния в образе Девы жизни³⁰.

Как известно, все языческое богослужение древних имело название «славения», «славословения», что, несомненно, шло еще от почитания Великой богини. Так, ко всем своим богам (начиная от Славы) славяне обращались

с молитвами-гимнами славословия, просьбы и благодарности³¹, которые уже летописец называет «бесовскими песнями»³², а официальная христианская религия еще долгое время вела беспощадную войну против их распространения в народе, считая языческое пение песнями дьявольскими, песнями сатанинскими³³. Однако отрывки из таких молитв, сопровождавшихся во время жертвоприношений пением и музыкой, дошли до нас в обрядовых песнях многих славянских народов (колядки, щедровки, русальные и весенние песни)³⁴. К ним относятся и старинные народные песни «Славы» (из так называемых величальных святочных песен)³⁵.

От тех же далеких языческих времен сохранились отдельные слова и выражения, являющиеся отражением культа Великой богини — славение, славить, славиться, словутный, пришла слава, петь славу, слава богу и др.³⁶ Стоит также напомнить, что городам (по словам А. А. Потебни) до позднего времени кликалась слава в окликах часовых («Славен город N») ³⁷, что Слава считалась одним из элементов казачьего характера, ради которой казак готов был на самый смелый подвиг³⁸. Также известно, что реки у славян славилась, что им пелась слава («Быстрым рекам слава до моря») ³⁹. Поэтому и Днепр славяне называли Славую, а многим другим рекам давали название Славы⁴⁰.

Но больше всего почитали древние свою самую большую реку, которую считали божеством. Так, среди языческих богов, к которым обращается в своем плаче-молении Ярославна («Слово о полку Игореве»), кроме тресветлого солнца, ветра Стрибога, назван еще и Днепр-Славутич, то есть Ярославна зовет на помощь народных богов: «О Днепр Славутич. Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую»⁴¹. Наименование Славы засвидетельствовано и в украинских народных думах, в исторических песнях. Возвеличивание Днепра-Славы видим, например, в думе «Самийло Кишка» и др.⁴² Славутичем называется Днепр также и в Повести второй поло-

вины XVII в. о Сухане: «Да едет Сухан ко быстру Непру Славуютию на берег»⁴³.

Таким образом, зная, что Днепр в древние времена обожествлялся (как свидетельствуют памятники старины) и величался Славую, Славутичем, можно сделать вывод о том, что он считался в далеком прошлом сыном Славы, то есть Славутичем, как думал об этом еще М. А. Максимович⁴⁴, то есть Днепр назывался Славую от имени Великой богини славян, а соответственно и другие реки и озера в славянской стране получили названия от ее имени. Поэтому естественно, что таких названий (рек, ручьев, источников и озер) находится больше всего по течению Днепра. В исследовании А. С. Стрижака это: Славечна или Словечна — правый приток Припяти с гидронимом в ее бассейне Словешинка; Славигощ в бассейне Десны; Славица на Смоленщине, Славута — правый приток Уши; Славянка в бассейне Сожа, Словянка на Смоленщине и др.⁴⁵ К сказанному следует добавить озеро Славунское (Славо) бывшей Минской губернии, реки Сеславку в бассейне Десны, Рославку возле Киева, Рославку в бассейне Сожа, Славку, Ославицу в бассейне Вислы.

Именно здесь, между Средним Днепром и бассейном Вислы (в районе наибольшего скопления речных названий на «слав» («слов»)), уже в середине I тыс. н. э. жили славяне. Вероятно, где-то в пределах этой территории были и праславяне. Уяснить это в полной мере помогают лингвистические, топонимические и археологические материалы, которые в основном определяют территорию лесостепной Правобережной Украины в междуречье Днестр — Днепр, бассейнов Припяти, Десны и верховьев Западного Буга⁴⁶.

Именно отсюда и пришли на Балканы славянские племена. Одни из них в VI—VII вв. образовали сербскую народность и поныне сохранили определенные обряды древнейших времен (имеется в виду праздник в честь богини жизни — Славы)⁴⁷. Также на Балканах в Добрудже поселяется славянское племя северы (северяне), о чем

рассказывает византийский историк Феофан⁴⁸.

Эти и другие славянские племена, пришедшие от Славуты на Дунай и поселившиеся в бассейне его наибольшего притока, и реку эту назвали своим славянским именем — Славою (упоминается так арабскими писателями X—XI вв.⁴⁹; современное название реки Сава)⁵⁰, а свою новую страну — Славонией⁵¹, в которой со временем появилось много гидронимов на «слав». И ныне в бассейне Дуная есть притоки Прута — Ослава, Латорицы — Славка, Мыхидры — Славец; в Словении — Словенский Поток и Славичица; в Боснии — река Славница и Славин.

Те же славяне, которые еще в VI в. ушли на север и поселились в бассейне озера Ильмень, стали называться своим родовым именем — словени⁵². Свой главный город они назвали Славою, позднее стал известен как Славно⁵³. Это городище Славно где-то в VIII в. стало частью нового города — Новгорода⁵⁴. Были в Новгороде кроме Славно (Славенского конца) еще Славкова улица, Славянский курган, Славенские села, в его владениях находилось озеро Славно и река Славянка⁵⁵. А летописное название славяне, которое под 1359 г. дает Новгородская первая летопись⁵⁶, подтверждает мысль, что ильменские славяне (славяне) вели свое происхождение от славян, живших у реки Славута, и поклонялись одному и тому же божеству — Славе. К тому же арабские писатели называют в IX—X вв. на территории Восточной Европы три государственных образования — Куявию, Артанию и Славю с главным городом Славою, в котором исследователи видят древний Новгород⁵⁷. Следует отметить, что, по мнению исследователей, выбор материала восточных историков сочетался с исключительной точностью изложения⁵⁸.

Таким образом, славянские племена, которые постепенно расселялись по всей огромной территории Восточной и Западной Европы, в VI в. уже занимали земли от Балтийского моря до Богемских гор, а в VI—VII вв. поселились и в бассейне реки Дунай⁵⁹. В новых условиях жизни и богиню-мать по-

читали они под другими ее именами, известными как Берегиня, Жива, Лада, Дева, Дана и др.

Так называют их известные византийские историки Прокопий Кесарийский, Иордан и другие писатели и историки тех времен⁶⁰. По образному выражению В. Н. Татищева, «(славяне)... совокупились, в Европу за Дунай перешед, жестоко нападение учинили, грекам и римлянам во обшчем звании знаеми быть стали и оное свое поддинное имя не пером, но саблею и копием в книге греческие и римские вписали»⁶¹. Натиск славян на Византию был настолько сильным, что среди ромейских писателей слышны жалобы на ославление всей Эллады⁶².

Происхождение славян⁶³, народа, который создал в Европе в VI—VII вв. сильные и могучие державы, тоже связывается с именем Великой богини — Славы, давшей, по представлениям древних, жизнь целому народу. В подтверждение этого предположения можно привести слова известного слависта П. Шафарика: «Впрочем, можно думать, что, как после в некоторых славянских наречиях «о» в очень многих местах сменило «а», напр. роз- вм. раз-; по- вм. па-, роб вм. раб, крок вм. крак, грод вм. град... и т. д., так тоже самое могло случиться и с именем славяне, тем более, что свойства других языков, родственных нашему, например, санскритского и готского, ясно говорят, что гласная «а» некогда в славянских наречиях гораздо более господствовала, нежели теперь»⁶⁴. Наглядный пример этому — употребление этнонима славяне (через «а») греко-римскими, арабскими и западноевропейскими писателями VI—XII вв.⁶⁵ и, возможно, у Клавдия Птоломея (II в. н. э.) в имени ставаны (славяне?), которые, по описанию, занимали земли между землями венедов и аланов⁶⁶.

Таким образом, по лингвистическим данным, древнее должен быть этноним «славяне» (от слава), который позднее (с X в. в отечественной литературе) стал употребляться и как «словени».

Следует еще раз напомнить, что от

имени богини Славы и все языческое богослужение имело название славление, а отсюда имеем название всего народа, то есть тех, что славятся. Недаром М. В. Ломоносов говорил, что славянский народ «амазоны или алазоны по гречески значат самохвалов» и что это имя является переводом со славянского на греческий «славян, то есть славящихся»⁶⁷ (а соответственно и тех, что поклоняются Славе).

Зная, что Великая богиня тесно связана с культом Солнца, солнечным светом, что Солнце всегда сопровождало ее на полотенцах и других изделиях старины, что в некоторых местах символы Солнца заменили собой изображения богини жизни⁶⁸, стоит напомнить некоторые мифические предания о происхождении славянского народа от Солнца. С древних времен обожествленное нашими предками Солнце называлось Дедом, Дедом-Ладом, Дедом-Всеведом (то есть родоначальником), о чем остались упоминания в обрядовой поэзии всех славянских народов⁶⁹. Об этом же свидетельствуют и «Слово о полку Игореве», где русичи — внуки Дажьбога (Солнца), и «Богемская хроника» XIV в. Иоанна Маринголя, в которой он, между прочим, отметил, что «славони суть от Гелиса»⁷⁰. А Гелиос, как известно, бог солнечного света, Солнца, его отождествляли с Аполлоном, бывшим также богом-воителем, и назывался он «блестящим»⁷¹.

Недаром арабские путешественники и ученые называли славян огнепоклонниками и солнцепоклонниками и представляли сакалибов (исключительно славян) такими, как цвет огня, солнца — светлыми, русыми, красными⁷². «Человека красного цвета, — писал в X в. араб Абу-Мансур, — называют славянином по причине подобных его цвету славян»⁷³.

Таким образом, в происхождении слова «славянин» есть что-то от светлого и блестящего. А таким был огонь, которому поклонялись славяне, было солнце, его предки наши почитали больше всего и считали своим великим Дедом. А с Солнцем, как мы уже упоминали, теснее всего связан культ богини жизни (Славы), образ которой в

позднейшие времена (на вышитых изображениях) вытеснен солнцем, его символами.

На тождественность первоначального значения Солнца и Славы указывает также анализ слов «солнце» и «слава», происходящих от древнего индоевропейского *sāu* (светить), санскритского *sūr*, *svār* (свет, солнце, небо)⁷⁴. Известно также, что по славянскому народному преданию, которое сохранилось в древнем переводе византийской хроники Иоанна Малалы (выписки с которой поданы в Ипатьевской летописи под 1114 г.), упоминается «Солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог»⁷⁵. То есть Солнце, по представлению древних славян, считалось сыном Сварога (санскритское *svār*)⁷⁶, бога Неба и бога, который зажигает огонь и дает жизнь Солнцу⁷⁷. А отсюда, еще в мифические времена солнце получило название *Svarias-Svalias-Svalius*, то есть рожденное небом, блестящее, что совершенно закономерно и не противоречит лингвистическим данным. Недаром один из исследователей мифологии С. Г. Бергман, принимая во внимание, что славяне вели свое происхождение от Солнца (по народным мифическим преданиям), в имени *Svalius* тоже видит упоминание о таком происхождении и допускает следующую перестановку плавных букв: *Svalius-Sval-Slav-Sлавянин*, то есть рожденный Солнцем⁷⁸. Примеров таких перестановок в славянских языках немало: ладонь — длань, медведь — ведмідь, све (серб-хорв.) — все и т. д.⁷⁹

Принимая во внимание тождественность в названиях Солнца и богини жизни (Славы), по именам которых целый народ получил название славяне, укажем и на Солнце как женский образ, существо женского рода. Женский образ Солнца встречается уже в обрядовой поэзии, в песнях колыдаках:

А що місяць — то господар,
Ясне сонце — господня,
Ясні зірки — його дітки⁸⁰.

То же имеем и в сказках, где Солнце изображается в образе богини Мотыги, богини Руки, Свиныи Красное Солнышко⁸¹.

В истории человеческого общества было время, когда Солнце действительно считалось лицом женского рода и представлялось в образе женщины, женским творением. Это эпоха первобытного матриархального общества⁸².

Напомним и то, что нашей мифологии вообще свойственны мужские и женские имена, обозначающие одно и то же, например, Жив и Жива, Ладо и Лада, а также Слав и Слава. Поэтому в связи с предыдущим можно допустить, что Слава в древности была и божеством Солнца (Слава значит блестящая, солнечная, все равно, что небесное светило).

Таким образом, мысль о происхождении названия славян от Солнца, от имени Славы⁸³, не противоречит ни лингвистическим, ни историческим данным, ни «древнейшему религиозному сознанию этого племени, где поклонение Солнцу имело такое широкое распространение»⁸⁴.

¹ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (Женское божество и всадники) // Советская этнография.— 1948.— № 1.— С. 90—106; Рыбаков Б. А. Искусство древних славян // История русского искусства.— М., 1953.— Т. 1.— С. 46—48; Динцес Л. А. Древние черты в русском народном творчестве // История культуры Древней Руси.— М.; Л., 1951.— Т. 2.— С. 468—491; Брайчевский М. Ю. Мистецтво стародавніх східних слов'ян // Історія українського мистецтва.— К., 1966.— Т. 1.— С. 120—122.

² Срезневский И. И. Исследования о языческом богослужении древних славян.— Спб., 1848.— С. 5 и др.

³ Рыбаков Б. А. Искусство древних славян.— С. 60—63.

⁴ Там же.— С. 62.

⁵ Там же.— С. 66.

⁶ Городцов В. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ.— М., 1926.— Вып. 1.— С. 7.— 36; Рыбаков Б. А. Указ. соч.— С. 54—59; Слободянюк М. В. Мифологічні образи Весни в піснях і обрядах східних слов'ян // Отдел рукописей ИФЭИ АН УССР.— Ф. 14.— № 16.— Л. 78—81.

⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч.— С. 56—59; Динцес Л. А. Указ. соч.— С. 470—473.

⁸ Динцес Л. А. Указ. соч.— С. 471—473.

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955.— Т. 4.— С. 215—216; Гринченко В. Д. Словарь української мови.— К., 1959.— Т. 4.— С. 148—149; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.— Спб., 1958.— Т. 3.— Стл. 404—408; Русско-украинский словарь.— К., 1966.— Т. 3.— С. 301.

¹⁰ Вельтман В. Несколько этимологических наблюдений // ЯМНП.— 1840.— Ч. 26.— № 5.— С. 17—19; Морошкин М. Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке.— Спб., 1867; Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц.— Спб., 1898; Отдел второй. Указатель географический.— Спб., 1907; Тупииков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен.— Спб., 1903; Указатели к Никоновской летописи (IX—XIV тт.) // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 14; Петровский Н. А. Словарь русских личных имен.— М., 1966; Словник власних імен людей.— К., 1976; Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите.— София, 1969; Шгызов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма.— Минск, 1971.

¹¹ Морошкин М. Указ. соч.— С. 35.

¹² Там же.— С. 90—92.

¹³ Пример подобного анализа сложных двучленных имен см.: Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини: Историко-этнографическое исследование.— Симбирск, 1887.— С. 28—29.

¹⁴ Морошкин М. Указ. соч.— С. 70.

¹⁵ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка.— М., 1959.— Т. 1.— С. 184.

¹⁶ Морошкин М. Указ. соч.— С. 57.

¹⁷ Костомаров Н. Славянская мифология // Этнографічні писання Костомарова.— К., 1930.— С. 210.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Морошкин М. Указ. соч.— С. 82.

²⁰ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу.— М., 1865.— Т. 1.— С. 443; Костомаров Н. Указ. соч.— С. 230—231.

²¹ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1964.— С. 54—56.

²² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.— М., 1958.— Т. 3.— Стл. 141; Срезневский И. И. Роженицы у славян и других языческих народов.— Спб., 1865.

²³ Мифологический словарь.— М., 1965.— С. 36.

²⁴ Афанасьев А. Указ. соч.— М., 1868.— Т. 2.— С. 487—488.

²⁵ Там же.

²⁶ Соловьев С. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных во времена язычества.— Спб.— С. 24—25.

²⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1964.— Т. 1.— С. 288.

²⁸ Кулаковский П. А. Праздник «Слава» у сербов // Русский вестник.— 1883.— Т. 167.— № 9.— С. 329—356; Чельцов М. П. Церковь королевства сербского со времени приобретения автокефальности.— Спб., 1899.— С. 270—273; Токарев С. А. Этнографические наблюдения в Балканских странах // СЭ.— 1946.— № 2.— С. 207—208.

²⁹ Оболенский М. Исследования и заметки по русским и славянским древностям: Приложение к сочинению «О первоначальной русской летописи».— Спб., 1875.— С. 113—118.

³⁰ Там же.— С. 42.

³¹ *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям.— Харьков, 1846.— С. 68—73.

³² *Повесть временных лет*: Текст и перевод.— М.: Л., 1950.— С. 14.

³³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка.— М., 1958.— Т. 2.— Стл. 1788.

³⁴ *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям.— С. 68—70.

³⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955.— С. 215.

³⁶ *Там же.*

³⁷ *Потебня А. А.* Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е изд.— Харьков, 1914.— С. 140.

³⁸ *Українські народні думи та історичні пісні.*— К., 1955.— С. 31.

³⁹ *Потебня А. А.* Указ. соч.— С. 140.

⁴⁰ *Шафарик П. И.* Славянские древности (перевод с чешского О. Бодянского). Часть историческая.— М., 1848.— Т. 2.— Кн. 1.— С. 64; *Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел второй. Указатель географический.*— Спб., 1907; *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна.— Спб., 1913; *Каталог річок України.*— К., 1957; *Стрижак О. С.* Про що розповідають географічні назви (сліди народів на карті УРСР).— К., 1967.— С. 42—50; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины.— М., 1968.

⁴¹ *Слово о полку Игореве.*— М.; Л., 1950.— С. 71.

⁴² *Українські народні думи та історичні пісні.*— С. 46.

⁴³ *Малышев В. И.* Повесть о Сухане.— М.; Л., 1956.— С. 112.

⁴⁴ *Максимович М. А.* Песнь о полку Игореве // *ЖМНП.*— 1837.— Т. 13.— № 1.— С. 47.

⁴⁵ *Стрижак О. С.* Указ. соч.— С. 49.

⁴⁶ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян.— М.; Л., 1962.— С. 117; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М., 1962.— С. 244; *Трегьяков П. Н.* Восточнославянские племена.— М., 1953; *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.— М.; Л., 1966; *Трегьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— М., 1970; *Максимов Е. В.* История населения Среднего Поднепровья на рубеже нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— К., 1968; *Бідзія В. І.* У пошуках прабабківщини слов'ян // *Наука і суспільство.*— 1969.— № 10.— С. 32—36; *Баран В. Д.* Етнокультурні процеси у межиріччя Дніпра і Вісли в першій половині I тис. н. е. у світлі археологічних досліджень // *УІЖ.*— 1970.— № 10.— С. 44—52; *Сыманович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тыс. нашей эры. Автореф.: дис. ... докт. ист. наук.— М., 1971.

⁴⁷ По этому поводу см. исследование В. Руделева К истории этнического имени славян // *Питання ономастики.*— К., 1956.— С. 276—282, который считает, что этнониму

карбон (а жили карбоны, по Птоломею, в местности совр. Белоруссии, и земли их доходили до Карпат) отвечает этнонимический корень серб (серв); в то же время этноним хорват — результат сарматского усвоения славянского этнонима сербы.

⁴⁸ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора.— М., 1980.— С. 62.

⁴⁹ *Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах.*— Спб., 1878.— Ч. 1.— С. 49—50; *Гаркави А. Я.* Дополнения к сочинению Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1871.— С. 28—29.

⁵⁰ В сербском языке «слав» изменяется на «сав» (Владислав — на Вадислав, Борислав — на Борисав и т. д.).— *Вельгман В.* Указ. соч.— С. 17.

⁵¹ *Котляревский А.* Славяне и Русь древнейших арабских писателей. Этнографическая заметка.— М., 1868.— С. 6.

⁵² *Повесть временных лет.*— Ч. 1.— С. 11.

⁵³ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— М.; Л., 1950.— С. 615.

⁵⁴ *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород.— М.: Л., 1947.— С. 12.

⁵⁵ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— С. 615.

⁵⁶ *Там же.*— С. 366.

⁵⁷ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о славянах и Руси VI—IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение.*— М., 1965.— С. 411—413.

⁵⁸ *Кочин Г. Е.* Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.— Л., 1936.— С. 173.

⁵⁹ *ЛВЛ.*— Ч. 1.— С. 11—14; *Рыбаков Б. А.* Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства // *История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия.*— М., 1966.— Т. 1.— С. 238 и др.; *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы восточноримской империи // *ВДИ.*— 1939.— № 1.— С. 290—307.

⁶⁰ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами.— М., 1950; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов.— М., 1960; *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // *ВДИ.*— 1941.— № 1.— С. 230—280; *Пигулевская Н. В.* Смирские источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— С. 355—419.

⁶¹ *Тагищев В. Н.* История Российская.— М.; Л., 1962.— Т. 1.— С. 312.

⁶² *История Византии в трех томах.*— М., 1967.— Т. 1.— С. 339 и др.

⁶³ О происхождении этнонима «славянин» см.: *Филин Ф. П.* Указ. соч.— С. 56—58.

⁶⁴ *Шафарик П. И.* Славянские древности.— М., 1848.— Т. 2, кн. 1.— С. 58—59.

⁶⁵ *Там же.*— С. 44—45, 61.

⁶⁶ *Птоломей К.* Руководство по географии // *Античная география.*— М., 1953.— С. 324. Под «ставами» понимал славян еще П. Шафарик.— Шафарик П. И. Указ. соч.— С. 43—44.

⁶⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: Труды по русской истории, общественно-эконо-

мическим вопросам и географии 1747—1765 гг.— М.; Л., 1952.— С. 182.

⁶⁸ Рыбаков Б. А. Искусство древних славян.— С. 58, 66.

⁶⁹ Афанасьев А. А. Указ. соч.— М., 1868.— Т. 2.— С. 486; Соловьев С. Указ. соч.— С. 24—25; Срезневский И. И. Об обожании солнца у древних славян // ЖМНП.— 1846.— Ч. 51.— С. 36—60.

⁷⁰ Татищев В. Н. История Российская.— Т. 1.— С. 310.

⁷¹ Мифологический словарь.— С. 28.

⁷² Котляревский А. Указ. соч.— С. 4; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1870.— С. 2, 5, 95, 138, 279.

⁷³ Гаркави А. Я. Указ. соч.— С. 279.

⁷⁴ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка.— М., 1959.— Т. 2.— С. 352—353; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1971.— С. 710—711.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись.— М., 1962.— С. 279.

⁷⁶ О Свароге см.: Шафарик П. И. О Свароге, боге языческих славян // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.— М., 1846.— Кн. 2.— С. 30—34.

⁷⁷ О почитании Сварога в Поднепровье свидетельствуют и отдельные топонимы: р. Сваремя, приток Ирпеня; р. Свара, приток

р. Ипути; древнее городище Савара на р. Рось и др. См.: Маштаков П. Л. Указ. соч.— С. 50, 131; Географическо-статистический словарь Российской империи.— Спб., 1873.— Т. 4.— С. 286.

⁷⁸ Котляревский А. Мемуар Бергмана о скифах // Летописи русской литературы и древности, изданные Н. Тихонравовым.— М., 1859.— Т. 1.— С. 134.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року.— К., 1965.— С. 51.

⁸¹ Марр Н. Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Марр Н. Я. Избранные работы.— М.; Л., 1935.— Т. 5.— С. 225.

⁸² Там же.

⁸³ Подтверждение этому находим в свидетельстве Армянской географии VII в., где славяне вообще называются славями: «На юге находится собственная Фракия, а к северу великая страна Дакия, в которой живут славя — 25 народов. Места их войной заняли готы, прибывшие из острова Скании... Но славяны, перейдя реку Данай, заняли себе другую область в Фракии и Македонии, и прошли в Ах(а)ию и Далмацию». — Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП.— Ч. 226.— 1883.— № 3.— С. 26.

⁸⁴ Котляревский А. Мемуар Бергмана.— С. 134—135.

О. В. Сухобоков, Г. А. Вознесенская,
В. В. Приймак

КЛАД ОРУДИЙ ТРУДА И УКРАШЕНИЙ ИЗ БИТИЦКОГО ГОРОДИЩА

Городище с материалами волынцевской культуры (VII—VIII вв. н. э.) находится в 2 км от с. Битица по дороге в с. Никольское (Сумская обл. и район), занимает один из отрогов высокого, до 35 м, коренного берега р. Псел¹. К западу от него на расстоянии около 80 м на смежном мысу, отделенном от первого широкой балкой с обрывистыми, почти отвесными, склонами, находится роменское городище, выявленное в 1971 г. разведотрядом ИА АН УССР². Оба мыса сильно повреждены производившейся здесь в конце XIX — начале XX в. добычей мергеля, в настоящее время заросли густым черным лесом.

Площадка волынцевского городища (Битица I) имеет крутые труднодоступные склоны со стороны поймы, на юге переходящие в отвесный обрыв. Се-

веро-западная часть площадки длинным и узким перешейком соединяется с береговым плато. Длина городища по оси север — юг 500 м, максимальная ширина до 200 м. Поверхность задернована, поросла густым кустарником и лесом, сильно изрезана окопами, блиндажами, воронками, что особенно относится к южным участкам. Здесь окопы в значительной степени повредили древние оборонительные сооружения. На южной оконечности площадки, близ обрыва видны остатки сильно заплывшего раскопа И. И. Ляпушкина, производившего здесь работы в 1953 г. С napольной стороны городище отделено от плато двумя линиями валов и рвов. Ширина рва первой линии до 2—5 м, глубина около 1,5 м; в северной части городища он сливается со рвом второй линии (ширина 7 м, глубина

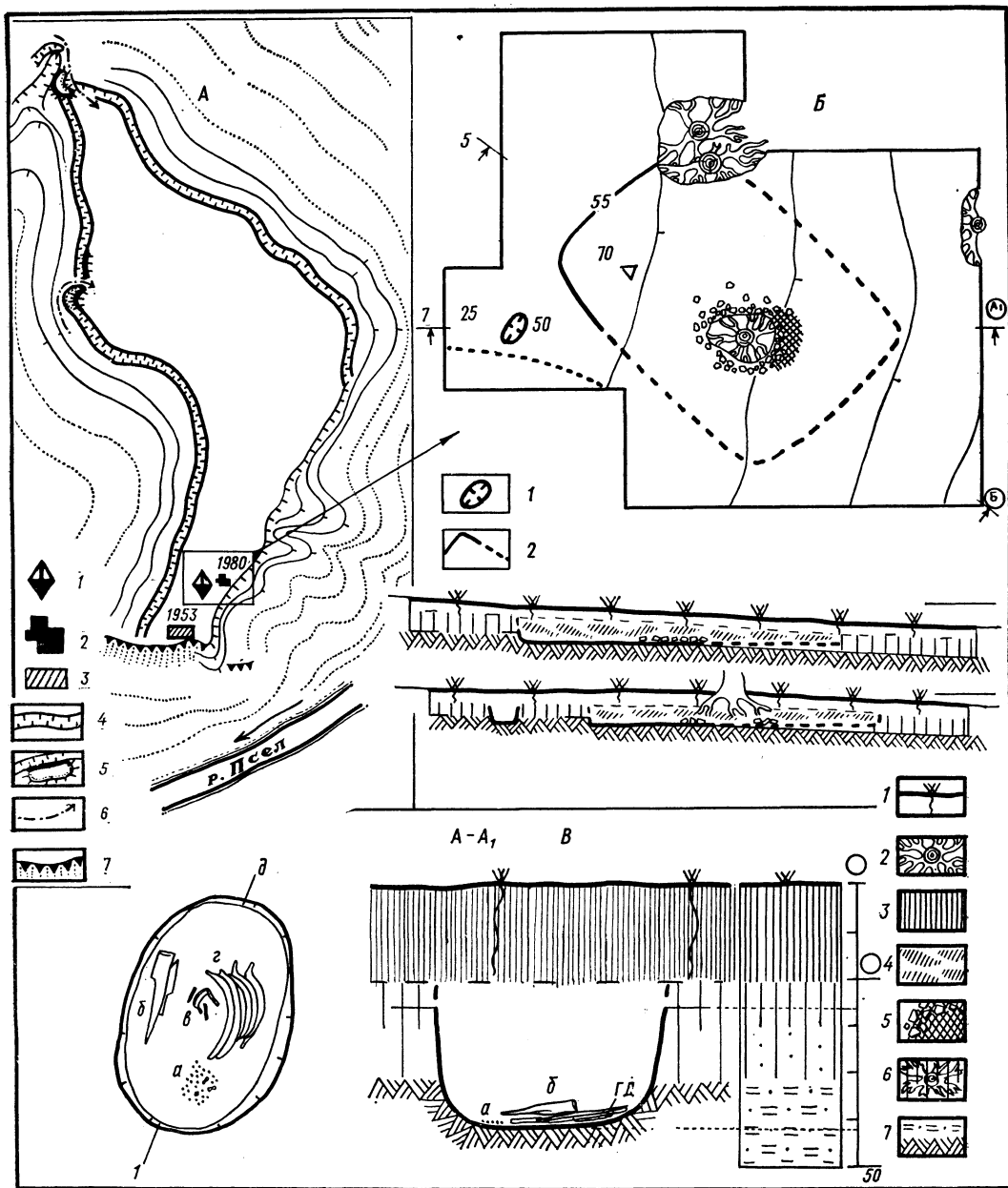

Рис. 1. Битицкое городище:

А — ситуационный план; Б — жилище № 1; В — клад 1984 г.; 1 — клад 1984 г.; 2 — раскоп 1984 г.; 3 — раскоп 1953 г.; 4 — ров; 5 — вал; 6 — въезд на городище; 7 — обрыв

2 м). Вал серповидной формы возвышается на 1,5 м над уровнем площадки (около 5 м от дна рва).

Укрепления вдоль длинных сторон площадки состоят из рва, прокопанного на склонах на 2—3 м ниже горизонтального уровня площадки (ширина

1,5—2 м, глубина 0,5—0,8 м), и эскарпа на ее южном участке, упирающегося в обрыв. Вал имеет лучшую сохранность на западной стороне, где его высота достигает 0,8—1,2 м (рис. 1, А). В 1984 г. разведгруппой Левобережной славяно-русской экспедиции ИА

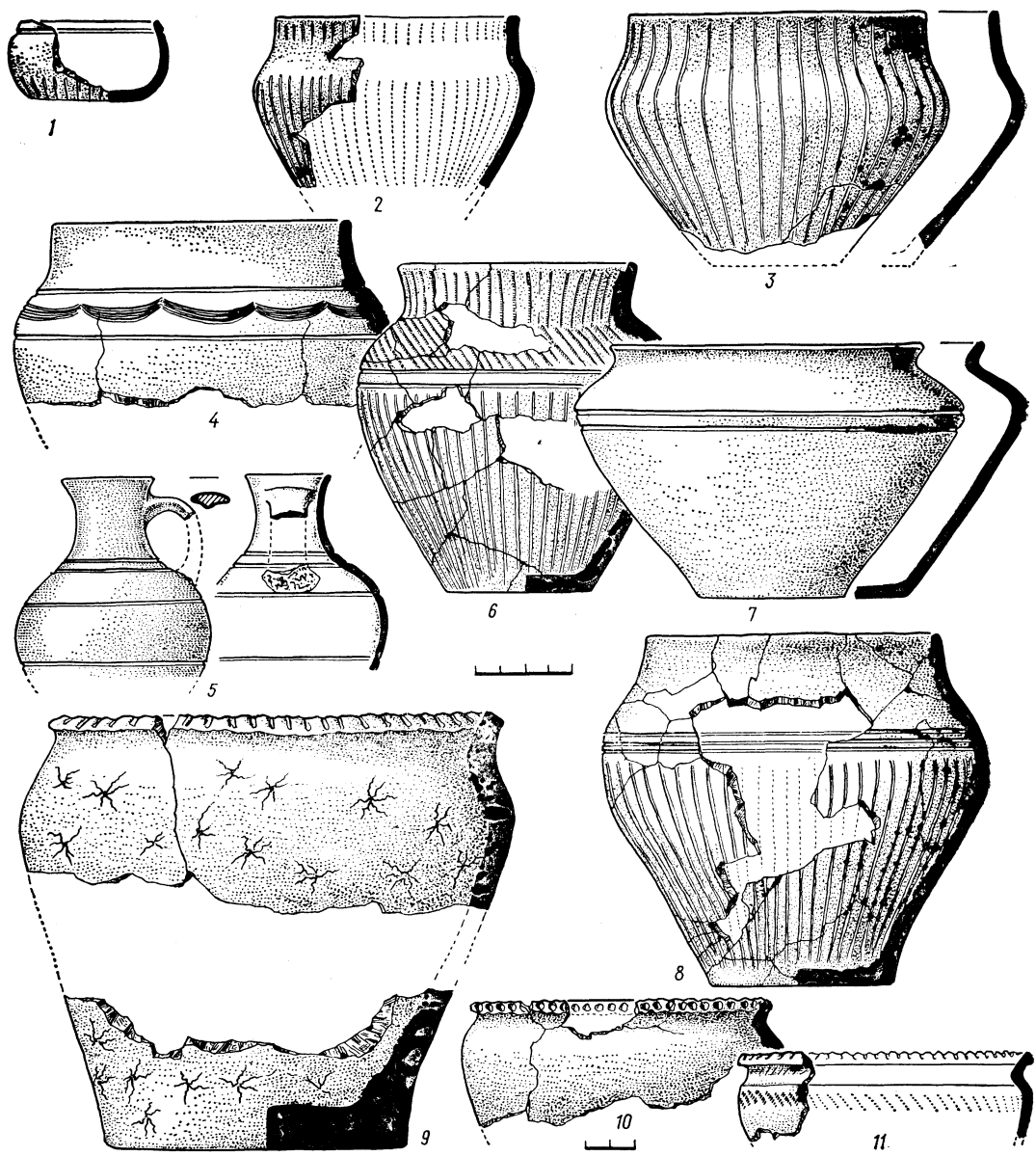

Рис. 2. Основные формы посуды из жилища и раскопа (1—11)

АН УССР в ходе разведочных работ на городище Битца I было расчищено жилище, в непосредственной близости от него обнаружен клад, состоящий из орудий труда и украшений.

Жилище представляет собой прямоугольную, ориентированную углами по сторонам света постройку, пол которой в зависимости от естественного наклона площадки находился на глубине от

0,4 до 0,7 м. Площадь жилища $3,6 \times 5,2$ м. Расчищены и хорошо фиксируются западный угол и северная стенка, где пол залегал на глубине 0,15 м от древнего горизонта (0,55 м от современной поверхности). Южная стенка и вся юго-западная часть сооружения реконструируются по находкам керамики, что позволило обозначить его контуры. В центральной части жилища

был расчищен очаг, сложенный из небольших сильно обожженных обломков песчаника, его диаметр 1,2 м. Полностью его расчистить не удалось из-за растущего здесь дерева (рис. 1, Б).

В ходе раскопок жилища, главным образом вблизи очага, найдены фрагменты 5 гончарных горшков, миски, кружки, кувшина, а также несколько обломков лепных сосудов и стенок амфор с зональным рифлением поверхности (рис. 2). Среди реставрируемых сосудов характерными являются приземистые горшки темно-серого цвета с вертикально-полосатым лощением поверхности (рис. 1, 2), высокие горшки с тонкими стенками, поверхностью оранжевого цвета, украшенные по плечикам фризом из двух вдавленных линий и вертикально пролощенными линиями от плечиков к дну (рис. 2, 4, 5, 9). Почти полностью восстанавливается гончарная миска с двумя горизонтальными рельефными линиями по плечикам (рис. 2, 6). Частично реставрированы лепные сосуды. Они имеют бугристую поверхность темно-серого или черного цвета с выступающими на ней крупными зернами шамота, слабо отогнутые венчики, украшенные отпечатками палочки (рис. 2, 8, 11) или пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 10).

Неподалеку от этой постройки были выявлены остатки другого сооружения с аналогичными находками.

По классификации и типологии керамического комплекса волынцевских памятников, разработанной С. П. Юренко, описанный выше комплекс следует отнести к позднему этапу волынцевской культуры³. Нужно отметить, что в отличие от большинства поселений этого этапа на Битицком городище фиксируется значительно больший процент гончарной керамики, чем указывалось ранее на основании раскопок И. И. Ляпушкина⁴.

Клад, состоящий преимущественно из сельскохозяйственных орудий и ожерелий из бронзовых пронизок и бус, был обнаружен в 1 м к юго-западу от западного угла раскопанного жилища. Клад находился в неглубокой (0,5 м от современной поверхности) овальной в плане ямке, ориентированной по оси

северо-восток — юго-запад, размером 0,45×0,30 м; ее дно было углублено в материк на 0,1 м. Контуры ямки обнаружились в предматериковом гумусированном подзоле из глубины 0,3 м от поверхности.

У восточной стенки ямы лежали один на другом 8 серпов и 2 косы-горбуши; под западной стенкой — железный топорик, обух большого хозяйственного топора и массивный точильный (сильно сработанный) брусок из мелкозернистого песчаника. В центре ямы между обеими группами находок лежали железный скобель, ложкорез, долото и нож. У южной стенки ямы кучкой лежали украшения, состоящие из разноцветных стеклянных и пастовых бус (96 шт.); бронзовых специально скрученных пронизок (26 шт.), 2 бронзовых и одного электрового бубенчиков, а также комка смолистой массы с отпечатками ткани на поверхности. Такие же отпечатки сохранились на некоторых железных предметах, наиболее четко они заметны на плоской поверхности топорика и на одном из серпов. Видимо, каждая из этих групп предметов была завернута в ткань отдельно, на что указывают промежутки свободного пространства между ними (рис. 1, В).

Рассмотрим орудия труда из клада, часть которых исследовалась в лаборатории физико-химических методов ИА АН УССР с целью изучения структуры кузнечной продукции. Исследования проведены на основе металлографического анализа для выяснения технологии изготовления орудий труда и бытового назначения. Косы-горбуши представлены 2 экз. (рис. 3, ан. 1819—1820), один из которых является слабоизогнутым орудием с чуть поднятой пяткой, его длина 36,5 см, толщина спинки 0,8 см. Второй экземпляр имеет загнутый вперед рабочий конец, высоко поднятую пятку, его длина 31 см, ширина 3,2 см, толщина спинки 0,8 см. Аналогии эти орудия имеют среди материалов, хронологически близких волынцевским памятникам лесостепной зоны Восточной Европы⁴.

Обе косы были исследованы в лаборатории. Первый экземпляр (ан. 1819)

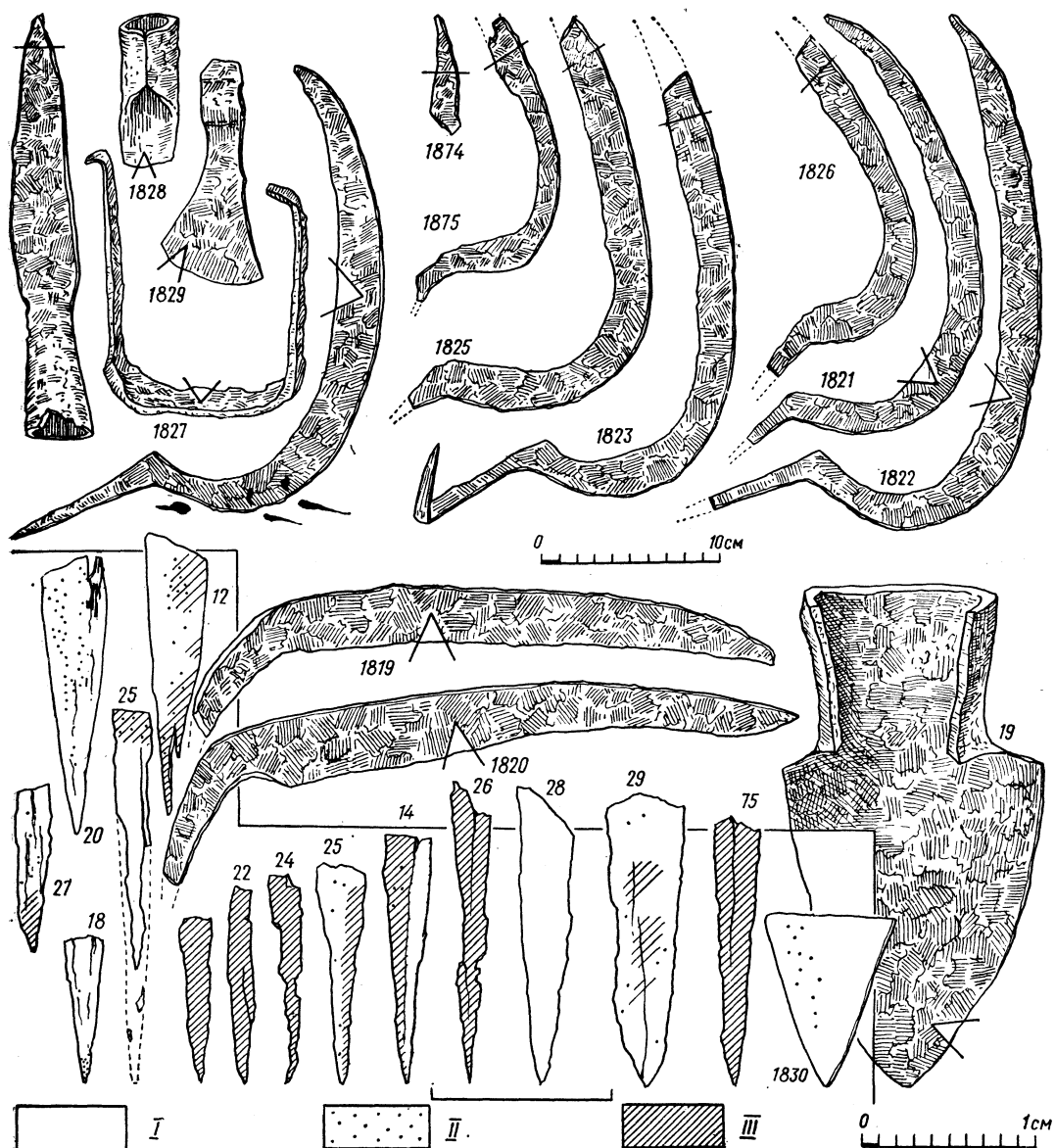

Рис. 3. Технологические схемы орудий труда из состава клада:
I — железо, II — цементация, III — сталь

был откован из неравномерно науглероженной сырцової стали, клинок закален. Микроскопическое изучение поперечного сечения клинка выявило неоднородную структуру: зоны крупноигльчатого мартенсита, мелкодисперсной феррито-перлитной структуры, феррита со следами перлита. Микротвердость мартенситной структуры составляет 383—420 кг/мм².

Вторая коса (ан. 1820) откована из сырцової стали с неравномерным содержанием и распределением углерода. Микроструктура поперечного сечения клинка феррито-перлитная, максимальное содержание углерода 0,3—0,4 %.

Орудия уборки урожая представлены серией из 8 серпов, из них лишь один сохранился полностью, в то вре-

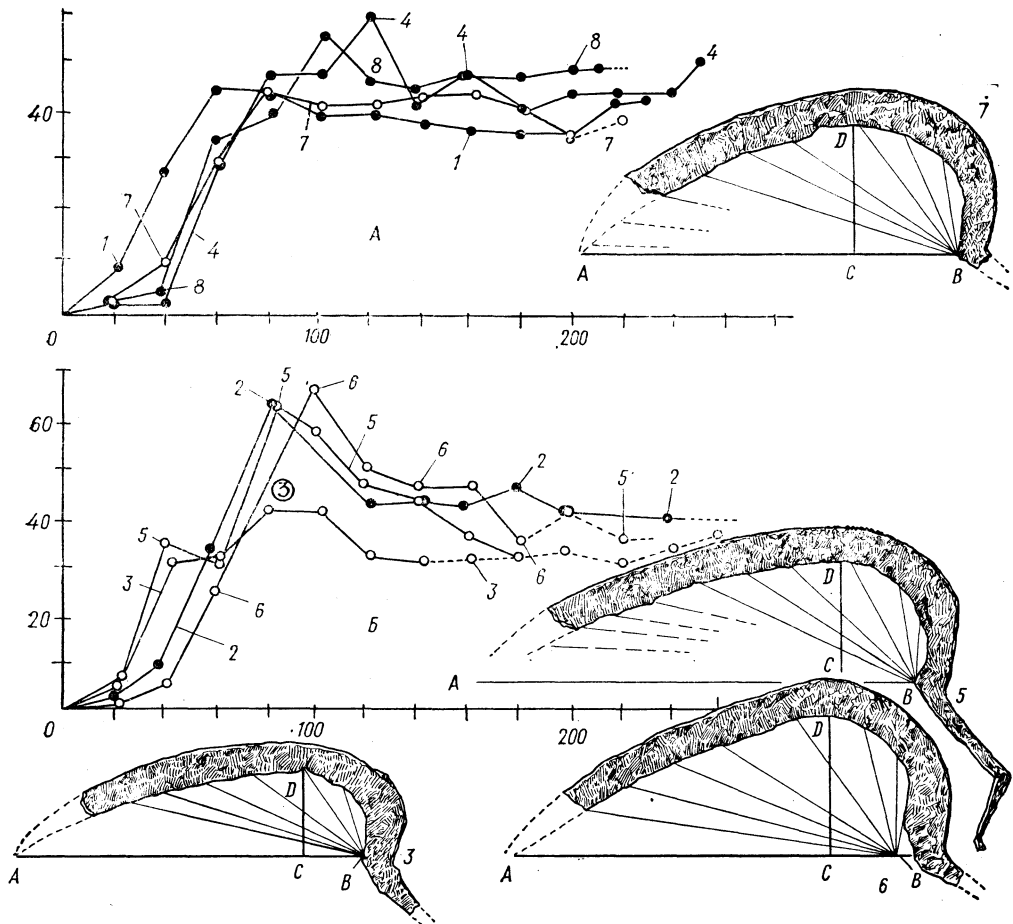

Рис. 4. Графики углов резания серпов (угол В):

А — угол В серпов новгородского и юго-западного типов: 1 — АВ=23 см; СД=7 см, ок. $1/3$ АВ; АС=6 см, ок. $1/4$ АВ; угол А=110°; угол В=43°. 4 — АВ=25 см; СД=8,4 см, ок. $1/3$ АВ; АС=8,3 см, ок. $1/3$ АВ; угол А=95°; угол В=52°. 7 — АВ=22,5 см; СД=8 см, ок. $1/3$ АВ; АС=6,5 см, ок. $1/3$ АВ; угол А=100°; угол В=40°. 8 — АВ=21 см; СД=8,4 см, ок. $1/2-1/3$ АВ; АС=4,8 см, ок. $1/4$ АВ; угол А=98°; угол В=50°. Б — углы резания серпов особого типа (по величине АС): 2 — АВ=25 см; СД=8,2 см, ок. $1/3$ АВ; АС=4,2 см, ок. $1/6$ АВ; угол А=110°; угол В=37°. 3 — АВ=20 см; СД=5 см, ок. $1/4$ АВ; АС=3,5 см, ок. $1/6$ АВ; угол А=360°; угол В=32°. 5 — АВ=23,5 см; СД=7,2 см, ок. $1/4$ АВ; АС=4,3 см, ок. $1/4$ АВ; угол А=110°; угол В=35°. 6 — АВ=23 см; СД=8,1 см, ок. $1/3$ АВ; АС=3,8 см, ок. $1/6$ АВ; угол А=105°; угол В=35°.

мя как остальные имеют различные повреждения. Серпы с поврежденным черенком (4 экз.) имеют следующие размеры: длина 24—31 см, ширина 2—2,5 см. Длина трех экземпляров не может быть установлена точно (обломан рабочий кончик орудия), их ширина 1,8—2,1 см (рис. 3, ан. 1821—1826, 1874—1875).

Тем не менее все они поддаются анализу по методике, предложенной В. П. Левашевой. Графики углов резания (угол В) позволяют разделить всю серию на две группы, первая из которых представляет серпы новгородского,

а вторая — юго-западного типа. Кривые углов резания у последних ломаные, что особенно характерно для киевского подтипа⁵. Впрочем, в литературе уже отмечалось, что серпы названных типов вовсе не укладываются в определенные В. П. Левашевой территориальные рамки²⁶. Следует также сказать, что 4 серпа по своим параметрам (длине и вершине дуги лезвия) можно выделить в особую группу. Эти серпы отличаются тем, что вершина дуги лезвия у них находится напротив $1/5$ или даже $1/6$ АВ, а высота изгиба дуги лезвия равна $1/3-1/4$ АВ. Ближайшие

аналогии таким серпам имеются в памятниках пеньковского типа (Макаров Остров) и на городище Новотроицком⁷. Кривые углов резания у них неустойчивые и колеблются в пределах 35—60°.

Исследования поперечного сечения восьми клинков серпов при лабораторном анализе показали, что три из них (ан. 1821, 1874, 1875) откованы из слоистого пакетного металла. Два клинка (ан. 1821, 1875) — из пакетированной стальной заготовки, оба закалены на мартенсит, микротвердость их структуры колеблется в пределах 420—464, 572—724 кг/мм². Третий клинок двухслойный, состоит из полосы пакетированной стали и полосы железа. Он закален, микротвердость мартенсита 420—464, феррита — 170 кг/мм².

Пять клинков (ан. 1822—1826) изготовлены по одной технологической схеме: откованы целиком из заготовки сырцово-стали с неравномерным содержанием и распределением углерода и закалены на мартенсит. Наиболее однородным является металл в серпах (ан. 1824—1825), где микротвердость мартенситной структуры колеблется в пределах 572—724 кг/мм². В клинке (ан. 1825) большая часть шлифа представлена ферритной структурой, причем науглероженная сталь расположена на спинке изделия.

В составе клада найден топорик с удлиненным обушком, выраженными щечками и слегка поврежденной рабочей частью. Его длина 12,5 см, ширина лезвия 5 см, ширина втулки 2 см (рис. 3, ан. 1829). По своим параметрам и форме он относится ко второй группе топоров «малых форм», использовавшихся в военных целях в качестве универсального инструмента в походе и в случае боевых действий. Такие топоры похожи на обычные хозяйственные, только меньше по размеру⁸. Наш экземпляр по оттянутому обушку и выступающим щечкам аналогичен таким же в позднеаварских и салтовских памятниках⁹.

Лабораторный анализ показал, что топорик откован из заготовки сырцово-стали с неравномерным содержанием и распределением углерода (ан. 1829).

Лезвие его закалено на мартенсит. Макро- и микроструктурный анализ позволил определить, что тело орудия изготовлено путем сгибания полосы заготовки в середине на железной оправке, вследствие чего образовалась проушина и слабо выраженный обух, оттянутый впоследствии, соприкасающиеся половинки затем сварили и ковкой оттянули лезвие для придания ему необходимой формы.

Среди других орудий — изделий кузнечного ремесла — была массивная пешня. В ходе раскопок 1985 г. найдена еще одна пешня. Это втульчатое орудие копьевидной формы с уплощенным заостренным рабочим концом (рис. 3, ан. 1830). По краю втулки проходит выпуклый ободок, указывающий на то, что орудие могло быть использовано и в качестве долота при деревообработке. Размер пешни следующий: длина 28, длина втулки 8 см, диаметр 2 см; ширина рабочего лезвия 3,2 см, толщина 0,8 см. В ходе лабораторных исследований выяснилось, что орудие отковано из мягкой сырцово-стали с содержанием углерода около 0,2%. Феррито-перлитная структура имеет выраженные следы перегрева во времяковки (видманштетт).

Орудия обработки почвы представляют наральники, один из которых найден в составе клада. Оба наральника относятся к широколопастным асимметричным. Такого рода пахотные орудия широко распространены в лесостепной зоне Восточной Европы, особенно на славянских памятниках Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Близки к ним наральники ранних (VIII — первая половина IX в.) салтовских поселений¹⁰.

Общая длина нашего экземпляра 28 см, длина втулки 9 см, ширина 10,5 см; максимальная ширина рабочей части 15 см, наибольшая толщина лопасти 0,8 см (рис. 3, ан. 1818). Металлографический анализ показал, что орудие отковано из кричного неомогенного железа, плохо прокованного: есть поры, трещинки, шлаковые включения. Рабочий край прокован намного лучше и подвергнут специальному науглероживанию. Максимальное содер-

жание углерода в феррито-перлитном слое 0,7 %.

К орудиям для обработки дерева принадлежат ложкорез и двуручный скобель (рис. 3, ан. 1827). Длина ложкореза 12,5 см, черешка 6,5 см, ширина рабочей части 1,4 см.

Длина рабочей части скобеля 9,5 см, ее ширина 1,3—1,5 см, длина черенков рукоятей 10 см. Орудие (анализ 1827) отковано из заготовки пакетированной сырцової стали, острое лезвие закалено на мартенсит, микротвердость 514—572 кг/мм².

Кроме описанных выше орудий труда в составе клада был найден железный нож с прямой спинкой и коротким черенком. Его длина 6,5 см, длина сохранившейся рабочей части 1,4 см.

Таким образом, лабораторные исследования показали, что большинство изделий из клада (серпы и топорик) откованы из стали и закалены. Сталь в основном сырцовая, полученная непосредственно в металлургическом горне, отличается большой неравномерностью в содержании и распределении углерода. Из мягкой сырцової стали без применения термообработки откованы два предмета (коса и пешня), из слабо науглероженного кричного железа втульчатое тесло-мотыжка. Из слоистого пакетного металла, полученного определенным способом обработки полуфабриката, откованы четыре предмета (серпы и скобель). Массивный наральник, изготовленный из грубого критичного металла, был подвергнут поверхностной цементации.

Рассмотренные изделия однотипны по характеру сырья и технологии изготовления. Исключение представляет наральник. Плохое качество металла, из которого он откован (загрязненность шлаками, плохая проковка), часто встречается в такого рода массивных предметах.

Среди девяти наральников, происходящих из восточнославянских памятников второй половины I тысячелетия н. э., исследованных металлографически, технологию цементации режущего лезвия имеют только два экземпляра, один из которых найден на Битицком городище (раскопки И. И. Ляпушкина

в 1953 г.), а второй — на городище у с. Жерновец в Курской обл.¹¹ Вместе с тем наральники с цементированным режущим краем известны среди кузнечной продукции из раскопок латенских памятников конца I тысячелетия н. э., а также черняховских поселений на территории Среднего Поднепровья¹².

Технологические характеристики кузнечной продукции из Битицкого клада вполне соответствует той, которая получена нами в лаборатории ИА АН УССР при анализе серии кузнечных изделий (30 единиц) из раскопок раннеславянского поселения у с. Волынцево Сумской обл. (исследования Д. Т. Березовца и С. П. Юренко)¹³. Интересно отметить, что изделия, откованные из слоистого пакетного металла, найдены исключительно в жилищах раннего этапа волынцевской культуры (середина VII — начало VIII в.).

В технологическом отношении кузнечные изделия данного клада отражают тот уровень кузнечного ремесла, который характерен для восточнославянских племен третьей четверти I тысячелетия н. э.: изготовление орудий труда из наиболее доступного сырья (кричное железо, сырцовая сталь, пакетный металл) приемами свободной кузнечнойковки. Наряду с этим заметна тенденция к увеличению количества термически обработанных изделий, как правило, закаленных. Следовательно, растет объем производимой стали, науглероженной в достаточной степени и способной принимать закалку, что достигается двумя способами: совершенствованием процесса выплавки в горне для получения науглероженного железа и развития процесса дополнительной цементации железного полуфабриката. Эта закономерность получает более четкое выражение при изучении техники и технологии кузнечного производства последней четверти I тысячелетия н. э.¹⁴ Значительная доля изделий, откованных из пакетного металла, как и наличие цементированных предметов, — явление обычное, характерное для восточнославянской кузнечной техники этого времени, которое можно рассматривать как дальнейшее развитие технологиче-

ских традиций прошлого славянским населением лесостепной части Восточной Европы.

Несомненный интерес представляет сравнение технологических характеристик металла волынцевской и салтовской, близких по времени культур, поскольку некоторые элементы их материальной культуры обнаруживают определенные черты сходства¹⁵.

Металлографическое изучение черного металла салтовской культуры позволило прийти к заключению о достаточном единообразии техники кузнечного производства у алано-болгарского населения Днепро-Донского междуречья. Их продукция изготовлялась по нескольким технологическим схемам, при этом наиболее распространен простейший способ отковки цельносталых или цельножелезных изделий. Вместе с тем используется пакетный металл, встречаются предметы со сварными лезвиями, где основу конструкции составляет сварка железа и стали в одном изделии. В технике кузнечного дела используется процесс цементации заготовок и готовой продукции наряду с тепловой обработкой поковок (закалка)¹⁶.

Таким образом, очевидна близость техники и технологии кузнечного производства племен волынцевской и салтовской культур. Однако конструктивно сложные сварные из железа и стали предметы, отражающие наиболее прогрессивную технологию в раннесредневековом кузнечном ремесле, заметно более распространены в салтовской кузнечной продукции. Среди исследованного в лаборатории волынцевского черного металла такая технология встречена лишь в одном случае: это нож с закаленным трехслойным клинком, найденный в жилище позднего периода (вторая половина VIII в.) на поселении у с. Волынцево. Общее количество металлографически исследованных изделий кузнечного ремесла волынцевских памятников в несколько раз меньше, чем количество аналогичных изделий из материалов раскопок памятников салтовской культуры.

Отмеченное выше сходство кузнечного производства у населения волын-

цевских памятников и салтовской культуры, на наш взгляд, отражает прежде всего аналогичный уровень развития производительных сил, что не исключает также взаимовлияния в области формирования производственных традиций в третьей четверти I тысячелетия н. э. среди населения Лесостепного Левобережного Поднепровья.

Украшения представлены бубенчиками со щелевидной прорезью и несомкнутыми ушками, два из них изготовлены из бронзы, один — из электрового сплава. Один из бронзовых бубенчиков покрыт благородной патиной, ниже пояска орнаментирован рельефными вертикальными полосками; его размер 2,5×1,9 см. От второго бронзового бубенчика сохранилась половинка, поверхность покрыта окислом зеленого цвета (ярь — медянка?). Судя по сохранившейся части, размер этого экземпляра 2×1 см. Близкие параметры имеет и электровый бубенчик (2×1,5 см), его поверхность гладкая и не имеет украшений (рис. 5, 1—3).

Помимо названных предметов в составе клада найдены два ожерелья. Одно из них состояло из бронзовых спиральных пронизок (26 шт.), изготовленных из плоской или треугольной в сечении бронзовой ленты шириной 1,8—2 мм, а также замыкающей трубочки, орнаментированной по концам трехрядным выпуклым пунктиром из выбитых с внутренней стороны точек (рис. 5, 3—6). Общая длина этого ожерелья 60 см, длина отдельных пронизок 2—6,5 см.

Бубенчики и бронзовые пронизки зачастую входили и в состав комбинированных ожерелий наряду со стеклянными и пастовыми бусами. Наш экземпляр состоял исключительно из пронизок, на что может указывать наличие упомянутой замыкающей трубочки. Аналогичные предметы известны на памятниках пеньковского типа (Сурская Забора, Деревка), в кладах VI—VIII вв. на территории Левобережья и Среднего Поднепровья (Хацки, Малый Ржавец), известны они и в катакомбных могильниках салтовской культуры (Старый и Верхний Салтов)¹⁷.

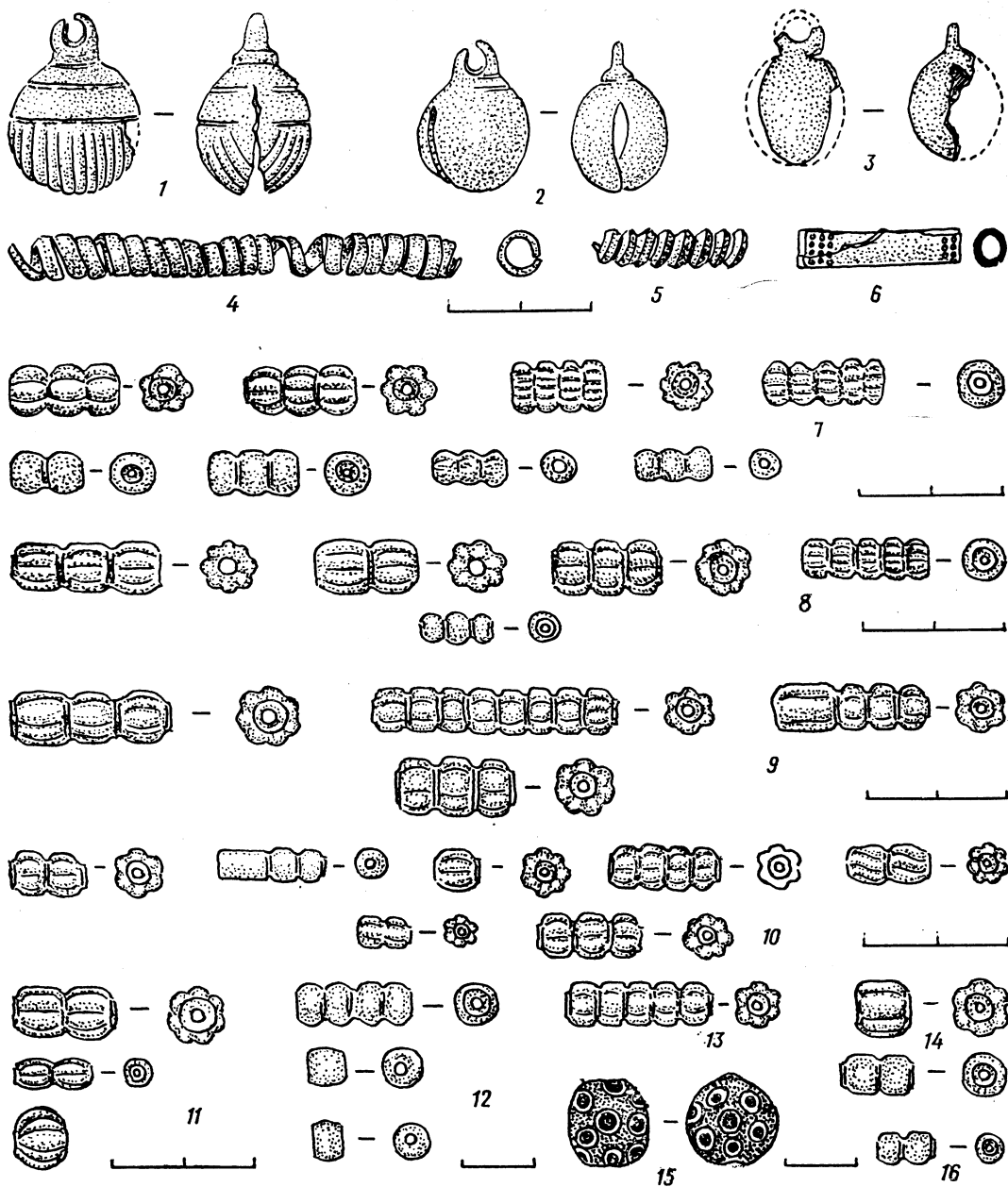

Рис. 5. Украшения (1-3 — бубенчики; 4-6 — пронизки; 7-16 — бусы)

Второе ожерелье состояло из бус, которые являются наиболее многочисленной категорией украшений Битицкого клада (96 шт.).

Бусы данного комплекса разделены нами по классификации В. Б. Деоник (Ковалевской) на четыре группы. В первую включены одноцветные бу-

сы, которые, в свою очередь, делятся на многочастные и одинарные. Многочастные бусы составляют 60% (57 экз.) и представлены двумя типами: ребристые и гладкие. Большинство экземпляров относится к первому типу (40 шт.). По цвету стеклянной или пастовой массы они черные (2), синие

(13), светло-коричневые (1), зеленовато-голубые (14), желтые (8).

Гладкие бусы по цвету светло-синие (1), зеленовато-голубые (4), желтые (10). Диаметр бусин 0,4—0,7 см, однако преобладают экземпляры диаметром 0,5—0,6 см. В большинстве своем многочастные бусы относятся к разряду дольчатых, причем дольки выражены не всегда достаточно четко, в ряде случаев бусы состоят из 2—5, иногда — из 2—8 частей (рис. 5, 7—9).

Одинарные бусы рассматриваемой группы представлены тремя типами: ребристые, цилиндрические, зонные. Среди них одна крупная (диаметр 0,7 см) светло-синяя ребристая бусина. 11 бусин синего цвета имеют в диаметре 0,5 см, изготовлены из непрозрачного стекла трубочки-заготовки (цилиндрические и зонные) и носят следы неровного разрезания (срез под углом к оси).

Вторую группу, в том числе и по количественному показателю (24 экз.), составляют полосатые бусы. Они также делятся на многочастные и одинарные, в которых по типам различаются ребристые и гладкие экземпляры.

Многочастные ребристые бусы представлены 8 единицами, их цвет светло-коричневый (3) и желтый (5). Многочастные гладкие более многочисленны и разноцветны, чем ребристые: по два экземпляра изготовлены на желтой и зеленоватой основе с синими, голубыми и красными полосками, по одному экземпляру — на светло-коричневой, мутно-зеленоватой и синей основе со слабо выраженными белыми, красными и желтыми тонкими полосками (рис. 5, 10—14). Одинарные бусы этой группы (6 экз.) представлены ребристыми и гладкими изделиями. Из них четыре изготовлены на серой основе, круглые, одна — на желтой основе, относятся к гладким, одним экземпляром представлен тип ребристых бус, изготовленных на светло-коричневой основе с тонкими разноцветными полосками.

Третью группу (глазчатые) представляет единственный экз.: это крупная бусина (1,5 см), изготовленная из черной пасты с сине-белыми выпуклыми, выступающими над ее поверхностью

глазками, до 35 мм в диаметре (рис. 5, 15).

В четвертую группу входят бусы с металлической прокладкой, с диаметром 0,4 и 0,5 мм, прокладка золоченая (рис. 5, 16).

Технология изготовления стеклянных и пастовых бус неоднократно рассматривалась в литературе¹⁸. Подавляющее большинство бус по цвету, форме и технике изготовления близки между собой и составляют своеобразные серии: многочастные синие ребристые и гладкие, многочастные, одинарные желтые и многоцветные, многочастные на серой основе и т. п. Особенности отдельных бусин могут способствовать реконструкции технологии и детализации процесса производства этой категории украшений.

Все бусы Битицкого клада могут быть датированы в широких рамках — VI—IX вв. Однако при детальном рассмотрении каждого типа бус и особенностей их численного соотношения и распространения в памятниках второй половины I тысячелетия н. э. можно установить и более узкие хронологические отрезки их бытования. При этом в качестве опорного комплекса мы будем пользоваться полно опубликованными и продатированными материалами Дмитриевского могильника, тем более, что специалистами отмечено большое сходство бус из раскопок славянских поселений Днепровского Левобережья, с одной стороны, и салтовских памятников Подонья¹⁹ с другой.

Так, в Дмитриевском могильнике многочастные ребристые одноцветные бусы (тип 10, по С. А. Плетневой), составляющие около 42 % от общего количества бус, встречены в катакомбах первой группы, относящихся к раннему периоду существования могильника. При этом 26 из 33 экз. их найдены в катакомбе № 38. Многочастные одноцветные гладкие в этой катакомбе найдены в необычно большом количестве (22 шт.), в то время как в других катакомбах (кроме № 49) они единичны. Полосатые многочастные бусы (тип 39) у С. А. Плетневой не расчленены на ребристые и гладкие, поэтому их приходится рассматривать суммарно; в

Дмитриевском могильнике из 17 экз. таких бус 16 приходится также на катакомбы первой группы.

Глазчатая бусина находит аналогии как в памятниках VI—VII вв., так и в более поздних, однако выступающие глазки более характерны для бус, датируемых в рамках VI—VII вв.²⁰

Основываясь на корреляции бус с другими датируемыми находками, С. А. Плетнева датирует катакомбы первой группы со второй половины VIII в.²¹ Это дает основание для датировки этим временем почти 60 % бус Битицкого клада, а также бубенчиков и пронизок, что в свою очередь позволяет определить дату всего комплекса находок. Следует к этому добавить, что аналогичные рассмотренным выше многочастные бусы были найдены в жилище № 9 на Новотроицком городище. Это жилище С. П. Юренко относит к поздневолынцевскому (ранне-роменскому) периоду существования поселения²², то есть к середине VIII в.

Хронология салтовской культуры, определяемая С. А. Плетневой концом VIII — второй половиной IX в. не может приниматься безоговорочно, поскольку ряд исследователей (А. В. Гадло, И. А. Баранов, В. С. Флеров и др.) высказываются в пользу существования ранних комплексов салтовской культуры, датируемых ранее середины VIII в.²³ Не противоречат этому и рассмотренные выше материалы как собственно клада, так и раскопок Битицкого городища.

Несколько слов нужно сказать о месте Битицкого клада и городища, на котором он найден, среди памятников предгосударственного времени на территории Днепровского Левобережья. Городище у с. Битица известно давно. Опубликованные И. И. Ляпушкиным результаты его раскопок позволили ему выступить с критикой Д. Т. Березовца по вопросам хронологии и этнической атрибуции тогда еще мало изученных памятников волынцевского типа. Д. Т. Березовец рассматривал их в качестве особой группы раннеславянских древностей, специфика которых заключается прежде всего в характере поселений, погребальной обрядности, нали-

чи гончарной лощеной посуды. Мнение И. И. Ляпушкина было поддержано Е. А. Горюновым, как и точка зрения Д. Т. Березовца имеет своих сторонников. Отметим, что и Е. А. Горюнов склонялся к положению об особом месте волынцевских памятников среди раннеславянских древностей Левобережья, о чем писал и П. Н. Третьяков, в отличие от последнего считавший их несинхронными памятникам роменской культуры²⁴. В. В. Седов рассматривает волынцевские памятники отдельно от роменской культуры, как наиболее раннее проявление культуры северянского племенного объединения. Свообразие первых он усматривает во влиянии культуры иноэтнических племен левобережного Поднепровья, вошедших в состав северянского союза²⁵. Наиболее детально все эти вопросы, связанные с проблемами волынцевских и роменских памятников, освещены в работе С. П. Юренко, где представлены аргументированные доказательства в пользу положений Д. Т. Березовца²⁶.

Так, согласно С. П. Юренко, на позднем этапе волынцевской культуры происходит смена ранее бытовавших открытых поселений поселками на крутых берегах и останцах коренных берегов рек. Некоторые из них имеют элементы искусственных оборонительных сооружений. Таковы, например, ров на Новотроицком городище, остатки двухрядной частокольной стены на пологом отрезке мыса, занимаемого Опошнянским поселением. По топографии названные памятники практически не отличаются от городищ роменской культуры, что без анализа конкретных материалов раскопок создает определенные трудности для выделения поздневолынцевских комплексов. В то же время для них характерно либо полное отсутствие оборонительных сооружений, либо их наличие в качестве отдельных элементов. В отличие от поздневолынцевских роменские городища характеризуются не только расположением на крутых останцах, но и стабильным оборонительным комплексом, выступающим в единстве валов и рвов, дополненных деревянными сте-

нами на валах и эскарпами на склонах.

Битицкое городище занимает особое место среди поздневолинцевских памятников: его укрепления более мощны и охватывают все городище по периметру, что не могло не вызвать интереса исследователей, высказавших различные предположения относительно культурной принадлежности и социального содержания этого памятника. Приведем для примера мнение Д. Т. Березовца, который считал, основываясь на значительном проценте (85) гончарной посуды в составе керамического комплекса и наличии остатков юртообразных построек, что здесь мы имеем дело с «эмбрионом» города, опорным пунктом хазарского господства на славянской территории²⁷.

Думается, что это положение Д. Т. Березовца можно принять с некоторыми коррективами. Так, наличие юртообразных сооружений наряду с типичными славянскими полужемлянками может говорить скорее о смешанном составе населения, чем о проживании на славянском поселении хазарского гарнизона. В ходе раскопок 1985 г. выяснилось, что гончарная посуда составляет не более 55—65 % от всей керамики*, то есть не намного больше, чем, скажем, на Пастырском городище, занимающем аналогичное место среди пеньковских памятников. Материалы раскопок 1985 г. не опубликованы, хранятся в Сумском краеведческом музее. Вместе с тем и на Битицком и на Пастырском имеются свидетельства развитого гончарного и кузнечного ремесла, обнаруживающие общие технологические и технические приемы, связанные со становлением этих ремесел в восточнославянском обществе. Оба городища имеют искусственные укрепления, охватывающие значительную площадь, оба находятся в территориальной близости от гончарных центров (Мачухи и Канцерка), производивших продукцию на рынок. На наш взгляд, эти наблюдения позволяют сместить акцент при выяснении места Битицкого городища в сторону прежде всего экономического содержания этого памятника. В связи с этим интересно от-

метить, что ранние клады и отдельные находки восточных монет (первый период обращения — 60—90-е годы VIII в.— 30-е годы IX в.)²⁸ располагаются вдоль торгового пути из Хазарии в скандинавские земли. Это позволяет поставить вопрос о возможном формировании торговых связей на территории Левобережья в более раннее время и во всяком случае не противоречит существованию таких путей в VIII в., что позволяет рассматривать Битицкое городище в качестве одного из опорных пунктов на важном пути из Хазарии в Прибалтику и Скандинавию.

¹ Раскапывалось И. И. Ляпушкиным в 1953 г.

² Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного розвідагону ІА АН УРСР за 1971 р. // НА ІА АН УРСР.— 1971/17 а.— С. 45.

³ Юренко С. П. Волинцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э.— Киев, 1985.— С. 123—124.

⁴ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волинцевского типа // СА.— 1956.— Т. 29/30.— С. 58—83; Березовец Д. Т. Лівобережжя Дніпра (пам'ятки волинцевського та роменського типів) // Археологія Української РСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 142.

⁵ Левашова В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. ГИМ.— 1956.— Вып. 32.— С. 65.— Рис. 14; С. 70, 72—73.

⁶ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ.— 1978.— Вып. 19.— С. 83—84.

⁷ Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине // МИА.— 1963.— № 108.— Рис. 20; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА.— 1958.— № 74.— Табл. LXXXVIII.

⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.— М.; Л., 1966.— С. 29.

⁹ Симонова Е. Н. Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерлак // СА.— 1978.— № 2.— Рис. 1, 29; Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА.— 1967.— № 142.— Рис. 43, 25; Мизеев В. К. До питання про ремісництво виробництво салтівської культури // Вісник ХДУ.— Серія історична.— 1966.— № 17.— Рис. 2, 7—8.

¹⁰ Довженко Н. Й. Землеробство Древньої Русі.— К., 1961.— Рис. 7, 9—11; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— Табл. LXXXVII; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— Табл. LXII; Плетнева С. А. Указ. соч.— С. 146—147.—

Рис. 38, 8—9; *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата.— Харьков, 1985.— Рис. 22—23.

¹¹ *Узянов А. А.* Городище и селище X в. на р. Тускарь // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 83.

¹² *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.— III в. н. э.).— Киев; 1983.— С. 80—81; *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры // МИА.— 1972.— № 187.— С. 43.

¹³ Материалы металлографического исследования находятся в печати.

¹⁴ *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепро-Днестровское междуречье) // СА.— 1976.— № 2.— С. 53—55; *Вознесенская Г. А.* Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв. // СА.— 1979.— № 2.— С. 70—76.

¹⁵ *Сухобокоев О. В.* К вопросу о памятниках вольтинского типа // Археология.— 1977.— Вып. 21.— С. 50—67; *Его же.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— С. 147—148.

¹⁶ *Михеев В. К., Степанька Р. Б., Фомин Л. Д.* Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР.— 1967.— Вып. 4; *Гопак В. Д., Сухобокоев О. В.* Про салтівське залізообробне ремесло (за матеріалами розкопок Д. Т. Березовця) // Археологія.— 1978.— Вып. 25.— С. 60—70; *Голмачева М. М.* Кузнечное производство салтовцев по материалам Маяцкого комплекса // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней».— М., 1984.

¹⁷ *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.— Рис. 37, 18; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— Рис. 110, 18; С. 285.— Рис. 110, 11; *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.— Спб., 1901.— Т. 3.— С. 147—148; *Рыбаков Б. А.* Древние Русы // СА.— 1953.— Т. 17; *Телегин Д. Я.* Из работ Днепродзержинской

экспедиции 1960 г. // КСИА АН УССР.— 1962.— Вып. 12.— С. 16—17.

¹⁸ Классификация бус по методике В. Б. Деоник была успешно применена *Плетневой С. А.* (Указ. соч. // МИА.— № 142). Технология производства бус см.: *Школьникова Н. А.* Стекланные украшения конца I тыс. н. э. на территории Поднепровья // СА.— 1978.— № 1.— С. 100; *Львова З. А.* Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стекланных украшений) // АСГЭ.— 1979.— Вып. 20; *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси.— М., 1972.— С. 216.

¹⁹ *Школьникова Н. А.* Указ. соч.— С. 101.

²⁰ *Деоник В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА.— 1961.— № 3.— С. 221—222; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— Табл. 3.— С. 142.

²¹ *Плетнева С. А.* Указ. соч.— С. 137—140.

²² *Юренко С. П.* Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. // Археологія.— 1984.— Вып. 45.— С. 36.— Рис. 2.

²³ *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму (Локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1977.— С. 4—6; *Флеров В. С.* Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как источниковедческий источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1981.— С. 10.

²⁴ Разбор мнений различных авторов по этому вопросу см.: *Юренко С. П.* Вольтинцевская культура.— С. 124.

²⁵ *Седов В. В.* Указ. соч.— С. 138.

²⁶ *Юренко С. П.* Днепровское лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1983.— С. 15—18.

²⁷ *Березовец Д. Т.* Слов'яни й племена салтівської культури // Археологія.— 1965.— Вып. 19.— С. 55—56.

²⁸ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период.— М., 1956.— С. 81—82; Ср.: *Кропачкин В. В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 72—79.

А. Т. Смиленко

К ИЗУЧЕНИЮ ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ СОЮЗОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН VIII—X вв.

Изучение особенностей культуры союзов восточнославянских племен (летописных «княжений») представлено обширной историографией. В археологической литературе неоднократно рассматривалось расселение восточнославянских племен по данным архео-

логии. При этом привлекались преимущественно материалы могильников и типология женских украшений X—XII вв.¹

П. Н. Третьяков уделил большое внимание определению культуры племенных союзов восточных славян в

VI—IX вв.² Однако в последующие после его работ годы исследователи подчеркивали черты общности и единства славянских древностей VI—IX вв. Для периода VIII—X вв. выделены обширные археологические культуры, которые соответствуют целому ряду племенных объединений: культура Луки-Райковецкой Правобережья Среднего Поднепровья, роменская культура Днепровского Левобережья и лесной зоны, боршевская культура Подонья³.

Вместе с тем продолжается изучение локальных особенностей восточнославянской культуры в период образования Киевской Руси и в регионах, территориально более ограниченных, чем упоминаемые три области. Прослеживались отличия в погребальном обряде, керамике, украшениях, домостроительстве. Производилась классификация жилищ и отопительных сооружений и отмечалось распространение различных их типов в ряде областей Восточной Европы⁴.

Устройства для отопления помещения и приготовления пищи сооружались в отдельных районах по-разному, с использованием разных материалов. В связи с этим данный вид археологических источников может быть использован в изучении этнографических особенностей восточнославянской культуры. Этот вид источников и избран предметом рассмотрения в данной статье.

В восточнославянских жилищах VIII—X вв. сооружалось семь типов печей и пять разновидностей открытых очагов:

1. Печи-каменки, сложенные насухо, на земляном или глиняном растворе.

Свод иногда возводился из глиняных вальков.

2. Печи, сооруженные полностью из камня и глины.

3. Печи, вырезанные в материковых останцах. Своды этих печей обычно лепились из глиняных вальков-конусов.

4. Подбойные печи, устроенные в стенах жилищ.

5. Глиняные печи, слепленные из глины или вырезанные в искусственно сбитых глиняных массивах. Применялись глиняные вальки.

6. Глиняные печи, сооруженные на деревянном каркасе.

7. Глиняные печи, возведенные на каменном основании.

Подробное описание конструкции каждого из видов печей мы не приводим, ссылаясь на описание ее в литературе, в связи с тем, что в данной статье используется лишь один из признаков в устройстве печи — материал, из которого она возводилась.

Открытые очаги, распространенные гораздо реже, чем печи, по устройству и материалу, из которого они сооружались, составляют пять разновидностей (наземные — земляные, глиняные, каменно-глиняные, каменные, а также очажные ямы). Однако мы не всегда могли отметить разновидность очага вследствие недостаточно полных данных в публикациях материала. Отметим также, что нами учтены печи и очаги лишь в пределах жилищ. Расположенные вне жилищ или в производственных постройках обогревательные сооружения не учитывались, так как их устройство диктовалось производ-

Карта-схема распространения типов обогревательных сооружений на восточнославянских землях в VIII—X вв.:

I — печь-каменка, II — каменно-глиняная печь, III — печь, вырезанная в материковом останце, IV — подбойная печь, V — глиняная печь, VI — глиняная печь на деревянном каркасе, VII — глиняная печь на каменном основании, VIII — очаг, IX — очажная яма; 1 — Киев, 2 — Ходосовка, 3 — Монастырек, 4 — Канев, 5 — Княжа гора, 6 — Гребени, 7 — Саховка, 8 — Обухов II, 9 — Лука-Райковецкая, 10 — Шумск, 11 — Тетеревка, 12 — Буки, 13 — Подгорцы (Плеснеск), 14 — Рипнев I, 15 — Городок, 16 — Бабка, 17 — Подоиже, 18 — Ромоги, 19 — Магаров Остров, 20 — Луг I, 21 — Луг II, 22 — Грабовец, 23 — Семенки II, 24 — Григоровка, 25 — Городок, 26 — Незвиско, 27 — Рапков I, 28 — Черновка, 29 — Гордишевы I, 30 — Одая, 31 — Глинжаны, 32 — Бранешты I, 33 — Сюк, 34 — Калфа, 35 — Ханска, 36 — Кодын, 37 — Клокучка II, 38 — Ревс, 39 — Ужгород, 40 — Зянцево, 41 — Комаровцы, 42 — Ореховица, 43 — Ороснево, 44 — Холмок, 45 — Федорово, 46 — Чернево, 47 — Ративци, 48 — Хотомель, 49 — Рошице, 50 — Шестовина, 51 — Целиков Бугор, 52 — Сонсица, 53 — Воргол, 54 — Волинцево, ур Курган, 55 — Волинцево, ур Стан, 56 — Бицида, 57 — Новотроицкое, 58 — Ромны, ур Монастырище, 59 — Хитцы, 60 — Вовки, 61 — Опощня, 62 — Супруты, 63 — Лебедка, 64 — Лужки, 65 — Малое Селихово, 66 — Михайловское, 67 — Кузнецовское, 68—69 — Боршево, 70 — Титчиха, 71 — Изборск, 72 — Псков, 73 — Камно, 74 — Гнездово, 75 — Ладога, 76 — Новгород, 77 — Новгородское (Рюриково) городище, 78 — Золотое Колено, 79 — Прость, 80 — Городец под Лугой.

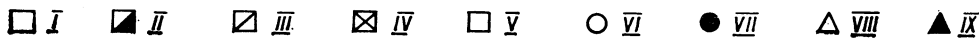
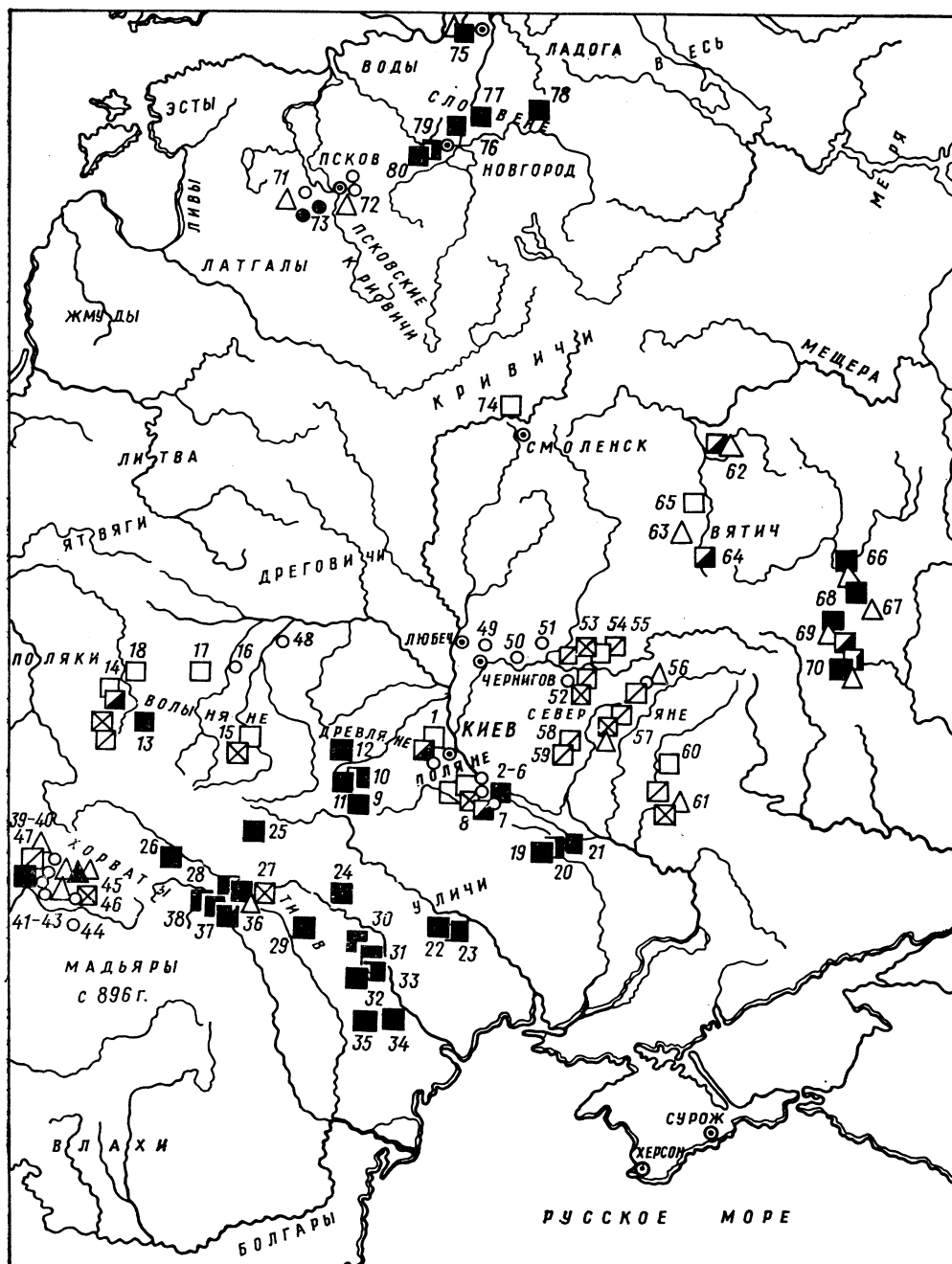

Таблица 1

Памятник	Каменки	Каменно-глиняные	Вырезанные в материковых останцах	Подбойные	Глиняные	Глиняные каркасные
Киев		1			7	1
Обухов II			9			
Ходосовка					8	
Монастырек	27	2		2	1	
Канев	12					8
Княжа гора	3					
Гребени	1					
Сахновка		8				4
Всего	43	11	9	2	16	13

ственным или другим хозяйственным назначением.

Перечисленные выше типы обогревательных сооружений были распространены на восточнославянских землях неравномерно. В отдельных регионах наблюдается концентрация какого-то одного или нескольких видов отопительных устройств. Это дает возможность привлечь данный вид источников в изучении локальных вариантов восточнославянской культуры, связанных с расселением союзов восточнославянских племен (рисунок 1).

Поляне. Сведения летописей об обитании полян в Киеве и его окрестностях⁵ дополняются археологическими источниками, определенными видами могильных древностей — погребениями в глубоких могильных ямах X—XII вв. и кремациями на глиняных площадках⁶. На основании археологических данных территория полян может быть определена в области между Киевом, Черниговом, Переяславом и р. Рось. На полянской земле на поселениях жилища VIII—X вв. с обогревательными устройствами были открыты в Киеве на горах Старокиевской, Детинке, Замковой, на Подоле, у Китаевского городища (9 печей)⁷, южнее у сел Обухов II (9)⁸, Ходосовка (8)⁹, в районе г. Канева на городище у хут. Монастырек (32)¹⁰, на Каневском поселении (20)¹¹, на Княжей горе у г. Канева (3), у с. Гребени (1)¹², у с. Сахновка (12)¹³. В статье учитывались жилища с хорошо сохранившимся отопительным устройством.

Распределение типов печей на поселениях приведено в табл. 1.

Как видим, печи в жилищах полян составляют 6 типов. При этом разновидности глиняных печей и печи-каменки представлены почти в равном количестве. Отметим, что последние сооружались на глиняном растворе.

Разнообразие отопительных сооружений в полянской земле следует связывать с общим сложным характером полянской культуры, сложившейся в зоне стыка трех археологических культур — волынцевской, роменской и Луки-Райковецкой¹⁴. Расположение древнего Киева на оживленной водной магистрали с развитой системой притоков способствовало притоку на территорию Киевщины населения из различных восточнославянских областей¹⁵. В частности, предполагается спорадическое проникновение части левобережного населения на Правобережье Днепра (по материалам поселения Ходосовка)¹⁶.

Древляне. Земли древлян летопись размещает к северо-западу от Киева. На основании детали погребального обряда, наличия угольно-зольной прослойки в насыпи курганов X—XII вв. территория обитания древлян уточняется между реками Здвиж, Тетерев, Припять и междуречьем Случь и Горынь¹⁷. В области древлян жилища VIII—IX вв. открыты у сел Райки в уроч. Лука (6 жилищ)¹⁸, Шумск (2), Тетеревка (3), Буки (1)¹⁹. Во всех жилищах находились печи-каменки (всего 12). Связующий материал между камнями, из которых возводились печи, не прослеживался.

Волыняне. Место обитания трех племенных объединений — дулебов, бужан и волынян — летопись связывает с

Таблица 2

Памятник	Каменки	Каменно-глиняны	Вырезанные в материковых останцах	Подбойные	Глиняные	Глиняные каркасные
Плиснеск	12					
Рипнев I		5	4	1	1	
Городок				1	3	
Бабка						2
Подриже					1	
Ромош					1	
Всего	12	5	4	2	6	2

р. Буг²⁰. Большинство исследователей размещает эти объединения в верховьях Западного Буга, на котором возник город Вольтынь. Предполагается, что дулебы и бужане были более древними племенными объединениями, которые сменили территориальное объединение вольтынян. Мнение некоторых польских историков об обитании по Западному Бугу западнославянских племен «лендзян» лишено оснований, так как на основании фрагментарных письменных источников невозможно установить, кто были «лендзяны» и где они обитали²¹. В. В. Седов считает, что дулебы представляли обширное объединение VI—VIII вв., давшее начало последующим объединениям вольтынян, полян, древлян и отчасти дреговичей²². Существует точка зрения, основанная на летописных данных, об обитании бужан по Южному Бугу²³.

По археологическим материалам — могильным древностям — наиболее определенно очерчивается территория расселения вольтынян между реками Западный Буг, Припять и Случь. К вольтыньским захоронениям относятся курганы VIII—X вв. типа исследованных у с. Головно²⁴ и курганы X—XII вв. с деревянными конструкциями и захоронениями в ямах, на горизонте и в насыпях²⁵. На упомянутой территории жилища VIII—X вв. исследовались на городищах и поселениях Плиснеск (12 жилищ)²⁶, Рипнев I (11)²⁷, Городок (4)²⁸, Бабка, селище (2)²⁹, Подриже (1)³⁰, Ромош (1)³¹ (табл. 2).

Отопительные устройства у вольтынян в VIII—X вв. отличались разнообразием. Преобладали глиняные печи, конструктивно различные. Печи-каменки и

глиняные печи сооружались на разных поселениях.

Уличи и тиверцы. Летописи отводят уличам и тиверцам земли между Южным Поднепровьем и Нижним Дунаем, размещая их, однако, по-разному: Ипатьевская летопись — по Бугу и Днепру, а Лаврентьевская — по Днестру. В обоих списках уточняется расселение этих племен: «оли до моря», «приседяху к Дунаеви»³². Новгородская летопись повествует об обитании уличей по Днепру, а затем о переселении их между Бугом и Днестром³³. На основании данных летописей в археологической литературе уличей размещают в Южном Поднепровье, на р. Тясмин, на Южном Буге³⁴, тиверцев локализируют на Среднем Днестре³⁵, в Пруто-Днестровском междуречье³⁶.

В этой обширной области расселения уличей и тиверцев исследован целый ряд поселений VIII—X вв. в Потясминье — у с. Пеньковка в уроч. Макаров Остров (10 жилищ)³⁷. Комплексы VII—IX вв. выделены в уроч. Луг I (17) и Луг II (7)³⁸. На Южном Буге — у сел Грабовец (7) и Семенки II (1)³⁹. На Левобережье Среднего Днестра — у сел Григоровка (4)⁴⁰, на Правобережье Среднего Днестра — у сел Рашков I (80)⁴¹, Черновка (7)⁴². В Пруто-Днестровском междуречье — у сел Скок (25), Ханска (20), Глинжены (16), Калфа, нижний слой (10), Одая (8), Гордишесты I (6), Бранешты I (4)⁴³.

В упомянутых жилищах обогревательные сооружения представлены почти исключительно печами-каменками, сложенными насухо (224). Лишь в единичных случаях печь-каменка сочетает

Таблица 3

Памятник	Печи-камен- ки	Печи, вырезан- ные в материко- вых останцах	Печи глиня- ные каркас- ные	Очаги земля- ные	Очаги камен- но-глиняные	Очажные ямы
Холмок			1	1	2	2
Федорово			4			
Комаровцы			3			
Оросиево		1	1			2
Ужгород — Радванка	1			1		
Ужгород — Галаго				1		
Червеново	2					
Червеново II						1
Ративци				2		
Зняцево				1		
Ореховица				1		
Всего	3	1	9	7	2	5

лась в жилище с другим отопительным устройством: в трех жилищах в Рашкове — с подбойными печами; в одном жилище Одаи — с каменным очагом, в другом — с очажной ямой; в жилище Ханска — с глиняным очагом. В одном из жилищ поселения Рашков I находился каменный очаг. Подбойные печи, очаги и очажная яма, сооруженные в одном жилище с печью, вероятно, имели вспомогательное назначение.

Распространение печей-каменок в постройки уличей и тиверцев не позволяет отличать их жилища на основании характера отопительных сооружений.

Хорваты. К древностям восточных хорватов в литературе относят археологические памятники Северной Буковины и украинского Закарпатья. В Северной Буковине исследовались поселения в уроч. Кодын (29 жилищ VIII в.), Клокучка II (7), городище Ревно IB (22), поселение Ревно III (2) ⁴⁴.

В раскрытых жилищах отопительные сооружения представлены печами-каменками (60 печей).

В южных предгорьях Карпат поселения изучались у сел Холмок (6 жилищ), Федорово (4), Комаровцы (3), Оросиево (4), Ужгород-Радванка (2), Ужгород-Галаго (1), Червеново (2), Червеново II (1), Ративци (2), Зняцево (1), Ореховица (1) ⁴⁵ (табл. 3).

В целом для жилищ хорватов можно считать типичным разнообразие отопительных сооружений. На юго-восточных

склонах Карпат концентрируются печи-каменки. В более западных районах южных предгорий в большей мере бытовали глиняные печи, очаги и очажные ямы. Характерной особенностью жилищ южных предгорий Карпат является сооружение в них очагов и очажных ям как самостоятельных отопительных устройств, что, возможно, связано с более теплым климатом.

Дреговичи. По летописи дреговичи размещались между Припятью и Западной Двиной ⁴⁶. Археологические древности дреговичей представлены курганами с кремацией IX—X вв. и ингумацией X—XII вв. Считая признаком дреговичских погребений находки в них крупных металлических зеренных бус, В. В. Седов относит к древностям дреговичей памятники на правом берегу Припяти в ее среднем течении ⁴⁷. В числе последних находится городище у с. Хотомель, на селище у которого открыто 17 жилищ, имевших каркасные глиняные печи ⁴⁸.

Северяне. Большинство исследователей связывает с племенами северян волынцевскую культуру середины VII—VIII вв. и роменскую VIII — середины XI в. Обе культуры занимают бассейн Десны, Сейма и Сулы, где летопись размещает северян ⁴⁹. В число признаков северянской культуры входит преобладание укрепленных поселений, обряд кремации в стороне с последующим захоронением урны в насыпи курганов, распространение в жилищах глиняных

Таблица 4

Памятник	Печи, вырезанные в материковых останцах	Печи подбойные	Печи глиняные	Очаги
Волынцевские памятники				
Волынцево	18	5	28	4
Вовки	6			
Роище			5	
Битица		1	2	1
Сосница			3	
Хитцы	3			
Целиков				
Бугор			2	
Роменские памятники				
Новотроицкое	46	2	2	6
Опошня	23	2		5
Монастырище	6			
Волынцево-Курган	5			
Воргол	5			
Шестовица			3	
Всего	112	10	45	16

печей, вырезанных в материковых останцах (табл. 4).

Поселения волынцевского типа известны у сел Волынцево (46 жилищ), Вовки (6), Роище (5), Битица (3), Сосница (3), Хитцы (3), Целиков Бугор (2)⁵⁰. На роменских городищах жилища исследовались у сел Новотроицкое (48 жилищ), Опошня (23), Монастырище (6), Волынцево-Курган (5), Воргол (5), Шестовица (3)⁵¹.

В жилищах северянских поселений преобладали печи, вырезанные в материковых останцах. Второе место по количеству занимали глиняные печи. Реже сооружавшиеся подбойные печи и очаги исследователи относят к вспомогательным отопительным устройствам, сочетавшимся с печами в пределах одного жилища.

Вятчи. Вятчам, обитавшим, по летописи, на Оке⁵², принадлежали верхнеокские поселения, городища и могильники. Судя по жилищам, открытым на поселениях у деревень Супруты, Лебедка, Малое Селихово, Лужки и других, в них сооружались чаще всего печи из камня и глины или камен-

ные очаги, редко глиняные печи (количество построек в публикациях не всегда указано)⁵³.

В изучении домостроительства вятчей следует учитывать и данные о постройках на городищах боршевской культуры Верхнего и Среднего Дона. Население, строившее эти городища, имело сложный этноплеменной состав, особенно в области Верхнего Дона. Однако основным ядром славянского населения Подонья, как считает большинство исследователей, были вятчи, переселившиеся на Дон с Верхней Оки на рубеже IX—X вв.

Количественное соотношение отдельных типов печей и очагов на городищах Подонья⁵⁴ и поселениях Верхней Оки в целом совпадает (табл. 5). В обеих областях преобладают печи, сооруженные из камня и глины, а также каменные очаги, которые следует считать характерными обогревательными сооружениями вятчей.

Кривичи. На землях псковской группы кривичей наиболее широко исследованы постройки на городищах Изборском, Псковском и Камно. В Изборске от построек VIII — начала X в. сохранилось более 150 печей и свыше 20 очагов⁵⁵. Печи — глиняные, двух типов, каркасные и на каменном основании. Очаги сложены из песка или глины и окружены камнями. Аналогичные отопительные сооружения обнаружены в Пскове и Камно. На городище Камно магнитной съемкой зафиксировано 100—120 жилых построек с глиняными печами на каменных основаниях⁵⁶.

Таблица 5

Памятники Городища	Печи			Очаги	
	каменные	каменно-глиняные	глиняные	каменно-глиняные	каменные
Большое Боршевское	1	1		4	6
Малое Боршевское				1	2
Кузнецовское	2				9
Михайловское	1				2
Титчиха	11	30	2	1	
Всего	15	31	2	6	19

В Пскове исследованы постройки с глиняными печами, в том числе каркасными и на каменном основании. Сооружались также очаги, а в более поздних жилищах — печи-каменки⁵⁷. Постройки с глиняными печами открыты в области смоленских кривичей в Гнездове⁵⁸. Наиболее распространенными отопительными сооружениями в жилищах кривичей следует считать глиняные печи, в том числе каркасные и на каменном основании.

Словене. У словен, обитавших у оз. Ильмень⁵⁹, характерным обогревательным сооружением жилищ была печь-каменка. Постройки с печами-каменками исследовались в Старой Ладуге (16)⁶⁰, Новгороде (21 постройка Х в.)⁶¹, на Новгородском Рюриковом городище (6), поселениях Золотое колесо (3), Прость, Городец под Лугой и др.⁶² Весьма редко сооружались каменные очаги, глиняные печи (Прость).

Подводя итоги рассмотрению обогревательных сооружений в отдельных регионах восточнославянских земель, попытаемся определить наиболее характерные их типы для известных по летописи племенных союзов.

Поляне — разнообразие отопительных устройств. Одновременное существование печей-каменок, каменно-глиняных и глиняных, конструктивно различных печей. Печи-каменки сооружались на глиняном растворе.

Древляне — печи-каменки без применения связующего материала.

Волыняне — одновременное существование глиняных, конструктивно различных печей и печей-каменок, преобладание глиняных печей.

Уличи и тиверцы — преобладание печей-каменок, сложенных насухо.

Хорваты — в районе Северной Буковины печи-каменки. В Закарпатье — преобладание глиняных печей и очагов.

Дреговичи — бытование глиняных каркасных печей.

Северяне — преобладание глиняных печей, конструктивно различных.

Вятичи — преобладание каменно-глиняных печей и каменных очагов.

Кривичи — преобладание глиняных печей — каркасных и на каменном основании.

Словене — преобладание печей-каменок.

Разнообразие в устройстве отопительных сооружений у восточных славян может быть объяснено различными причинами. Существует мнение, что отличия в устройстве печей вызваны наличием определенного материала⁶³. Однако это предположение не может объяснить устройство на одних и тех же поселениях отопительных сооружений из различных материалов.

Необходимо учитывать возможность использования подбойных печей и очагов, нередко сооружавшихся в одном жилище с печью в качестве вспомогательных или производственных устройств. Известно использование подбойных печей как кузнечных горнов или для обжига керамики. Очагами могли пользоваться в летнее время.

В литературе высказывалось также предположение, что несколько типов обогревательных сооружений в поселках определенного района можно рассматривать как следствие культурных влияний или перемещения населения, приносившего с собой сложившиеся навыки домостроительства⁶⁴.

В различных районах восточнославянских земель можно встретить один и тот же тип отопительных сооружений. Однако концентрируются разновидности обогревательного устройства в различных областях по-разному. Поэтому преобладание данного вида отопительного сооружения или нескольких их видов и является характерным элементом домостроительства в данном регионе. Концентрация определенных типов обогревательных сооружений может служить одним из признаков, позволяющих уточнить территорию расселения восточнославянских племенных союзов.

Краткий анализ типологии обогревательных сооружений и их территориального распространения у восточных славян показывает, что они могут служить источником в изучении этноплеменного состава населения в отдельных регионах Восточной Европы.

¹ Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным //

- ЖМНП.— 1899.— № 8.— С. 301—340; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей.— М., 1930; *Рыбаков Б. А.* Радзімічы // Прапы археологічнай камісії Беларускай акадэміі навук.— Менск, 1932; *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // СЭ.— 1947.— 6/7.— С. 81—105; *Русанова И. П.* Территория древлян по археологическим данным // СА.— 1960.— № 1.— С. 63—69; *Русанова И. П.* Курганы полян // Археология СССР.— САИ.— 1966.— Е1-24; *В. В. Седов.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 90—234.
- ² *Третяков П. Н.* Северные восточнославянские племена // МИА.— 1941.— № 6; *Третяков П. Н.* Восточнославянские племена.— М., 1948.
- ³ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА.— 1968.— № 152.— С. 57; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // Археология СССР.— САИ, 1973.— Е1-25.— С. 13; *Тимошук Б. О.* «Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976.— С. 24—29; *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980.— С. 14.
- ⁴ *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище (VI—XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы.— М., 1975.— С. 117—122; *Петрашенко В. О.* Житла VIII—X ст. на Правобережному Подніпров'і // Археологія.— 1982.— 37.— С. 48—59; *Юренко С. П.* Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. // Археологія.— 1984.— 45.— С. 35—46; *Седов В. В.* Жилища словенского-кривичского региона VIII—X вв. // КСИА АН СССР.— 1986.— 183.— С. 10—15.
- ⁵ *Повесть временных лет.*— М.; Л., 1950.— Ч. 1.— С. 12.
- ⁶ *Русанова И. П.* Курганы полян // Археология СССР.— САИ, 1966.— Е1-24; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 107—108.
- ⁷ *Толочко П. П.* Древний Киев.— К., 1983.— С. 53; *Гупало К. М., Толочко П. П.* Давньокіівський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ.— К., 1975.— С. 58—70; *Новое* в археологии Киева.— К., 1981.— С. 87—88.
- ⁸ *Кравченко Н. М., Струнка М. Л.* Реконструкция интерьеру слов'янського житла VIII—IX ст. // Археологія.— 1984.— 45.— С. 84—85.
- ⁹ *Орлов Р. С.* Розвідки ранньослов'янських пам'яток поблизу Києва // Археологія.— 1972.— 5.— С. 96—105.
- ¹⁰ *Петрашенко В. А.* Городище Монастырек VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.— К., 1985.— С. 71—84.
- ¹¹ *Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян.— К., 1965.— С. 19—51.
- ¹² *Петрашенко В. О.* Житла VIII—X ст.— С. 54.
- ¹³ *Приходнюк О. М.* Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К., 1976.— С. 101—118.
- ¹⁴ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.— К., 1985.— С. 119.
- ¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— С. 98—107; *Толочко П. П.* Древний Киев.— С. 32—33.
- ¹⁶ *Сухобоков О. В.* До питання про пам'ятки волинського типу // Археологія.— 1977.— 21.— С. 64.
- ¹⁷ *Русанова И. П.* Территория древлян по археологическим данным // СА.— 1960.— 1.— С. 63—69.
- ¹⁸ *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая // МИА.— 1963.— № 108.— С. 283—315.
- ¹⁹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв.— С. 35—37.
- ²⁰ *Повесть временных лет.*— С. 13—14.
- ²¹ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К., 1972.— С. 130—136.
- ²² *Седов В. В.* Восточные славяне...— С. 92.
- ²³ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества...— С. 236; *Брайчевский М. Ю.* Походження Русі.— К., 1968.— С. 140.
- ²⁴ *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ.— 1961.— Вып. Е1-57.— С. 32.
- ²⁵ *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. // СА.— 1961.— 3.— С. 56—73.
- ²⁶ *Кучера М. П.* Древний Пліснеск // АП.— 1962.— Т. XII.— С. 24.
- ²⁷ *Аулик В. В.* Славянское поселение у с. Рипнев (Рипнев I) Львовской области // МИА.— 1963.— № 108.— С. 366—381.
- ²⁸ *Багрий Р. С.* Нові слов'янські і древньоруські пам'ятки на території Волині // МДАПВ.— 1962.— Вып. 4.— С. 120—127.
- ²⁹ *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— С. 34—37.
- ³⁰ *Русанова И. П.* Славянские древности...— С. 44.
- ³¹ *Аулик В. В.* Древнерусское поселение на Западном Буге // Археологические исследования 1968 г.— М., 1969.— С. 327—329.
- ³² *Повесть временных лет.*— С. 14; ПСРЛ.— Т. 2. Ипатьевская летопись.— М., 1962.— С. 10.
- ³³ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— М.; Л., 1950.— С. 109.
- ³⁴ *Рыбаков Б. А.* Уличи // КСИИМК.— 1951.— 35.— С. 3—17; *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине // МИА.— 1963.— № 108.— С. 145—208; *Хавлюк П. П.* Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності.— К., 1969.— С. 156—173.
- ³⁵ *Тимошук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976.— С. 139—140.
- ³⁶ *Федоров Г. Б.* Тиверцы // ВДИ.— 1952.— № 2.— С. 250—259.
- ³⁷ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей...— С. 183—186; *Линка Н. М., Шовкоплас А. М.* Раннеславянское поселение на р. Тясмине // МИА.— 1963.— № 108.— С. 234—242.
- ³⁸ *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки...— С. 15—16.
- ³⁹ *Хавлюк П. П.* Славянские поселения VIII—начала IX вв. на Южном Буге // АСГЭ.— 1962.— Вып. 4.— С. 116—126.
- ⁴⁰ *Артамонов М. И.* Археологические исслед-

дования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. // КСИИМК.— 1955.— Вып. 59.— С. 107.

⁴¹ Баран В. Д., Карчина Л. Я., Некрасова А. Н. Раннеславянские поселения у с. Рашков // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 294—295.

⁴² Русанова И. П. Изучение славянских поселений у с. Черновка // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 331.

⁴³ Тельнов Н. П. Изучение славянской культуры в Молдавии в конце 70-х — в 80-е годы // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э.— К., 1986.— С. 103—110; Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии.— Кишинев, 1972.— С. 69; Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI—VIII вв.) // Археологическая карта Молдавской ССР.— 1974.— Вып. 6.— С. 25, 30; Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре.— Кишинев, 1973.— С. 65; Гольцева Н. В. Раскопки славянского поселения VIII—X вв. Глиньены V // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 485; Гольцева Н. В. Исследование славянского поселения VIII—X вв. Глиньены V // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 402; Тельнов Н. П. Раннеславянские поселения Гординешты I и Корпач // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье.— Кишинев, 1985.— С. 91—104.

⁴⁴ Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут.— М., 1984.— С. 23—63; Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина.— К., 1982.— С. 46—50; Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини.— С. 156.

⁴⁵ Леньяк С. I. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.— К., 1980.— С. 22—96.

⁴⁶ Повесть временных лет.— С. 11.

⁴⁷ Седов В. В. Восточные славяне.— С. 116.

⁴⁸ Кузаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья.— С. 22—27.

⁴⁹ Повесть временных лет.— С. 11.

⁵⁰ Березовець Д. Т. Лівобережжя Дніпра (пам'ятки волинцівського та роменського типів) // Археологія Української РСР.— К., 1975.— С. 138—148; Юренко С. П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя.— С. 38—43; Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волинцевского типа // СА.— 1959.— 19/20.— С. 58—83.

⁵¹ Макаренко М. Городище «Монастирище» // Науковий збірник за рік 1924.— К., 1925.— С. 3—23; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА.— 1958.— № 74.— С. 45—55; Ляпушкин И. И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА.— 1964.— № 104.— С. 268—304; Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опшны // АО 1975 г.— М., 1976.— С. 395—396; Довженко В. И. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської обл. // АП.— 1952.— Т. 3.— С. 254; Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—

1950 рр. // АП.— 1955.— Т. 2.— С. 58—60; Станкевич Я. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. // АП.— 1949.— Т. 1.— С. 56.

⁵² Повесть временных лет.— С. 14.

⁵³ Никольская Т. Н. Земля вятичей.— М., 1981.— С. 16—22; Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. // МИА.— 1959.— № 72.— С. 72; С. А. Изюмова. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1971 г.— М., 1972.— С. 93; Изюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1973 г.— М., 1974.— С. 53.

⁵⁴ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА.— 1948.— № 8.— С. 58—109; Москаленко А. Н. Городище Титчиха.— Воронеж, 1965.— С. 44—53.

⁵⁵ Седов В. В. Восточные славяне.— С. 56—57.

⁵⁶ Глазунов В. В., Плоткин К. М. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА АН СССР.— 1978.— 152.— С. 86—91.

⁵⁷ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова / археологические данные к проблеме происхождения города // КСИА АН СССР.— 1980.— 160.— С. 3—18; Белецкий С. В., Варенов А. Б., Фролов В. П. Исследования Псковского городища // АО 1978.— М., 1979.— С. 4.

⁵⁸ Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А. Раскопки в Гнездове // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 43; Каменецкая Е. В. Раскопки в Гнездове // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 55; Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А. Раскопки в Гнездове // АО 1983 г.— М., 1985.— 42.

⁵⁹ Повесть временных лет.— С. 11.

⁶⁰ Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // СА.— 1949.— 2.— С. 5—31; Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // СА.— 1950.— 12.— С. 8—38; Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога.— Л., 1985.— С. 3—17.

⁶¹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА.— 1963.— № 123.— С. 58.

⁶² Пахомов Н. П. Раскопки Рюрикова городища // АО 1969 г.— М., 1970.— С. 24—25; Носов Е. Н., Пахомов Н. П. Новые данные о Новгородском (Рюриковом) городище // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 26; Носов Е. Н. Новгородская областная экспедиция // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 21; Носов Е. Н. Исследования на берегах Волхова // АО 1981 г.— М., 1983.— С. 29.

⁶³ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— С. 163.

⁶⁴ Москаленко А. Н. Городище Титчиха.— С. 53; Сухобоков О. В. До питання про пам'ятки.— С. 62; Седов В. В. Жилища словенско-кривичского региона.— С. 12.

П. П. Толочко

ГОРОД И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОКРУГА НА РУСИ В IX—XIII вв.

Одним из важнейших достижений советской историографии в изучении древнерусского города явилось определение его как составной части феодализма, как звена в системе феодальных производственных отношений¹. Вместе с тем во многих работах, в первую очередь археологических, наблюдается тенденция не слишком корректного приложения известного марксистского тезиса о противоположности города — центра ремесла и торговли и деревни — средоточия сельскохозяйственного производства.

Исходя из убеждения, что «древнерусский город» и «центр ремесла и торговли» понятия суть тождественные, исследователи ищут экономическое начало городов исключительно в ремесле и торговле.

Вывод о том, что древнерусские города были центрами ремесла и торговли не может быть оспорен. Его справедливость подтверждают археологические раскопки, выявляющие отчетливые следы ремесленной и торговой деятельности горожан. Но из этого вовсе не следует, что эти отрасли экономики определяли хозяйственное развитие городов.

Ремесло и торговля в IX—XIII вв., которым, как правило, уделяется главное внимание, находились на начальной стадии отделения от сельского хозяйства и не могли создать необходимый прибавочный продукт для успешного развития городских форм жизни. Такой, несомненно, создавался в сфере сельскохозяйственного производства.

В последнее время наметилась (точнее, возродилась) тенденция рассматривать город не только с точки зрения отличия его от деревни, но и в опре-

деленном формационном единстве с ней². Будучи порождением сельскохозяйственной стихии (даже для его образования необходимо наличие некоторого излишка сельскохозяйственной продукции), древнерусский город по своей природе был феодальным. С породившей его земледельческой округой он был связан тысячами зримых и незримых нитей. Для нее он был естественным хозяйственным, административно-политическим и культурным центром.

Следовательно, правильное понимание социально-экономической природы древнерусского города во многом зависит от знания хозяйственной структуры округа, ее экономического и демографического потенциала, природных условий.

К. Маркс в качестве общей черты формирующихся городских центров выделял их аграрный характер. Древнерусские города не представляли в этом плане исключения. И. Я. Фроянов считает даже возможным проводить здесь параллель с античностью, где первоначальные греческие полисы также имели земледельческий характер, а среди населения городов было много земледельцев³.

Еще более близкие аналогии наблюдаются в византийской истории VIII—IX вв. М. Я. Сюзюмов полагал, что основная масса товарного производства в раннесредневековой Византии состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров, из продукции земледелия и скотоводства. Вино, оливковое масло, хлеб, мясо, рыба, мед, воск, соль — вот те предметы, которые составляли основу товарно-денежного обращения в раннем средне-

вековье. Их производством занимались жители городов, а наличие подгородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, являлось самой характерной чертой средневекового города как экономического центра⁴. Наличие мелких городов сельского типа отмечают исследователи также и в средневековой Германии⁵.

Анализ письменных и археологических источников показывает, что непосредственная связь с сельскохозяйственным производством характеризовала экономическую жизнь практически всех древнерусских городов независимо от их иерархии, хотя уровень этой связи был различным. Наиболее ярко выраженной аграрность была так называемых малых городов. Важное свидетельство в пользу сказанного содержится в известном обращении княгини Ольги в 945 г. к осажденным жителям Искоростеня: «Вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя»⁶.

Мы не располагаем аналогичными свидетельствами более позднего времени, однако археологические материалы, происходящие из раскопок городищенских центров, не дают оснований утверждать, что в XI—XIII вв. положение коренным образом изменилось. Обнаруживаемые в большом количестве орудия сельскохозяйственного производства — косы, серпы, наральники, чересла, лопаты, ножницы для стрижки овец, топоры и др. указывают на то, что производственная база этих городов находилась за пределами их стен. Наиболее яркий пример такого рода демонстрирует Изяславль. Раскопками экспедиции М. К. Каргера выявлено на его даче (3,5 га) и посаде огромное количество (около 1000) орудий сельскохозяйственного производства, характеризующих весь цикл работ древних земледельцев. Это лемеха трех типов, чересла, косы-горбушки, серпы, оковки лопат, каменные жернова. Их конструктивные особенности, как считает М. А. Миролюбов, указывают на высокий уровень агрикультуры, достигнутой Киевской Русью во второй половине XII — начале XIII в.⁷

«Нивы свои и земли свои» обработы-

вали и жители более крупных городских центров Руси, в том числе княжеских. Примером этого может служить Белгород, площадь укрепленной части которого достигает 100 га. Многолетние раскопки, выявившие следы керамического и кузнечного производства, не указывают, тем не менее, на ремесленный или ремесленно-торговый характер этого города. В свое время нами было высказано предположение, что Белгород, как и некоторые другие пригороды Киева, был центром сельскохозяйственного производства, продукция которого поставлялась столице Руси. Значительные запасы ее должны были концентрироваться и в самом Белгороде на случай длительной осады его неприятелем, причем в расчете на питание не только гарнизона и жителей, но и на многотысячное войско, которое нередко оказывалось в пределах белгородских укреплений⁸. Дополнительные аргументы в пользу высказанной мысли получены недавно в исследованиях палеогеографов. Реконструкция палеоботанической ситуации Среднего Поднепровья в эпоху средневековья показала, что Белгород, занимая стратегически выгодное для обороны Киева место, находился на окраине огромного массива плодородных черноземных почв. Мы еще недостаточно хорошо знаем характер и плотность заселенности этого района в эпоху Киевской Руси, но не подлежит сомнению, что он принадлежал к числу древних и развитых очагов земледелия. Его естественным хозяйственным центром стал княжеский Белгород.

Изучение материалов IX—XI вв., выявленных раскопками Ладоги, привело в свое время В. И. Равдоникаса к выводу, что ладожане выступают перед нами прежде всего как земледельцы, как сельские хозяева, обитавшие в жилых гнездах-дворах, приспособленных к задачам сельского индивидуального хозяйства. Основными элементами таких дворов были небольшая дом, хлев или крытый двор для скота, постройки для хранения запасов⁹.

Письменные свидетельства и археологические источники указывают на непосредственную связь с сельским хо-

зяйством даже крупнейших городов Древней Руси. О существовании вокруг Киева земельных угодий, обрабатываемых горожанами, говорится в Ипатьевской летописи, а также в Печерском Патерике¹⁰.

Участки для возделывания овощных растений находились, вероятно, не только в пределах церковных или монастырских усадеб, как об этом пишется в Патерике, но и крупных городских, а также на свободных от застройки площадях. Наблюдения над материалами археологических раскопок Новгорода позволили А. В. Кириянову прийти к выводу, что его жители в X—XIII вв. занимались земледелием, их пахотные земли располагались в непосредственной близости от городской черты, а огороды находились в пределах городских усадеб¹¹.

Распространенными находками при раскопках крупнейших городов Руси — Киева, Новгорода, Галича, Чернигова и других — являются орудия обработки почвы и уборки урожая: наральники, лемеха, сошники, косы, серпы, оковки лопат. Они указывают на непосредственную связь горожан с сельскохозяйственным производством. В Новгороде за годы его археологического изучения обнаружено 62 лопаты, 110 деревянных граблей, 126 железных кос-горбуш, 8 вил, 23 сошника, 19 серпов¹².

Значительным был удельный вес в хозяйстве жителей городов животноводства. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют раскопки усадеб Новгорода, выявившие отчетливые следы присутствия почти на каждой из них домашнего скота, а также Киева, где все исследованные на Подоле усадьбы имели хозяйственные сооружения типа клефов, конюшен. В летнее время городское стадо выпасалось на окрестных лугах. В Киеве таковые находились в районе летописной Оболони, сразу же за подольскими укреплениями. Не случайно именно в этой части города в языческое время находилось капище Валеса — скотьего бога. В позднее средневековье улица, ведшая к оболонским лугам, называлась Волошской (от языческого капища) или Скотопрогонной (потому, что по ней городской

скот прогонялся на пастбище). Своеобразной компенсацией отсутствия прямых письменных свидетельств древнерусского периода о занятии горожан животноводством являются грамоты XIV—XV вв. Так, в послании короля Казимира 1481 г. крымскому хану Менгли-Гирею указывается, что монголо-татары захватили под Киевом «стадо мячанское» и 800 коней¹³. Грамотой князя Александра от 1494 г. запрещалось отбирать у горожан домашних животных: «коней и животины и овец и свиней по киевским дворам не згоняти»¹⁴.

Анализ источников, указывающих на непосредственную связь жителей древнерусских городов, подтверждает справедливость вывода Ф. Энгельса о том, что средневековый городской ремесленник был в известной степени крестьянином, имел не только огород и сад, но «очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»¹⁵

Выяснение места в экономике древнерусского города его непосредственной связи с сельским хозяйством — важный, но не главный аспект проблемы. Более существенным является определение характера взаимодействия города с земледельческой округой, его роли в формировании земельной ренты. «В средние века, — писал К. Маркс, — деревня эксплуатирует город политически..., город повсюду и без исключения эксплуатирует деревню экономически»¹⁶. До сих пор характер экономической эксплуатации древнерусской деревни, а также ее место в развитии города остаются мало изученными. Между тем выяснение этих вопросов имеет ключевое значение для объяснения феномена необычайно бурного развития городских форм жизни на Руси.

Большинство древнерусских городов возникло в центрах густо заселенных земледельческих регионов. Изначальной и характерной особенностью городов была концентрация в них феодальной знати (князья, бояре, богатые дружинники, высшее духовенство), тесно связанной с сельскохозяйственной округой. На ранних этапах связь эта осуществлялась посредством ее участия в цент-

рализованном отчуждении и перераспределении прибавочного продукта, позднее — посредством эксплуатации крестьянского труда на правах земельных собственников. И в том и в другом случае прибавочный продукт, создаваемый в деревне, перемещался в город. Победив древлян, Ольга «възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третя Вишегороду к Ользѣ»¹⁷. Практика распределения даней по городам ко времени правления Ольги уже имела длительную историю. Достаточно вспомнить, что русские города выступали дольщиками и в получении дани с побежденной Византии¹⁸. Дань, собираемая в Новгородской земле, вплоть до 1015 г. распределялась между Киевом (две тысячи гривен) и Новгородом (одна тысяча гривен).

Разумеется, забота государственной власти о благополучии городов носила не абстрактный, а вполне конкретный характер. Уклады византийские определялись городам потому, что там «сядуху велиции князи, подь Олгомь суще». Дань на Вышгород учреждалась оттого, что это был «град Вользинъ». Доля, причитающаяся Новгороду, распределялась между грядями, то есть новгородской дружинной знатью.

Начиная с X в. на Руси активно проходил процесс формирования феодальной вотчины — сначала княжеской, а затем и боярской. Значительная часть земель, принадлежавшая ранее общинам, оказалась в руках феодалов. Русь покрылась густой сетью замков, ставших административно-хозяйственными центрами феодальных владений. Однако в отличие от Западной и Северной Европы древнерусские феодалы не оставили городов и не переселились в свои сельские поместья — замки. В Северной Руси, как показывает пример Новгорода¹⁹, вся земледельческая знать сосредоточивалась исключительно в городах, в Южной — преимущественно в городах (может быть, и в городах, и в в сельских усадьбах). Древнерусский город, согласно справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем²⁰.

В этом отношении древнерусские города напоминали городские центры средневековой Италии, Южной Франции, Испании, унаследовавшие традиции античной городской культуры. Даже в периоды упадка их не оставляла феодальная знать²¹. Характерно, что, как и в Средиземноморском регионе, на Руси крупнейшими были те города, в которых проживало большое число феодалов, то есть, те, источниками существования которых были не столько ремесло и торговля, сколько сельскохозяйственное производство округи.

Богатейшими людьми русских городов были князья, являвшиеся одновременно верховными собственниками земли и крупнейшими землевладельцами. Уже в X в. происходит процесс формирования великокняжеской вотчины, или доминиальных владений. После похода Ольги 946 г. в древлянской земле, как справедливо полагает О. М. Рапов, произошел переворот в поземельных отношениях. Местные старейшины-землевладельцы были лишены своих держаний, и, вероятно, заменены администрацией Ольги. В древлянской земле возникли великокняжеские доминиальные владения²². Летописная статья 996 г., рассказывающая о завершении строительства Десятинной церкви, не оставляет сомнения в том, что великокняжеский домен к этому времени вполне определился. «И помолившюся ему, рекъ (Владимир.— П. Т.) сие: «Даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть»²³.

Видимо, уже в конце X в. началось формирование доминиальных владений удельных князей. Этому способствовала административная реформа Владимира, в результате которой крупнейшие древнерусские земли были переданы в управление его сыновьям. Держания эти были, конечно, условными, они могли быть отобраны или изменены великим киевским князем в любой момент, но порождали отчинные претензии. На первых порах реализованы они были, вероятно, только Полоцком. Отданный Владимиром Святославичем сыну Изяславу, он надолго закрепляется за его родом. После Любечского съезда

(1097 г.) отчинное право было распространено на Чернигов, Владимир, Перемышль и другие города. Известное положение съезда «каждо да держит отчину свою»²⁴ указывает не на начало княжеско-вотчинного порядка на Руси, а на его юридическое закрепление, признание незыблемости отеческих наследий.

В реальной жизни все обстояло значительно сложнее. Вотчинным правом на владение землей пользовались лишь те князья, к которым переходила от отца власть — княжеский стол. Изгой, лишившиеся столов, теряли не только власть, но и волость. Следовательно, домениальные владения на Руси представляли собой определенные сельскохозяйственные округа, закрепленные не столько за княжеским родом, сколько за княжеским столом, в конечном счете — за городом. В известном проекте Романа Мстиславича федеративного устройства Древней Руси указывается, что великий князь, избранный на киевский престол, должен был наделить младших своих сыновей волостями «в Русской земли от Горыни и за Днепр, сколько городов издревле Киеву принадлежало»²⁵. Все летописные свидетельства, рассказывающие о передаче городов князьям, означают передачу им и земель — волостей.

Размеры земельной ренты, получаемой князьями, были весьма значительны. Только десятой доли доходов от домениальных владений Владимира Святославича оказалось достаточно, чтобы построить и содержать один из крупнейших храмов Руси — Десятинную церковь. Концентрация княжеских даней Левобережья в Чернигове после известного раздела Руси в 1026 г. дала возможность Мстиславу развернуть большое строительство города, в том числе и кафедрального собора св. Спаса. Святослав Ярославич, по свидетельству Киево-Печерского патерика, пожертвовал на строительство Успенской церкви Печерского монастыря 100 гривен золота. Основателями монастырей и фундаторами храмов были князья Владимир, Изяслав и Всеволод Ярославичи, Владимир Мономах, Всеволод Ольгович, Святослав Всеволодович, Рю-

рик Ростиславич, Андрей Боголюбский, Ярослав Осмомысл и др.

Одним из существенных компонентов экономического развития городов явились княжеские дворы, которые были богатейшими феодальными усадьбами. В них аккумулировались доходы от обширных домениальных владений, овеществлялись в роскошных дворцах и теремах, церквях, предметах роскоши. Когда в 1068 г. восставшие киевляне принялись грабить великокняжескую резиденцию Изяслава Ярославича, там было «бесчисленное множество золота, и серебра, и кунами и скорою»²⁶. Великий князь Святослав Ярославич для достижения эффекта своей силы продемонстрировал немецким послам «бесчисленное множество золота, и серебра, и паволок». Своеобразной иллюстрацией этих летописных свидетельств явился клад дорогих ювелирных изделий из золота и серебра, найденный в 1842 г. на Старокиевской горе рядом с княжеским дворцом. По свидетельству очевидцев, он едва уместился в два мешка. В его состав входили золотые сосуды, несколько сотен золотых с перегородчатой эмалью колтов, княжеские бармы, золотые цепи и ожерелья²⁷.

О том, что представляли собой княжеские дворы в экономическом плане, достаточно конкретное представление дает летописная статья 1147 г. Ипатьевской летописи. В ней речь идет о разграблении союзниками великого киевского князя Изяслава Мстиславича двух дворов новгород-северского князя Святослава Ольговича. Один из них находился в Игорево сельце, другой в Путивле. «Идоста на Игорево селце, идеже бяхе устроилъ дворъ добръ, бѣ же ту готовизны много, въ бретьяничах и в поребѣ вина и медовѣ, и что тяжкого товара всякого, до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давидовича же повелѣста зажечи дворъ и церкви святого Георгия, и гумно его в нем же бѣ стоговъ деветь сот»²⁸.

«И ту (в Путивле.— П. Т.) дворъ Святославль раздѣли на четыре части, и скотницѣ, бертьяницѣ, и товаръ же немочно двинути и въ погребѣхъ было 500 берковсковъ меду, и вина 80 кор-

чаг, и церковь святого Вознесения всю облупиша съсуды серебряные, а все шито золотом, и кадѣлничѣ двѣ, и кацыи, и евангелие ковано и книги и колоколы... и челяди семь сот»²⁹. Были захвачены также табуны лошадей, в которых насчитывалось «кобыл стадных 3000, а конь 1000».

Княж-двор Андрея Боголюбского в Боголюбове, как явствует из летописной статьи 1175 г. Лаврентьевской летописи, имел «злато и серебро, порты и паволоки, и имѣнье ему же не бѣ числа»³⁰.

Кроме княжеских большое значение в хозяйственной жизни городов имели дворы воевод, бояр, представителей администрации. Крупнейшим средоточием земледельческой знати был Киев. Летописи упоминают более 50 боярских фамилий, имевших в столице Руси свои родовые гнезда-усады. Они располагались преимущественно в Верхнем городе (дворы Гордятин, Никифоров, Воротиславль, Чудин, Коснячков, Пуятин, Глебов, Ратшин, Васильков, Бориславль), но были и в других частях города (двор Радьславль на Подоле, Олмн в Угорском). Разумеется, эти сведения о боярской знати Киева далеко не полные и не отражают истинного положения. На страницы летописи попали лишь наиболее известные и богатые бояре, сопричастные к государственному управлению.

Фамилии Чудина и Никифора встречаются не только на страницах летописи, но и «Правды Ярославичей». Оба они принимали участие в известном вышгородском совещании 1072 г., где разрабатывались правовые нормы древнерусского законодательства. Летопись уточняет, что в то время Чудин «держал Вышгород»³¹. Брат Чудина Микулы Туку был близок к великому князю Изяславу Ярославичу, затем служил воеводой у Всеволода Ярославича. Чудины продолжали играть видную роль в государственных делах и в XII в. Когда в 1113 г. Владимир Мономах созвал совещание в Берестове, в нем принял участие и боярин Чудин Иван, вероятно, сын Чудина Микулы.

Нет сомнения, что боярский род Чудиных, занимая столь высокое соци-

альное положение в государственной структуре, владел и значительными земельными угодьями. Не исключено, что к их числу принадлежали земли, располагавшиеся вокруг днепровских городков Чучина и Ивана, упомянутых летописью под 1151 г. Связь этих центров с родом Чудиных угадывается уже в названиях: Чучин (видимо, испорченное Чудин) и Иван. Подтверждается она и археологическими материалами. В. В. Хвойка, исследуя могильные древности у современного с. Балыко-Щучинка, выявил погребения с характерным для финно-угорских племен инвентарем. Учитывая этническое происхождение Чудиных («из Чудии»), можно предположить, что именно Чучин был центром их надела, к которому относились также земли вокруг Ивана (городище на одноименной горе в поселке Ржищев) и замка, находившегося в районе современного с. Уляники. Эти три центра располагались на расстоянии 4—5 км друг от друга и, видимо, находились в тесном административно-хозяйственном единстве. Если предположить, что им была подвластна примерно та же сельскохозяйственная округа, которая впоследствии закрепилась за поселком Ржищев, селами Балыко-Щучинка и Уляники, то окажется, что киевский боярский род Чудиных в XI—XIII вв. владел примерно 2 тыс. га земельных угодий.

Феодальный двор Чудиных в Киеве располагался в наиболее престижной княжеской части города. Он, как и соседние с ним Воротиславль, Гордятин и Никифоров дворы, занимал площадь более чем 2000 м². Конечно, здесь проживали не только семьи названных бояр, но и многочисленная челядь, вотчинные ремесленники³². К числу родовых владений киевских бояр принадлежало, по-видимому, с. Мирославское, находившееся на левом берегу Днепра, напротив Витичева. Оно могло принадлежать Мирославу Андреевичу, видному боярину великого киевского князя Всеволода Ольговича, или Мирославу Хиличу, одному из киевских бояр, отступившемуся от Игоря Ольговича в пользу Изяслава Мстиславича.

Крупным центром феодального зем-

левландия выступает в летописях Чернигов. Вокруг него располагается обширный подгородный сельскохозяйственный район, обслуживающий преимущественно нужды стольного города. Летописи называют здесь такие феодальные центры, как Гюричев, Свенковичи, Гостиничи, Крирев, Семинь и др. В статье 1148 г. говорится о разорении великим князем Изяславом Мстиславичем доменальных владений черниговских князей в окрестностях Чернигова и Любеча: «И пожъже все села ихъ, оли и до Боловоса»³³. Из замечания летописца, что в этих селах была «вся ихъ жизнь», можно заключить о нахождении здесь таких же княжеских дворов-хозяйств, какие были разграблены годом раньше в Путивле и Игорево-сельце.

Владетелями сельских поместий были представители черниговского боярства, дружинной знати. Во время похода 1147 г. Изяслава Мстиславича на Чернигов «разграбише кияне съ Изяславом домы дружины Игоревы и Всеволожъ, и села, и скоты, взяша имбъня много в домехъ»³⁴.

О высокой концентрации землевладельческой знати в древнерусских городах говорит летописная статья 1208 г., рассказывающая об остром социально-политическом конфликте в Галичине. Правившие там князья Игоревичи решили покончить с непокорными боярами путем физического их истребления. За короткое время было убито 500 великих бояр, другие, как свидетельствует летописец, разбежались³⁵. Если предположить, что здесь речь идет не только о галицких боярах, но и о перемышльских, звенигородских, терембовльских, боярах других центров Галичины, то и тогда число их в каждом будет значительным. Удерживая в своих руках фактически всю землю, галицкое боярство было одной из главных политических сил Галичины: «Бояре же Галичѣстии Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху»³⁶.

Проблема соотношения города и землевладельческой округи лучше всего изучена применительно к Новгороду. Осуществив анализ писцовых книг и актовых материалов XII—XV вв., сопо-

ставив их данные с результатами археологических исследований, В. Л. Янин убедительно показал боярско-вотчинный характер Новгорода, проследил становление вотчинной системы в Новгородской земле. Предпринятый им опыт историко-генеалогических реконструкций новгородских землевладельческих родословий имеет большое конкретно-историческое и теоретическое значение³⁷.

Многолетние археологические раскопки позволили представить не только характер или размеры феодальной усадьбы Новгорода, но и установить, что крупные боярские роды владели не одной городской усадьбой, а целым комплексом дворов, составляющим целую часть кончакской территории. Обнаруженные на них берестяные грамоты указывают на непосредственную связь новгородского боярства со своими сельскими поместьями (вотчинами).

Киев, Чернигов, Галич, Новгород — это только наиболее яркие примеры того, сколь большое место в экономической жизни городов занимало боярство. В других крупных центрах ситуация была аналогичной. Древнерусская земельная знать, проживая в городах, была тесно связана со своими поместьями (со временем — вотчинами) в деревнях.

Хозяйственная жизнь русского города не может быть понята без учета места и роли в ней церкви. Уже уставом Владимира Святославича церкви учреждалась десятая часть доходов³⁸. Со временем церковь не только не испытывала ограничений в своем юридическом праве на десятину, но и обзавелась собственными земельными угодьями. Устав Владимира среди источников материального обеспечения церкви не называет землевладения. Последующие уставы, в частности грамоты Мстислава Владимировича, Всеволода и Изяслава Мстиславичей Юрьевому и Пантелеймонову монастырям Новгорода, а также уставы Ростислава Мстиславича и Андрея Боголюбского, свидетельствуют о передаче церкви крупных земельных наделов. Согласно исследованию В. Л. Янина, волость Ляховичи, пожалованная Всеволодом Юрьевому монас-

тырю, протянулась с севера на юг на 40 км, а с запада на восток — на 20 км, причем находилась в районе наиболее богатом плодородными почвами. Аналогичной по размерам была и волость Буец, подаренная великим киевским князем Мстиславом тому же монастырю³⁹.

Достаточно ясное представление о структуре монастырского хозяйства можно составить на основании анализа письменных известий о Печерском монастыре Киева. Уже в начальный период своей истории он был крупным землевладельцем. С течением времени земельные владения Печерского монастыря постоянно увеличивались в размерах. О том, как это происходило, узнаем из летописных сообщений. В статье 1087 г. Ипатьевской летописи говорится, что князь Ярополк Изяславич перед смертью завещал «десятину от всех скотъ своих святѣи Богородици, и от жита на вся лѣта»⁴⁰. Своеобразным продолжением и конкретизацией этого сообщения является статья 1158 г. В ней говорится: «...Том же лѣтъ преставися блаженная княгини Глѣбовая Всесловича, дочи Ярополча Изяславича... си бо блаженная княгини велику имѣше любовь, съ княземъ своимъ, къ святѣи Богородици и къ отцю Феодосью, ревнующи отцю своему Ярополку. Сий бо Ярополкъ вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую и около Киева. Глѣбъ же вда въ животе своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по своем животѣ вда княгини 5 сел и съ челядью и все да и до пово»⁴¹. Крупными земледельцами были киевская митрополия, епископии земель.

Практически всегда, когда речь идет об экономической основе существования древнерусской православной церкви, исследователями решается вопрос о правовом статусе передававшихся ей земельных угодий. Владела ли она ими на правах земельного собственника или же предметом княжеских и боярских пожалований была не земля, а только доходы, получаемые с нее⁴². Для выяснения структуры хозяйствен-

ного развития древнерусского города вопрос этот не столь принципиален. При любой форме поземельных отношений церкви именно она являлась собственником прибавочного продукта, создаваемого в волостях.

Крупным земельным владельцем церковь действительно стала не сразу. Поначалу, когда только складывалась ее организационная структура, церковь вполне удовлетворялась учрежденной ей десятиной с княжеских земель, однако уже в XI в. она сама становится земельным собственником. Приведенные выше свидетельства Патерика о хозяйстве Печерского монастыря, Ипатьевской летописи о даре семьи Ярополка Изяславича, как и грамот Мстислава, Всеволода и Изяслава новгородским Юрьевскому и Пантелеймоновому монастырям, не оставляют сомнений в этом. Анализируя грамоты Мстислава и Всеволода, В. Л. Янин совершенно справедливо полагает, что в них зафиксированы безусловные иммунитетные права монастыря на основную часть доходов, связанных с владением пожалованной ему земли⁴³. Нет сомнения, что в XII—XIII вв. феодальное землевладение становится основным источником существования церкви.

В исследовании экономики того или иного феодального центра Древней Руси важным является определение размеров тянувшейся к нему земледельческой округи. К сожалению, при современном состоянии источниковедческой проработки вопроса сделать это непросто. Даже такие крупные административно-политические образования, как удельные княжества, и те не обладали юридически незыблемой территориальной стабильностью. Еще меньшей определенностью характеризовались средние и мелкие княжества. Размеры городских волостей зависели от многих факторов, прежде всего от качества земледельческих угодий и плотности заселенности. Если мы посмотрим на карту летописных городов Руси по состоянию на XII—XIII вв., то окажется, что в южном регионе они отстоят друг от друга в среднем на 20—25 км, в северо-западном и северо-восточном — на 70—80 км. При всей условности этих

данных они все же верно отражают насыщенность городами различных древнерусских земель, а следовательно, и реальную картину городских волостей.

В Древней Руси сложились три основных типа княжеских городских волостей. Первый — это земли-княжества, управлявшиеся Киевом, Черниговым, Галичем, Новгородом, Смоленском, Владимиром на Клязьме и другими удельными столицами. Экономическая консолидация последних со своими обширными сельскохозяйственными округами определилась, по существу, уже в первый период истории Древнерусского государства. В эпоху феодальной раздробленности кристаллизуются менее крупные экономические районы во главе с такими городами, как Белгород, Торческ, Теребовль, Луцк, Перемышль, Звенигород, Путивль, Курск, Муром, Переяслав-Залесский, Торжок и др. Бурный их рост в XII—XIII вв. свидетельствовал о том, что именно в них оседала теперь значительная доля земельной ренты, создаваемой сельскохозяйственными округами. Их размеры были значительными; в Южной Руси они охватывали территорию примерно 60×80 км, в других регионах были значительно большими.

В конце XII — начале XIII в. на политической карте Руси появилось множество мини-княжеств, размеры которых ограничивались одним или несколькими небольшими центрами с земельными округами. Примером такой волости может служить надел сына Мстислава Великого Владимира, полученный им в 1162 г. от киевского князя Ростислава. «Ростиславль же дасть ему Треполь, ина 4 города придасть ему къ Трыполю»⁴⁴. Видимо, речь идет здесь о поднепровских городах Треполе, Халепье, Витачеве, Новгород Святополче, а также Тумаще на Стугне. Последующие летописные известия свидетельствуют, что трепольская волость по вотчинному праву перешла к сыну Владимира Мстиславу. Некоторое время в Треполе сидел Мстислав Удалой, позднее — галицкий князь. Летопись не говорит больше о придаче к Треполю других городов. Это или само собой разумелось, или указывает на сокращение

и без того небольших размеров трепольской волости. В любом случае ее территориальные пределы не превышали 20 км вдоль Днепра и 10—15 км вдоль речек Красной и Стугны.

Аналогичными третьему типу княжеских городских волостей были, вероятно, и сельскохозяйственные округа крупных боярских городов.

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М., 1956.— С. 64; Греков Б. Д. Киевская Русь.— М., 1953.— С. 99—101.

² Толочко П. П. Киев и Киевская земля в XII—XIII вв.— Киев, 1980.— С. 39—46; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.— Л., 1980.— С. 220—243; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город.— М., 1983.— С. 11—14.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь.— С. 220.

⁴ Сюзюмов М. Я. Город // История Византии.— М., 1967.— Т. 2.— С. 26.

⁵ Fritze K. Eigentumstruktur und charakter des mittelalterliche Stadteburgertums // ZFG.— 1974 — N 3.— S. 331—336.

⁶ Повесть временных лет.— Ч. 1.— М.; Л., 1950.— С. 42.

⁷ Миролюбов М. А. Древнерусский город Изяславль: Каталог.— Л., 1983.— С. 8—10.

⁸ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— Киев, 1980.— С. 138.

⁹ Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА.— 11.— 1949.— С. 48.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись.— М., 1962.— Стб. 428; Патерик Киево-Печерского монастыря.— Спб., 1911.— С. 27.

¹¹ Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли // Труды Новгородской археологической экспедиции (МИА.— 1952.— С. 321).

¹² Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.— М., 1982.— С. 74.

¹³ Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли.— Одесса, 1912.— Т. 1.— С. 315.

¹⁴ Акты Юго-Западной России.— Ч. 7.— Т. 1.— № 120.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Дополнения к третьему тому «Капитала». Т. 25.— Ч. II.— С. 473.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Генезис капиталистической земельной ренты.— С. 365.

¹⁷ ПВЛ.— С. 43.

¹⁸ Там же.— С. 24.

¹⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.— М., 1981.

²⁰ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1969.— С. 155.

²¹ Pirenne H. Sozial und Wirtschaftsgeschichte Europas im Mittelalter.— München, 1974 — S. 164—165.

- ²² Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв.
²³ ПВД.— Ч. 1.— С. 85.
²⁴ Там же.— С. 170.
²⁵ Тагищев В. Н. История Российская.— М.; Л., 1964.— Т. 3.— С. 169—170.
²⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 161.
²⁷ Корзухина Г. Ф. Русские клады.— М.; Л., 1954.— С. 105—106.
²⁸ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 333.
²⁹ Там же.— Стб. 333—334.
³⁰ ПСРЛ.— Т. 1. Лаврентьевская летопись.— М., 1862.— Стб. 370.
³¹ ПСРЛ.— Т. 2.
³² Толочко П. П. Древний Киев.— Киев, 1983.— С. 123.
³³ ПСРЛ.— Т. 2.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.

- ³⁶ Там же.— Стб. 789.
³⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.— М., 1981.
³⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XIII вв./Подготовил Я. Н. Щапов.— М., 1976.— С. 240.
³⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.— С. 238—249.
⁴⁰ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 198.
⁴¹ Там же.— Стб. 492—493.
⁴² Фроянов И. Я. со ссылкой на примеры из западноевропейской истории полагает, что перков получала земли не в полную собственность, а во временное держание с правом получения доходов.
⁴³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.— С. 242.
⁴⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 521.

М. А. Сагайдак

К ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ КИЕВСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В КОНЦЕ I — НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Вопросы взаимовлияния природы и человека в Древней Руси в последние годы все больше привлекают внимание исследователей¹. Изучение их расширяет наши знания, позволяет дать объяснение существовавшим различиям в формах хозяйственно-производственной деятельности населения Руси в зависимости от места поселения, показывает какие коренные преобразования претерпела природа в данную историческую эпоху и как это отразилось на жизни общества. Составной частью указанного направления может быть анализ воздействия на природную среду древнерусских городов.

Задачей настоящей работы является попытка детально проследить изменения такого важного компонента природной среды, как растительность, на территории, занятой древним Киевом и его округой (рисунок). В качестве источников для решения задачи были включены летописи, труды по историческому ландшафтоведению, материалы археологических исследований территории города последних лет.

Летописи дают лингвистическую характеристику названий, попавших на их страницы, нередко позволяют проследить их взаимосвязь с теми или иными историческими событиями². Историческое ландшафтоведение ценно тем, что несет наиболее полную информа-

цию о природном фоне исторических событий. Общность истории развития и однообразии геологического строения обеспечивают определенный набор форм рельефа и типов поверхностных отложений. В связи с этим на всей территории ландшафта формируется система закономерно повторяющихся почвенных разностей и группировок живых организмов³. Археология может опровергнуть или доказать (с предельно точной локализацией в пространстве и времени) наличие упомянутого объекта, демонстрирует его физическое состояние, представляет материальную культуру.

Описывая события древнерусской истории, летописцы не упускали случая показать родную природу. Сообщалось ли о строительстве города, о военных или других событиях — для большей документальности вводилось природное окружение. Рассказ летописца об основании Киева полянскими князьями содержит первый экскурс в природную среду Киевщины: «Быше около града и борь великъ, и бяху ловаща зверь»⁴. Не трудно заметить, что описание растительного покрова делит его на два вида. «Лесь» древнерусских летописей — это обозначение территории, заросшей деревьями всех типов. Иногда этим термином могли называть срубленные деревья, то есть строительный ма-

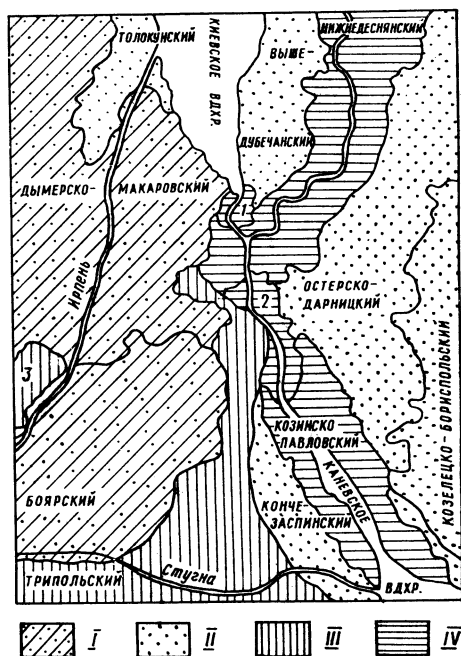
териал⁵. «Бърь», или «борь», — это участок, на котором доминирующее положение занимали хвойные породы⁶.

Очевидно, в приведенных словах летописи нет смысла искать описание какого-то конкретного района, скорее всего, ретроспективный взгляд летописца в историю возникновения города содержит обобщенную картину прошлого той местности, на которой возник Киев. Нужно отметить, что лаконичная фраза летописи полностью отвечает данным ландшафтоведения. Чередование разных типов растительности в районе города обусловлено соединением здесь нескольких типов ландшафта⁷.

С юга к Киеву подходит Трипольский лесостепной ландшафт. большей частью он расположен на территории Обуховского и Васильковского районов и в пределы Киева входит узкой (3—6 км) полосой вдоль уступа коренного (правого) берега долины Днепра, на северо-западе доходит до Глубочицкого оврага, занимает высокую лессовую равнину на палеогеннеогеновом основании с легкосуглистыми черноземами. Это типично лесостепной ландшафт, на котором произрастали дубравы, чередующиеся с участками степи. В дубравах росли дуб, бук, берест, вяз с примесью березы, липы и лещины. В пределах Киева приречная часть расчленена эрозийной сетью на несколько массивов, иногда изолированных друг от друга, но сохранивших особенности ландшафта. Растительность многочисленных оврагов и балок, выходящих в долины Днепра и Лыбеди, была покрыта кустарником, где росли крушина, ежевика и т. д. Эти участки можно отождествлять с летописными «дебрями».

С юго-запада и северо-запада на Правобережье к Киеву подходит еще два ландшафта. Это, во-первых, Боярский, примыкающий к Трипольскому, его северная граница проходит примерно по течению р. Нивки, правого притока Ирпеня. Дальше на северо-запад начинается обширный массив Дымерско-Макаровского ландшафта.

Названные ландшафты, в отличие от Трипольского, относятся к полесскому типу. Свойства грунтов в сочетании с другими природными процессами обус-

Природные ландшафтные зоны, в которых возник древний Киев:

1 — Вышгородско-Днепровская, 2 — Киевско-Днепровская, 3 — Музычанская; I — морено-водоледниковые эрозионные на палеоген-неогеновом основании под хвойно-широколиственными лесами; II — древнеаллювиальные на палеогеновом основании под хвойными и хвойно-широколиственными лесами; III — лессовые эрозионные на палеоген-неогеновом основании, лесостепные; IV — пойменные луговые

ловили преобладание хвойно-широколиственных лесов. Наличие чехла водноледниковых песков большой мощности в пределах Дымерско-Макаровского ландшафта привело к тому, что здесь господствующее положение занимали хвойные боры. Они состояли преимущественно из сосны, встречались также ель и пихта. В более южном Боярском преобладали смешанные леса, то есть наряду с хвойными встречались дуб, граб, клен, липа, в подлеске — рябина, лещина, крушина⁸.

Хвойными борами были заняты значительные возвышенные участки пойм и надпойменных террас. Ближайшим был бор, вытянувшийся неширокой полосой вдоль левого (киевского) берега Лыбеди. Более обширный массив боров и суборей начинался на северо-запад от города и тянулся вдоль луговой долины в сторону Вышгорода. На Левобережье

в районе Киева сосновый бор размещался на возвышенных участках надпойменной террасы, сложенной мощными песками с дерново-подзолистыми песчаными почвами⁹.

Приведенная картина ландшафтов киевской территории реконструирует природную обстановку в идеальном варианте, то есть без учета воздействия на нее хозяйственной деятельности человека. Однако постоянная заселенность с глубокой древности этой местности не могла не наложить отпечаток на распространение здесь растительности. Если строительная деятельность небольших славянских поселений I тысячелетия н. э. не могла нарушить общего жизненного баланса лесов, и вырубленные участки быстро восстанавливались, то участки, осваиваемые для сельскохозяйственных нужд, существенно меняли облик ландшафтов. С ростом населения осваиваются новые участки земли, происходит постепенное отеснение лесных массивов от города. Вероятно, к последней четверти I тысячелетия н. э. ближайшая округа Киева была очищена от дубрав. По свидетельству летописи, лес все же занимал еще господствующее положение: «И наидоша я козаре, сидящая на горах сих в лесах... В лесу на горах, над рекою Днепровскою»¹⁰.

Заметно меняется картина к началу XI в. На Старокиевской горе был построен «город Владимира», площадь которого составила свыше 10 га. Застраивается Копырев Конец, осваивается значительная часть Подола. Большие участки нагорного плато занимают курганные могильники. Тут же располагались поля, используемые под пашню. Возможно, находящимся «под паром» земельным участком при переложной системе земледелия могло быть место, где произошла битва войск Ярослава Мудрого с печенегам: «Печенезе приступали начаша и сосутишася на месте идеже есть нынѣ святая Софья, митрополя русская: бе бо тогда поле вне града»¹¹. Одновременное выращивание озимых и ярых хлебов в одном и том же хозяйстве обусловило раздел пашенных площадей на три части, одна из них могла быть под озимым хлебом, вто-

рая — под ярыми, третья — под паром¹².

На юго-восток от упомянутого поля на отлогих склонах и в Крещатицкой долине простиралась «лядина». В древнерусском и других древнеславянских языках «ляда» или «лядина» обозначает угодые, сенокос, пахота или розчисть, поросшая лесом¹³.

В 1981 г. были проведены исследования в зоне работ по реконструкции площади Октябрьской революции, во время которых удалось выявить значительный отрезок оборонного земляного вала, где в древности находились ворота. Материалы раскопок позволили убедительно связать обнаруженный комплекс с Лядскими воротами древнего Киева, упоминаемыми в летописи под 1151 г. при описании обороны Киева от войск Юрия Долгорукого и в рассказе о трагическом разгроме Киева полчищами Батыя в 1240 г. Под насыпью вала хорошо сохранились следы агротехнической обработки почвы, существовавшие строительству на этом месте фортификационных сооружений города. Дневной горизонт носил следы сильного огня, верхний слой на глубину около 30 см был тщательно перемешан с пеплом и мелкими древесными угольками¹⁴. В этой связи уместно привести описание обработки лесного участка для земледельческих целей из этнографии Белоруссии, содержащееся в книге В. И. Довженка: «Преимущественно весной и осенью весь лес рубят и складывают на дрова, а мелкий, ветки, верхушки складывают на кучи. Эти кучи зимуют на месте, а на следующую весну их сжигают, головни, которые остаются от них, загребают граблями, а пепел тщательно перемешивают с землей при помощи так называемых копыл. Копыло — это длинная крепкая палка с железной лопаткой на конце, подобная кирке или кочерге. Процесс перемешивания земли с пеплом называется «копылиць ляды». «Закопыливши, сеют преимущественно ячмень, иногда — пшеницу. Высеяв, скородят снова граблями»¹⁵.

Раскопки на месте летописных Лядских ворот дают возможность видеть, как тщательно готовился бывший лес-

ной участок под пашню. Кроме подготовки почвы тут была прокопана дренажная канава, выводящая избыток влаги, накапливавшийся в овраге, прямо в Крещатицкий ручей. Масштабность подготовительных работ способствовала длительной эксплуатации земли, и в середине XII в. вблизи ворот летописец отмечает сельскохозяйственные угодья: «Печенежи, тоуда стаха от Золотых воротъ по темъ огородомъ, до Лядьскихъ воротъ»¹⁶.

Следующий пункт, название которого содержит необходимую нам информацию, находился на расстоянии около 1 км на юг от стен города, под названием «Кловъ». Название возвышенности, в южной части которой в начале XII в. возникает одноименный монастырь, может быть производно от куска дерева, колоды, спиленного пня или от вырубка, где торчит много пней¹⁷. Согласно ландшафтной карте, урочище в прошлом находилось под сухими и свежими дубравами¹⁸. Название местности Берестове, примыкающей к Кловской возвышенности с востока, тоже указывает на породный состав покрывавшей ее растительности. К концу X в. здесь уже хорошо обжитая территория, на которой возникает «селце», ставшее загородной княжеской резиденцией¹⁹. Еще в XIX в. на склонах Печерского плато можно было встретить участки берестового леса²⁰.

К концу XI в. место, где впоследствии возник Киево-Печерский монастырь, выступает как освоенное для сельскохозяйственных нужд. Б. Д. Греков обратил внимание на то, с какой осторожностью жители Киева относились к княжескому полю, размещавшемуся тут. Упомянутое в тексте Киево-Печерского патерика поле имело, по мнению исследователя, определенные границы и представляло собой значительную ценность. Только с разрешения киевского князя Святослава Ярославича оно было использовано для строительства Успенского собора монастыря²¹.

Анализ географических названий, содержащихся в летописи, показывает, какие конкретные участки древнекиевской территории были навсегда очищены от растительности и находились в

постоянном пользовании. Это была прочно установившаяся связь между обществом и природной средой, то есть способ ведения хозяйства соответствовал характеру ландшафта, и не возникало необходимости менять одно или другое, как это происходило на территориях, где господствовало подсечное земледелие²².

Наиболее полные данные о географии лесных массивов мы можем получить для XII в. В связи с глубоким вниманием летописцев к событиям междоусобных войн, протекавших в округе города, на страницы летописей часто начинают попадать и интересные нас объекты. Как уже отмечалось пойменная долина Лыбеди была занята массивом соснового бора. Однако к моменту, когда описание этой местности попадает на страницы летописи, от него оставались лишь небольшие участки — «борки». В рассказе о сражении, развернувшемся в 1146 г. с южной и юго-западной сторон от городских укреплений между войсками Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича, находим: «И приде Изяславъ ко валови, идеже есть Надово озеро оу Шелвова боркоу»²³. Следуя за событиями этой битвы, «Шелвов борок» можно разместить чуть северо-западнее современной площади Победы, то есть на северных склонах долины Лыбеди. Интересно сообщение этой же летописи об указанном пункте под 1161 г.: «...Ростиславъ же повеле ему у Олговы стати, самъ бо стояше оу Шелвова селца подъ боркомъ...»²⁴ В этом случае название ранее упоминаемого «борка» получило уже село, вероятно, возникшее между 1146 и 1161 гг.

При описании перемещения войск противоборствующих сторон от Триполья к Киеву в 1151 г. упоминается только один лесной массив: «Оутрии же день якоже солнцю всходящю, Вячславъ же, и Изяславъ; Вячславъ поидоша от Треполя к Киеву, чересь борокъ»²⁵. Отмечен бор на пути между Киевом и Белгородом и между Белгородом и летописным Верневом: «Изяславъ же рече Борисови Городеньскому: тьмъ ся есть кушати, к Белугороду поехати, а поиди брате Белугороду по

борови... Гюрги — же то слышавъ и иде черес боръ къ Верневу»²⁶.

Еще ближе к Киеву отмечен лес в событиях 1162 г., когда был убит киевский князь Изяслав Давыдович: «Изяслава — же постигоша къ озерамъ въездыча в борокъ...»²⁷ Между Киевом и Вышгородом лес упоминается и в событиях 1172 г.

Левый берег (напротив Киева) занимали пойменные луга. На некоторых возвышенных местах поднимался дремучий сосновый бор. Под 1135 г. упоминается лесной массив напротив Киева, у Городца. С последним исследователи связывают городище на северо-западной окраине с. Вигуровщина: «...стоявшие три дни за Городцемъ в бору»²⁸. По сообщению В. Завитневича, незначительные участки соснового бора находились возле городища еще в конце XIX в.²⁹

В непосредственной близости от городских стен Киева в XII—XIII вв. находились «села», «огороды» и «дебри», что указывает на полное сельскохозяйственное освоение киевской окрестности.

Итак, если суммировать все данные о растительности, окружавшей древний Киев, можно выделить несколько периодов освоения окрестных лесов.

Первый период хронологически занимал обширные рамки второй половины I тысячелетия н. э. (до X в.). В это время численность раннеславянских поселений на киевской территории постоянно возрастала. Под застройку и для нужд сельского хозяйства использовались свободные от леса участки, однако с ростом населения требовались новые участки плодородных земель, что приводило к вырубке леса. Высокие нагорные плато с черноземными грунтами были очищены от дубрав и заняты сельскохозяйственными угодьями. На более значительных расстояниях от Киева еще оставались нетронутые девственные лесные массивы.

К концу X — началу XI в. ведется обширное городское строительство на Подоле. Лес идет на строительство укреплений, усадеб, гидротехнических сооружений.

К этому времени, вероятно, относится появление многочисленных «полей» и «лядин», «клов» за городскими стенами, которые свидетельствовали о сокращении лесных массивов возле Киева и увеличении количества пашенных угодий.

Новое городское строительство в первой половине XI в., связанное с созданием более чем 80-гектарного города Ярослава, потребовало огромных запасов деловой древесины. К этому времени лес вырубается в пойме Лыбеди и доставляется для строительства с ее верховьев и правого берега. Осваиваются хвойные лесные массивы, находящиеся между Киевом и Вышгородом.

К середине XII в. округа Киева представляла собой очищенную от густых лесов территорию, место дубрав и боров заняли «борки» типа «Шелвова», «села», «поля», «огороды», «дебри», «монастыри». Потребности в строительном дереве удовлетворялись за счет леса, привозимого в Киев из окрестных лесов, находящихся в междуречье Днепра и Ирпеня. Для строительных нужд города, в особенности Подола, могли использоваться также лесные массивы Левобережья, близко находящиеся от города. Окрестные села, например расположенные возле левобережного Городца, могли быть местом, где заготовленный лес собирался, сортировался и отправлялся водным или другим путем для строительных и хозяйственных потребностей Киева.

Анализ использования лесных ресурсов жителями Киева в конце I — начале II тысячелетия н. э. позволяет не согласиться с недавно высказанным мнением, что в эпоху Киевской Руси в лесостепной зоне с появлением железных лемехов, плугов, и других сельскохозяйственных орудий легче было вспахать степь или поляну, чем рубить лес, палить новину, а затем корчевать пни, следовательно, в Среднем Поднепровье практически не существовало необходимости сведения лесов для земледельческих нужд³⁰. Наложение древних топонимов на ландшафтную карту показывает несколько иную картину землепользования. Отчетливо видно, что степных участков тут явно не хватало,

чем была вызвана необходимость отведения под пашню лесных массивов. Географические названия свидетельствуют, что леса корчевались и вначале использовались под «поля», «огороды», а уже потом по мере необходимости могли включаться в зону застройки, при этом сохраняли названия, указывающие на способы их хозяйственного освоения.

Возвышенные участки киевской территории с черноземными грунтами типа Клов, Берестове, Печерск, очевидно, не очищались от растительности путем выжигания, как это происходило при освоении низинных «лядин» с песчаными почвами.

Черноземные ландшафты после обработки огнем резко ухудшаются, так как происходит снижение воздухо- и водопроницаемость почв. Внесение золы деревьев широколиственных пород в исходно нейтральные почвы может привести к сильной щелочной реакции почвенных растворов, что угнетающе действует на растения. Реакция на обработку огнем ландшафта с песчаными почвами оказывается более эффективной. Сжигание предварительно высушенного материала во много раз увеличивает плодородие почв за счет растворимых веществ поступающей золы³¹. Зато после значительных затрат труда человека черноземные ландшафты отличались более высокой отдачей и длительностью эксплуатации. Последнее качество было ценным для населения, постоянно проживавшего в городе. Отмеченная дифференцированность в способах обработки каждого конкретного участка киевской территории свидетельствует о высоком уровне землепользования древнекиевского общества.

¹ Дулов А. В. Географическая среда и история России конца XV — середины XIX в. — М., 1983. — 254 с.

² *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.* — К., 1985. — С. 6.

³ Давыдчук В. С., Фролов И. К. К истории заселения Орловского течения Оки в I тыс. н. э. — КСИА АН СССР. — 1976. — № 146. — С. 6.

⁴ *Повесть временных лет.* — Ч. 1. — С. 3.

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — М., 1958. — Т. 1. — С. 155.

⁶ *Там же.* — С. 155.

⁷ *Природа Украинской ССР. Ландшафты и физико-географическое районирование.* — Киев, 1985. — С. 17—29.

⁸ Генцирук С. А., Бондар А. С. Лісові ресурси України, їх використання і охорона. — К., 1973.

⁹ *Ландшафты пригородной зоны Киева и их рациональное использование.* — Киев, 1983.

¹⁰ *ПВЛ.* — 1950. — Ч. 1. — С. 16.

¹¹ *ПСРЛ* (Ипатьевская летопись). — М., 1962. — Т. 2. — Стб. 138.

¹² Довженко В. И. Землеробство Древньої Русі. — К., 1961. — С. 89.

¹³ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря — М.; Л., 1937. — С. 84.

¹⁴ Сагайдак М. А. К вопросу о Лядских воротах древнего Киева // *Древнерусский город.* — Киев, 1983. — С. 110—114.

¹⁵ Довженко В. И. Землеробство Древньої Русі. — С. 111—112.

¹⁶ *ПСРЛ.* — 1962. — Т. 2. — Стб. 428.

¹⁷ *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.* — С. 68.

¹⁸ *Ландшафты пригородной зоны Киева и их рациональное использование.* — С. 104—111.

¹⁹ Толочко П. П. Древний Киев. — Киев, 1983. — С. 91.

²⁰ *Етимологічний словник географічних назв Південної Русі.* — С. 19.

²¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1949. — С. 62.

²² Давыдчук В. С., Фролов И. К. К истории заселения Орловского течения Оки в I тысячелетии н. э. — КИСА АН СССР. — 1978. — № 146. — С. 13.

²³ *ПСРЛ.* — 1962. — Т. 2. — Стб. 325.

²⁴ *Там же.* — Стб. 512.

²⁵ *Там же.* — Стб. 427.

²⁶ *Там же.* — Стб. 433.

²⁷ *Там же.* — Стб. 518.

²⁸ *Там же.* — Стб. 296.

²⁹ Завитневич В. З. Замок князя Симеона Омельковича и летописный Городец под Киевом // *Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца.* — 1891. — Кн. 5. — Отд. 3. — С. 132—141.

³⁰ Кириков С. В. Человек и природа Восточноевропейской лесостепи в X — начале XIX в. — М., 1979. — С. 12—14.

³¹ Давыдчук В. С., Фролов И. К. Указ. соч. — С. 15.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО СЕЛА
В РАБОТАХ В. И. ДОВЖЕНКА**

Изучение истории древнерусского села по археологическим источникам неразрывно связано с большой и многогранной исследовательской и организаторской деятельностью В. И. Довженка. Его работы в этой области затрагивают настолько широкий спектр социально-экономических проблем, содержат постановку стольких, подчас совершенно новых, аспектов, что могут составить тему отдельного специального исследования. Поэтому мы коснемся лишь основных, на наш взгляд, моментов, в которых проявились наиболее важные идеи и разработки ученого.

Конец 40 — начало 50-х годов — время интенсивного изучения проблематики феодализма в советской исторической науке. В этот период друг за другом появляются монографические исследования и отдельные статьи по основным проблемам истории древнерусского феодального государства¹ с позиций марксистско-ленинской методологии. Это находит отражение в концепции истоков формирования древнерусского государства, его социально-экономического развития, идеологии и культуры. Большое значение в развитии древнерусской археологии сыграли работы Б. А. Рыбакова, и особенно фундаментальный труд по истории древнерусского ремесла², в которых были по существу определены многие задачи на перспективу с учетом письменных, археологических и других источников. Вместе с тем одной из объективных трудностей в археологической науке того времени являлся недостаток археологических материалов для освещения многих разделов истории Древней Руси. На первый план выдвигалась задача пополнения источниковедческого фонда полновесными археологическими материалами.

С конца 40-х годов к актуальным проблемам феодальной Руси, и в первую очередь к истории земледелия, обращается и В. И. Довженок³. Следует

подчеркнуть, что уже с первых работ по аграрной тематике он ставит принципиально важную задачу накопления нового и использования имеющегося археологического материала в разработках по истории земледелия. В них также проводится мысль о необходимости комплексного подхода: привлечения археологических и письменных источников как взаимодополняющих материалов, соотнесения сведений того и другого вида источника.

Большое значение для решения социально-экономических проблем древнерусской археологии имела постановка В. И. Довженком задачи изучения сельских поселений эпохи Киевской Руси. Хотя вопрос о необходимости изучения поселений был впервые поставлен в первой половине 30-х годов Н. Н. Ворониным⁴, практическое соединение постановки конкретной задачи и ее приложения для южнорусских памятников начато В. И. Довженком. Специально проанализировав состояние изучения селищ Южной Руси и отметив, что «открытые неукрепленные поселения, где проживали смерды, почти не изучались»⁵, он писал: «Такое положение мешает исторической науке составить определенную картину о хозяйстве смердов и условиях их жизни, тем более, что смердам уделяется очень мало внимания в письменных исторических источниках»⁶. Между тем, указывал исследователь, «земледельческие работы феодального хозяйства выполняло главным образом население, которое проживало в сельских неукрепленных поселениях», поэтому «археологическое изучение сельских поселений позволит в дальнейшем представить более конкретно размеры крестьянского хозяйства, а также степень и формы феодальной эксплуатации крестьянского населения»⁷.

Уже в 1954 г. по инициативе В. И. Довженка была проведена археологическая разведка по Руси и Расса-

ве, в задачи которой входило «обнаружение и картографирование древнерусских селищ и городищ в связи с изучением древнерусского села»⁸. При его содействии и непосредственном участии в 50—60-е годы предпринимаются обследования и раскопки древнерусских памятников, в том числе и селищ, в Поросье, на Каневщине и в других районах Поднепровья⁹. В начале 70-х годов в процессе работ Каневской славяно-русской экспедиции открыты ряд древнерусских поселений в Киевской и Черкасской областях¹⁰.

Наряду с решением первичной задачи — накопления археологических источников, выявления и картографирования памятников — В. И. Довженок активно использует остатки материальной культуры (орудия труда, палеоботанические материалы), в основном с городищ, для реконструкции системы земледелия, агротехники, что позволило ему сделать важный вывод о прогрессивном развитии земледелия Древней Руси и его высоком агротехническом уровне.

Впервые в обобщенном виде сельское хозяйство и некоторые проблемы феодальных отношений в эпоху Киевской Руси предстали в конце 50-х годов в «Очерках древней истории Украинской ССР»¹¹ в качестве попытки использования археологического материала и других видов источника для исторических реконструкций. Вместе с тем недостаток археологических данных отчетливо сказался в решении ряда проблем, в соотношении источников преобладали летописные материалы, юридические акты и т. д., а археологические источники выполняли во многом еще вспомогательную, «иллюстративную» роль в исследованиях.

Настойчивые усилия В. И. Довженка по введению археологического материала в качестве самостоятельного исторического источника, максимальное использование его информативности, сравнительный анализ археологических и письменных данных еще сильнее проявились в ряде работ конца 50—60-х годов по истории земледелия и феодальных отношений Киевской Руси¹².

В одной из важнейших статей этого

периода, привлекая археологические данные в качестве «комментария» к письменным сведениям о зависимых категориях древнерусского крестьянства — смердах и закупах¹³, — В. И. Довженок по существу делает реконструкцию социально-экономического положения смерда на материалах неукрепленных селищ, а закупа — на материалах городищ. Для этого он привлек планировочную структуру поселений, планировку построек, характер инвентаря и его размещение. Исходным моментом для вычленения археологических памятников, тождественных по своему социально-историческому значению (в данном случае феодальных замков), он считал принцип планировки и сходный набор инвентаря. То есть для изучения социальной типологии населенных пунктов и социального состава их населения по данным древнерусских селищ и городищ В. И. Довженок применял анализ системы признаков на основе выявления сходства и различия определенных компонентов системы. Исследователь шаг за шагом раскрывает путь получения прибавочного продукта в хозяйстве смерда как источник прогрессивного развития Древней Руси. Привлекая данные этнографии XVII—XIX вв., В. И. Довженок попытался высчитать дневную норму обработки земли в хозяйстве смерда — $\frac{1}{5}$ десятины, годовую норму — 8 десятин, а также норму землепользования при двухпольной (16 десятин) и трехпольной (12 десятин) системе земледелия. Сделаны подсчеты нормы потребления на душу населения крестьянской семьи в год, расчеты расходов зерна на потребление и простое воспроизводство, что составляло до $\frac{2}{3}$ урожая, а также размер прибавочного продукта — $\frac{1}{3}$ урожая¹⁴. В. И. Довженок считал, что именно благодаря основной роли в сельскохозяйственном производстве мелкого крестьянского хозяйства смердов, заинтересованных в усовершенствовании орудий труда и системы земледелия, был обеспечен сравнительно высокий уровень экономического развития Киевской Руси¹⁵.

К началу 60-х годов относится и вклад в свет первого фундаментального

груда по истории земледелия Древней Руси¹⁶, в котором В. И. Довженок широко использовал все имевшиеся письменные, этнографические и археологические источники. Эта работа, несомненно, составила важный этап в научных разработках ученого и вместе с тем явилась основой дальнейших исследований, посвященных проблемам древнерусского села.

В 1963 г. во время археологической экспедиции в зоне затопления Каневского водохранилища, работавшей под руководством В. И. Довженка¹⁷, было открыто поселение, сыгравшее исключительную роль в последующих разработках ученого и предопределившее переход к изучению совершенно не исследовавшегося археологами периода второй половины XIII—XV в. Речь идет о поселении у с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. На протяжении пяти полевых сезонов раскопки Комаровского поселения дали чрезвычайно обширный и многообразный материал. Открыто 36 жилищ, 25 хозяйственных построек, около 250 хозяйственных ям. Остатки материальной культуры, найденные на поселении, характеризуют практически все стороны хозяйственной деятельности населения, его быт и культуру¹⁸. Поэтому данные этого памятника легли в основу разработок В. И. Довженка по различным аспектам изучения древнерусского села.

В 1965 г. на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве им снова поднят вопрос о необходимости расширения и углубления археологического изучения древнерусского села¹⁹. Вслед за В. В. Седовым, фундаментально исследовавшим поселения Смоленской земли²⁰, В. И. Довженок вновь обратил внимание на исключительную роль материалов сельских поселений в изучении Киевской Руси. Им поставлены конкретные первоочередные задачи. Прежде всего он предлагал заняться теми вопросами, для изучения которых уже имеются археологические данные, а именно: «заселенность территории Киевской Руси, типология сельских поселений, хозяйственная деятельность, имущественное и социальное по-

ложение их жителей»²¹. По каждой из поставленных В. И. Довженком задач им были выдвинуты интересные гипотезы, предложены методы анализа и обобщения археологического материала, не потерявшие актуальность до сих пор. Так, демографическую ситуацию в эпоху Киевской Руси он рассматривал в трех аспектах: неравномерность заселения, специфика размещения, динамика развития заселенности территории. Автором высказаны интересные предположения о влиянии социально-экономических факторов на формирование и развитие различных типов поселений (укрепленных или неукрепленных), специфику их географического районирования, а также о взаимосвязи хозяйственной деятельности, социального состава и типа поселений, соотношении летописных терминов «село», «деревня», «двор», «погост» с определенным типом поселений, известным по археологическим данным. На основе археологических источников он попытался реконструировать социально-экономическую структуру феодальной усадьбы, определить ее место в системе феодальных отношений Киевской Руси. На основе материалов Комаровского поселения В. И. Довженок сделал расчеты по плотности застройки и размерам древнерусского села, средним размерам усадьбы.

То есть многоплановое изучение сельской проблематики, проникновение в специфические особенности развития древнерусского села позволили исследователю раскрыть ряд характерных черт феодальных отношений, что нашло свое отражение в работах первой половины 70-х годов²², и в первую очередь в обобщающем труде по археологии Украинской ССР, специальные разделы которого посвящены памятникам сельского хозяйства и основным вопросам древней истории Руси. В последнем получает дальнейшее развитие идея В. И. Довженка об ускоренных темпах социально-экономического и культурного развития в эпоху возникновения древнерусского государства и в последующий период существования Киевской Руси, основной причиной которого он считал наличие прогрессивных форм

социально-экономических отношений, при которых господствующей была натуральная феодальная рента²³.

Другой важной темой этого раздела является вопрос о судьбах древнерусской культуры во второй половине XIII—XV в. и исторической преемственности между Киевской Русью и последующим периодом²⁴. Эта тема находит отражение и в других работах В. И. Довженка того периода. Совместно с П. П. Толочко им был сделан анализ топонимики населенных пунктов, в том числе и селищ, который, в сущности, опровергал тезис о запустении Среднего Поднепровья во второй половине XIII—XV в.²⁵ Более полно вопрос о преемственности древнерусской материальной культуры и ее дальнейшем поступательном развитии получил освещение в работе В. И. Довженка, посвященной судьбам Среднего Поднепровья во второй половине XIII—XV в.²⁶ В качестве источниковедческой базы он опирается на археологические материалы ряда поселений, уцелевших от погрома золотоордынских полчищ. Автором была сделана попытка выделения «особого района древнерусских поселений с особыми топографическими условиями, сохранившими их от татарского погрома»²⁷. Последующие исследования, показали, что во второй половине XIII—XV в. имеет место продолжение существования древнерусских поселений во многих районах Поднепровья, но топографические условия, несомненно, сыграли положительную роль в жизнедеятельности многих селищ.

Итоги историко-археологического изучения древнерусского села были подведены в обобщающем труде по истории УССР, вышедшем уже после кончины В. И. Довженка²⁸. Один из разделов монографического исследования посвящен древнерусскому селу. Он тесно связан с предыдущими разработками В. И. Довженка, в которых он попытался сопоставлять данные археологических и письменных источников и на этой основе дать социально-историческую интерпретацию материалов. В этой связи он рассматривал употребление в письменных источниках терминов «люди», «смерд», «закупы», «рядовичи» по

отношению к категориям сельского населения, а также наименований населенных пунктов «село», «сельцо», «деревня», «погост», «двор», «дом» с конкретным социально-историческим содержанием и затем пытался отыскать их археологическое выражение. Хотя конкретная типология населенных пунктов была очерчена на археологических материалах еще в самом общем виде, поиски В. И. Довженка в области социальных реконструкций имели положительное значение для дальнейших исследований. В разделе освещены и ряд других важных вопросов истории древнерусского села, в том числе некоторые аспекты социальной организации сельского населения, динамика развития общины и т. д.

Подводя итоги почти 30-летнего периода исследований В. И. Довженка в изучении проблем истории Киевской Руси, и в первую очередь древнерусского села, следует отметить, что именно им были поставлены перед археологами Украины конкретные задачи изучения южнорусских селищ, начаты целенаправленные работы по археологическому изучению памятников (выявлению, картографированию, обследованию и раскопкам). В. И. Довженок удачно сочетал практику полевых исследований с интерпретацией материалов, разрабатывая целый комплекс проблем методического, источниковедческого, социально-исторического характера. Его работы способствовали становлению исторического подхода к археологическим источникам и во многом предвосхищали актуальные задачи сегодняшнего уровня развития древнерусской археологии.

¹ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства.— Л., 1945.— 432 с.; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.— 260 с.; Черепнин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // ИАН СССР. Сер. ист. и филос.— 1952.— Т. 9.— № 2.— С. 115—132; Греков В. Д. Киевская Русь.— М., 1953.— 568 с.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М., 1948.— 792 с.

³ Довженко В. И. Археологічні матеріали до історії хліборобства у древніх слов'ян на території УРСР // Вісник АН УРСР.— 1949.— № 2.— С. 54—65; Довженко В. И., Брайчевский М. Ю. О времени сложения феодализма

в Древней Руси // ВИ.— № 8.— 1950.— С. 60—77; *Довженко В. И.* До питання про техніку орного землеробства на півдні древньої Русі // Археологія.— 1950.— Т. 4.— С. 9—26; *Его же.* К истории земледелия у восточных славян в I тыс. в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР.— М., 1952.— Т. 1; *Его же.* Прогрес землеробства в Древней Руси // Вісник АН УРСР.— 1952.— № 4.— С. 26—36.

⁴ *Воронин Н. Н.* К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма // Проблемы истории докапиталистических обществ.— 1934.— № 5.— С. 93—103.

⁵ *Довженко В. И.* Феодальный масток в эпоху Киевской Руси в світлі археологічних даних // Археологія.— 1953.— Т. 8.— С. 25.

⁶ *Там же.*— С. 27.

⁷ *Там же.*

⁸ *Довженко В. И.* Городища и селища на Руси и Россаве (по материалам разведки 1954) // КСИА АН УССР.— 1955.— № 5.— С. 51.

⁹ *Довженко В. И.* Раскопки древнерусских памятников на Руси в 1956 г. // КСИА АН УССР.— 1959.— № 8.— С. 146—155; *Его же.* Археологические работы на территории Каневской ГЭС в 1960 г. // КСИА АН УССР.— 1962.— № 12.— С. 8—12.

¹⁰ *Довженко В. И., Приходнюк О. М.* Звіт про роботу Канівської слов'яно-руської експедиції в селах Халеція та Григорівка в 1971 р. // НА ІА АН УРСР.— Ф. 1971/14; *Довженко В. И., Приходнюк О. М.* Из работ Каневской экспедиции // АО 1971 г.— М., 1972.— С. 386—387; *Довженко В. И., Приходнюк О. М.* Звіт про роботу Сахнівського загну Середньодніпровської експедиції в 1973 р. // НА ІА АН УРСР.— Ф. 1973/21 а.

¹¹ *Довженко В. И.* Господарство Київської Русі. Сільське господарство, торгівля. Суспільно-політичні відносини у Київській Русі. Розвиток феодальних відносин // Нариси стародавньої історії Української РСР.— К., 1957.— С. 395—412.

¹² *Довженко В. И.* Про розміри селянського господарства в древній Русі домонгольського періоду // Вісник АН УРСР.— 1959.— № 2.— С. 35—45; *Его же.* Об уровне развития земледелия в Киевской Руси // История СССР.— 1960.— № 5.— С. 59—74; *Его же.* Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах // КСИА АН УССР.— 1962.— № 12.— С. 28—36; *Его же.* Вопросы производительности крестьянского труда в эпоху раннего феодализма // Известия Венгерской АН.— 1962.— № 1 (на венг. яз.).

¹³ *Довженко В. И.* Археологический комментарий...

¹⁴ *Там же.*— С. 54.

¹⁵ *Там же.*

¹⁶ *В. И. Довженко.* Землеробство Древньої Русі.— К., 1961.

¹⁷ В работе экспедиции, кроме В. И. Довженка, принимали участие: Д. Т. Березовец, П. П. Толочко, В. К. Гончаров, А. И. Кубышев, Е. А. Петровская. Начальником Комаровского отряда был А. И. Кубышев, один год — П. П. Толочко.

¹⁸ *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XI вв. у с. 24. Комаровка // АИУ.— 1967.— Вып. 1.— С. 24—27; *Его же.* Раскопки средневекового поселения XI—XV вв. у с. Комаровка.— АИУ.— 1968.— Вып. 1.— С. 49—51; *Его же.* Исследования Комаровского поселения X—XV вв. в 1968 г. // АИУ.— 1971.— Вып. 3.— С. 239—242; *Его же.* Работа Комарівського загну Канівської Давньоруської експедиції // УІЖ.— 1969.— № 8.— С. 158—159; *Его же.* Комарівське поселення XI—XV ст. // Тези пленарних і секційних доповідей (Результати польових археологічних досліджень 1970—1971 рр. на території України).— Одеса, 1972.— С. 339—341.

¹⁹ *Довженко В. И.* Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени // Тез. докл. сов. делегации на Междунар. конгр. слав. археологии в Варшаве.— М., 1965.— С. 54—57; *Его же.* Некоторые вопросы археологического изучения села домонгольского времени // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej (Warszawa, 14—18 IX. 1965).— Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.— Т. 9.— С. 7—33.

²⁰ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— М., 1960.— 157 с.

²¹ *Довженко В. И.* Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени // Тез. докл.— С. 56—57.

²² *Довженко В. И.* Некоторые вопросы...— С. 3.

²³ *Довженко В. И.* Характерні риси феодализму в Київській Русі // УІЖ.— 1970.— № 12.— С. 36—44; *Його ж.* Основні питання стародавньої історії Русі // Археологія Української РСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 413—421.

²⁴ *Довженко В. И.* Памятки сільського господарства // Археологія Української РСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 316—330; *Його ж.* Основні питання...

²⁵ *Довженко В. И., Толочко П. П.* Киев и Южная Русь в эпоху феодальной раздробленности // Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції ІА АН УРСР.— Одеса, 1972.— С. 45—49.

²⁶ *Довженко В. И.* Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 76—82.

²⁷ *Там же.*— С. 81.

²⁸ *Довженко В. И.* Давньоруське село // Історія Української РСР.— К., 1977.— Т. 1.— Кн. 1.— С. 293—296; *Довженко В. И.* Древнерусское село // История Украинской ССР.— 1981.— Т. 1.— Кн. 1.— С. 321—324.

ДИАРХИЧЕСКАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА
В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОРОДЕ
XII — НАЧАЛА XIII в.

XII ст. в истории Киевской Руси отмечено рядом существенных сдвигов в области социально-экономического развития, настолько значительных, что исследователи склонны говорить о начале принципиально нового этапа — так называемого периода феодальной раздробленности¹. В историографии распространено мнение, согласно которому Киевское государство вообще прекратило свое существование где-то в середине XII в., после чего Русь распалась на ряд удельных княжеств — «полугосударств», независимых от власти киевского князя; Киев потерял значение общерусского центра (хотя в сознании народа сохранял ореол былого величия) и переживал период экономического упадка; в противовес ему на северо-востоке Руси формируется новый центр — Владимир-на-Клязьме. В дореволюционной историографии даже пропагандировалась мысль о переносе столицы из Киева во Владимир, положенная в основу великодержавной концепции русского самодержавия. Данная тенденция имела множество нюансов и оттенков, но суть оставалась одна: утверждался фактический распад Киевского государства².

В начале 50-х годов против данной концепции решительно выступил В. И. Довженок³. Это выступление было поддержано рядом исследователей, в частности ошибочность распространенного мнения об упадке Киева и о потере им значения общерусского центра убедительно показана в работах П. П. Толочко⁴. Не подлежит сомнению, что и во второй половине XII — первой половине XIII в. Киевская Русь сохраняла свое государственное единство, а Киев продолжал удерживать значение общерусской столицы. Однако было бы не менее опасно вообще отрицать существенные перемены в политической обстановке на Руси и в частности в положении великого князя как общерусского суверена.

Так называемая феодальная раздробленность — закономерный этап в развитии феодальной формации, который пережили все страны средневековой Европы. Всюду она была ознаменована ослаблением центральной государственной власти, но нигде не привела к ликвидации сложившейся государственной структуры. Русь в этом отношении не была исключением. Власть киевского князя в XII — начале XIII в. действительно претерпела известный ущерб, а в ряде случаев приобретала эфемерный характер. Но было это отнюдь не следствием распада Киевского государства на самостоятельные «полугосударства»⁵. Аналогичные процессы пронизали всю систему феодальной иерархии; они активно действовали и в удельных центрах; власть местных князей сплошь и рядом оказывалась столь же иллюзорной, как и власть великого князя. И тем более нет никаких оснований утверждать экономический и политический упадок Киева; напротив, роль общерусской столицы и в хозяйственной и в государственной сфере возрастала и укреплялась, свидетельством этого является постоянная и упорная борьба за киевский престол. Само собой разумеется, что представители крупнейших удельных династий (перемыславской, волынской, черниговской, смоленской) не стали бы столь отчаянно состязаться за формальное «старшинство», если бы титул великого князя утратил реальное политическое значение.

Подлинной причиной ослабления власти киевского князя (как и удельных князей) было резкое усиление влияния древнерусской социальной элиты — боярства и городского патрициата, чем дальше, тем решительнее бравшей реальные бразды правления в свои руки⁶.

Экономическое усиление боярства в результате победы вотчинной (сеньориальной) системы землевладения и пат-

рицата в результате бурного развития ремесла, торговли и финансового капитала (ростовщичества) поставило городскую верхушку (как феодальную, так и раннебуржуазную) в положение ведущей социальной силы, создало серьезные основания для ее политических претензий.

Новгородский переворот 1136 г.⁷, утвердивший в городе республиканскую форму правления, низведший общественный статус князя на уровень наемного магистрата и передавший власть в руки городской олигархии, был наиболее полным и завершенным выражением тенденции, о которой идет речь⁸. В Киеве ситуация была более сложной, в результате чего суть процесса оказывается завуалированной побочными и сопутствующими явлениями, хотя при внимательном изучении источников вскрывается достаточно убедительно. Городская олигархия — нобилитет и патрициат — и здесь чем дальше, тем решительнее склонна была рассматривать великого князя как выразителя и защитника собственных классовых и сословных интересов, как послушного исполнителя своей воли и своей программы.

Еще в конце XI в. старшее киевское боярство, возглавляемое Яном Вышатичем, выработало концепцию, согласно которой великий князь обязан все свои решения и меры согласовывать с боярской элитой («старыми и смысленными» мужами)⁹. Эта концепция, в частности, отразилась в Начальном летописном своде 1093 г., составленном печерским игуменом Иваном¹⁰. Тогда она встретила возражения со стороны Владимира Мономаха, сторонника сильной великокняжеской власти, стремившегося не только реально удерживать Русь от политической деструкции и децентрализации, но и теоретически обосновать свою платформу.

К середине XII в. ситуация изменилась. Реальный вес боярства и патрициата возрос настолько, что воля городской олигархии приобрела значение едва ли не решающего фактора в ходе междоусобной борьбы, представлявшей собой наиболее печальную (и наиболее опасную) тенденцию эпохи. Термин

«кияне», все чаще и чаще появляющийся на страницах летописей, посвященных перипетиям великокняжеской чехарды, стал своеобразным евфемизмом, покрывающим боярско-патрицианскую элиту. Эти «кияне» запросто возводят на киевский престол угодных им претендентов и так же легко отстраняют их от власти¹¹.

К сожалению, в литературе внутренняя механика этого явления остается не вскрытой и не осознанной в полной мере. Взвешивая реальные шансы того или иного претендента на великокняжеский титул, обычно принимают в расчет два момента: во-первых, личные способности и авторитет претендента, а во-вторых, его военные потенции — наличие вооруженных сил, достаточных для достижения поставленной цели. Последние, как правило, обеспечивались методом коалиций и союзов, так как собственных удельных возможностей оказывалось слишком мало: главные уделы (Чернигов, Волынь, Смоленск, Галич, Суздаль) представляли собой примерно равные в военном отношении владения.

Бесспорно, и то, и другое имело важное значение и реально влияло на развитие событий, иногда определяя исход конкретных конфликтов. Все же решающую роль едва ли не во всех коллизиях играла позиция киевской общественной верхушки.

Киевская Русь в отличие от подавляющего большинства государств средневековой Европы никогда не принимала в полной мере идею единовластной монархии. Это отразилось, в частности, на проблеме престолонаследия, так и не решенной до самого Батыева нашествия, что усложняло общеполитическую ситуацию, создавая широкие перспективы для персональных конфликтов. Русь искала метод индивидуальной санкции каждого очередного кандидата на великокняжеский престол, но убедительного решения так и не нашла.

Вот тут и сказывалось определяющее слово боярства и патрициата. Именно их воля оказывалась тем решающим аргументом, который склонял чашу весов в пользу того-либо из реальных претендентов. Но тогда на повест-

ке дня возникала новая проблема — выработка согласованной линии, представлявшая сложную задачу, чреватую конфликтами на ином общественном уровне. Ибо, само собой разумеется, киевская олигархия не была монолитной и единой в своих устремлениях, ее раздирали внутренние противоречия как принципиального, так и личного характера. Столкновение интересов, целей, симпатий и антипатий, планов, прямых амбиций и т. д. представляло собой чрезвычайно важный фактор, явно недостаточно учитываемый (а сплошь и рядом вообще не учитываемый) исследователями.

Естественным выходом из положения была система организации, выработанная «киянами», без нее боярство и патрициат не могли бы рассчитывать на успех в политической сфере. Эта организация неизбежно принимала партийную форму, имевшую, как правило, бинарный характер. Это общее явление, характерное не только для средневековой Руси. В европейских городах феодальной эпохи партийная борьба принимала форму состязания двух наиболее влиятельных родов (Гвельфы и Гиббеллины в Италии и т. д.). На Руси эта форма наиболее четко засвидетельствована для Новгорода (борьба Мирошкиничей и Мышаничей)¹², но отчетливо проступает в других политических центрах, и прежде всего в Киеве.

Вступление очередного претендента на великокняжеский престол в высокой степени зависело от боярско-патрицианской олигархии. Это хорошо видно в событиях 1146 г., когда Всеволод Ольгович в предчувствии близкой кончины просит киевских бояр присягнуть его наследнику — Игорю Ольговичу и когда от воли киевской элиты, представленной такими лицами, как тысяцкий Улеб, Иван Войтишич, Лазарь Саковский, в конечном счете зависела судьба формально утвержденного наследника¹³. Именно они выступили инициаторами приглашения на киевский стол Изяслава Мстиславича, именно им младший Ольгович был обязан потерей великокняжеского титула, свободы и самой жизни.

Борьба между двумя основными группировками нобилей и патрициев сплошь и рядом приобретала крайне напряженный характер. Каждая партия имела свою креатуру — собственного кандидата на великокняжеский престол, которого и стремилась утвердить в данной роли. Взаимоотношения претендентов могли быть разными, но, вероятно, в любом случае базировались на определенной договорной основе. Ряд между очередным претендентом на высшую власть и киевской элитой становится главным модусом вивенди политической жизни тех времен¹⁴.

В результате событий 1146—1147 гг., связанных с киевским восстанием, на великокняжеский престол был приглашен Изяслав Мстиславич¹⁵. Но точно таким же образом он был дважды отстранен от власти. «Ты наш князь коли си/ле/нь будещи, а мы с тобою, — говорили ему бояре в 1150 г., — а нынѣ не твое время, поѣди прочь». Это значит: верх в городе взяла другая, оппозиционная партия, надо временно отступить, чтобы в будущем вновь померяться силами. Креатурой оппозиции был Юрий Долгорукий.

В этих событиях ясно проступает сложившаяся коллизия; позиция каждого очередного правителя находилась в прямой зависимости от реальных возможностей партии, на которую он опирался. Это хорошо иллюстрируется своеобразным ритмом междоусобной борьбы, который можно определить как «маятниковый». Нетрудно увидеть выразительно диархический характер данного состязания. Если исключить из списка великих князей второй половины XII — начала XIII в. случайных лиц (вроде Глеба Юрьевича, Владимира Мстиславича или Михалка Юрьевича), вынесенных на грешень политический волны специфическими обстоятельствами (проще говоря — чужой волей), то борьба за верховную власть в рамках точно определенных хронологических отрезков всегда шла между двумя претендентами, каждый из которых по нескольку раз добывал престол, прогоняя соперника из Киева, терял и вновь возвращал его. Таких периодов на протяжении второй половины XII в. было

три. Первый охватывает время между 1146 и 1157 гг. Тогда за великокняжеский престол боролись Изяслав Мстиславич и Юрий Владимирович Долгорукий¹⁶. Вот хронологическая динамика этой борьбы:

1146—1149 — Изяслав Мстиславич

1149—1150 — Юрий Владимирович

1150 — Изяслав Мстиславич

1150 — Юрий Владимирович

1150—1154 — Изяслав Мстиславич

1154—1158 — Юрий Владимирович

Изяслав Мстиславич умер в 1154 г.¹⁷

Его место в роли партийного лидера занял Изяслав Давидович (из черниговской династии Ольговичей). В том же 1154 г. он предпринял неудачную попытку захватить опустевший престол, но сразу же был изгнан из Киева Юрием Долгоруким — главой оппозиции¹⁸. Но изгнанник не сложил оружия и стал готовиться к новому туру состязания, когда из столицы пришло известие о неожиданной (скорее всего, насильственной) смерти опасного конкурента¹⁹.

Начался второй период, охватывающий 1157—1169 гг. Главными соперниками теперь выступают Изяслав Давидович Черниговский и Ростислав Мстиславич Смоленский, заменивший отравленного боярами Юрия Суздальского. Хронологическая динамика этого этапа выглядит так:

1157—1158 — Изяслав Давидович

1158—1161 — Ростислав Мстиславич

1161 — Изяслав Давидович

1162—1167 — Ростислав Мстиславич

Изяслав Давидович скончался в 1161 г., его место занял Мстислав Изяславич Волынский, сын Изяслава Мстиславича, бывшего лидером этой же партии в 1146—1154 гг. Формально он считался наиболее законным претендентом на великокняжеский престол, так как был старшим представителем старшей линии Мономаховичей (юридически принцип старшинства на Руси никогда не оспаривался, хотя само понятие «старшинства» варьировалось). А личные качества Мстислава²⁰, его энергия и решительность делали его наиболее вероятным победителем в междоусобной борьбе за великокняжеский титул. В 1158 и 1162 гг. он дважды уступал Киев Ростиславу, но в 1167 г.

действительно вступил на киевский престол²¹.

Это событие вызвало беспокойство наиболее влиятельных уделов, и прежде всего у Андрея Боголюбского, который в утверждении Мстислава видел серьезную угрозу своим политическим планам (создание на северо-востоке Руси второго великого княжения, независимого от Киева)²². Андрею удалось сколотить мощную коалицию против Мстислава, Киев был взят войсками союзников и подвергнут беспрецедентному погрому²³. На киевский престол был (безотносительно к воле местной общественной элиты) поставлен малоавторитетный князь Глеб Юрьевич, который через два года разделил печальную участь своего отца — был отравлен киевскими боярами²⁴.

Эти события при всей их драматичности не изменили политической ситуации в древнерусской столице. Киев довольно быстро оправился от последствий погрома²⁵. А устранение Глеба Юрьевича восстановило партийную диархию местной боярско-патрицианской олигархии. Новый этап в истории партийной борьбы за великокняжеский престол начался в 1171 г. и продолжался до 1203 г. Но обоих претендентов на лидерство — и Мстислава Изяславича, и Ростислава Мстиславича — к этому времени уже не было в живых. Первый умер в 1170 г., готовясь в поход для возвращения Киева²⁶, второй скончался еще раньше, в 1168 г., когда на киевском столе сидел Мстислав²⁷. Действующими лицами на сей раз были представители смоленского дома — Роман и Рюрик Ростиславичи, сменившие, надо думать, своего отца в роли партийного лидера, и Святослав Всеволодович из черниговского дома. Хронологическая динамика третьего периода выглядит таким образом:

1171 — Роман Ростиславич

1172—1174 — Рюрик Ростиславич

1174 — Святослав Всеволодович

1174—1176 — Роман Ростиславич

1176—1180 — Святослав Всеволодович

1180—1181 — Рюрик Ростиславич

1181—1194 — Святослав Всеволодович

1194—1203 — Рюрик Ростиславич

В 1203 г. великим князем стал Роман Мстиславич из волынской династии, который к тому времени сосредоточил в своих руках два крупных удела — Волынь и Галичину²⁸ и стал недосягаем для других претендентов. Есть основания полагать, что его приход к верховной власти не был санкционирован киевской элитой и что новый суверен, прославленный решительной и беспощадной борьбой против собственного боярства²⁹, не склонен был искать поддержки киевских нобилей. Другое дело патрициат, который всегда готов был ориентироваться на сильную центральную власть.

Отсюда начинается принципиально новый этап в развитии междоусобного состязания за киевский престол, чрезвычайно усложнившегося вследствие действия ряда других социальных факторов.

«Маятниковый» характер великокняжеской чехарды адекватно отражает партийную борьбу киевского боярства и патрициата. В парном распределении претендентов видим концентрированное воспроизведение двух крупных группировок, из которых каждая имела формального кандидата на великокняжеский престол, рассчитывая на послушное исполнение им заранее определенных политических установок и директив.

Ставленником одной из партий в течение второй половины XII в. были: Изяслав Мстиславич, Изяслав Давыдович, Мстислав Изяславич, Святослав Всеволодович. Другая партия соответственно поддерживала Юрия Владимировича, Ростислава Мстиславича, его сыновей — Романа и Рюрика. Эта группировка с большим пиететом относилась к Андрею Боголюбскому (сыну Юрия) и стремилась найти с ним общий язык, хотя, надо признать, это не всегда ей удавалось. Не вполне ясной, в частности, выглядит позиция Романа Ростиславича, который мало интересовался политикой и военными делами, предпочитая увлечение книжностью и просвещением³⁰. Его вступле-

ние на великокняжеский престол состоялось в условиях острой антисуздалской кампании, увенчавшейся демонстративным унижением полномочного суздальского посла³¹, справедливо расцененным как дерзкий вызов Андрею. Эта акция, как известно, вызвала вторую антикиевскую коалицию, наскоро сбитую создальским князем и завершившуюся скандальным провалом³². Теоретически Роман был репрезентантом просуздалской группировки, стремившейся к альянсу с амбициозным владимирским князем, но в конфликте 1171—1174 гг. именно смоленские Ростиславичи играли первую роль.

Итак, можно утверждать, что значение киевской боярско-патрицианской олигархии в политической борьбе второй половины XII в. было весомым и в ряде случаев решающим. Оно отражало существенные сдвиги в состоянии древнерусского общества, которые неминуемо должны были привести к возникновению новых тенденций в сфере политической жизни страны. Одна из этих тенденций вызревала в городах и отражала подъем социального веса ремесленно-торговой и финансовой верхушки. Эта тенденция нашла свое выражение в победе (правда, кратковременной) Киевской сеньории, которая попыталась повторить в несколько иной форме новгородский эксперимент 1136 г.

В 1180—1181 гг. возник вооруженный конфликт между двумя тогдашними претендентами на киевский престол — Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем³³. Военная удача способствовала последнему и, казалось бы, великокняжеский титул должен был остаться за ним. Но случилось иначе. Победитель, «розмыслив с людьми своими» (то есть с той частью киевской элиты, ставленником которой он был), «добровольно» отказался от Киева, заключивши со Святославом договор о совместном управлении государством. Этот двуумвират, интриговавший историков³⁴, был, конечно, результатом компромисса, достигнутого обеими противоборствующими партиями. Реальный смысл его заключался в том, что оба претендента фактически были отстра-

нены от власти и, по примеру новгородского князя, выслены за пределы города — Святослав на так называемый Новый двор, расположенный в районе Копыревого конца, вне стен Киевского детинца, а Рюрик — еще дальше, в Белгород, за 20 верст от столицы. Реальная власть перешла к представительному органу боярско-патрицианской олигархии, условно именуемому «Киевской сеньорией». Вещественным памятником ее, вероятно, является построенная на рубеже XII и XIII вв. ротонда, остатки которой исследованы археологами³⁵.

В 1194 г. умер Святослав Всеволодович³⁶, а его соправитель и соперник Рюрик Ростиславич в 1203 г. был насильственно лишен власти Романом Мстиславичем³⁷. Киевская сеньория прекратила свое существование.

¹ *Очерки истории СССР. IX—XIII вв.*— М., 1953.— С. 267—475; *Краткая история СССР.*— М.; Л., 1963.— Т. 1.— С. 53; *История СССР с древнейших времен до наших дней.*— М., 1966.— Т. 1.— С. 573—639; *История Украиньської РСР.*— К., 1967.— Т. 1. С. 85—113; *История Украиньської РСР.*— К., 1977.— Т. 1.— С. 331—383; *Гуслистий К., Ястребов Ф.* Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII ст. // *Нариси з історії України.*— 1939.— Вип. 1.— С. 109—138; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства.— М., 1949.— С. 143; *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— 1953.— С. 505—515; *Мавродин В. В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство.— М., 1956.— С. 177—221; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— С. 469—589.

² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.— М., 1959.— Т. 1.— С. 528; *Ключевский В. О.* Курс русской истории.— М., 1956.— Т. 1.— Ч. 1; *Грушевский М. С.* История Украины — Руси.— Львів, 1905.— Т. 2.— С. 126; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории.— Спб., 1910.— С. 100—107; *Греков Б. Д.* Политическая и культурно-историческая роль Киева.— М., 1944; *Мавродин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа // *ВИ.*— 1950.— № 4.— С. 63; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства.— М., 1951.— С. 24; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956.— С. 293; *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в. // *ВИ.*— 1962.— № 4; *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории.— М., 1964.— С. 147; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // *Польша и Русь.*— М., 1974; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение.*— М., 1965.— С. 74; *Пашуто В. Т.* Исто-

рическое значение периода феодальной раздробленности на Руси // *Польша и Русь.*— М., 1974.

³ *Довженко В. П.* К вопросу о сложении древнерусской народности // *Доклады VI научной конференции ИА АН УССР.*— К., 1953.— С. 52—57; *Его же.* Київська Русь у другій половині XI — першій половині XIII ст. // *Нариси стародавньої історії Української РСР.*— К., 1957; *Его же.* Про древньоруську державність в період феодальної роздробленості // *Археологія.*— 1957.— Т. 10.— *Его же.* Київ — центр Русі в період феодальної роздробленості // *УІЖ.*— 1959.— № 6; *Довженко В. П., Толочко П. П.* Киев и Южная Русь в эпоху феодальной раздробленности // *Тези пленарних і секційних доповідей.*— Одеса, 1972.

⁴ *Толочко П. П.* Політичне становище Києва в період феодальної роздробленості // *УІЖ.*— 1966.— № 10; *Его же.* Історична топографія стародавнього Києва.— К., 1970.— С. 175—194; *Его же.* Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности // *Польша и Русь.*— М., 1974; *Его же.* Этническое и государственное развитие Руси XII—XIII вв. // *ВИ.*— 1974.— № 2; *Его же.* Русь у період феодальної роздробленості (XII — перша половина XIII ст.) // *Історія Української РСР.*— К., 1977.— Т. 1.— С. 331—334; *Его же.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— К., 1980; *Его же.* Древний Киев.— К., 1983.— С. 254.

⁵ В. А. Рыбаков считает даже, что следует говорить не о «полугосударствах», а о суверенных княжествах-королевствах (*Рыбаков Б. А.* Первые века...— С. 147—157; *Его же.* Киевская Русь и русские княжества.— С. 470).

⁶ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 193; *Пашуто В. Т.* Историческое значение...— С. 13; *Рыбаков Б. А.* Политические идеи русских летописцев XII в. // *Польша и Русь.*— М., 1974.— С. 19—20; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // *Польша и Русь.*— М., 1974.— С. 26—29.

⁷ *Греков Б. Д.* Революция в Новгороде Великом в XII в. // *Уч. зап. Института истории РАНИОН.*— 1929.— Т. 4; *Янин В. Л.* Проблема социальной организации Новгородской республики // *История СССР.*— 1970.— № 1; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв.— М., 1955.— С. 189—199.

⁸ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— М.; Л., 1950.— С. 209.

⁹ *Рыбаков В. А.* Политические идеи...— С. 18—20.

¹⁰ Дошел до нас в составе Новгородской первой летописи (см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947.— С. 441; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М., 1963.— С. 248—254); *Поучение Вл. Мономаха (Орлов А. С. Владимир Мономах.*— С. 127—151).

¹¹ Например, в 1146—1147 г. См.: *Ипатьев-*

ская летопись // ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 2.— С. 321.

¹² Рожков Н. А. Из русской истории // Очерки и статьи.— Пгр.— 1923.— Т. 1; *Его же*. Русская история в сравнительно историческом освещении.— М.; Л., 1928.— Т. 2.— С. 346—349.

¹³ *Ипатьевская летопись*.— С. 324—325.

¹⁴ «После смерти Владимира Мономаха в Киеве установился порядок, при котором князья заключали «ряд» с горожанами, наподобие позднейших договоров Новгорода с великими князьями» (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 200).

¹⁵ *Ипатьевская летопись*.— С. 324—327.

¹⁶ Юрий Владимирович считал свои претензии более предпочтительными, так как был младшим сыном Мономаха и, следовательно, дядей Изяслава.

¹⁷ *Ипатьевская летопись*.— С. 468—469.

¹⁸ *Там же*.— С. 469.

¹⁹ *Там же*.— С. 489.

²⁰ В. Н. Татищев, характеризуя Мстислава, отмечает его «мужество во брани», храбрость, любовь к правде, готовность к расправе и распорядку, к правосудию, прилежность в делах» (*Татищев В. Н.* История российская.— М.; Л., 1964.— Т. 3.— С. 95—96). По словам Б. А. Рыбакова, «крутой и решительный» Мстислав «был, несомненно, первой фигурой среди русских князей» (*Рыбаков В. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.— М., 1971.— С. 137—138).

²¹ *Ипатьевская летопись*.— С. 534.

²² *Татищев В. Н.* История российская.— Т. 3.— С. 44.

²³ *Ипатьевская летопись*.— С. 545.

²⁴ *Там же*.— С. 563—564.

²⁵ *Рыбаков В. А.* Киевская Русь и русские княжества...— С. 493; *Толочко П. П.* Киев и Южная Русь...— С. 231—233.

²⁶ *Ипатьевская летопись*.— С. 559.

²⁷ *Там же*.— С. 532.

²⁸ *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство.— К., 1984.— С. 83—87.

²⁹ *Грушевський М. С.* Історія України — Русі.— Львів, 1905.— Т. 3.— С. 13. *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство.— С. 84—85.

³⁰ *Татищев В. Н.* История российская.— Т. 3.— С. 123—124.

³¹ *Ипатьевская летопись*.— С. 568.

³² Киевский летописец писал про Андрееву армию («множеству вои не баше числа»): «Пришли бо (к Киеву.— М. Б.) бяху высокомысляще, а смиренни отидоша в домы своя» (*Ипатьевская летопись*.— С. 577—578).

³³ *Ипатьевская летопись*.— С. 614—624.

³⁴ *Рыбаков В. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.— С. 88, 155—156.

³⁵ *Боровський Я. Є., Толочко П. П.* Київська ротонда // Археологія Києва (дослідження і матеріали).— К., 1979.

³⁶ *Ипатьевская летопись*.— С. 680—681.

³⁷ *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 1.— С. 417—418.

А. Н. Курпичников

К ОЦЕНКАМ ВОЕННОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В. И. Довженок, будучи разносторонним ученым, внес важный вклад в изучение военного дела Киевской Руси. Его небольшая, но глубокая и содержательная книга «Військова справа в Київській Русі», вышедшая в 1950 г., оказала благотворное воздействие на последующие поиски военных историков и оружейников. В ней он во многом по-новому обозначил проблематику изучения военного искусства средневековой Руси: уделил внимание вооружению, тактике боя, укреплениям и особенно — устройству и социальной организации войска. Цель, поставленная автором книги, — показать, как русский народ защитил свою независимость и культуру — была достигнута. Тематика, выдвинутая В. И. Довженком, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Исследование русского военного дела сопровождается не только успехами, но и, к сожалению, неудачами.

О последних и пойдет речь в настоящей статье.

Героическая борьба русского народа за независимость в XIII—XV вв. всегда привлекала историков масштабами и напряженностью событий и бессмертными ратными подвигами. Специалисты, которые интересуются военной стороной этой эпохи, ощущают нередко недостаточность источников. Поэтому военное дело зрелого русского средневековья подчас известно хуже, чем предшествующего времени. Это обстоятельство накладывает особую ответственность на тех, кто занимается изучением военного и культурно-технического прошлого нашего отечества. В своей работе «Военное дело на Руси XIII—XV вв.» (Л., 1976) я, насколько это представилось возможным, пришел к заключению, во-первых, о единстве развития военного дела до- и послемонгольской Руси и, во-вторых, о поступа-

тельном прогрессивном характере этого развития. Оказалось, что, несмотря на тягчайшее экономическое положение испытывавших монголо-татарский погром земель и княжеств, военное искусство и вооружение русских находилось не ниже уровня развитых европейских государств своего времени. Военное дело страны развивалось в ускоренном темпе, что в конечном итоге способствовало политическим целям преодоления феодальной раздробленности и созданию единого государства. Борьба русских людей имела и всемирно-историческое значение, они вольно или невольно спасли от монгольских полчищ многие народы Европейского континента.

Наша работа (главным образом в ее вступительной части) подверглась выборочной критике со стороны В. Б. Вилинбахова¹. Состояние и развитие военного дела Руси, ее боевая техника, тактика, фортификация, а также периодизация и этапы развития военного дела, характерные черты и особенности процесса, изложенные в упомянутой книге, оказались, по существу, не затронутыми в рецензии. При всей узости критической статьи в ней, однако, высказываются суждения и оценки, которые относятся к некоторым общим явлениям и фактам русской средневековой истории, а не только военной. Отвлекаясь от сбивающего читателя безапелляционного тона рецензента, нельзя не ответить на его выступление и заново коснуться некоторых дискуссионных или слабо изученных вопросов истории русского военного дела.

Касаясь оценки политической обстановки XIV в., критик пишет, что в «Восточной Европе возникали, то укреплялись, то дробясь, бесконечные феодальные государства, главной заботой которых была непрерывная междоусобная борьба, в которой наряду с восточными славянами (?) (речь идет о периоде, когда происходило формирование великорусской народности.— А. К.) деятельное участие принимали и соседние народы» (рец., с. 294). В отношении русской средневековой истории эта формулировка не соответствует истине. Ведь именно героическая борьба

русского народа с внешними врагами, по единодушному мнению советских историков, привела к возвышению Москвы и ускорила создание единого государства². Истолкование междоусобной борьбы как «главной заботы» отрицается, например, такими подсчетами³. Из 302 походов и битв, состоявшихся в 1228—1468 гг., 200 были связаны не с усобицами, а с внешними, преимущественно оборонительными, войнами. Если же к этому прибавить 123 осады и взятия городов (из общего числа 158), случившихся в то же время, то не трудно понять, какое значение в жизни народа имела борьба с агрессией извне.

Критик, ссылаясь только на бесконечные феодальные междоусобицы, фактически искажает цель и направленность происходивших на Руси военных усилий, связанных со строительством вооруженных сил и активной обороной. Он, к сожалению, или не упоминает, или отрицает достижения военного ремесла, фортификации и тактики боя и даже удивляется, почему XIII—XV вв. были периодом сбережения и развития блестящих технических достижений домонгольской Руси. Однако ни монгольское, ни другие вторжения, как считают советские историки и как пишется в книге, не прервали развитие отечественной культуры. Система вооружения, противоборство с разным по приемам боя противником, тактика боя, принятые в XIV в., во многом восходили к более раннему времени⁴. По справедливому заключению А. А. Строкова, «русское военное искусство в период феодальной раздробленности развивалось на единой основе, заложенной в предшествующий период истории русского народа»⁵. Уровень военного ремесла русских городов оказался таков, что были созданы технические новинки, которые проникли к соседям Руси и своей формой предвосхитили некоторые боевые средства, принятые в Московском государстве.

Рецензент сетует на то, что Русь в военном отношении рассматривается в книге как нечто цельное, не отмечена специфика развития военного искусства отдельных земель, а вместо этого (для

XIV в.) говорится об общерусской армии и общерусских мобилизациях. Согласиться с этим едва ли возможно. Период XIII—XV вв. характеризуется в книге в соответствии с положениями советской исторической науки как время перехода от феодальной раздробленности к созданию единого государства, а само военное дело рассматривается раздельно в двух больших регионах Руси: Юго-Западном и Северном. С моей точки зрения, ныне результативно установить черты, не столько разъединяющие военное искусство Руси, сколько его объединяющие. Здесь нельзя прямолинейно переносить политические факторы феодальной раздробленности на военное дело, всегда очень чуткое к новшествам и тактико-техническому прогрессу. Если бы страна не знала определенного единства в развитии ее военного дела, вряд ли русскими на Куликовском поле в 1380 г. был бы достигнут поистине общерусский выдающийся военный успех. Совершился он не вдруг, а был в немалой степени подготовлен тем, что в условиях обособленности русских земель сохранялась их этническая, культурная, языковая, религиозная, а в отношении правящего класса и генеалогическая общность.

Разумеется, в военном деле русских земель и княжеств зрелого средневековья имелись некоторые региональные особенности, но преобладало завещанное еще Киевской державой, ярко выраженное сходство в развитии военной тактики, техники и фортификации. Это сходство не распалось в период тяжелейших военных катастроф XIII в., а столетие спустя явно усилилось. Недаром шведы, венгры, поляки, очевидцы событий того времени на севере и юге страны, единодушно отмечали почти национальное единообразие боевых приемов и вооружения, называя их «русским боем», «русским обычаем», «русским ладом». Что касается особенностей военного дела отдельных районов Руси, то они были в первую очередь связаны с географией обороны и несходными приемами боя западных и юго-восточных противников Руси⁶. К примеру, низовские полки с их конным войском и сабельным боем не-

сколько отличались от новгородско-псковской рати, где пехота и воины, вооруженные мечами, являлись первой силой.

Относительно же общерусских военных предприятий XIV в. Б. А. Рыбаков с полным основанием писал об «общерусской планомерной борьбе против монголо-татар, которая велась в эпоху Дмитрия Донского»⁷. Интеграция вооруженных сил страны в рамках «средневековой федерации» земель расширялась благодаря созывам отдельных отрядов для совместных походов. Но позднее 40-х годов XIV в. такая практика была оформлена соответствующими оборонительно-наступательными договорами⁸. Удельные князья, их бояре и слуги участвовали в военных действиях по требованию великого князя. Общие походы были лучшей школой, взаимообогащающей ратников разных мест и городов. Стремление наиболее дальновидных руководителей к объединенным военным действиям и сплочению вооруженных сил пронизывает большую часть XIV в. Все эти начинания не сразу изменили ход русской истории, но все вместе они привели к организации широких общерусских походов (например, на Тверь в 1375 г. и Новгород в 1386 г.) и к великой победе объединенного русского войска на Куликовском поле, в «которой общенародный характер русского ополчения не подлежит сомнению»⁹. Тогда общерусская федеративная армия показала свою особую боеспособность и жизнестойкость. Она оказалась способной решать стратегические задачи государственного масштаба задолго до того, как произойдет политическое слияние русских земель.

Перехожу к отдельным критическим замечаниям рецензента. Они, на мой взгляд, неубедительны и недоказательны.

Критик утверждает, что такие приемы боя, как столкновение пехоты и конницы и спешивание последней, не являются новшеством XIII в., а существовали и ранее. Он ссылается на сражение пеших русов у Доростова с византийской конницей и спешивание новгородцев во время боя в 1096 г.

Речь, однако, в нашей книге идет о ставшем обычным разнообразии приемов боя во время тех или иных конкретных сражений XIII в., что для более раннего времени нельзя считать характерным. Ведь русы князя Святослава сражались пешими, потому что в массе они еще не были обучены конному бою, а о спешивании новгородцев, видимо, достаточно нечасто, вспоминали и через 120 лет, в 1216 г.¹⁰

По мнению В. Б. Вилинбахова, ополчение, состоявшее из горожан и смердов, было снаряжено хуже кочевников, в том числе и монголов. Это суждение, представляющее во всех случаях плохо снаряженную и обученную толпу, неверно. К примеру, ополченцы-пехотинцы Галицкого войска своими самострелами пугали ордынцев, а черные люди северо-восточных и северо-западных городов, судя по письменным источникам, ходили в доспехах и умели строиться в полки. Значение вооруженного народа — воев — особенно резко возвысилось в период монгольских завоеваний. Эти люди, как показал В. Т. Пашуто, в то время были основной военной силой, даже когда великокняжеская власть фактически отсутствовала¹¹. Что же касается монголов, то недостаток вооружения у них был хроническим. Осведомленные наблюдатели и в XIII и в XVI вв. писали, что монгольские воины имеют «немного оружия, а именно только колчаны, луки, кожаные панциры»¹², что «не защищены ни щитом, ни копьём, ни шлемом, чтобы иметь возможность выдержать нападение врага в непрерывной правильной битве»¹³. Плано Карпини и Рубрук единодушно писали, что монгольские мужчины изготовляли лишь луки, стрелы и уздечки. Иное вооружение было большей частью привозным, трофейным или его производили пленные мастера. По данным 1238, 1240 и 1243 гг., монголы воины или не имели защиты спины, или сзади были открыты хуже, чем спереди¹⁴. Действительно, снабдить полным вооружением 140-тысячную армию, брошенную в 1236 г. в европейские походы, было, очевидно, невозможно. Лишь в ходе наступления монголы обогатились «хрис-

тианским оружием», но не поголовно. Это и заметили очевидцы XIII в., которые сообщали, что лишь богатые воины имели сабли и латы, а некоторые — копьа. «Приходится отмечать, — обоснованно писал Б. Я. Владимирцов, — что оружия, кроме луков и стрел, у них всегда было мало»¹⁵. Определенные ограниченность и несамостоятельность военного ремесла, объясняемые особенностями экономики кочевого и полукочевого общества, будут унаследованы и Золотой Ордой. Недостаток железных доспехов, ограниченность использования копий и сабель не дают оснований преуменьшать (о чем и пишется в книге) высокого воинского умения ордынцев как конников и метких лучников.

Критик не согласен с конкретным наблюдением о социальном переформлении состава армии в период Московского государства, в результате чего «черные люди» не участвуют более в военных действиях, а преобладание получают дворяне. Исторические факты эту мысль, однако, подтверждают. После 1469 г. ремесленники и торговцы перестают упоминаться в составе войска и основной военной силой русского государства становится служилое дворянство¹⁶. Социальная база армии меняется. Имея в виду преобладание поместной конницы, Р. Ченслер писал, что московский царь не берет на войну ни крестьян, ни купцов¹⁷.

В нашей книге высказана мысль об увеличении с течением времени количества полков, участвовавших в сражениях зрелого средневековья. Рецензент с этим не согласен и приводит подсчеты количества полков, участвовавших в битве XI—XIII вв., от одного до семи. Эти подсчеты суммарны и нуждаются в хронологической увязке. Судя по сообщениям летописей, вплоть до середины XII в. участие в сражениях трех полков явно преобладало. Такое построение соответствовало трехчастному разделению войска на чело и два крыла и, как подчеркивали исследователи, было наиболее характерным для битв домонгольского периода¹⁸. Начиная с 60 годов XII в. количество боевых подразделений увеличивается до пяти-шести (редко — семи), при этом случаи

трехчастного построения войска имеют место и в XIII—XIV вв. В XIV—XV вв. войско строилось чаще всего пятью полками (отмечаются построения в один, два, четыре и шесть полков). Пятичастное деление сражающегося войска сверх шести-семи затрудняло руководство ими в бою, а малое число полков (один-два) снижало способность войска к маневру и обычно являлось показателем незначительности сил враждующих сторон. Таким образом, строй русского войска представляется не застывшим, а из века в век изменяющимся. В. Б. Вилинбахов, далее, отказывается от признания более дробных подразделений полка на том основании, что в русском войске XII—XIII вв., отличном, например, от польского, якобы не было феодальной иерархии. Летописные известия (что и отмечено в книге) свидетельствуют об обратном.

О структурных подразделениях войска эпохи зрелого феодализма мне уже приходилось выступать в печати¹⁹. Здесь замечу, что русская земля (как и в других странах Европы) разделялась на непостоянные по составу и нарастающие по численности тактические единицы: по древнерусской терминологии — копьё, стяг, полк, боевые достоинства которых были хорошо известны. Самая малая ячейка — копьё включала господина с несколькими комбатантами. Членение на копьях восходит ко второй половине XII в.²⁰, удержались они в России и четыре столетия спустя. Копья по владельческому и территориальному принципу группировались в более крупные отряды — стяги. Впервые они отмечены в летописном известии под 1153 г. и упоминались в событиях XVI в.²¹ Стяги выделялись своими особыми знаменами (всегда признак строгого боевого порядка) и выполняли как общие, так и самостоятельные задачи. Несколько (обычно три — пять по данным XIV в.) таких тактических единиц образовывали полк.

В. Б. Вилинбахов почему-то не доверяет сообщениям Ливонской Рифмованной хроники о существовании в северорусской рати лучников. Ведь это един-

ственный случай, пишет он. Однако русские (в том числе новгородские и псковские) лучники, воевавшие в юго-восточной Прибалтике, неоднократно (в событиях 1206, 1217, 1224 гг.) отмечены в Хронике Ливонии²².

Рецензент на основании упоминания в Задонщине Фряжских копий полагает, что именно геноуэзцы в начале Куликовской битвы стояли на стороне татар, оцетинившись этими копиями. Однако в Задонщине (в подлинных текстах, а не в реконструкциях) Фряжские копия не указаны (в моей книге они фигурируют по реконструкции, признаюсь, ошибочно). К тому же, в летописной записи, посвященной этому сюжету с копиями, фигурируют татары²³, которые, несомненно, были знакомы с приемами боевого использования древкового оружия. Далее, по мнению В. Б. Вилинбахова, пешие оруженники, посланные со щитами под стены осажденной Казани в 1552 г., скорее всего использовали гуляй-город. Между тем, устройство гуляй-город да, состоящего из телег на «чепех железных», неоднократно и ясно описано в источниках²⁴. Пешие оруженники не могли тащить к стенам города телеги гуляй-города, применявшегося в те времена обычно в качестве оборонительного полевого укрепления.

Касаясь известия 1382 г. о первом использовании огнестрельного оружия при обороне Москвы, рецензент ссылается на одну статью, где отмечается, что содержащая интересующий факт повесть «О взятии Москвы от царя Тохтамыша» попала в летописный свод не ранее 1418 г. На основании этого В. Б. Вилинбахов заключил, что повесть «не заслуживает доверия». Между тем пространная, содержащая известия об огнестрельном оружии москвичей повесть о нашествии Тохтамыша, по мнению большинства исследователей, или была создана по свежим следам самого события, или, если и оформилась позднее, то включила описание обороны города в 1382 г., почерпнутое из оригинальных документальных записей²⁵. Приведенные в этой повести подробности «носят характер не поздних домыслов, а свидетельства современника и

даже очевидца описываемого»²⁶. Следовательно, достоверность данного источника (независимо от включения его в летописные своды) неоспорима.

Относительно даты первого использования огнестрельного оружия в Западной Европе В. Б. Вилинбахов не соглашается с предложенной некоторыми специалистами датой — 1338 г. и без необходимой источниковедческой оценки ссылается на сообщения о применении пушек и ядер в Италии в 1326 и 1331 гг. Ряд авторов, однако, оспаривают достоверность этих сообщений, как имеющих более позднее происхождение²⁷. Касаясь появления огнестрельного оружия в Китае, рецензент склонен удревить документальную дату первого известного по источникам использования металлических ствольных орудий — 1366 г. Установлено, однако, что в более раннее время, а именно в 1358 и 1359 гг., находившиеся в Китае монголы, а также китайцы, использовали бамбуковые «огненные» трубы, выбрасывавшие каменные и железные пули²⁸. В Китае, по сообщению С. А. Школяра, обнаружены ранние металлические орудия, датированные 1332, 1351 и 1372 гг. Какое-то время эти стволы применялись одновременно с огневыми средствами. Таким образом, полной победе огнестрельного оружия предшествовал переходный период применения огнеметных и огнестрельных приспособлений. Об этом не следует забывать при определении твердых дат развития военной техники XIV в.

Перечень возражений можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в предвзятости и некомпетентности рецензента. Рассматриваемая статья, к сожалению, не дает оснований для сколько-нибудь позитивной дискуссии по истории военного дела Руси XIII—XV вв. Героические века русской средневековой истории заслуживают самого пристального изучения, в том числе и путем преодоления антиисторических, исполненных нигилизма²⁹ нападок.

¹ Вилинбахов В. Б. рец.: СА.— 1978.— 3.— С. 294—301; Сравни рец. на нашу работу Е. В. Черненко (УИЖ.— 1978.— № 11.—

С. 142—143), О. В. Сухобокова, Е. В. Черненко (Археология.— 1979.— 30.— С. 99—101).

² История СССР.— М., 1966.— Т. 2.— С. 106; Очерки русской культуры XIII—XV вв.— М., 1969.— С. 16.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1960.— Кн. 2 (Т. 3—4).— С. 540—541.

⁴ Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV вв.— М., 1969.— Ч. 1.— С. 388.

⁵ Строков А. А. История военного искусства.— М., 1955.— Т. 1.— С. 222.

⁶ Кирпичников А. Н. О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия X—XIII вв. // Культура древней Руси.— Л., 1967.— С. 90—95.

⁷ Рыбаков Б. А. Военное искусство.— С. 369.

⁸ Кирпичников А. Н. Куликовская битва.— Л., 1980.— С. 25.

⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства.— С. 600; сравни с. 578 и 608.

¹⁰ История Льва Дьякова.— Спб., 1820.— С. 83; Суздальская летопись // ПСРЛ: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е.— Л., 1926.— Т. 1.— С. 497.

¹¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950.— С. 182, 186—187.

¹² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны.— Спб., 1911.— С. 169.

¹³ Герберштейн С. Записки о московских делах.— Спб., 1908.— С. 143.

¹⁴ Матузова В. И. Английские средневековые источники.— М., 1979.— С. 136, 137, 150.

¹⁵ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов.— Л., 1934.— С. 43.

¹⁶ Строков А. А. История военного искусства.— С. 344; Очерки по истории СССР: Период феодализма.— М., 1953.— Т. 2.— С. 163.

¹⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.— Л., 1937.— С. 59.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Военное дело. История культуры древней Руси.— М.; Л., 1948.— Т. 1. Его же. Боевые порядки русских войск XI—XII вв. // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та.— М., 1954.— Т. 27.— С. 6.

¹⁹ Кирпичников А. Н. Куликовская битва.— С. 22—25.

²⁰ Рыбаков Б. А. Военное дело.— С. 404.

²¹ Лаврентьевская летопись.— С. 341; Псковские летописи.— М.; Л., 1941.— Вып. 1.— С. 81.

²² Латвийский Генрих: Хроника Ливонии.— М.; Л., 1938.— С. 91.

²³ ПСРЛ: Никоновская летопись.— Спб., 1896.— Т. 11.— С. 59; сравни с. 42.

²⁴ Там же.— С. 173; Казанская история.— М.; Л., 1954.— С. 92; Флетчер Д. О государстве русском.— Спб., 1906.— С. 88.

²⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Москва.— М., 1947.— С. 192—193; Его же. Средневековая Москва в XIV—XV вв.— М., 1957.— С. 247—249; Греков И. В. Восточная Европа и упадок Золотой Орды.— М., 1975.— С. 456; Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее

отражение в памятниках литературы первой половины XV в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. — М., 1980. — С. 57, 60.

²⁶ *История русской литературы X—XVII вв.* — М., 1980. — С. 241; сравни *Салмина М. А.* Повести о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. — 1979. — 34. — С. 135.

²⁷ *Eriksen E.* Problems in the history of mediaeval artillery. Ist Congress of Museum of Arms and Military Equipment // Report Copenhagen. — 1957. — P. 42—49; сравни: *Partington J. R.* A History of fire and d gunpowder. — Cambridge, 1960. — P. 133, 244.

²⁸ *Школяр С. А.* Рец. на: *Фэн Цзя-шэн.* Изобретение пороха и распространение его на Запад // Вопросы истории естествознания и техники. — 1960. — Вып. 9. — С. 178.

²⁹ Случаи недооценки уровня развития русской техники и фортификации, к сожалению, не единичны (*Кирпичников А. Н.* Факты, гипотезы и заблуждения русской военной истории XIII—XIV вв. Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1985. — С. 229). Приведен и такой пример: *М. И. Мильчик*, игнорируя новую литературу, утверждает, что русская крепость Корела, начиная с 1582 г., начала перестраиваться

захватившими ее шведами «по образцу западно-европейских бастионных укреплений», а последние бастионы были выстроены в ней после 1634 г. (*Мильчик М. И.* Из строительной биографии древнерусской крепости Корелы // Архитектурное наследие и реставрация. — М., 1984. — С. 168—170). Однако бастионная модернизация крепости Корелы, как приводилось в печати, была осуществлена русскими между 1573 и 1578 гг., то есть до ее захвата шведами в 1580 г. (*Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России. Памятники культуры. Новые открытия. — Л., 1978. — С. 489—490; *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. — Л., 1984. — С. 123). Эта мысль полностью подтверждается показанием разрядной записи под 7084 г. о крупнейшем в северной России оборонительном строительстве «новых городов» в Копорье, Орешке, Ивангороде, Нарве, Ямгороде, включая и Корелу (Разрядная книга 1475—1605 гг. — М., 1982. — Т. 2. — Ч. 2. — С. 400). Что касается Корелы, то никакими иными, кроме как дерево-земляными с бастионно-башенными выступами, ее укрепления в тот период быть не могли.

Н. Ф. Котляр

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОРМЫ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ РУСИ

Статья 975 г. «Повести временных лет» гласит: «Лов деюще Свеналдичю, именемъ Лют; ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узри й Олег, и рече: «Кто се есть?» И реша ему: «Свеналдичь». И заехав, уби й, бе бо ловы дея Олег. И о том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Поиди на брат свой и прими волость его», хотя отмыстити сыну своему»¹.

В фундаментальном двухтомном издании «Повести» 1950 г. эта статья осталась непрокомментированной. А между тем она интересна не только своей острой фабулой, предвзятой междоусобную борьбу на Руси, но и подспудным смыслом, выяснение которого, по нашему мнению, поможет пролить свет на обстоятельства и время зарождения феодального, в данном случае княжеского, землевладения в Киевской Руси.

Действующие лица отраженного в летописи кровавого конфликта — сын Святослава древлянский князь Олег и сын могущественного воеводы Свенельда, правой руки Святослава и его отца

Игоря, Лют. Накануне своего последнего похода в Болгарию, как сообщает летопись, «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в Деревех», то есть в Древлянской земле². Выбор Святославом стола для Олега, разумеется, не был произвольным: завоеванная тремя десятилетиями ранее его матерью Ольгой Древлянская земля вряд ли окончательно покорилась, и за ней нужен был верный глаз. И все же многие историки недоумевали в связи с этим решением Святослава: вместо того, чтобы посадить сына в действительно важном городе Русской земли, например в Чернигове, князь отослал Олега в захолустье.

По этому поводу известный дореволюционный историк С. М. Соловьев заметил: «Это вовсе не значит, чтобы этими волостями ограничивались владения русских князей: уже при Олеге все течение Днепра до Киева было в русском владении, в Смоленске и Любече сидели мужи киевского князя, Ольга ездила и рядила землю до самых северных пределов Новгородской земли; следова-

тельно деление Святослава означает, что у него было только двое способных к правлению сыновей, а не только две волости — Киевская и Древлянская; остальные же волости оба брата должны были поделить между собою»³ (историк не принял в расчет внебрачного сына Святослава, Владимира, поскольку тот вышел на политическую арену Поднепровья позднее).

В этом эмоциональном высказывании сквозит верная мысль: Русская земля поручалась Святославом сыновьям, которые в качестве посадников заменили местных племенных князьков. Перед нами, думается, прообраз административной реформы Владимира Святославича, посадившего многочисленных сыновей в важнейших городах Киевской Руси. О. М. Рапов называет Ярополка и Олега наместниками, которые, однако, рассматривали полученные от отца земли «как полную безусловную собственность»⁴. Подобное утверждение выглядит излишне категорическим хотя бы потому, что мы не знаем, сложилось ли в общественном правосознании Руси третьей четверти X в. столь важное и принципиально новое понятие, как *индивидуальная* феодальная собственность на землю, пусть даже покуда еще княжеская.

Но Лют Свенельдич также имел определенные основания претендовать на Древлянскую землю. Новгородская первая летопись младшего извода, источник чрезвычайно авторитетный (вспомним, что А. А. Шахматов на ее основе реконструировал Начальный летописный свод), под 922 г. свидетельствует: «И дасть же (Игорь), дань деревьскую Свеналду, и имаша по черне куне от дыма. И реша дружина Игореве: «Се дал еси единому мужеве много»⁵.

Советские ученые едины во мнении, что Игорь передал Свенельду право собирать в свою пользу дань с Древлянской земли, не передавая тому во владение самой этой земли⁶. Источники определяют подобное пользование доходами с земли термином «кормление». К. Маркс назвал такую систему феодального землепользования леном, состоящим только из дани⁷. Отметим, что

передача Игорем Свенельду права взимания дани с Древлянской земли была обычной в социальной практике Руси X в. В широко известном рассказе Константина Багрянородного о собирании полдюды в Древнерусском государстве Л. В. Черепнин видит свидетельство о «княжеских мужах», получавших в лен сбор дани с общинников»⁸.

Важно подчеркнуть, что Свенельд получил весьма значительную долю древлянской дани, на что указывает сравнение статей «Повести временных лет» за 883 («...поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне») и 914 г. («Иде Игорь на деревляны, и победив а, и возложи на ня дань болши Олговы») ⁹. Однако Свенельду была дарована не вся дань с Древлянской земли. По всей вероятности, установленное Игорем превышение нормы древлянской дани над уровнем взимаемой его предшественником Олегом шло в княжескую казну; но нет сомнения в том, что львиная ее доля («по черне куне от дыма») досталась Свенельду и его семейству.

Сказанное косвенно подтверждается записью «Повести временных лет» под 945 г.: «В се же лето рекоша дружина Игореве: «Отроци Свенльгжи изоделися суть оружьем и порты, а мы назн. Пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь, и мы»¹⁰.

Если верить хронологии Новгородской первой летописи младшего извода, Свенельд «кормился» древлянской данью в течение более чем 20 лет. Нетрудно представить, что и он с родней, и его многочисленные дружинники благоденствовали. Понятно и возмущение Игоревой дружины — ведь их предводитель стоял на иерархической лестнице выше Свенельда, а они были беднее «отроков» последнего (или полагали себя таковыми, что не меняет существа дела).

Здесь мы вплотную подходим к одной из основополагающих проблем генезиса феодализма на Руси — о характере первоначальной феодальной земельной собственности. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «первая форма собственности — это племенная собственность»¹¹. Но если верховным

собственником занимаемой им земли было племя в целом (впрочем, на последнем этапе истории родоплеменного строя возникают зачатки индивидуальной земельной собственности, постепенно формируется аллод), то на первых ступенях становления феодализма верховным собственником земли становится уже феодальный класс в целом. Во главе корпорации феодалов стоял князь, являвшийся, таким образом, верховным феодальным собственником государственной территории. Однако, как мы полагаем, общественное самосознание на первых порах вовсе не признавало за князем права индивидуальной, частной земельной собственности.

В самом деле, корпорация феодалов (а к ней принадлежала старшая дружина Игоря) отнюдь не считала права Игоря на Древлянскую землю какими-то исключительными, о чем недвусмысленно говорит «Повесть временных лет». В начале летописной статьи 945 г. речь идет лишь о соперничестве между двумя дружинами: боярской и княжеской. Это и было отражением во мнении общества корпоративного порядка владения землей феодалами. Да и само наделение Свенельда древлянской данью вызвало возмущение Игоревой дружины только потому, что та усмотрела в нем нарушение справедливости такого порядка («Се дал единому мужеву много»). А. А. Шахматов даже полагал, что Игорь погиб от руки Люта Свенельдича в споре из-за древлянской дани¹², но его мнение было скептически встречено историками¹³. Вместе с тем статья 945 г. дает основание предположить, что древлянская дань была разделена: основная ее часть отдана Свенельду, остальное же киевский князь использовал для содержания собственной дружины (полюдь).

Эта предложенная нами двойственность древлянской дани и неустановленность ее норм (ведь собрав ее однажды, Игорь молвит своей дружине: «Идите с данью домови, а я возвращюся, похожую и еще»¹⁴) были причинами того, что Ольга, подавив восстание в Древлянской земле, принципиально изменила ее характер: «И възложиша на ня (Древлянскую землю.—

Н. К.) дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду, к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дервьвстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки»¹⁵.

Таким образом, Свенельд лишили древлянской дани, которая была разделена между государством и Ольгой. Впрочем, принадлежность Ольге Вышегорода и других поселений оспаривается многими историками, о чем речь пойдет ниже. Сейчас нас интересует иное: окончательно ли лишились Свенельд и его родня «кормления» в Древлянской земле? Летописи умалчивают об этом, но есть основания думать, что в годы правления Святослава Свенельд сумел вернуть себе древлянскую дань, по меньшей мере какую-то ее часть. Как и при Игоре, Свенельд оставался ближайшим помощником и советником Святослава в ратных делах. В изложении содержания русско-византийского договора 971 г. киевский летописец выделяет Свенельда среди сподвижников князя: «Равно другаго свещанья, бышаго при Святославе, велицем князе русем, и при Свенальде, писано при Фефеле синкеле...» и т. д.¹⁶ А в рассказе о возвращении Святослава из Болгарии Свенельду также отводится ведущее место, подчеркнуто, что он — военачальник, служивший еще отцу князя: «И рече ему воевода отень Свеналд: «Поиди, княже, на коних около (в обход.— Н. К.), стоять бо печенизи в порезех». И не послуша его (Святослав) и поиде в лодьях»¹⁷. Как можно судить из источников, Святослав вообще мало заботился о создании княжеского домена, почти всецело погрузившись во внешнеполитические дела.

Весомым, хотя и косвенным доказательством продолжавшегося пользования Свенельдом и его семейством данью с Древлянской земли является то, что его сын Лют поехал из Киева охотиться именно в эту землю (как следует из контекста Новгородской первой летописи младшего извода и «Повести временных лет»). Князья и бояре особенно рьяно оберегали свои охотничьи угодья. Из летописей создается впечатление, что именно «ловища» и «пе-

ревесища» первыми стали восприниматься в общественном сознании как частная собственность феодалов. Трудно предположить, чтобы Лют Свенельдич без каких бы то ни было правовых оснований нарушил княжеское исключительное право охоты.

Исследователи издавна проявляя редкое единодушие в оценке социальной подоплеки конфликта между Олегом Святославичем и Лютом Свенельдичем. Если В. Н. Татищев просто констатировал охотничью природу этого столкновения: «Лют, зовомый, сын Свеналдов, ходил ис Киева для ловли зверей в Древлянской области и внезапно съехался в лесе с Ольгом князем, где учинилась между ими о ловле распря»¹⁸, то Н. М. Карамзин, по своему обыкновению, дал и моральную оценку случившегося в древлянском лесу: Олег «умертвил сына его (Свенельда.— *Н. К.*), встретясь с ним на ловле в своем владении: причина достаточная по тогдашним грубым правам для поединка или самого злодейского убийства»¹⁹. С. М. Соловьев присовокупил к этому, что «езде князя предоставляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем»²⁰.

Советская историография в общем приняла подобное объяснение причин кровавой стычки между Олегом и Лютом. Правда, В. В. Мавродин допускал, что в те времена бояре «мирно уживались с князем, собирая дань с земли, где появлялись иногда за тем же и другие княжеские мужи». Без достаточных документальных оснований ученый полагал, что в то время уже разрасталась и укреплялась частная собственность: «На этой почве (чей именно собственности, неясно.— *Н. К.*) и произошло столкновение между Олегом Древлянским и Лютом Свенельдичем»²¹. Впрочем, подобное мнение вообще было характерным для нашей историографии 40—50-х годов, удревянявшей крупную феодальную собственность на Руси, исходя при этом более из логических соображений, чем из свидетельств источников.

Рассматривая убийство Люта Олегом и последовавшую вскоре войну между Ярополком и Олегом Святославичами (а затем — выдвижение на первый план их сводного брата Владимира), Б. Д. Греков заметил: «В этих крупных политических событиях, несомненно, была своя логика, скрытая от нас в слишком лаконичной передаче летописца»²². По-видимому, наш крупнейший историк имел в виду социальную подоплеку этого события. Однако его тонкое замечание не было должным образом учтено в дальнейшем, и ученые, исследовавшие закономерности складывания феодального землевладения на Руси, продолжали видеть в ссоре Олега с Лютом все то же стремление князя оградить от посягательств свои охотничьи угодья²³. М. Б. Свердлов, отнесший время складывания княжеского домена к X в., думает, что в него включались и ловища, продолжает: «Показательно, что именно конфликт на «ловах», вероятно, вызванный нарушением права княжеской охоты, стал причиной убийства Люта Свенельдича Олегом Святославичем»²⁴.

Даже И. Я. Фроянов, с особенным удовольствием «ниспровергающий авторитеты, не соблазнился пересмотром традиционной точки зрения на рассматриваемое нами событие и в полном согласии с предшественниками утверждает: «Князья ревниво относились к своим охотничьим загонам, оберегая их от вторжения посторонних»; он иллюстрирует сказанное цитатой из «Повести временных лет» о столкновении между Олегом и Лютом²⁵. Особняком стоит мнение П. П. Толочко, считающего, что «в основе конфликта (между Олегом и Лютом.— *Н. К.*) лежал вопрос, кому владеть Древлянской землей, которую оба считали своей собственностью на правах пожалования»²⁶. Историком верно отмечена истинная социальная подоплека стычки.

Думаем, что объяснение жестокого поступка Олега Святославича в отношении Люта Свенельдича одной лишь заботой князя о сохранении в неприкосновенности своих охотничьих угодий или вообще жестокостью нравов, характерной для того времени, вряд ли

может удовлетворить современную науку. Олег должен был принять во внимание, что Лют являлся сыном могущественного Свенельда, первого среди сподвижников его старшего брата Ярополка. Убийство Свенельдова сына неизбежно должно было повлечь за собой гнев Ярополка.

На это обстоятельство обратил внимание еще С. М. Соловьев, объяснивший неразумное убийство Люта юным Олегом тем, что «воля его (Олега.— Н. К.) была подчинена влиянию других, какого-нибудь сильного боярина, вроде Свенельда»²⁷. И эта интерпретация подоплеки конфликта не кажется нам правдоподобной не только потому, что упомянутый С. М. Соловьевым Олег боярин — из области гипотез. В основе столкновения древлянского князя с боярским сыном должна была лежать причина крайне серьезного, принципиального характера, вынудившая Олега пренебречь опасностями, которые несло ему убийство Люта. И эта причина, как мы думаем, состояла в защите князем собственных землевладельческих прав.

Мы обращаемся к одному из наиболее дискуссионных аспектов проблемы генезиса феодализма на Руси — о времени и обстоятельствах возникновения княжеского землевладения. Иначе говоря, вопрос состоит в том, когда князь, возглавлявшие феодальный класс и вначале персонифицировавшие его корпоративную земельную собственность (и в этой роли раздававшие «кормления», подобные тому, какое получил от Игоря в Древлянской земле Свенельд), стали действительно индивидуальными собственниками и общественное правосознание признало их в этом новом качестве?

Сведения источников на этот счет не только скупы, но и разноречивы, ввиду чего и мнения историков носят различный характер. Поскольку Киевская Русь, по меньшей мере с X в., признается всеми учеными феодальным государством, а основная и определяющая черта феодализма — монопольная собственность феодального класса на землю, то сугубо логическим путем искали эту собственность, причем сразу частную, и в X в., и даже раньше. Б. Д. Гре-

ков, допуская возможность существования боярского землевладения в IX—X вв. и не находя подтверждения этого в источниках, писал в своей книге «Киевская Русь»: «Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что могущество этих бояр основывалось не на «сокровищах», а на земле»²⁸.

Еще более откровенно охарактеризовал свой логически-дедуктивный метод поисков крупной частной земельной собственности у русских феодалов IX—X вв. Б. Д. Греков в другой своей фундаментальной работе «Крестьяне на Руси»: «Процесс образования крупной земельной собственности весьма длителен. Сколько-нибудь точную его периодизацию установить невозможно. *Но совершенно необходимо предполагать* (подчеркнуто нами.— Н. К.), что если этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты к X—XI вв., то он протекал и в VIII, и в VII, и в VI вв., и даже раньше»²⁹. Авторитет Б. Д. Грекова, глубокого знатока источников и блестящего теоретика, был и остается столь большим, что его мнение о существовании частного, даже боярского землевладения на Руси в X в. и поныне признается многими учеными.

Поскольку известий отечественных письменных источников о феодальном землевладении на Руси до X в. не существует, а социальная интерпретация свидетельств археологии в данном случае затруднена, обратимся к свидетельствам летописей о росте феодального землевладения в X в., в течение которого, по утверждению Б. Д. Грекова, «этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты».

Упомянутые свидетельства немногочисленны и спорны, поэтому однозначное истолкование их Б. Д. Грековым и некоторыми другими историками имело и сторонников, и противников. К первым принадлежал С. В. Юшков, также чисто логически полагавший, что рост крупного землевладения «должен был быть замечен в X в.»³⁰ (подчеркнуто нами.— Н. К.). Но были и решительные противники тезиса о существовании частного землевладения в X в., наиболее авторитетным среди которых

следует считать современника Б. Д. Грекова — С. В. Бахрушина. В отношении свидетельств памятников X в. на данный счет возражения этого выдающегося источниковеда сводятся к утверждению, что «нет ни одного известия о селах (княжеских владениях.— *Н. К.*) X в., которое не носило бы черт легенды»³¹. Ученый имел в виду категорическое утверждение Б. Д. Грекова о том, что землевладение на Руси было в X в. делом вовсе не новым и что «князья и бояре X в. имели свои дворы и хозяйство, база которых, несомненно, заключалась в земле. В частности, это касается двора и хозяйства Ольги»³².

Действительно, сведения «Повести временных лет», Лаврентьевской летописи XII в. и Устюжского свода о существовании принадлежащих князьям сел в X в. весьма уязвимы с точки зрения источниковедческой критики, что, в частности, подтвердил А. А. Зимин³³. Его соображения без заметного успеха попытался оспорить М. Б. Свердлов. Крайне сомнительным в теоретическом отношении выглядит, в частности, мнение последнего, будто бы «приведенные сообщения (о княжеских селах в X в.— *Н. К.*) были лишь попутными упоминаниями о княжеских земельных владениях. Поэтому указанные опровержения (С. В. Бахрушина, А. А. Зимина и др.— *Н. К.*) известий о княжеском землевладении представляются неубедительными не только в каждом конкретном случае (?), но и в обобщающем заключении»³⁴ (1). Подобным образом, разумеется, можно «опровергнуть» любой аргумент.

Крупнейший авторитет в рассматриваемой проблеме Л. В. Черепнин отмечал, что в рассказах о княжеских селах X в. «источники слишком удалены от событий, о которых в них идет речь. Эти источники в основном относятся к XII в., а в лучшем случае — ко второй половине XI в. Иногда перед нами позднейшие припоминания, а может быть, и домысел. Наконец, неясно, что же это были за села: загородные замки или усадьбы, были ли они населены челядью или крестьянами и т. д.»³⁵. Добавим к этому, что из упомянутых сообщений летописей неиз-

вестно, были ли земли при этих селах и эксплуатировались ли они князем, то есть являлись ли они княжеским землевладением в подлинном смысле этого понятия.

И А. А. Зимин, и Л. В. Черепнин сходятся в том, что первые достоверные сведения о княжеских селах и княжеском землевладении относятся к XI в. А. А. Зимин отметил, что статьи 19—40 Краткой редакции «Русской Правды» (созданной, по мнению большинства исследователей, в 70-х годах XI в.) «рисуют живую картину крупного княжеского землевладельческого хозяйства»³⁶.

Примем во внимание то обстоятельство, что земельная собственность складывалась длительно и постепенно и зафиксированное упомянутым правовым источником княжеское землевладение должно было начать формироваться гораздо раньше 70-х годов XI в. Если еще учесть, что в средневековье законодательство особенно сильно отставало от реальностей и потребностей жизни, то будет правдоподобным полагать, что княжеские земельные владения зарождаются задолго до отражения их бытования в Краткой редакции «Русской Правды». Как справедливо писал Л. В. Черепнин, «при всем критическом отношении к известиям о селах X в. нельзя их просто откинуть»³⁷.

На наш взгляд, помочь выяснению дискуссионного вопроса о зарождении княжеского землевладения в Киевской Руси может начало летописной статьи 975 г. Известно, что X в. был эпохой, когда побеги феодального строя прорастали особенно интенсивно в сравнении с предыдущим временем, а развитие производительных сил выдвинуло на первый план новую форму материальных ценностей — землю. Это требовало приведения в соответствие производственных отношений. Феодальный класс, возглавляемые князем воины-дружинники постепенно оседали на земле, используя для ее обработки сначала холопов из числа пленных, а затем и зависимых крестьян³⁸.

Это было время, когда общественные отношения регулировались нормами обычного, устного права. И для того

чтобы феодальное (вначале княжеское) землевладение приобрело права гражданства, необходимо было его закрепление в общественном правосознании, признание его прежде всего господствующим, феодальным классом.

Рассказ о соре Олега с Лютом открывает, как нам кажется, завесу над ходом процесса выработки в древнерусском общественном мнении самого понятия о правомерности владения князей землей, а следовательно складывания самого феодального землевладения на Руси. Посаженные наместниками Святославом соответственно в Киеве и Древлянской земле Ярополк и Олег после смерти отца (весна 972 г.) стали, вероятно, ощущать себя полновластными властителями, возможно, вкладывая в это понятие уже индивидуальное, частновладельческое содержание. Сказанное касается не только киевского, но и феодально зависевшего от него древлянского князя. Олег Святославич считал свои частновладельческие права на Древлянскую волость законными и абсолютными, неизмеримо выше прав «кормленщика» Люта Свенельдича. По всей видимости, Олег опирался на поддержку части боярства, во всяком случае, своего феодального окружения. В правосознании общества (пусть даже его части) Олег стал восприниматься уже не как абстрактный глава феодальной корпорации, а как собственник вполне реальной Древлянской земли. Поэтому он и решился на убийство Люта, понимая, вне сомнения, что этот шаг повлечет за собой гнев Ярополка.

Историки уже обращали внимание на то, что хотя «Повесть временных лет» свидетельствует о неустанных происках Свенельда против древлянского князя и подстрекательстве им киевского властелина к войне («и молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Поиди на брат свой и прими волость его»), поход Ярополка на Олега состоялся лишь через два года, что в условиях того времени было крайне замедленной реакцией. Это заставляет нас почти наверняка исключить мотив мести как движущей силы в этом военном предприятии. Прав О. М. Рапов, утверждая: «Из текста летописи вытекает, что по-

ход Ярополка в Древлянскую землю был организован, чтобы лишить Олега его земельных владений»³⁹. Борьба Ярополка с Олегом была, таким образом, борьбой старых норм феодального землевладения и представлений о нем с новыми.

Олег погиб в войне с братом и «прияв власть его всю Ярополк», кажется, все встало на свои места. Но перелом в общественном правосознании уже бесповоротно свершился. Олег остался в памяти своих сограждан как первый частный владелец одной из древнерусских земель. Так, думается, начала складываться в обычном праве норма, закрепившая затем, в XI в., в «Русской Правде» принцип княжеского индивидуального землевладения.

¹ ПВЛ: Текст и перевод/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.— С. 53.

² Там же.— С. 49.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1959.— Кн. 1. (Т. 1—2).— С. 163.

⁴ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в.— М., 1977.— С. 14.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова.— М.; Л., 1950.— С. 109.

⁶ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси.— Л., 1983.— С. 47.

⁷ См.: Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century.— London, 1899 (Part V).

⁸ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма.— М., 1972.— С. 152.

⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 20, 31.

¹⁰ Там же.— С. 39.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— М., 1955.— Т. 3.— С. 20.

¹² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах.— Спб., 1908.— Гл. XIV.— С. 340—378.

¹³ См., напр.: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства.— Л., 1945.— С. 247.

¹⁴ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 40.

¹⁵ Там же.— С. 43.

¹⁶ Там же.— С. 52.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Татищев В. Н. История Российская.— М.; Л., 1963.— Т. 2.— С. 53.

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского.— Спб., 1897.— Т. 1.— С. 151.

- ²⁰ Соловьев С. М. Указ. соч.— С. 170.
²¹ Мавродин В. В. Указ. соч.— С. 292.
²² Греков Б. Д. Киевская Русь.— М., 1953.— С. 467.
²³ См., напр.: Рапов О. М. Указ. соч.— С. 32.
²⁴ Свердлов М. Б. Указ. соч.— С. 73.
²⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории.— Л., 1974.— С. 46.
²⁶ История Украинской ССР.— Киев, 1981.— Т. 1.— С. 348.
²⁷ Соловьев С. М. Указ. соч.— С. 170.
²⁸ Греков Б. Д. Указ. соч.— С. 129 (эти мысли ученый высказывал с начала 30-х годов, во всех предыдущих изданиях «Киевской Руси» и положенных в ее основу предыдущих работах).
²⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древ-

нейших времен до XVII в.— М.; Л., 1946.— С. 94.

³⁰ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.— М.; Л., 1939.— С. 51—52.

³¹ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист.— 1937.— № 3.— С. 169.

³² Греков Б. Д. Крестьяне на Руси.— С. 96.

³³ Зимин А. А. Холопы на Руси.— М., 1973.— С. 53—55.

³⁴ Свердлов М. Б. Указ. соч.— С. 71.

³⁵ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— С. 158.

³⁶ Зимин А. А. Указ. соч.— С. 73.

³⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч.— С. 158.

³⁸ Зимин А. А. Указ. соч.— С. 49.

³⁹ Рапов О. М. Указ. соч.— С. 32.

С. А. Высоцкий

О ДАТЕ ПОЕЗДКИ ПОСОЛЬСТВА ОЛЬГИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

В последние годы важный вопрос культурно-исторических связей Киевской Руси с Византией — путешествие посольства княгини Ольги в Константинополь, место и время ее крещения, вновь привлек внимание исследователей, что во многом связано с разногласиями источников и нерешенностью проблемы в целом¹. В настоящей статье коснемся некоторых соображений, позволяющих, как нам кажется, уточнить время события.

По данному вопросу имеется три основных группы источников: византийские (Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора и Хроника Иоанна Скилицы), западноевропейские (Хроника Продолжателя аббата Регинона Прюмского), древнерусские (Повесть временных лет и Память и похвала Владимиру Иакова Мниха)².

Константин Багрянородный в 15 главе своего труда («О церемониях византийского двора», подробно описывая приемы княгини Ольги в императорском дворце, указывает лишь сокращенные даты аудиенций — 9 сентября в среду и 18 октября в воскресенье, без ссылки на год. Однако эти месяцы, числа и дни приходится на 957 г., время царствования Константина VII Багрянородного. На одном из приемов Ольги во дворце император в своем труде упоминает невестку, то есть вторую жену

своего сына Романа II — Феофано, появившуюся при дворе, как полагают, не ранее 956 г.³ По этим и некоторым другим признакам 957 г. считается в историографии вопроса наиболее вероятной датой пребывания киевской княгини Ольги в Константинополе⁴.

Поздневизантийские хронисты Иоанн Скилица, Кедрин (XI в.) и Зонара (XII в.), сообщая о пребывании Ольги в Константинополе и ее крещении, к сожалению, не упоминают времени события.

В хронике Продолжателя аббата Регинона Прюмского указывается, что в 959 г. послы «королевы Руси» Елены, крестившейся в Константинополе при императоре Романа II, прибыли в столицу Германского королевства Франкфурт-на-Майне и были приняты в том же году Оттоном I⁵. Здесь видим явные противоречия с известием Константина Багрянородного, лично принимавшего княгиню Ольгу. Ольга не могла быть крещена при Романа II еще и потому, что его супругой была Феофано, следовательно, ее христианское имя в таком случае было бы не Елена. Это можно объяснить тем, что в Византии существовал обычай, согласно которому неюфит при крещении принимал имя правящего императора или, как в данном случае, императрицы — супруги Константина Багрянородного — Еле-

ны. Позднее по этой причине Владимир Святославич получил свое крестильное имя по своему современнику императору Василию II, хотя он и не был крещен в столице империи⁶. Сведения, содержащиеся в Хронике Продолжателя Регинона Прюмского, дали повод предполагать вторую поездку Ольги в Константинополь.

Основным древнерусским источником о поездке посольства Ольги в Константинополь является повесть временных лет, хотя об этих же событиях говорится и в Памяти и похвале Владимиру Иакова Мниха, а также в Новгородской первой летописи младшего извода⁷. В этих источниках рассказ о поездке Ольги и ее крещении помещен под 6463 (954/955) г. В нем содержится много сведений о пребывании Ольги в Царьграде, ее крещении, анекдотических матримониальных притязаниях императора, хитрости княгини, встречах и благословении патриарха, возвращении в Киев и приеме послов императора и т. д. Как мы убедимся далее, в статье 6463 г. идет речь о событиях далеко не одного 955 г.

В другом древнерусском источнике Память и похвала Владимиру также говорится о поездке Ольги в Царьград и крещении ее там под христианским именем Елены. Христианкой Ольга прожила 15 лет и умерла 11 июля (969) г.⁸ Похвала Иакова Мниха (около 1070 г.) представляет собой важный источник для рассматриваемого вопроса. Исследователями неоднократно подчеркивалась взаимосвязь между датой (6463 г.) поездки Ольги в Константинополь и ее смертью в 6477 г., поскольку летописная дата могла быть вычислена вычитанием цифры 15 из года ее кончины, приведенного Иаковом Мнихом. Правда, округленная цифра (15) продолжительности ее жизни в христианстве, в свою очередь, могла быть получена вычитанием из года смерти Ольги летописной даты ее поездки и крещения в Константинополе. Таким образом, летописная дата события связана и подтверждается сведениями Иакова Мниха. Все же она довольно значительно отличается от 957 г., вытекающего из анализа текста Константина Богря-

народного. Поэтому некоторые исследователи, как, например, Ж. П. Аринен, высказывая чрезмерный скептицизм, призывают относиться с осторожностью к древнерусским источникам⁹. Другие, как Г. Острогорский, наоборот, летописной дате (6463 г.) крещения Ольги отдают предпочтение, так как она подтверждается сведениями Иакова Мниха¹⁰.

Противоречия источников о времени поездки и пребывания посольства Ольги в Константинополе вызвали попытки разрешения этих несоответствий. В свое время еще М. Д. Приселков высказал предположение о возможности двух поездок Ольги в столицу империи в 955 и 957 гг.¹¹ В последнее время появилась обстоятельная статья Г. Г. Литаврина, посвященная этому вопросу. Автор исходит из того, что среда 9 сентября и воскресенье 18 октября, указанные Константином Багрянородным как дни приемов Ольги, приходились на эти числа и дни не только в 957, а и в 946 г.¹² Что же касается летописной даты события, то он считает пребывание Ольги в Константинополе, если принимать эту дату всерьез, возможным летом — осенью 954 г.¹³

Рассмотренные сведения источников в той или иной мере отличаются от наиболее вероятной и пока общепринятой даты события 957 г.

Коснемся теперь даты 6463 г., под которой в летописи сообщаются сведения о пребывании и крещении княгини Ольги в Константинополе. Г. Острогорский, как мы видели, совершенно справедливо называет эту дату годом крещения Ольги. Действительно, для летописи с его средневековыми взглядами на роль религии в обществе, несомненно, было важно в первую очередь сообщить, в каком году Ольга приняла христианство, а не ездила в Константинополь, все же остальные детали события, как и то, где именно она была крещена, имели хотя и важное, но все же второстепенное значение.

Если год крещения Ольги был вычислен летописцем на основании данных, содержащихся в Похвале Иакова Мниха, как считают некоторые авторы, то в таком случае не может быть ника-

ких сомнений, что это действительно дата крещения княгини, поскольку она вычислена из года ее смерти и 15 лет жизни в христианстве. Наоборот, если же Иаков Мних использовал для своих расчетов летописную дату, значит, он считал ее годом крещения княгини.

На основании сказанного напрашивается вывод, что несмотря на то, что в летописи сюжет об Ольге помещен под годом ее крещения, это никак не свидетельствует о времени поездки ее в Константинополь именно в указанном году, поскольку, как мы увидим далее, под этим годом рассказывается о событиях нескольких последующих лет.

Согласно летописи, крещение и поездка Ольги в Константинополь произошли якобы в 6463 г. Вслед за Г. Острогорским и Г. Литавриным полагаем, что это дата сентябрьского летоисчисления, отражающая какой-то первоначальный источник¹⁴. Для наших дальнейших расчетов это не имеет особого значения, так как 6463 г. мы считаем годом крещения Ольги, а не поездки ее в Константинополь. Следует упомянуть, что в летописи под предыдущим 6462 г., как и после описания поездки, под 6464 г. никакого текста не помещено, то есть это так называемые «пустые годы», в некоторые якобы никаких событий не произошло. Но даже беглый анализ летописного текста, помещенного под 6463 г. показывает, что это не совсем так. Прежде всего в летописи идет речь о крещении Ольги патриархом в присутствии императора, нарекших ее христианским именем Елена, то есть Елена, как указывалось, по имени супруги Константина Багрянородного, а не по матери Константина Великого, как сказано в летописи. Далее довольно много места уделено фольклорному рассказу о том, как Ольга «переключала» императора, якобы предложившего ей «царствовать в граде с нами». Признав себя побежденным хитростями Ольги, император назвал ее дочерью (вероятно, духовной), одарил различными дарами и отпустил на Русь. Любопытно перечисление этих «даров многих»: «злато и сребро, павлоки, съсуды различныя», о некоторых ска-

жем далее. Тут же приведены опасения Ольги в связи с принятием ею христианства: «Людье мои пагани и сынъ мой, дабы мя богъ съблюютъ от всякого зла»¹⁵. После благословения патриархом княгиня с посольством отбыла в Киев.

В летописи повествование о поездке Ольги разорвано рассуждениями о ее мудрости, в связи с принятием христианства, мудрости Соломона, сравнении княгини с царицей Эфиопской, приходившей к Соломону слушать его премудрости и т. д. Далее речь идет о приходе в Киев послов императора, напомнивших ей о ее обещаниях: «Много дарихъ ты. Ты бо глаголяще ко мнѣ, яко аще възвѣрающю въ Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь»¹⁶. Фраза проливает свет на содержание переговоров посольства Ольги с императором. Напоминание послов почему-то вызвало раздражение княгини, сказавшей императору через послов: «Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, яко же азъ в Суду, то тогда ти дамъ. Много внимания уделено далее увещанию Ольгой сына Святослава принять христианство, его нежелание и т. д.

Итак, из летописного описания поездки посольства Ольги следует, что она в 6463 г. не только успела побывать в Константинополе, долго при этом ожидая императорских приемов в столичной гавани Золотого Рога (в Суде), креститься там, а и вернуться в Киев и принять послов, присланных к ней императором за обещанными дарами и военной помощью. Могли ли все эти события произойти за одну теплую половину 6463 г., то есть всего за 6 месяцев? Вряд ли. Тем более, что из летописного рассказа выходит, что византийские послы прибыли к Ольге по ее возвращении в Киев. Это еще более четко, чем в Повести временных лет, читается в Новгородской первой летописи младшего извода¹⁷. Учитывая сезонность поездок в Константинополь и, соответственно, в Киев, можно заключить, что послы к Ольге прибыли не раньше следующего за ее поездкой лета. Это подтверждается датами при-

емов Ольги во дворце в сентябре и октябре, т. е. осенью, когда вскоре закрывалась навигация на зимнее время. Приведенные соображения указывают на невозможность хронологически увязать все перечисленные события с одним 6463 г. Надо полагать, что летописцу было известно какое-то цельное повествование или сказание об Ольге, ее поездке в Царьград, крещении там, приемах и разговорах, переговорах с императором и патриархом¹⁸. Однако он не знал ни точного времени возвращения Ольги в Киев, ни времени прибытия к ней послов. Последние, как мы видели, несомненно, явились к ней не в год ее поездки, а по крайней мере на год или даже два позднее. Поэтому летописец целый ряд лет, следующих за 6463 г., оставил без текста.

На основании анализа летописной статьи 6463 г. можно сделать два основных вывода: во-первых, главное место в данном сюжете посвящено крещению княгини Ольги и, во-вторых, под указанным годом сообщаются события по крайней мере двух последующих лет.

Считается, что летописец, пользуясь Похвалой Иакова Мниха, мог вычислить год поездки Ольги в Константинополь, используя для этого год ее смерти и продолжительность жизни в христианстве. Нам же представляется, что в первоисточнике, послужившем основой для Похвалы Владимиру и Ольге Иакова Мниха, могла быть сокращенная дата ее смерти (11 июля) без указания года, который был совершенно не нужен для церковного поминовения кончины княгини. Именно такие датировки с указанием только месяца и числа события встречены нами в поминальных надписях-граффити XI—XII вв. в Софийском соборе в Киеве²⁰. Ссылку на год смерти и продолжительность жизни Ольги в христианстве Иаков Мних вычислил сам, опираясь на какие-то известные ему летописные даты. Это тем более вероятно, что подобные сведения он привел и по отношению к Владимиру Святославичу: умер 15 июля 6523 г., прожив в христианстве 28 лет²¹. Действительно, год поездки и крещения Ольги (6463) и год

крещения Владимира (6395), указанные в летописи, соответственно отстоят от их смерти на 15 и 28 лет²². Подтверждается это и ссылками Иакова Мниха на другие летописные сведения о Владимире, например о том, что он утвердился на киевском столе 11 июня 6486 г., «на 8-е лето» после смерти своего отца Святослава²³.

Из сказанного выходит, что не столько летописец пользовался Похвалой Иакова Мниха, сколько Иаков Мних использовал в своем труде какую-то летопись, бывшую в его распоряжении, добавив в нее для большей убедительности и весомости годы смерти Владимира и Ольги, а также высчитал годы их жизни в христианстве.

В главном византийском источнике по рассматриваемой проблеме — Книге церемонии византийского двора Константина Багрянородного, — дни и числа приемов княгини Ольги в императорском дворце, а значит, и вытекающий из них 957 г., несомненно, были обозначены по сентябрьскому стилю летоисчисления, получившему распространение в Византии. Прежде всего отметим то обстоятельство, на которое, как кажется, не обращали внимания прежние авторы: пребывание посольства Ольги в Константинополе совпало с началом Нового 6466 г., начинавшегося в Византии 1-го сентября. Это следует из того, что первый прием Ольги во дворце был 9 сентября в среду, то есть прошло всего девять дней Нового года. В том, что это был именно 957 г., мы не можем сомневаться, поскольку месяцы, числа и дни приемов приходятся на этот год. Таким образом, можно заключить, что посещения дворца посольством происходили в первые два осенних месяца указанного года. Отсюда следует весьма важный для нас вывод: приезд и пребывание посольства Ольги в Константинополе приходились в основном на лето предыдущего года. Здесь можно вспомнить о дипломатическом карантине, длительном ожидании посольством аудиенции во дворце. Правда, мы не знаем точно, когда было это «стояние в Суду», то есть в константинопольской гавани, до приемов

во дворце или же в период пяти недель между ними²⁴.

Последний прием Ольги императором относится к 18 октября, и, вскоре после него ей необходимо было не откладывая, срочно возвращаться в Киев ввиду скорого наступления холодов, во время которых прекращалась навигация по Днепру, а на Черном море начинался период осенних и зимних бурь. Поэтому возвращение посольства Ольги в Русь следует отнести на конец октября — начало ноября 6466 г.

Кажущееся противоречие источников может быть устранено, если, как упоминалось выше, годом крещения княгини Ольги признать летописную дату, а годом поездки ее посольства в столицу Византийской империи — 6465 г.

В 6463 г. в узком кругу христианской общины в Киеве и, может быть, втайне от местной общественности княгиня Ольга приняла христианскую веру. Летом следующего года посольство отправилось в Константинополь. Главная цель посольства была торгово-политической. Однако лично для себя Ольга могла иметь и свои собственные планы: получить, например, благословение патриарха — главы византийской церкви. Необходимость этого была связана с престижными целями, стремлением особо подчеркнуть важность и весомость акта крещения киевской княгини в связи с местной оппозицией. Встреча Ольги и ее общение с патриархом, вероятно, происходили в торжественной обстановке в Софии Константинопольской, что и нашло отражение в летописном рассказе. Сам факт торжественной службы, во время которой архонтисса Руси, еще недавно язычница, приобщившаяся к византийской церкви, была одобрена императором и патриархом, благословившим ее и назвавшим «благословенной в женах русских», получил большую известность и был воспринят современниками как ее крещение. Вот почему подобная трактовка события — крещение Ольги в Константинополе — была именно так воспринята византийскими хронистами и позднее — идеологами Ярослава Мудрого, стремившегося показать себя продолжателем «славных дел» Владимира

и Ольги²⁴. После поездки в Константинополь поначалу частное дело Ольги, ее крещение, приобрело значение государственной акции и стало общеизвестным фактором тогдашнего средневекового мира.

На основании сказанного доводы, приведенные в свое время Г. Острогорским в пользу того, что Ольга в Константинополе была уже христианской, представляются нам еще более убедительными. К ним относятся присутствие в посольстве священника Григория, почти полное совпадение сведений Иакова Мниха и летописи о времени крещения Ольги, торжественный прием, оказанный княгине в Константинополе²⁵. Имеются и другие признаки, указывающие на то, что Ольга посетила Константинополь будучи христианкой. Представляется совершенно неправомерным мнение исследователей, которые считают языческое имя Ольга в тексте Константина Багрянородного аргументом в пользу якобы ее язычества. Достаточно указать, что Иоанн Скилица в своей Хронике, говоря о крещении Ольги в Константинополе, тут же в тексте и в подписи к миниатюре, изображающей прием у императора, называет княгиню ее языческим именем, а не Еленой²⁶. То же самое видим в древнерусских источниках, где Ольга, впрочем, как и Владимир, и другие князья-христиане, постоянно называются своими языческими именами.

Важным аргументом, свидетельствующим, что Ольга в Константинополе была христианкой, является известное блюдо княгини Ольги из ризницы Софии Константинопольской, которое видел Добрыня Ядрейкович в 1200 г. при посещении столицы империи. Древнерусский паломник описывает его так: «Блюдо велико злато служебно Ольги руськой, когда взяла дань, ходивше Царьграду... во блюдѣ же Ольжинѣ камень драгій, на том же камени написан Христос, и отъ того Христа емлют печати людѣ на все добро; у того же блюда все на верхови жемчугом учинено»²⁷. А. Н. Сахаров полагает, и не без основания, что именно на этом блюде, золотом и украшенном камнями, Ольга получила денежный по-

дарок на первом приеме у императора²⁸. Д. Оболенского, писавшего о блюде Ольги, удивило, что новгородский архиепископ не упомянул в своих записках о крещении княгини. Сообщение о блюде Ольги в ризнице Софии Константинопольской содержит и другую любопытную информацию. Если это действительно блюдо, подаренное Ольге императором, с чем согласны упомянутые авторы, то возникает резонный вопрос: как мог император подарить язычице, хотя и знатной, богослужебное блюдо, украшенное изображением Христа и другими христианскими символами? И далее, почему княгиня-язычица подарила блюдо в христианский храм, а не отвезла его на Русь в языческий? Все это вполне понятно и оправдано для Ольги-христианки и никак — для язычицы. Вероятнее всего, блюдо было пожаловано Ольге в числе других «сосудов различных» и затем подарено в ризницу Софии Константинопольской.

В последние годы наряду с рассмотренными выше письменными источниками появились материалы, которые существенно дополняют сведения о поездке посольства княгини Ольги в Константинополь. В Софийском соборе в Киеве многолетнее изучение светской фресковой живописи XI в. показало, что две композиции в башнях иллюстрируют интересующий нас сюжет древнерусской истории X в. Ранее эти фрески — «Прием византийским императором» и «Ипподром» — считались изображениями императора и императрицы, наблюдающих цирковые представления на ипподроме в Константинополе. Но, как оказалось, для этого нет никаких оснований.

В задачи настоящей статьи не входит развернутая аргументация всех доводов о том, что на упомянутых фресках изображено пребывание княгини Ольги в Константинополе в 957 г., описанное Константином Багрянородным, и в других письменных источниках²⁹. Назовем здесь лишь главные аргументы. Исследователи фресок собора, начиная от Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова, Е. К. Редина и вплоть до нашего времени, задавали себе вопрос: почему на

стенах русской митрополии в Киеве изображены сюжеты, не имеющие отношения к Руси и прославляющие византийских властителей? Казалось, что этот вопрос разрешить невозможно. Однако детальное, тщательное изучение фресок в натуре показало следующее: перед императором изображена женская особа в стемме, но без нимба вокруг головы. Она стоит перед сидящим на троне императором, которому представляет ее знатная дама. Все это противоречит известным принципам византийской монархической иконографии, хорошо известным по сохранившимся памятникам, согласно которым император и императрица всегда изображались не только в коронах, но и с нимбами. Император и императрица обычно изображались стоящими или реже — оба сидящими, а не как на фреске, где император сидит, а мнимая императрица стоит перед ним. Кроме того, императрицу незачем было бы представлять, как незнакомую своему же супругу. Сказанное указывает на то, что перед императором не императрица, а какая-то знатная, владетельная особа, о чем свидетельствует корона-стемма на ее голове, но отсутствует нимб.

В истории Руси X—XI вв., то есть до сооружения Софийского собора в 1037 г., можно назвать только одну историческую особу, которая с почестями была принята императором в Константинополе. Это киевская княгиня Ольга, принадлежавшая к той же княжеской династии, что и строитель храма Ярослав Мудрый. Такая атрибуция фрески не противоречит сведениям Константина Багрянородного о приеме Ольги: ее принимал сам император-писатель, а его сын-соправитель Роман II при этом отсутствовал. В другом месте, на стене той же башни, фреска изображает молодого человека на коне со стеммой и нимбом вокруг головы, несомненно, это Роман II. В другой башне Ольга изображена вместе с императором в ложе константинопольского ипподрома. Сюжет впервые проливает свет на времяпровождение и развлечения Ольги в промежутках между приемами во дворце. О посещении княгиней ипподрома ничего не сказано у Кон-

стантина Багрянородного, но упоминание о его посещении тарскими послами, прием которых предшествовал Ольгиному, есть в его труде. Таким образом, на фресках в соборе изображены сюжеты на тему Ольга в Царьграде, соответствующие известным миниатюрам в Хронике Иоанна Скилицы и Радзивилловской летописи. Обратим внимание еще и на следующее. Ряд светских фресок так же относится к этому циклу. В первую очередь можно назвать фреску Акробаты, заставляющую вспомнить акробатические упражнения при дворе Константина Багрянородного, описанные кременским епископом Лиутпрандом. Прямое отношение к теме нашей статьи имеет фреска Коляды, поскольку она, по определению Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова, изображает новгородные празднества в Византии³⁰. Как мы видели, княгиня Ольга при посещении Константинополя попала на Новый 6466 г., в связи с чем и можно объяснить появление фрески, изображающей колядника с окороком и свиной головой в руках³¹.

Итак, время путешествия посольства Ольги в Константинополь, являющегося важным эпизодом в культурно-исторических и политических связях Киевской Руси с Византийской империей, может быть уточнено следующим образом. Летописный 6463 г. являлся не годом поездки посольства Ольги в Константинополь, а годом ее (возможно, тайного) крещения в Киеве. В 6465 г. летом посольство отправилось в столицу империи, где его из-за долгого «стояния» в гавани Золотой Рог застал Новый 6466 г., в начале которого Ольга посетила императорский дворец 9 сентября и 18 октября. Осенью того же года посольство возвратилось в Киев. Летом 6466 г. или, может быть, на следующий год в Киев прибыли византийские послы, упомянутые в летописи.

Путешествие посольства киевской княгини Ольги в Византию следует, таким образом, отнести к лету 6465 и осени 6466 (сентябрь) гг.

¹ *Острогорский Г. А.* Византия и киевская княгиня Ольга // To honour Roman Jakobson, essays on the occasion of his seventieth Birthday, 11 October 1966, Mouton, the Hague.—

Paris, 1967.— P. 1459; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси.— М., 1980.— С. 260—289; *Ариньон Ж. П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение Ольги // ВВ.— 1980.— Т. 41.— С. 113—124; *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ.— 1981.— Т. 42.— С. 35—47; *Его же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР.— 1981.— № 5.— С. 173—183; *Оболенский Д.* К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия.— М., 1985.— С. 36—47.

² *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь.— С. 35.

³ *Ostrogorsky G.* Geschichte der byzantinischen Staaten.— München, 1963.— S. 236.

⁴ *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга.

⁵ Цитируется в переводе: *Г. Г. Литаврин.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь.— С. 38.

⁶ *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга.— С. 146б.

⁷ ПВЛ.— М.; Л., 1950.— Т. 2.— С. 44; *Память и похвала Владимиру Иакова Мниха* // *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси.— Рязань, 1969.— С. 225—230; *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— М.; Л., 1950.— С. 113—116.

⁸ *Память и похвала Владимиру Иакова Мниха.*— С. 226—229.

⁹ *Ариньон Ж. П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение Ольги.— С. 116.

¹⁰ *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга.— С. 146в, 146б.

¹¹ *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.— Спб., 1913.— С. 3—4.

¹² *Литаврин Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь.— С. 179, 181.

¹³ *Там же.*— С. 176.

¹⁴ *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга.— С. 146б, примечание 30; *Литаврин Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь.— С. 176.

¹⁵ ПВЛ.— Т. 1.— С. 44.

¹⁶ *Там же.*— С. 45.

¹⁷ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— С. 115.

¹⁸ Возможно, это была предполагаемая *Ж. П. Ариньоном* Похвала Ольге. *Ариньон Ж. П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги.— С. 117.

¹⁹ *Там же.*

²⁰ *Высоцкий С. А.* Древнерусские даписи Софии Киевской XI—XIV вв.— Киев, 1966.— С. 45; *Запись* о смерти Луки Белгородского или о погребении в Софийском соборе Всеволода Ярославича.— С. 18.

²¹ *Память и похвала Владимиру Иакова Мниха* // Русские летописи как источник по истории Древней Руси.— С. 231.

²² ПВД.— Т. 1.— С. 56, 89.

²³ Память и похвала Владимиру Иакова Мниха.— С. 231.

²⁴ Литаврин называет утверждение источников о крещении Ольги в Константинополе «идеологической фикцией», возникшей не без активного участия правящих кругов империи и Руси. См.: *Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь*.— С. 41.

²⁵ *Остроговский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга.— С. 1463—1466.

²⁶ *Атанас В.* Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица.— София, 1972.— С. 89. Рис. 48.

²⁷ *Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград*.— Спб., 1906.— С. 59.

²⁸ *Сахаров Д. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в.— М., 1980.— С. 280.

²⁹ *Высоцкий С. В.* Живопись башен Софий-

ского собора в Киеве // Новое в археологии Киева.— Киев, 1981.— С. 234—264.

³⁰ *Кондаков Н. П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора // Записки Русского археологического общества.— Спб., 1888.— Т. 3.— С. 295; *Айналов Д. В., Редин Е. К.* Киевский Софийский собор: Исследование древней живописи — мозаик и фресок // Записки русского археологического общества.— Спб., 1890.— Т. 4.— С. 343—346.

³¹ Ритуальные поздравления свиной головой обычны в Византии для зимних празднеств Календ (1—5 января). Однако вряд ли княгиня Ольга могла задержаться до столь поздней поры в Константинополе. Поэтому, скорее всего, сцена Коляды отражает поздравления, связанные с празднованием сентябрьского Нового года, к которому могли быть приурочены особо чтимые традиционные поздравления.

Ю. С. Асеев

О СТИЛЕВЫХ ЧЕРТАХ АРХИТЕКТУРЫ ДРЕВНЕГО КИЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — НАЧАЛА XII в.

Вторая половина XI — начало XII в. в истории древнерусской архитектуры обычно выделяются в стилистический этап, в котором еще сильны традиции архитектуры периода расцвета Киевской Руси (конец X — первая половина XI в.), но уже произошли значительные изменения в типологических и композиционных чертах зданий. Это был тот период, когда еще не померк блеск зодчества эпохи Ярослава Мудрого и Софийских соборов, но уже новое время — начало феодальной раздробленности Руси, новый характер отношений между князем и горожанами, гражданской и церковной властью, боярином и смердом и, наконец, между самими князьями оказали существенное влияние на строительный заказ и стилиевые тенденции. Обычно эти новые тенденции принято связывать со строительством Успенского собора, в котором окончательно сформировался тип трехнефного крестовокупольного одноглавого храма, «божественная мера», и тип которого был десятки раз повторен в постройках XII в., в разных областях и разными архитектурными школами, подчас существенно отличавшимися друг от друга. Успенский собор не имел ни пятинефного плапа, ни галерей, ни многоверхого завершения, ни башен — тех

черт, которые были характерными для построек предшествующего периода. И эти отличия были вполне закономерны. Заказчиком строительства тут был не князь, а монастырь с его жесткими требованиями церковного канона. Строители его принадлежали к иной архитектурной школе, чем та, которая возводила постройки Ярослава Мудрого. О приглашении мастеров из Царьграда подробно пишет Печерский Патерик, хотя были высказаны в науке мнения (Н. Н. Воронин), что рассказ Патерика являлся «церковно-политической легендой» и что строительство собора осуществлялось русскими мастерами. Эту мысль в какой-то степени подтверждают находки кирпичей со славянскими буквами и надписями (Н. В. Холостенко), что относится не столько к руководителям строительства, сколько к мастерам, изготовлявшим кирпич. Да и дальнейшие записи Патерика о «греческих книгах» мастеров всё же дают основание считать, что строительство осуществлялось архитекторами византийской школы при вполне вероятном участии русских мастеров.

Архитектура Успенского собора Печерского монастыря исследована в достаточной степени, чтобы определить его стилиевые черты и особенности.

Однако возникает немало споров по ряду частных вопросов реконструкции его первоначального облика, при решении которых подчас строятся далеко идущие выводы о том, к какому стилистическому этапу древнерусского зодчества следует отнести этот памятник. Прежде чем рассмотреть Успенский собор в контексте развития древнерусского зодчества, остановимся на этих вопросах.

Строительство собора начинается в 1072 г. Князь Святослав Ярославич дарит монастырю землю, жертвует некоторую сумму денег и принимает участие в заложении собора. Тип собора определял монастырь, в связи с чем тут просто не нужны были помещения, характерные для княжеских сооружений, предшествующие времени башни и двухъярусные галереи, заставлявшие ставить дополнительные купола — световые фонари, как в Софийских соборах Киева и Новгорода.

Одноглавость Успенского собора считалась бесспорной, что подтверждали и многочисленные иконографские материалы, на которых собор изображен одноглавым (гравюра А. Кальнофойского 1637 г.), и исследователи архитектуры собора И. В. Моргилевский (до его разрушения в 1941 г. фашистскими захватчиками), В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко, В. А. Харламов и др. Однако в последнее время были высказаны сомнения в том, был ли собор после землетрясения 1230 г. восстановлен в первоначальном виде или его сильно перестроили, сделав из пятиглавого одноглавым. Вопрос о том, мог ли быть собор первично многоглавым, поставил А. И. Кочеч¹. То, что собор первоначально был пятиглавым, доказывала Н. Г. Логвин, считающая что все киевские сооружения второй половины XI — начала XII в. были пятиглавыми². Ее мнение основывалось на том, что пятиглавым был Спасский собор в Чернигове, а Успенский собор Печерского монастыря, подобно Спасскому собору, имел несколько повышенное по сравнению с боковыми перекрытие центрального нефа. Доказательство, прямо скажем, малоубедительное, так как Успенский собор, имея повышенную центральную

часть, что являлось композиционной особенностью здания, свободно мог не иметь ненужных ему функционально дополнительных глав.

Византийские мастера, строя монастырский собор, несомненно, соблюдали традиции сооружений такого типа, поскольку византийские монастырские храмы, как правило, были одноглавыми.

Все древнерусские постройки XII в., сооруженные по образцу Успенского собора Печерского монастыря, как то церковь Богородицы Пирогощи в Киеве, Успенский собор во Владимире-Вознесенском, Кирилловская церковь в Киеве, Успенский собор в Каневе и другие, точно соблюдая меру и тип Печерского прототипа, были одноглавыми, хотя и построены в иной строительной технике и имели иные стилиевые черты, характерные для своего времени и школы.

Убедительным аргументом того, что Успенский собор Печерского монастыря был одноглавым, являются изображения на нескольких миниатюрах Радзивилловской летописи, оригиналы которых были выполнены в 1206 г., то есть до разрушения собора в 1230 г. В одной из своих последних работ Б. А. Рыбаков указывает на важность и во многом достоверность радзивилловских миниатюр для реконструкции древнерусских зданий³. В доказательство того, что Успенский собор Печерского монастыря был первоначально одноглавым, можно привести еще ряд соображений, чему посвящена статья автора совместно с В. А. Харламовым⁴.

Одним из спорных при реконструкции первоначального облика Успенского собора Печерского монастыря является вопрос о наличии башни с лестницей, ведущей на хоры. Н. В. Холостенко, проводивший раскопки в юго-западном углу собора, обнаружил небольшой остаток древней кладки, примыкавшей к южной стене. По мнению исследователя, в этом фрагменте можно было увидеть намек на закругление, что дало основание считать этот фрагмент остатком башни (сама же башня, как считал Н. В. Холостенко, была разрушена землетрясением 1230 г.).

Проведенные В. А. Харламовым повторно в 1982 г. раскопки не подтвердили этой гипотезы. В этом месте были обнаружены остатки, как можно предположить, древней крипты XI в. Дальнейшие исследования здесь должны уточнить это предположение. Нам представляется облик Успенского собора таким, каким он был определен И. В. Моргилевским и изображен на первом варианте (без башни) реконструкции Н. В. Холостенко.

Следует остановиться еще на одном вопросе, имеющем важное значение для композиционных особенностей древнерусской архитектуры второй половины XI — начала XII в. Как известно, в византийской архитектуре фасады боковых нефов завершались карнизами, в то время как все известные древнерусские постройки XII в., в том числе те, которые построены по образцу Печерского собора, имели позакомарное завершение. Карнизное завершение фасадов боковых нефов зафиксировано в Киевской Руси лишь в одном здании — Спасском соборе в Чернигове, имевшем, кстати, много особенностей, отличавших его от традиций древнерусского зодчества. Карнизное завершение фасадов Успенский собор получил лишь после восстановления его после пожара 1718 г., до этого же времени, как видно на многочисленных гравюрах XVII в., он имел позакомарное завершение. Есть все основания считать, что при восстановлении собора после землетрясения 1230 г. была восстановлена и первоначальная структура позакомарных перекрытий, и можно в данном случае согласиться с А. И. Комечем, считавшим, что Печерский собор имел позакомарные перекрытия и продолжал в этом линию развития киевской архитектуры.

Пропорциональный строй Печерского собора отличен от построек предшествующего периода. В плане это шестистолпный (считаю возможным применение этого установившегося в науке термина с определенной условностью) крестовокупольный храм с тремя гранеными снаружи апсидами, четко выраженным нардеком и несколько приподнятым над боковыми частями пространственным архитектурным кре-

стом, что характерно для византийской архитектуры того времени. В пропорциях храма «божественная мера» — 20 в ширину и 30 в длину (23,75 × 35,5 м) — соответствовала мерам пояса Шимона Варяга. В размерах подкупольного квадрата (795 см), обычно определявших масштаб здания, отмечается определенная близость к подкупольному квадрату Киевской Софии (770 см). Но здание кажется значительно меньшим по сравнению с Софийским собором главным образом потому, что в нем была применена иная система соотношения больших и малых элементов.

Формы Печерского собора лапидарны, их пропорциональный строй ограничен крупными плоскостями стен, расчлененных на всю высоту мощными лопатками. В отличие от живописной композиции с динамикой нарастающих сверху объемов, что так характерно для Киевской Софии, формы Печерского собора статичны, а в интерьере доминирует пространственная цельность. Собор не связан с окружением открытыми галереями, он противопоставляет себя наружному пространству. Живописность сохраняется лишь в традиционной для византийской и древнерусской архитектуры наружной обработке стен, отражавшей систему смешанной кладки «opus mixtum» и декора стен плоскими нишами, меандровыми поясами, обработкой главы полуколонками с закомарным завершением. Как доказал Н. В. Холостенко, внимательно исследовавший систему наружного декора собора, снаружи ряды камня заштукатуривались раствором. По нему вторично наносился слой тонкой штукатурки, разграфленный с внешней стороны «под квадраты», что имитировало византийскую кладку из кирпича и отесанных квадров камня. Эта система декора внешних стен впервые была применена в Десятинной церкви и прочно удерживалась до 20-х годов XII в. Наличие граффити XI в. на этом штукатурном слое как в Успенском соборе, так и в других памятниках этого времени (на западном фасаде Михайловского собора Выдубицкого монастыря, на фрагментах кладки церкви XI в. в усадьбе киевского Художественного института

и др.) решительно опровергает мнение Г. Н. Логвин о том, что все без исключения постройки древнего Киева были сплошь оштукатурены⁶. Конструктивного значения сплошная штукатурка не могла иметь, так как выступающий на фасадах кирпич имел прочность, значительно превышающую прочность раствора, а по заглаженным междурядовым поверхностям такая штукатурка не может крепко держаться, что мы неоднократно наблюдали при исследовании Софийского собора, когда штукатурку XVII в. можно было легко снять с поверхности древней кладки. Применение в ряде случаев штукатурки по заглаженным междурядовым поверхностям носило спорадический характер (оштукатуривание отдельных частей фасада под фресковую роспись, заглаживание неровностей стен, а иногда и значительных поверхностей фасадов, оштукатуривание в результате последующих ремонтов и перестроек и т. п.).

За два года до начала строительства Успенского собора в 1070 г. князь Всеволод Ярославич заложил Михайловский собор Выдубицкого монастыря. Его тип и архитектурные формы значительно отличаются от Печерского собора. Это было небольшое здание (15×24 м), имевшее в основе тип шестистолпного крестовокупольного храма с не совсем обычным для древнерусской архитектуры, сдвинутым к западу подкупольным пространством. Позднее к собору были пристроены нартекс с выступающей на северном фасаде лестничной башней и прямоугольная в плане пристройка с восточной стороны южного фасада, которую М. К. Каргер считал высоким башнеобразным сооружением, «в композиционном отношении переключившимся с мощной башней у северо-западного угла собора»⁷. Завершившийся тремя верхами Выдубицкий собор при всей оригинальности его композиции имел черты, сближающие его с княжеским строительством предшествующего времени. По справедливому мнению М. К. Каргера, ближе всего он был к заложенному в 1070 г. Борисоглебскому собору в Вышгороде с его отнесенным к западу подкупольным

пространством и осевой композицией. На миниатюрах Радзивилловской летописи этот храм изображен как трехкомарный, с одним верхом. Очевидно, собор строили мастера Ярославичей. Что же касается Выдубицкого собора, то пятиглавым он не мог быть потому, что боковые главы функционально и композиционно были не нужны, и потому, что боковые нефы имели ширину немногим более 2 м, в то время как размер подкупольного квадрата 6×6 м. Что же касается части паруса, обнаруженного над западным компартиментом, принятым Н. Г. Логвин за остаток боковой главы, то, очевидно, это был остаток купольного свода, перекрывавшего компартимент, как в Спасском соборе в Чернигове.

Вероятно, к строительству Святослава Ярославича следует отнести церковь в усадьбе Художественного института, фундаменты которой были раскопаны М. К. Каргером в 1947 г. Возможно, это был собор Симонова монастыря, построенный на Кольцевом конце Святославом Ярославичем, ставший в дальнейшем «вотчим» монастырем династии черниговских князей. Вероятно, поэтому князь Святослав Всеволодович в конце XII в. построил возле него свой Новый двор.

Церковь в усадьбе КГХИ также имеет вытянутый по оси план, но в ней отсутствуют и башня, и какие-либо иные пристройки. Это был уже в чистом виде шестистолпный крестовокупольный храм, близкий по типу к Печерскому собору, но иного пропорционального строя. Его размер 10×18,5 м. Узкие боковые нефы, как и небольшие размеры здания, исключают возможность сооружения боковых глав. М. К. Каргер склонен был считать, что этот храм — одна из первых попыток разработки нового типа здания⁸. В раскопках обнаружены фрагменты упавшей стены с заштукатуренными и разграфленными под квадраты полосами между рядами кирпичей, а также остатки меандрового фриза, характерного для зданий того времени. Никаких следов штукатурки на внешних поверхностях блоков обнаружено не было.

Интереснейшим сооружением Киева

конца XI в. был собор Кловского монастыря, построенный в 1090 г. бывшим игуменом Печерского монастыря Стефаном. Стефан принимал участие в строительстве Печерского собора, но Кловский собор был, несомненно, построен другой строительной школой. Раскопки П. П. Толочко, Н. И. Мовчана и В. А. Харламова в 1974—1975 гг. остатки собора дали данные для реконструкции его плана⁹. При раскопках была обнаружена сетка рвов ленточных фундаментов, в которой ясно читается трехнефная центральная часть при ширине центрального нефа 380 см, что соответствует распространенной для среднего размера церквей мере в 12 греческих футов (церковь Спаса на Нередице, церковь XII в. в усадьбе Художественного института, Борисоглебская церковь в Гродно, Михайловская церковь в Остре и др.). Ширина боковых нефов не превышает 2 м. При этом общая ширина центральной части равна 12,5 м, длина около 28 м, то есть храм был сильно вытянут в длину подобно Борисоглебскому собору в Вышгороде.

Кловский собор окружали два пояса помещений — двухъярусные галереи, заканчивающиеся на востоке апсидами, и одноярусные, перекрытые, очевидно, стропильной крышей, так как они не имеют поперечных ленточных фундаментов. С западной стороны находились несколько помещений, возможно атрий, крещальня и лестничная башня. Тип здания — комплекса монастырских помещений в одном сооружении — единичен в древнерусской архитектуре. Кое в чем он напоминает Десятинную церковь, которая, как и Кловский собор, была посвящена Влахернской Богоматери.

Г. Н. Логвин предложил другой вариант реконструкции, в котором все центральное пространство с сетью ленточных фундаментов перекрывается огромным куполом на восьми опорах, — тип, неизвестный в древнерусском зодчестве и редкий в византийском¹⁰. Нам представляется, что перекрыть невиданным по величине куполом пространство размером 10×14 м ни для древнерусской, ни для византийской архитектуры технически невозможно (наибольшие

купола на восьми опорах в монастырях Дафни и Осиас Лукас не превышают 8,5 м). К тому же при таком перекрытии остается бесполезной сеть ленточных фундаментов в центре собора.

Деятельность печерской школы можно проследить на других каменных постройках Киева. В конце XI — начале XII в. у северо-западного угла Успенского собора строится Ивано-Предтеченская крещальня в виде миниатюрного четырехстолпного храма с двумя ярусами. В нижнем находилась крещальня, в верхнем — капелла. Церковка была обмерена И. В. Моргилевским до разрушения собора и тщательно исследована Н. В. Холостенко в 1970—1972 гг. Исследования показали, что крещальня, как и вся северная сторона Успенского собора, не была разрушена землетрясением 1230 г. и сохраняла до взрыва свои первоначальные формы, в том числе главу с характерным для XI в. завершением полуциркульными закомарками. Особенностью главы является ее восьмигранное наружное очертание и смещение к югу, что было вызвано желанием композиционно увязать объем крещальни с собором, так как между собором и крещальней оставалось пространство, где находилась лестница, ведущая на хоры. Архитектура крещальни хорошо прослеживается на многочисленных гравюрах XVII—XVIII вв. и, как установил Н. В. Холостенко, дает бесспорные данные о позакомарном завершении ее фасадов¹¹.

Несомненно, печерской архитектурной школе принадлежит построенная около 1108 г. Троицкая надвратная церковь, прекрасно сохранившая под позднейшими наслоениями первоначальные формы. Это четырехстолпный крестовокупольный храм над воротами с позакомарными завершениями фасадов, что хорошо видно на южном фасаде и на старых гравюрах с характерным декором плоскостей фасадов плоскими нишками. Церковь построена в той же технике, что и Успенский собор (с некоторым различием в размере кирпичика).

В 1108 г. печерские мастера начали строительство каменной трапезной палаты и вскоре — каплицы («божонки»)

для княгини Евстафии у западного фасада собора. В 1985 г. В. А. Харламовым были раскопаны неподалеку от собора фундаменты каменной постройки конца XI — начала XII в. Была ли это трапезная 1108 г. — покажут дальнейшие исследования памятника.

Несомненно, работе мастеров печерской школы принадлежал собор Михайловского златоверхого монастыря, заложенный в 1107 г. князем Святополком Изяславичем. До разборки собор под позднейшими наслоениями почти полностью сохранял свои первоначальные формы вплоть до главы. В XVII—XVIII вв. были пробита только стена в нижнем ярусе, уничтожена лестница, ведшая на хоры, разобрана крещальня и возведены боковые главы, для чего частично потребовалось переложить своды. Собор был тщательно обмерен и изучен И. В. Моргилевским в 1934—1935, им же выполнена реконструкция южного фасада.

Михайловский собор построен в ту пору, когда у князя Святополка создались тесные отношения с Печерским монастырем, и вполне естественно ему было пригласить для строительства собора мастеров этой школы. Как показали исследования, Михайловский собор был почти копией Печерского, лишь в уменьшенном виде. Некоторые отличия состояли в том, что крещальня поставлена не с левой, а с правой стороны, и в северной части нартекса устроена лестница с входом на хоры. Центры закомар фасадов расположены на одном уровне, в то время как в Печерском соборе центральная закомара приподнята. Незначительные отличия были и в пропорциональном строе, хотя общие размеры (соотношения сторон 2 к 3) выдержаны точно. Собор не был разрушен землетрясением 1230 г. О том, что он, бесспорно, был одноглавым, свидетельствуют рисунки XVI и XVII вв. (Груневега Кальнофойского, Вестерфельда), а также миниатюры Радзивилловской летописи. Приписка Никоновской летописи к статье Повести временных лет о заложении собора, что он будто бы был «о пятнадцати версях», является сплошным вымыслом летописца XVI в., никогда не бывавшего в Кие-

ве. Тут уместно вспомнить слова крупнейшего знатока древнерусских летописей М. Н. Тихомирова: «Составители Никоновской летописи не довольствовались простой передачей известий о событиях, но переделывали их на свой лад... Переделки и искажения древних текстов Повести временных лет в Никоновской летописи настолько значительны, что нельзя и говорить о какой-либо их достоверности»¹². В связи с этим решительно следует отвергнуть мнение Н. Г. Логвин о первоначальной пятиглавости Михайловского собора¹³.

Последним по времени зданием архитектуры Киева, где применена традиционная полосатая структура декора стен, была церковь Спаса на Берестове, строительство которой связывают с Владимиром Мономахом, княжившим в Киеве с 1113 по 1125 г. Все исследователи отмечают отсутствие в церкви камня (кроме забутовок мелким булыжником) и кладку исключительно системой западающих рядов. От здания уцелел лишь нартекс с крещальней в северной стороне и башней с юга, выступающими ризалитами на северном и южном фасадах церкви. Вся основная часть здания известна лишь по фундаментам, исследованным П. П. Покрышкиным в 1909—1914 гг. Предложенная исследователем реконструкция плана с четко выделенным нартексом и четырьмя свободными стоящими крещальнями в плане соборно не вызывала возражений ни у кого из исследователей древнерусской архитектуры. Для объемной реконструкции церкви материалов не было, так как вся восточная часть разрушена до ее восстановления в 1640 г. В настоящее время имеются три попытки реконструкции здания, причем все три гипотетичны.

В реконструкции В. А. Харламова и автора настоящей статьи церковь представлена как большой крестовокупольный храм, близкий по типу к Печерскому собору, увенчанный одной главой в центре здания и двумя — над крещальней и лестничной башней, подобно современникам церкви Спаса — соборам Антонового и Юрьевого монастырей в Новгороде. Три притвора пере-

крывались трехлопастным сводчатым перекрытием¹⁴.

Г. М. Штендер предложил вариант реконструкции с трехлопастным завершением фасадов, подобно тому, как это будут делать строители в конце XII в. Как нам думается, такое завершение было бы логичным при малой ширине боковых нефов. В данном же случае их ширина в большей мере подходит для позакомарного завершения.

Н. Г. Логвин предложила реконструкцию с пятиглавым завершением церкви и покарнизным завершением боковых частей ее фасадов. Такое решение выпадает из обычных для конца XI — начала XII в. композиционных приемов и известно в это время лишь в одном памятнике — новгородском Николо-Дворищенском соборе, в котором зодчие явно подражали пятиглавой композиции, стоявшей на другой стороне Волхова, — Новгородской Софии.

Общая картина киевской монументальной архитектуры второй половины XI — начала XII в. вырисовывается в таком виде. В это время в Киеве работали мастера различных школ, что сказалось на разнообразии типологических и композиционных черт, хотя все они не выходят за рамки средневизантийской, главным образом столичной, архитектурно-строительной традиции. Если в архитектуре Дмитриевского собора, построенного в 60-х годах XI в. мы еще можем видеть черты работы зодчих, строивших здание времени Ярослава Мудрого, то уже в 70-х годах в Печерском монастыре возникает своя архитектурная школа с четко выработанной системой форм и пропорций. Что же касается группы построек, связанных со строительством Ярославичей, то несмотря на то, что все постройки в общем варьируют схему крестовокупольного храма с четкой осевой композицией, что, как можно думать, идет от традиции Десятинной церкви, они все имеют такие индивидуальные черты, что едва ли можно согласиться с П. А. Раппопортом, считавшим, что тут действовала одна и та же артель византийских мастеров, переходивших от одной постройки к другой¹⁷.

К тому же едва ли можно говорить о деятельности одной артели на протяжении полувека, скорее, тут речь может идти о киевских традициях данного этапа развития древнерусского зодчества. В этот период в Киеве и его окрестностях было построено 18 каменных зданий, гораздо больше, чем в предыдущий и последующий периоды. Особенности архитектуры этого периода, в котором еще были живы традиции предшествующего времени, но уже формировались черты будущих стилевых форм, характерных для XII в., говорят о том, что киевскую архитектуру второй половины XI — начала XII в., бесспорно, можно выделить в отдельный период истории древнерусского зодчества.

¹ Комен А. И. Византийская архитектура IX—XII вв. и архитектура Киева конца X — начала XII в.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1971. — С. 17.

² Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове в Киеве // Строительство и архитектура. — 1983. — № 7. — С. 28.

³ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII вв. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. — М., 1984. — С. 188—240.

⁴ Асеев Ю. С., Харламов В. А. Об архитектуре Успенского собора Печерского монастыря в Киеве // Архитектурное наследие. — М., 1986. — № 34.

⁵ Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. — М., 1961. — С. 73.

⁶ Логвин Н. Г. О первоначальном облике храмов Киевской Руси // Архитектура Киева. — К., 1982. — С. 62—70.

⁷ Каргер М. К. Древний Киев. — М.; Л., 1961. — Т. 2. — С. 308—309.

⁸ Там же. — С. 402.

⁹ Асеев Ю. С., Харламов В. А., Мовчан І. І. Дослідження архітектури Київського собору у Києві // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 37—46.

¹⁰ Логвин Н. Г. Архитектура храма на Берестове // Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. — Киев, 1980. — С. 72—76.

¹¹ Холостенко М. В. Нові дослідження Івано-Претеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 137.

¹² Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М., 1979. — С. 338.

¹³ Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове в Киеве. — С. 28.

¹⁴ Асеев Ю. С., Харламов В. О. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва. — К., 1979. — С. 84—90.

¹⁵ Штендер Г. М. Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры. Новые открытия.— Л., 1981.— С. 534—543.

¹⁶ Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове.— С. 28.

¹⁷ Раппсорт П. А. Зодчество древней Руси.— Л., 1986.— С. 34.

Г. Ю. Ивакин

О ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ ПИРОГОЩЕЙ

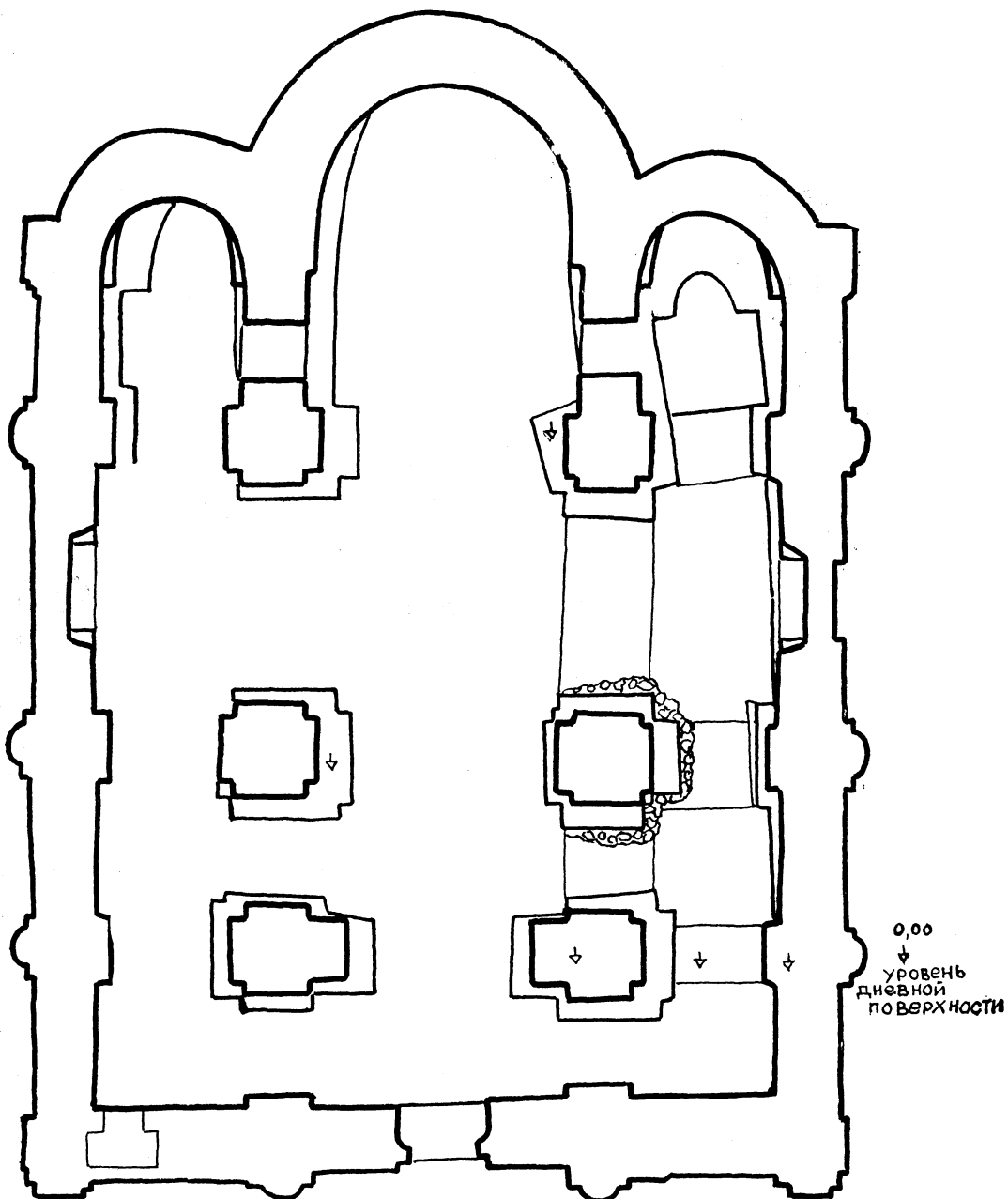
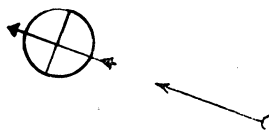
В финале поэмы «Слово о полку Игореве» упоминается киевский храм Успения богородицы Пирогощей. Именно к нему едет князь Игорь после бегства из половецкого плена и посещения великого князя киевского Святослава Всеволодовича: «Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣи богородици Пирогощей». Упоминание в поэме церкви Пирогощей является важным свидетельством ее значительной роли в жизни Киева и Древней Руси. Подтверждает это и дальнейшая история храма на протяжении последующих столетий. Неубедительными представляются рассуждения Г. М. Сумарукова и В. А. Чивилихина о том, что «скромная, малозаметная посадская Пирогоща» была лишь «второстепенной церковью на Торгу»¹.

Утверждение Г. М. Сумарукова о том, что князь Игорь ехал к Пирогоще лишь для того, чтобы занять деньги у киевских купцов, говорит лишь о крайне упрощенном понимании автором духа и сути «Слова» как произведения русской средневековой литературы. Впрочем, такая же схематичность, упрощенность проглядывает во многих рассуждениях, касающихся роли древнекиевских церквей, междукняжеских отношений. Например, нельзя походя говорить о «недружественных (Мстиславичей.— Г. И.) с Ольговичами» в это время. Ведь Святослав и Рюрик были дуумвирами. Напомним и то, что дочь Мстислава Великого, Мария, была замужем за Всеволодом Ольговичем. Неверно и утверждение о том, что ни Святослав, ни Рюрик не имели никакого «династического» отношения к Пирогоще, построенной Мстиславом². Обоим Мстислав приходился дедом, правда, по разным линиям. Таких неувязок, ошибочных мнений в работе Г. М. Сумарукова более чем достаточно.

Недооценка роли Пирогощи вызвана прежде всего незнанием ее истории и судьбы в древнерусское и последующее время. Повторим, вслед за Д. С. Лихачевым, что поэтика «Слова» не допускала упоминания художественно малозначительного, и феодальный этикет княжеского поведения также не допускал случайностей³.

Из контекста рассказа о вывозе из Вышгорода Андреем Боголюбским Владимирской иконы ясно, что по крайней мере до 1155 г. икона Пирогощая была лучше известна на Руси. Именно с помощью специального упоминания о ней летописец поясняет, откуда и когда появилась Владимирская икона: «в едином корабле с Пирогощей». В древнерусское время это был главный храм крупнейшего торгово-ремесленного посада столицы Киевской Руси — Подола. Он стоял на знаменитом подольском «торговище», которое служило и городской вечерней площадью. Церковь уцелела в 1240 г. во время разгрома Киева полчищами хана Батая. В последующее время она являлась городским собором. Здесь хранились городские весы и меры. Здесь помещался магистратский архив. В церкви хоронили киевских войтов и других представителей городского патрициата. Здесь погребен выдающийся украинский историк XVIII в. И. Г. Григорович-Барский.

В 1609—1632 гг., когда Софийский собор был захвачен униатами, Успенская церковь выполняла функции соборного храма православной церкви на территории Польско-Литовского государства. Во время церковного собора 1620 г., когда была восстановлена киевская православная митрополия, в «церкви соборной Успения Пресвятыя Богородицы митрополии киевской»⁴ совершал богослужения иерусалимский патриарх Феофан. В 1653 и 1655 гг. в храме отправлял службу и антиохийский

М 1:150
1 0 1 2

Рис. 1. План раскопа:

1 — складка стен, 2 — кладка фундаментов, 3 — кладка ленточных фундаментов, 4 — кладка фундамента столба из булыжника

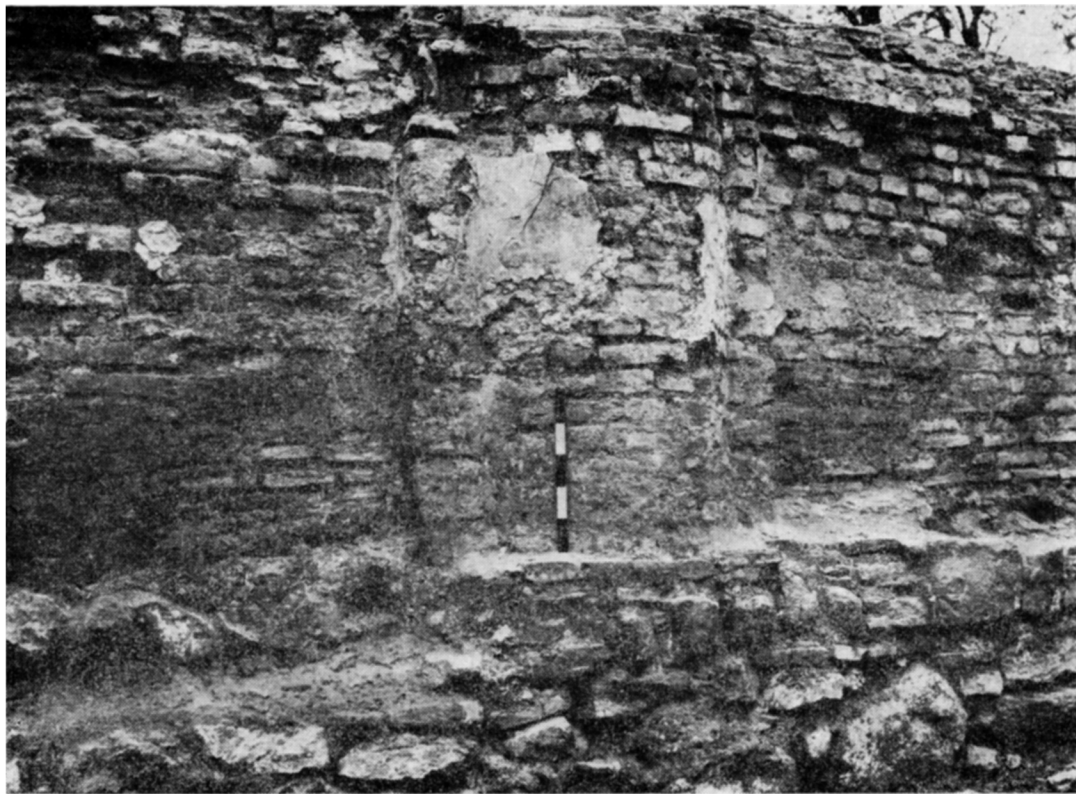

Рис. 2. Южная стена. Пилястра с полуколонной

патриарх Феофан. В 1653 и 1655 гг. в храме отправлял службу и антиохийский патриарх Макарий. Павел Алеппский отмечал в своих записках «великолепную каменную церковь посреди рынка с пятью крестообразно расположенными куполами, посвященную «Успению Пресвятыя Богородицы»⁵. По нашему мнению, именно при этой церкви первоначально (до основания Братского Богоявленского монастыря) сосредоточивалось киевское мещанство в период создания киевского братства.

Несколько слов о датировке строительства храма. В литературе годы его создания указываются несколько неточно⁶, что связано с неверным переводом летописных дат на современное летоисчисление. Лаврентьевская летопись (а также Воскресенская, Львовская, Никоновская) дает закладку церкви в статье 6639 г., а Ипатьевская летопись — 6640 г. Отсюда и дата заложения храма берется как 1131 или 1132 г.

Завершение строительства во всех летописях помещается в статье 6644 г. и автоматически переводится всеми исследователями как 1136 г. Между тем, Н. Г. Бережков показал, что если в Лаврентьевской (и сходных с ней) летописи цикл статей 6633—6640 гг. дается по мартовскому стилю, то в Ипатьевской летописи статьи 6633—6648 гг. даны по ультрамартовскому стилю. Следовательно 6639 г. Лаврентьевской летописи соответствует 6640 г. Ипатьевской летописи и является 1131 г.⁷

Статьи 6644 г. в обеих летописях поданы под ультрамартовским стилем и соответствуют 1135 г. Правильная дата строительства церкви Успения — 1131—1135 гг.

Летописи связывают закладку нового храма с именем великого князя киевского Мстислава Владимировича. Лаврентьевская (Воскресенская, Никоновская, Львовская) летопись прямо говорит: «В то же лѣто заложи церковь

Мстислав святых Богородицы Пирогошю». Ипатьевская летопись об этом прямо не упоминает («В се же лѣто заложена бысть церкви камена святых Богородица, рекомая Пирогоща»), но это сообщение дается в общем контексте с другими событиями, связанными с Мстиславом Великим (поход на Литву, рождение у него сына Владимира). Отсюда вытекает несомненная связь факта постройки Пирогощи с политикой великокняжеской власти.

С другой стороны, явно вырисовывается связь храма с торгово-ремесленными слоями Киева, с городским бюргерством. Он стоял на главном городском торге. Вероятно, уже в древнерусское время здесь хранились городские весы и меры. В более позднее время здесь преемником «торговища» стал Житний торг — Контрактовая площадь — Красная площадь (традиции торговой площади дошли и до нашего времени). Исследователи предполагали связь храма с торговцами, которые вели хлебную торговлю. Универсал Гетмана Самойловича подтверждал в 1672 г. старое право Успенского собора взимать померное с торговли зерном на киевском торге. Традиционно вплоть до первой половины XIX в. у собора собирались на свои ежегодные цеховые парады и праздники киевские ремесленники и купцы⁸.

Вероятно, традиционные связи церкви Пирогощи с киевским мещанством в XV—XVIII вв. уходят корнями ко времени ее создания и отражают ситуацию еще древнерусской эпохи.

Нам представляется, что двойная связь церкви Пирогощи с великокняжеской властью, с одной стороны, и посадскими людьми — с другой, является не случайной. Постройка новой церкви на торговище символизировала политику великого князя киевского, направленную на союз с торгово-ремесленными корпорациями Киева. Красноречивым является и тот факт, что Мстислав помещает привезенную из Константинополя икону Пирогошю не в только что построенный в Верхнем городе патрональный Федоровский собор (заложен в 1128 г.), а именно в посадский храм. Все это вполне соответствовало общему духу внутренней политики, ко-

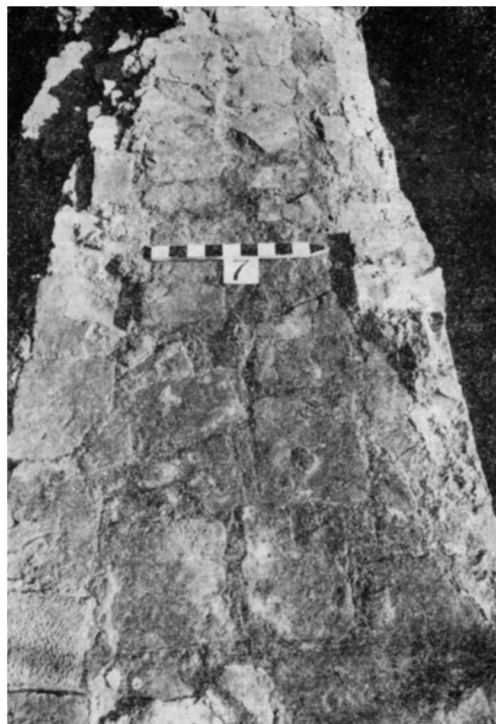

Рис. 3. Кладка южной стены

торую проводили Владимир Мономах и его сын Мстислав. Законодательство Владимира Мономаха введенное после известных событий 1113 г., несколько облегчало положение должников. Регулировался и ряд вопросов, непосредственно касающихся купечества. Предоставлялись льготы купцам, которые теряли товары во время пожара, войны или кораблекрушения. Определенное преимущественное право при ликвидации товаров несостоятельного должника получали и иностранные купцы⁹.

Мстислав, «выкормленный» новгородцами, женатый (вторым браком) на дочери и внучке новгородского посадника (в 1122 г. «оженился Мстислав Володимировичъ въ Киевѣ, другою женою, поать за соба Дмитровну Завидовича, посадника Новгородского») ¹⁰, также покровительствовал торговле и имел тесные контакты с киевским городским патрициатом. Напомним, что в Новгороде Мстислав построил на Торговой стороне (напротив, через Волхов, Софийского собора) пятиглавый Николо-

Дворищенский собор. В 1127 г. его сын Всеволод закладывает в Новгороде для купеческой организации церковь Иоанна Предчети на Опоках, которая получает известный Устав¹¹, дошедший до нашего времени. Чуть позднее, в 1135 г., в год завершения строительства Пирогощи, Всеволод ставит церковь на Торгу (возможно, и это совпадение также не случайно). В целом можно говорить о том, что велась политика, основное направление которой было намечено в знаменитом Поучении Мономаха: «и более же всего чтите гости, откуда бы он к вам не пришел». Подобную политику вполне можно соотносить с той (направленной на союз с городом), которую проводила королевская власть в Западной Европе.

В 1976—1979 гг. были проведены археологические исследования остатков церкви Пирогощи, которые открыли новые интересные факты, связанные с историей строительства храма¹². Они показали, что Пирогоща занимает чрезвычайно важное и интересное место в истории развития древнерусской архитектуры.

Общий архитектурный облик постройки стал известен еще после обмеров в 30-х годах И. П. Моргилевского, чей план использовался во всех архитектурных работах по этому вопросу. Это был шестистолпный трехнефный храм. Фасады членились лопатками с полуколоннами в соответствии с внутренним членением постройки. Ее размер, по уточненным данным последних исследований, 24,69×16,94 м. Ширина южной и северной стен 1,34—1,41 м, апсид — 1,4—1,5 м (центральная — 1,5 м), западной стены (где у северо-западного угла начиналась лестница на хоры) — 1,7 м.

Стены постройки имеют азимут 69° (от юга), что вполне соответствует вероятной дате их планировки — день церковного праздника Успения Богородицы, который приходится на 15 августа.

Стены сохранились на высоту около 2 м. На такую высоту вырос культурный слой Подола в данной топографической точке с XII в. и «поглотил» часть стены. Благодаря этому они и сохранились на столь солидную для

обычных архитектурно-археологических древнерусских объектов высоту. Стены здания возводились только из плинфы, в технике равнослойной кладки.

Пирогоща является одной из первых построек Киева, возведенных в этой новой для Руси технике кладки. Ю. С. Асеев предполагал, что, судя по рисунку 1651 г. А ван Вестерфельда¹³, более древним мог быть Федоровский собор в Киеве. Исследования С. Р. Кириевич и В. А. Харламова в 1984—1985 гг. данного памятника, похоже, подтвердили это предположение: плинфа преимущественно желтого и красного цветов, формовка небрежная, с закраинами, обжиг невысокого качества. Заметны на постельной части следы от животных, дождя, отпечатки травы, рифления от формовочного ящика. Встречается плинфа с расчесами. На торцах плинф апсидной части вдавлены кресты различной формы. Размер плинфы 4,5—4,8×23; 5—24×28—29 см.

Необычайно мощными для древнерусской архитектуры являются фундаменты храма — примерно 4 м. Интересно, что при постройке церкви применялись многочисленные строительные остатки какого-то более древнего храма, возведенного еще в смешанной технике кладки, — бутовый камень, плинфа, целые кладки, на которых сохранились фрагменты фрески, затирки с граффити. Плинфа вторичного использования — буракового цвета с крупными вкраплениями кварца, очень крепкая, с хорошей формовкой и обжигом, размером 30—32×28—29×4,7—5 см. Эти вторичные строительные материалы использовались преимущественно при сооружении фундаментов. Лишь отдельные плинфы встречались в кладке стен и столбов до высоты 0,6—0,8 м.

Следует подчеркнуть, что новые стены не ставились на старый фундамент более древней постройки. Весь фундамент был заложен заново и сооружался одновременно (в один строительный период) со стенами. Петрографический анализ цемяночного раствора показал, что раствор, скрепляющий блоки фундамента и кладки стен, идентичен. А цемянка, находящаяся внутри ста-

Рис. 4. Южный неф. Уровень верхнего обреза ленточного фундамента

рых блоков, значительно отличается от этого нового раствора¹⁴.

Сооружение фундаментов велось в два этапа. Вначале был отрыт котлован по всей площади здания на глубину 2,1—2,2 м. А затем в котловане на такую же глубину были вырыты рвы для ленточных фундаментов. Их ширина соответствовала ширине пилястр стен и столбов. Таким образом, общая глубина залегания фундамента, очевидно, равнялась 2 древнерусским сажням. Вопрос о деревянных субструкциях остается пока открытым. Ввиду высокого уровня подпочвенных вод (2—2,5 м ниже верхнего обреза фундамента) подошву фундамента достигли лишь в одном месте. Здесь лежней не обнаружили.

После забутовки и заливки рвов цемяночным раствором дальнейшее возве-

дение фундаментов шло **послойно**: складывался слой из бута, заливался раствором, а пространство между столбами и стенами и засыпалось на соответствующем уровне песком. Растекавшаяся при заливке цемянка позволяет точно фиксировать уровень каждого из таких слоев (всего их 4). Дальше выкладывались 3—6 выравнивающих рядов из плинфы. Сооружение верхней части фундаментов столбов уже велось не ленточным способом, а изолированно друг от друга. Только восточная пара столбов соединена фундаментом со стенами центральной апсиды вплоть до верхнего обреза фундамента.

Направление верхних частей фундамента не совпадало с направлением стены. Иногда между ними образовался угол в 10—11°. Между собой эти фундаменты также не совпадали по на-

правлению. Возможно, это было вызвано послойным возведением верха фундамента, направление которого не замечалось с большой тщательностью. Он делался с «запасом» для возможной корректировки уже при разбивке и ориентировке направления самих стен. Особенно это заметно по южной апсиде, все внутреннее пространство которой занято фундаментом. Не всегда такая корректировка бывала удачной. Так, северо-восточный угол северо-восточного столба не попал на фундамент и повис в воздухе (на 25—30 см) между лопатками фундамента. Под этот угол была залита довольно толстая «подушка» из цемяночного раствора.

Выявление того факта, что фундаменты церкви сложены из материалов более ранней постройки, вызвало различные предположения. Так, один из авторов раскопок памятника — К. Н. Гупало — высказал мысль о том, что «нет ничего невероятного в том, что предшественницей Пирогощей могла быть церковь святого Ильи»¹⁵. Однако достаточно убедительных аргументов для подтверждения этого предположения исследователь не привел. Не доказано ни то, что древнейшая киевская соборная церковь Ильи (упоминается под 945 г.) стояла на месте Пирогощи, ни то, что именно строительные материалы Ильинской церкви пошли на постройку Пирогощи. Молчание летописей о каких-либо церквях на Подоле (кроме церкви Ильи) в X—XI вв. ничего не доказывает. К тому же вообще неясно, откуда брался этот строительный материал, и где стояла разобранная постройка: точно на этом же месте, где-то рядом или на обширной территории Подола, возможно, и верхнего города.

Вряд ли более ранняя постройка стояла точно на этом же месте. Слишком глубоко закладывались фундаменты Успенской церкви, к тому же необходимо было бы полностью разобрать фундаменты этой постройки. Следов же старого фундамента в пятне постройки замечено не было. В забутовку нового фундамента шли материалы из наземных частей разрушенного здания вместе с настенной росписью (вероятно, извлекать материалы из старого фун-

дамента было почему-то нерационально). Следовательно, погибшая постройка стояла где-то в другом месте.

Сомнительно также, что строительные материалы привезены издалека (хотя в начале XVII в. для строительства католических костелов материалы привозились в Киев из Вышгорода и Борисполя)¹⁶. Вероятнее всего, эта ранняя постройка стояла на Подоле, возможно, недалеко от места сооружения Пирогощи. Сами строительные материалы вторичного использования трудно отнести к первой половине X в.

П. А. Раппопорт высказал сомнение в том, что исследуемый памятник является постройкой, о которой говорит летопись под 1131—1135 гг. Он выдвинул предположение, что летописные известия относятся к более древнему, разрушенному зданию. А новая, дошедшая почти до наших дней постройка возведена черниговской строительной артелью в 70-х — 80-х годах XII в. Исследователь считает, что в Чернигове на рубеже XI—XII вв. появилась новая строительная артель, перешедшая затем в Киев вместе с появлением на киевском великокняжеском столе черниговских Ольговичей. А киевская артель после 1139 г. перешла в Полоцк, где построила собор Бельчицкого монастыря, который полностью соответствовал киевской строительной традиции конца XI — начала XII вв.¹⁷

Именно черниговская артель, по его мнению, впервые и применила новую строительную технику и новый архитектурный стиль на Руси при сооружении Успенского собора Елецкого монастыря и Борисоглебской церкви в Чернигове.

Отметим, однако, что датировка Борисоглебского собора началом XII в. спорна. Нет единодушия и в датировке Успенского собора Елецкого монастыря, что отмечается и самим П. А. Раппопортом¹⁸.

На наш взгляд, нет необходимости переносить время строительства церкви (в порядовой кладке) на более поздний срок. Киевская летопись XII в. подробно освещает этот период и, вероятнее всего, отметила бы разрушение церкви Пирогощи и постройку нового

Рис. 5. Бутовый камень вторичного использования с цемяночной затиркой

здания. Причем в этом случае новое здание возводилось бы на старом фундаменте и хотя бы на старом месте. Но такое предположение, как указывалось выше, опровергают раскопки.

Разрушение старой постройки логичнее связывать с грандиозным наводнением 1128 г., когда на Подоле «бысть вода велика, потопа люди и жито, и хоромы снесе». Желанием исключить возможность подобных разрушений в будущем и поясняется беспрецедентная мощность фундаментов церкви Пирогощей (впрочем, в этот период произошло землетрясение — 2 августа 1126 г. и 2 июля 1130 г.). Исследователи единодушно отмечают, что по своему архитектурному типу наиболее близкими этой церкви являются известная Кирилловская церковь в Киеве (после 1146 г.) и Георгиевский собор в Каневе (1144 г.). И, вероятнее, что Пирогощая была построена в одном сравнительно небольшом отрезке времени с этими памятниками, а не через 30—40-летний промежуток. Причем некоторые архитектурные детали говорят, что Пирогощая строилась раньше. Например, в этих памятниках впервые в древнерусском зодчестве появились мощные полуко-

лонны на пилястрах. И если при строительстве Пирогощей в этих полуколоннах использовалась обычная прямоугольная плинфа, которую приходилось специально подтесывать, то при строительстве Кирилловской церкви этот опыт уже был учтен и была изготовлена специальная лекальная плинфа.

Отметим практически полное отсутствие на плинфе Пирогощи (за исключением крестов на торце плинф апсид) знаков и меток, столь характерных для черниговского зодчества. Не обнаружено здесь и деревянных субструкций под фундаментом, как в черниговских памятниках. Даже принимая мысль Раппопорта П. А., что возникновение нового архитектурного стиля на Руси связано с появлением в Чернигове новой строительной артели, вовсе не обязательно относить перемещение этой новой артели в Киев исключительно с вокняжением там Всеволода Ольговича. Мы не знаем, насколько строительные артели на Руси были «привязаны» к своим князьям, насколько свободно князья из других городов могли давать им заказ, была ли это артель свободных ремесленников или полностью принадлежала князю. Мстислав Владимиро-

Рис. 6. Выравнивающий ряд плинфы над фундаментом юго-восточного столба

вич был достаточно могучим великим князем, решительно боровшихся против всяческих проявлений сепаратизма. Он вполне мог отослать одну артель в Полоцк и вызвать к себе другую из Чернигова. В таком случае также отпадает необходимость переносить строительство Пирогощей на более поздний срок. При желании можно найти различные политические объяснения и причины таких переводов. Репрессии и вывод полоцких князей вместе с семьями в Византию (1129 г.) сопровождалось укреплением позиций ставленников Мстислава в Полоцке. Великий князь мог прислать туда свою артель для постройки нового храма. Н. Н. Воронин, кстати, датировал сооружение Большого собора Белчицкого монастыря 20—30-ми годами¹⁹.

Всеволод Ольгович, женившийся на дочери Мстислава Марии, вполне мог прислать в Киев свою артель великому князю и тестю. (Кстати, здесь проявляется интересная связь, близость Пирогощи и Кирилловской церкви между собой не только в чисто архитектурных формулах, но и по линии их фундаторов — Мстислава и его дочери Марии). Для этого подходящий момент, напри-

мер, был в 1127 г., когда Всеволод старался всячески задобрить Мстислава («дары дая моляшеться имь»), страшась гнева великого князя за самовольный захват Чернигова. Дело кончилось миром, и Всеволод остался в Чернигове, причем Мстислав не выступил в поход, нарушив клятву («сступи хреста Мьстислав»). Среди различных задабриваний вполне могла быть и черниговская строительная артель.

Впрочем, не зная многих фактов и событий того времени, их последовательности и взаимосвязей, мы можем чисто умозрительно ставить различные вопросы и давать такие же умозрительные вероятные ответы. Но подобные вопросы и ответы не могут опровергнуть факты, какими являются четкие указания летописи о постройке Пирогощи.

Таким образом, по нашему мнению, дошедший до нашего времени памятник является той самой постройкой, о которой говорит летопись в 1131—1135 гг.

Возможно, что вместе со строительными материалами к Пирогоще перешел и какой-то старый культ, связанный с погибшим храмом, чем в определенной степени объясняется известность новой церкви.

Несомненный интерес вызывает вопрос определения иконографического типа иконы Пирогощей.

Известно, что икону Пирогощую привезли из Константинополя в «одином корабле» с иконой Владимирской богоматери. Иконы были привезены, вероятнее всего, послами, сопровождающими в Византию высланных Мстиславом из Руси полоцкой князей (1129 г.) либо новым митрополитом Михаилом (1130 г.).

Высказывание В. А. Чивилихина о том, что иконы были привезены в 987 г. принцессой Анной в качестве приданного и что иконы Пирогощей в подольской церкви. Успения Богородицы Пирогощей в 1185 г. не было «и едва ли вообще она там когда-либо была»²⁰, не требует специального разбора, но упомянуть о них необходимо ввиду их распространенности в широких кругах любителей, занимающихся «Словом о полку Игореве». Это касается и утверждения В. А. Чивилихина о том, что он видел икону Пирогощую в гданьском костеле св. Николая и о ее «биографии» (в 1115 г. перевезена в Галич, с 1230 г. хранится в львовском соборе св. Яна, с 1946 г. — в Гданьске)²¹.

Обе иконы представляли собой, по общему мнению многих исследователей, списки известных икон Влахернского монастыря — Одигитрии и Елеусы (Умиления). Поскольку иконографический тип Владимирской богоматери — Умиление, то, следовательно, Пирогощая должна быть списком Одигитрии (в окружении семибашенного Влахернского монастыря, по предположению Д. С. Лихачева)²². Такое мнение отвечает на вопрос о происхождении иконы и о значении ее названия. Еще в XIX в. В. З. Завитневич переводил слово «пирогощая» как «снабженная башнями»²³. Н. П. Кондаков также считал, что название «пирогощая» связано именно с Влахернским храмом²⁴.

Подтвердить и отчасти уточнить данную гипотезу дают возможность находки древнерусской мелкой пластики. Картографирование мест находок каждого определенного иконографического типа достаточно надежно дает ареал,

где особо почиталась икона этого же типа. Андрей Боголюбский в 1155 г. вывез из Вышгорода во Владимир привезенную вместе с Пирогощей икону типа Умиления, которая с того времени получает имя Владимирской богоматери. Она быстро становится главной святыней княжества. Находки бронзовых иконок типа Умиления сосредоточены на территории Владимиро-Суздальского княжества — (район Владимира, Ярославля, Кострома, Белоозера, Старой Рязани и т. д.)²⁵.

На территории же Киева и всей Южной Руси часто встречаются памятники с изображением Одигитрии. Особенно часто — на рельефных энколпионах, где на лицевой стороне помещалось Распятие, а на обратной стороне — богоматерь типа Одигитрии. Такой тип энколпионов с рельефным изображением широкое распространение получил со второй четверти XII в. Из 65 известных нам подобных энколпионов 22 экземпляра найдено в Среднем Поднепровье, причем 7 — в Киеве²⁶. Изготовление этих энколпионов было своего рода монополией киевских ремесленников. Логично предположить, что подобная популярность связана с какой-либо определенной киевской святыней. С Десятинной церковью и Софийским собором связывается изображение типа Оранты, с Печерским монастырем — богоматерь с младенцем, сидящая на престоле (Кипрская богоматерь). Остается еще одна популярная киевская икона — Пирогощая, с которой и можно связать изображение типа Одигитрии.

Первым исследователем, высказавшим такую догадку, был Н. И. Петров. Описывая реальную керамическую икону, найденную в 1882 г. в Киеве вблизи Софийского собора, он усматривал в ней изображение Богородицы Пирогощей. Там же Н. И. Петров предположил, что в рельефных изображениях киевских энколпионов отражается иконографический тип Богоматери Пирогощей²⁷. Следует, однако, отметить, что изображение на керамической иконе несколько отличается от изображений на энколпионах.

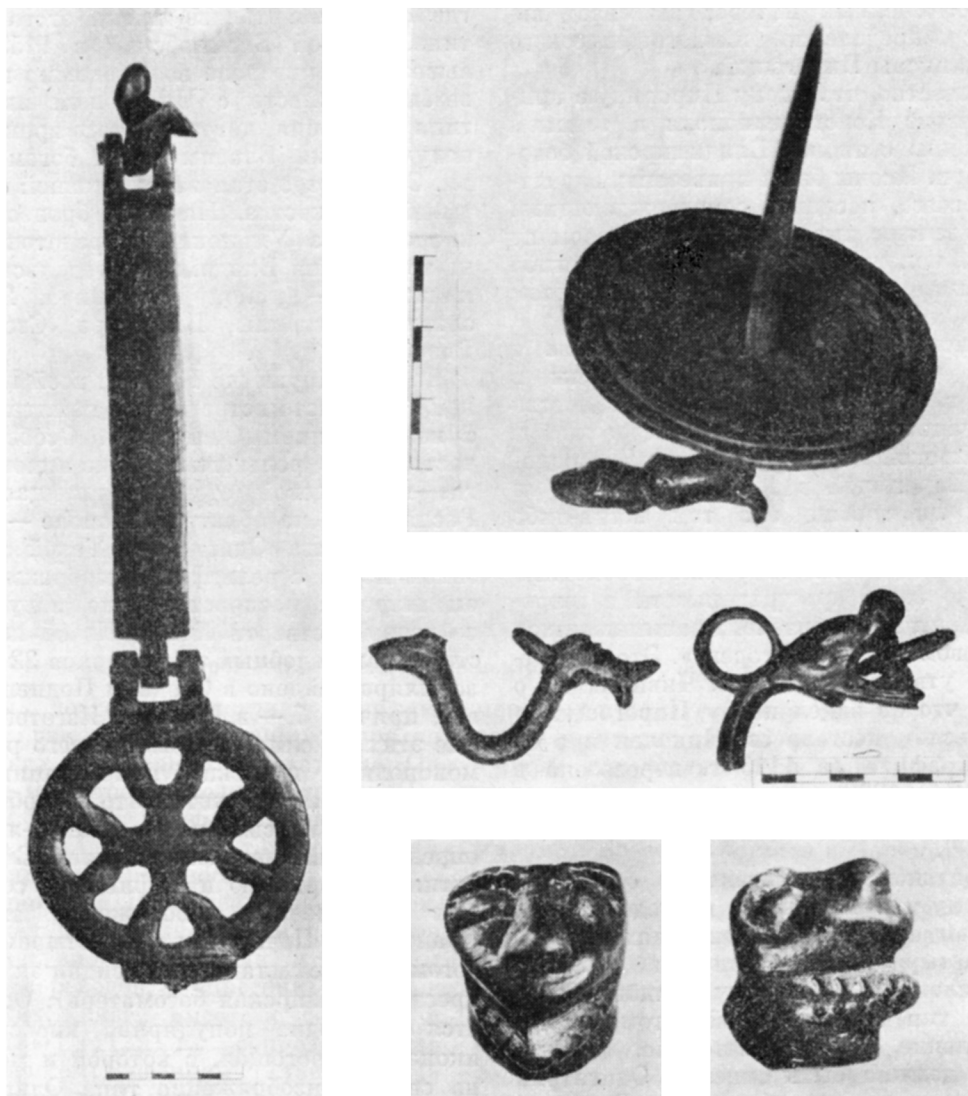

Рис. 7. Детали хороса

Оригинал Одигитрии представлял собой богоматерь, стоящую во весь рост и держащую младенца Христа на левой руке. Н. П. Кондаков указывал, что на одной из влахернских икон богородицы с младенцем была представлена во весь рост, «так как в одном житии говорится о том, что прикладывались к ногам богородицы»²⁸. Это также говорит в пользу предположения о том, что изображение Одигитрии на киевских энколпионах можно соотнести с сюжетом иконы Пирогощей. Впрочем, не следует видеть в энколпионах (как и в других

памятниках пластики) простое и точное уменьшение иконы Пирогощей, а также связывать возникновение данной композиции на энколпионах исключительно с иконой Пирогощей. Изображение фигуры самой богоматери в полный рост могло быть обусловлено формой креста, требующей прежде всего вертикальной композиции. На Среднем Поднепровье встречались также и круглые образки с изображением Одигитрии²⁹.

Изображение Одигитрии (Путеводительницы) считалось одним из наиболее священных в Византийской импе-

рии. Особую популярность оно приобрело в Византии после победы, одержанной императором Романом III в 1030 г. над арабами, которая была приписана помощи взятой в поход иконы. В честь иконы был построен монастырь, ее изображение чеканилось на монетах. Принимая важное решение, отправляясь в поход, императоры и полководцы совершали в храме Одигитрии публичный молебен, что специально заносилось в исторические хроники³⁰.

Вероятно, именно такой Путеводительнице дал обет плененный князь Игорь, надеясь, что она выведет его из половецкого плена. Этот обет и был выполнен в храме Успения богородицы Пирогощей. Об обете, по-видимому, было достаточно хорошо известно. По крайней мере, об этом знал автор «Слова о полку Игореве». Г. М. Сумаруков указывает, что для Игоря было бы более естественным дать обет Христу³¹. Однако на Руси (да и во всем христианском мире) был распространен культ Богоматери как защитницы страны (конкретного города) и освободительницы пленных³².

«Помощнице обидным, ненадбющимся надбюние, сиротам заступница, убогим кормительнице, печальным утешение, грешным спасение, хрестьяном всим поможение...» — обращается к Богоматери князь Ростислав Мстиславич³³.

С особой силой этот культ возрастает во второй половине XII в.³⁴, что подтверждают находки энколпионов с изображением Распятия и Богородицы. Если ранее лицевой являлась створка с изображением Распятия, то в это время лицевой становится створка, на которой изображена Богородица с младенцем.

О том, что Игорь ехал к церкви явно не случайно, указывают и подсчеты Б. А. Рыбакова, из которых видно, что князь посетил Пирогощу как раз на храмовый праздник — в день Успения Богородицы (15 августа)³⁵.

Пирогоща являлась городским собором, олицетворявшим Киев (точнее, конечно, его боярство, патрициат), а не какую-либо из княжеских группировок, и в какой-то степени символизировала

Рис. 8. Крест-складень

единство Руси, единство общерусской политики великих князей киевских. Киевское боярство, торгово-ремесленные слои города были наиболее заинтересованы в мире, в быстрой ликвидации последствий поражения Игоря. На «торговище» возле храма собиралось киевское вече. Здесь могли быть оглашены и одобрены результаты княжеских переговоров, их решения, направленные на уничтожение половецкой опасности. Отсюда и «страны ради и гради весели».

Вся совокупность указанных фактов (место церкви в политической и религиозной жизни, требования феодального этикета, иконографический тип иконы и время посещения) поясняет в достаточной степени необычайное посещение удельным новгород-северским князем киевского посадского храма, о чем считал необходимым сообщить в финале поэмы автор «Слова о полку Игореве».

¹ Сумаруков Г. М. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». — М., 1983. — С. 68; Чивилихин В. А. Память // Роман-газета. — 1985. — № 4. — С. 69.

² Сумаруков Г. М. Указ. соч. — С. 79, 73.

³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978. — С. 211, 212 и др.

⁴ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. — Киев, 1874. — Ч. 3. — С. 62.

⁵ Там же. — Ч. 2. — С. 85, 90, 175.

⁶ Каргер М. К. Древний Киев. — М.; Л., 1961. — Т. 2. — С. 438; Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева. — Киев, 1982. — С. 116, 117.

⁷ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. — М., 1963. — С. 42, 131, 235, 253.

⁸ Малышевский М. О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи», упоминаемых в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ЧИОНЛ. — Киев, 1891. — Кн. 5. — С. 113—133.

⁹ Рыбаков В. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982. — С. 462.

¹⁰ ПСРЛ. — М., 1964. — Т. 15. — Стб. 193.

¹¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976. — С. 160—165.

¹² Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Исследования церкви Успения Пирогощи // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 317—318; Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Зоценко В. Н., Степаненко Л. Я., Чернов С. М. Раскопки в Киеве // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 323—325; Ивакин Г. Ю. Исследование церкви Пирогощи // Древнерусский город (Материалы Всесоюз. археол. конф., посвящ. 1500-летию Киева). — Киев, 1984. — С. 37—41.

¹³ Асеев Ю. С. Указ. соч. — С. 115, 116.

¹⁴ Анализы произведены в научно-исследовательской лаборатории института «Укрпроектреставрация» Ю. Н. Стриленко и Т. Е. Нестеренко.

¹⁵ Гупало К. Н. Подол в древнем Киеве. Киев, 1982. — С. 123.

¹⁶ Ивакин Г. Ю. До питання про кам'яну архітектуру пізньосередньовічного Києва // Археологія Києва. — К., 1979. — С. 112, 114.

¹⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. — Л., 1982. — С. 19; Его же. Из истории Киево-Черниговского зодчества XII в. // КСИА АН СССР. — 1986. — № 179. — С. 59—61.

¹⁸ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. — С. 42, 46.

¹⁹ Воронин Н. Н. Бельчицкие руины // Архитектурное наследие. — 1956. — 6. — С. 14.

²⁰ Чивилихин В. А. Указ. соч. — С. 69.

²¹ Там же. — С. 70.

²² Лихачев Д. С. Указ. соч. — С. 222—223.

²³ Завитневич В. З. К вопросу о происхождении названия и местонахождении киевской церкви «Святой Богородицы Пирогощей» // ТКДА, 1891. — 1. — С. 161.

²⁴ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. — Пг., 1915. — Т. 2. — С. 72.

²⁵ Седова М. В. Ярополч Залесский. — М., 1978. — С. 120—122.

²⁶ Зоценко В. Н. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1981. — С. 113—124.

²⁷ Петров Н. И. Купятицкая икона Богородицы в связи с древнерусскими энколпионами // Труды IX АС. — М., 1897. — Т. 2. — С. 76.

²⁸ Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. — Одесса, 1886. — С. 20.

²⁹ Ханенко Б. И. Древности русские. — Киев, 1900. — Вып. 2. — С. 21. — Табл. 30. — № 328.

³⁰ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. — Т. 2. — С. 125.

³¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. — С. 216—219.

³² ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 2. — Стб. 528.

³³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. — М., 1961. — Т. 1. — С. 122—130.

³⁴ Рыбаков В. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. — М., 1971.

С. Р. Килиевич, В. А. Харламов

ИССЛЕДОВАНИЕ ХРАМА ВОТЧА ФЕДОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ XII в. В КИЕВЕ

Среди памятников древнерусской архитектуры Киева первой половины XII в. видное место занимает храм Вотча Федоровского монастыря, заложенный, согласно летописи, в 1129 г.* великим Киевским князем Мстиславом (сыном Владимира Мономаха): «Того же лета заложи Мстислав церковь камену святого Федора в Киеве, сын Володимир»¹, который носил церковное имя Федора.

В древнерусских летописях Федоровский монастырь упоминается восемь раз. В 1133 г. в нем был погребен сам Мстислав Владимирович: «Преставися Мстислав априля в 15, празной неделе пяток, положен бысть у церкви святого Федора, юже бе сам создал»².

В 1154 г. в церкви Федора похоронен сын Мстислава князь Изяслав: «И тако спряташа тело его в церкви святого Федора в отни ему монасты-

ри»³. В 1168 г. в церкви похоронен князь Ростислав: «Вложен бысть в гроб у святого Федора в отни ему монастыри, приложився к отцам своим»⁴. В 1170 г. там же погребен Ярополк Изяславич (внук Мстислава): «И положиша тело его у святого Федора идеже ему отец лежит»⁵. В 1174 г. в церкви похоронен сын Мстислава князь Владимир, положенный «в святом Федоре, в отни ему монастыре»⁶. В 1187 г. погребен вышгородский князь Мстислав Давыдович: «И положен бысть в церкви святого Федора»⁷. В 1195 г. в феврале месяце в храме похоронен «близ отня гроба» князь Изяслав Ярославич⁸.

М. К. Каргер отмечает, что известия о киевских погребениях убедительно свидетельствуют о том, что Федоровский монастырь, выстроенный сыном Мономаха Князем Мстиславом, представлял собой фамильный («вотч») монастырь Мстиславичей⁹.

Бывали периоды, когда монастырь оказывался в центре социально-политических событий. Так, во время народного восстания в Киеве в 1147 г. был убит князь Игорь Ольгович, которого толпа восставшего народа захватила в Федоровском монастыре. Убегая, он спрятался в Мстиславовом дворе, но разъяренная толпа «выломиша ворота... И волокоша и с Мстиславля двора черес Бабин торжок на княж двор и ту прикончаша и»¹⁰.

В 1240 г. во время нашествия Батыя церковь, по всей видимости, уцелела, так как в летописи под 1259 г. имеется запись о том, что для украшения Даниилом Галицким построенного в Холме храма Иоанна Златоуста были перевезены иконы и колокола из Федоровского монастыря: «Иже сестра Федора вда из монастыри Федора»¹¹.

Для социальной характеристики центральной части древнего Киева большое значение имеют летописные известия о феодальных, боярских, церковных и монастырских дворах. Этому вопросу посвящена работа В. А. Богусевича¹². Сопоставив данные летописи с археологическими материалами, в частности с находками богатых кладов, П. П. Толочко уточнил примерное

расположение отдельных дворов, в том числе Федоровского монастыря¹³, однако местонахождение самого храма на территории монастырского двора осталось неизвестным.

Еще в 1838 г. профессор Киевского университета А. И. Ставровский по поручению Временного комитета изыскания древностей в Киеве произвел раскопки в усадьбе Королева (ул. Владимирская, № 11, со стороны Большой Житомирской, № 4—6).

В «Отчете о действиях Временного комитета» за 1838 г. отмечается, что были открыты остатки фундамента древнего здания в виде двух небольших параллельных стен, «которые имеют направление от запада к востоку и заключаются третью круглою стеною; к одной из параллельных стен (южной) пристроена из одинакового с нею материала гробница, заключающая в себе некоторые следы истлевшего гроба с прахом и костями человеческими»¹⁴. По заключению автора раскопок, открытые части руин были одной из алтарных апсид храма Федоровского монастыря. Но, к сожалению, по составленному автором раскопок плану трудно судить о типе здания и точном его местонахождении.

В 1946 г. на этой же территории, почти рядом с раскопом А. И. Ставровского, производил раскопки М. К. Каргер¹⁵. В культурном слое находилось большое количество древнерусского строительного материала — фрагментов плинфы XII в., цемьянки, незначительное количество штукатурки с фресковой росписью, обломки медного колокола, части бронзового хороса.

Кроме того, открыты два жилища XII в. с остатками различного инвентаря и следами пожара, обнаружены остатки кузнечного производства, жилище X в., парное погребение в срубе, относящееся к составу некрополя IX—X вв., расположенного за рвом древнейшего городища.

В 1955 г. раскопки производил В. К. Гончаров на месте строящегося тогда дома (ул. Владимирская, № 9), расположенного западнее раскопов А. И. Ставровского и М. К. Каргера.

Рис. 1. Ситуационный план раскопок:

1 — Софийские ворота X в., 2 — ротонда XII—XIII вв., 3 — раскопки 1836 г., 4 — раскопки 1946 г., 5 — раскопки 1955 г., 6 — раскопки 1957 г., 7 — раскопки 1982—1983 гг., 8 — план Федоровского монастыря, раскопки 1984—1985 гг.

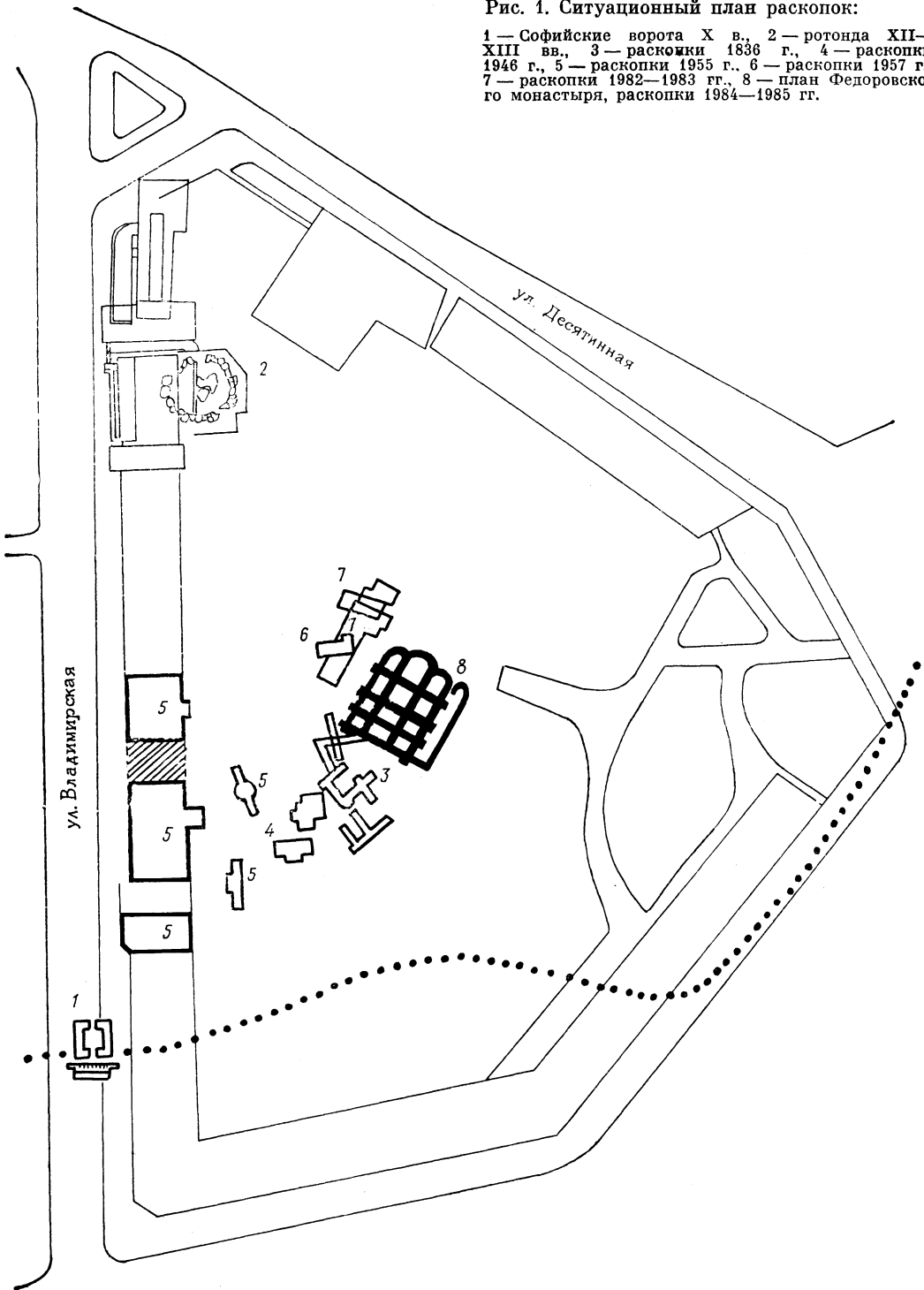

Рис. 2. Общий вид раскопа

Наряду с открытыми жилыми и производственными комплексами XII—XIII вв., среди которых были горны для плавки цветных металлов, обнаружено большое количество древнерусского строительного материала — обломков плинфы, цемянки, штукатурки с фресковой росписью¹⁶.

В 1957 г. В. А. Богусевич в раскопе, заложенном северо-восточнее раскопа 1955 г., открыл большой завал древнего строительного материала — плинфы, цемянки, фрагментов фресок¹⁷.

В 1982 г. плановые раскопки по исследованию предполагаемого двора Федоровского монастыря (ул. Владимирская, № 7—9) проводил Старокиевский отряд Киевской археологической экспедиции под руководством С. Р. Килиевич¹⁸. В связи с тем, что на этой территории планировалось сооружение спортивного комплекса, прежде всего исследовались места расположения будущих спортивных площадок, размещенных в основном в северной части усадьбы. В результате раскопок наряду с памятниками X в. в культурном слое начиная с глубины 0,60 м находилось много древнего строительного материала — фрагментов плинфы XII—XIII вв., кусков цемянки, фресок.

В 1983 г. работы отряда были продолжены¹⁹. Раскоп примыкал к южному борту раскопа 1982 г. и в юго-за-

падной части пересекал раскоп В. А. Богусевича 1957 г. В результате исследований обнаружены жилые и хозяйственные постройки X и XII—XIII вв. С глубины 1 м прослеживался сплошной слой древнерусского щебня толщиной 0,4—0,5 м, состоящий исключительно из битой плинфы XII в., цемянки, кусков штукатурки с фресковой росписью. В этом слое найден фрагмент плинфы, на торцевой стороне которой сохранилась четко процарапанная надпись: «...+ОХОНАМО ПОПОМО...», которую С. А. Высоцкий реконструировал следующим образом: «Ох нам попам святого Федора, помоги господи на день судный»²⁰. Обнаруженные залежи щебня явно свидетельствовали о том, что недалеко находятся фундаменты искомого храма.

Разведочные работы по поиску храма Вотча Федоровского монастыря в 1983 г. были продолжены В. А. Харламовым и Я. Е. Боровским. В шурфе, расположенном к юго-западу от описываемого раскопа, С. Р. Килиевич были обнаружены остатки кладки фундаментов северо-западного угла крупной монументальной постройки древнерусского времени. Дальнейшими исследованиями 1983 г. была открыта западная стена собора на протяжении 16,6 м и северная стена на длину около 20 м²¹.

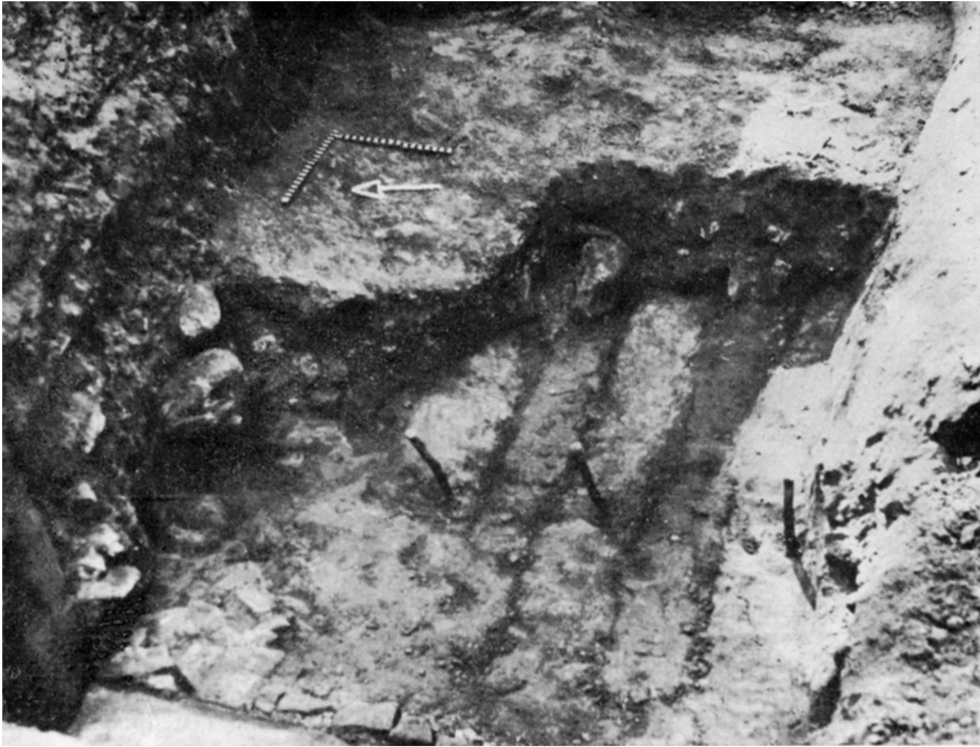

Рис. 3. Металлические колья и следы деревянных субструкций в фундаментах Федоровского монастыря

В 1984—1985 гг. церковь была полностью раскопана авторами²². Она представляла собой трехнефный шестистолпный крестовокупольный храм с центральным подкупольным квадратом фундаментов (6,0×5,7 м). Внешний размер храма по продольной оси 27,9 м, поперечной оси 19,5 м (рис. 1; 2).

Внутренняя часть храма представляла собой сплошную ленточно-ячеистую систему фундаментных рвов, ширина которых под продольными и поперечными стенами около 1,8 м, под апсидными закруглениями до 2,2 м. На дне фундаментных рвов обнаружены следы деревянных субструкций (рис. 3). Внутренний диаметр южной апсиды 3,1 м, центральной — 5,8 м, северной — 3,05 м. Кладка стен а также забутовка фундаментов велась из плинфы размером 27,5—30,0×21—23×4,5 см). Вдоль южной стены храма обнаружен фундаментный ров (шири-

ной 1,2 м) пристроенного придела, заканчивающегося с восточной стороны круглой апсидой. Строительным материалом служил каннелюрованный кирпич размером 25,5×12×7,5 см, что дает основание датировать пристройку второй половиной XII — началом XIII в. (рис. 4).

Основное ядро храма и южный придел внутри были оштукатурены и богато расписаны, о чем говорит большое количество фрагментов штукатурки с остатками фресковой живописи. Материалы раскопок позволяют сделать вывод о том, что пол в храме был выложен шиферными плитами и инкрустирован цветной стеклянкой смальтой. Наряду с шифером применялись также керамические поливные цветные плитки размером 12×12×2 см. Найденны фрагменты голосников и круглых оконных стекол диаметром 22 см.

В научной литературе высказывалась мысль о том, что начиная с пер-

вой четверти XII в. связи русских мастеров с романским зодчеством были более активными по сравнению с предыдущим временем. Особенно это было выражено в период правления Мстислава Владимировича. Считается, что с построек Мстислава начинается новое архитектурное направление, выразившееся в отказе от существующей ранее византийской системы смешанной кладки «opus mixtum» и переходе на новую порядовую «opus isodos», при которой утопленных рядов плинфы уже не делали²³. В результате фактура фасадов перестает быть полосатой. Лицевая кладка стены была порядовая, при которой толщина швов раствора равнялась толщине используемой плинфы, то есть 4,5—5 см. Прослойка камня при такой системе кладки не делали.

Примером памятника, построенного в такой технике в Киеве при Мстиславе Владимировиче, была церковь Богородицы Пирогощей в Киеве на Подоле. Архитектура сооружения дает основание считать, что в нем уже полностью сложились черты рассматриваемого стилистического направления²⁴.

Для окончательного ответа на вопрос о том, со строительства какого памятника начинается переход на новую строительную технику, а в конечном итоге на новый архитектурный стиль, дали материалы раскопок Федоровского монастыря 1983—1985 гг. Благодаря находке нескольких блоков, выполненных в технике порядовой кладки, сейчас мы можем с уверенностью сказать, что храм Федоровского монастыря, заложенный согласно летописи в 1129 г. (на три года ранее Пирогощи) является памятником древнекиевского зодчества, который открывает новое стилистическое направление 30—80-х годов XII в. Отсутствие полуколонн на лопатках пилястр указывает на раннее время постройки (по сравнению с Пирогощей) и на то, что памятник является переходным, на котором новый прием полностью еще не сложился. Окончательное сложение черт рассматриваемого стилистического направления произошло при возве-

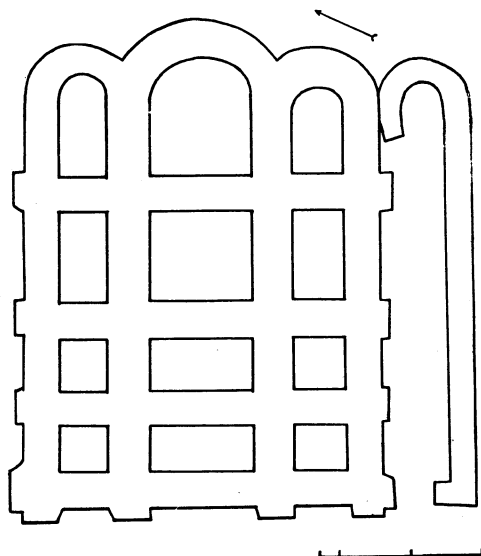

Рис. 4. План храма Федоровского монастыря

дении объема храма Пирогощи (в 1132—1136 гг.).

Древнерусские летописи не указывают, во имя какого Федора был именован монастырский храм. На плане Киева 1638 г. он обозначен под именем Федора Тирона.

Геомагнитные исследования подтвердили вывод о том, что открытые нами остатки фундаментов принадлежат церкви Федоровского Вотча монастыря.

Исследуемый храм ориентирован алтарной частью в сторону северо-востока под углом 129° (при отсчете азимута от географического юга), что, по данным астрономического календаря, указывающего азимуты восхода Солнца по декадам, соответствуют 20 июня. По церковному календарю на 21 июня приходится праздник в честь Федора Стратилата.

В процессе раскопок храма открыто шесть погребений — два в кирпичных саркофагах и четыре в деревянных гробах.

Одно из погребений (№ 1) находилось в саркофаге, сложенном из желобчатого светло-розового и желтого кирпича размером 23×10×6 см, отжиг кирпича хороший, ровный. Стенки гробницы сложены на глине в толщину кирпича, желобчатой поверхностью

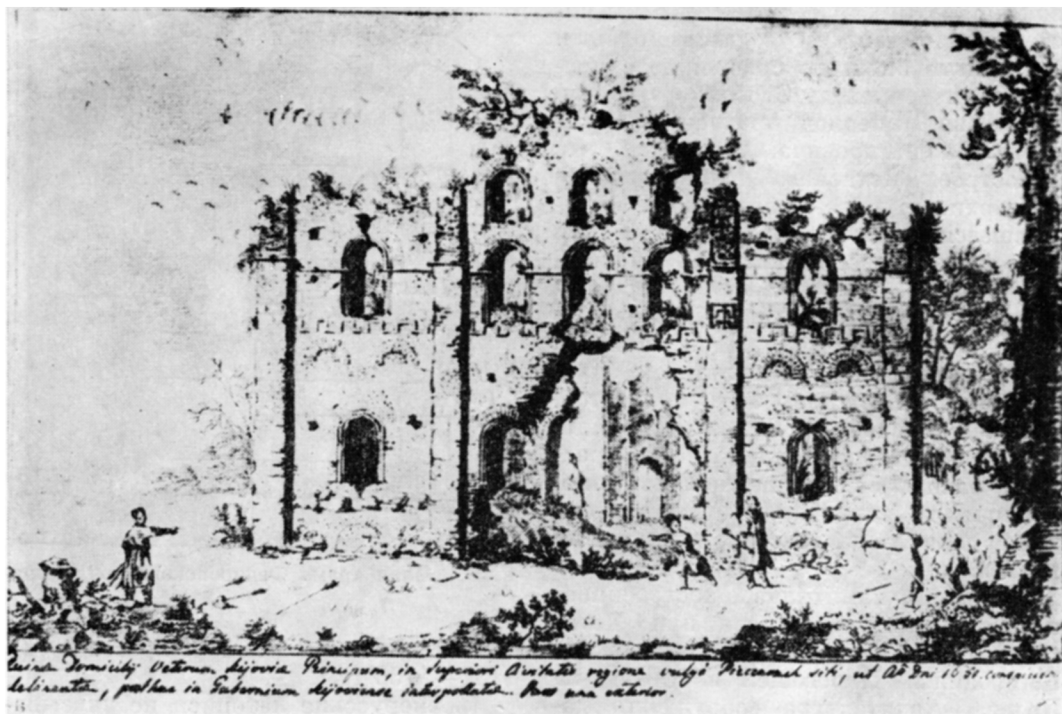

Рис. 5. Западный фасад Федоровского храма на рис. 1651 г. А. Вестерфельда

наверх, дно выстелено этим же кирпичом по ее длине.

В юго-западной части гробницы обнаружен череп плохой сохранности. На дне лежал завалившийся слой больших фрагментов штукатурки (известково-песчаный), окрашенных в красно-бордовый цвет. Такой же краской был окрашен и оштукатуренный пол гробницы. В результате дальнейшей расчистки ниже дна гробницы обнаружен небольшой слой глины, которую подстилала хорошо утрамбованная кладка из кусков битой плинфы. Это своего рода подготовка под устройство саркофага толщиной 20—30 см, выполненная по четкой линии пятна захоронения, в которой найдена керамика XII—XIII вв. В завале юго-западной части гробницы найдена небольшая золотая бляшка-нашивка, украшенная перегородчатой эмалью. Эта бляшка, «дробница», входила в состав нашивных золотых изделий, украшавших одежду погребенного. «Дробница» прямоугольной формы,

размером $12 \times 10,2$ мм, вес 1 г. Она состоит из золотого обрамления шириной 2 мм, затем — эмалевая прямоугольная рамочка коричневого цвета, в которой вписан крестообразный рисунок внутри на светло-зеленом изумрудном фоне. При расчистке среди завала обнаружен также фрагмент цемяночной штукатурки с граффити в виде креста.

Весь комплекс гробницы — кирпич с каннелюрами, золотая бляшка с перегородчатой эмалью, керамика, найденная рядом в культурном слое и в подготовке основания гробницы, датирует ее XII — началом XIII в.

Погребение № 5, аналогичное первому, в саркофаге, сложенном из брусчатого кирпича, находилось возле пилестры у южной стены храма. Дно в гробнице выложено в определенном порядке: один кирпич поперек, за ним два вдоль и т. д. Слой штукатурки на кирпичах в 1 см окрашен так же, как и в первом погребении, в красно-бордовый цвет. От скелета остались часть

правого бедра и частично кости ног. Дно подстилал песок, а дальше шел предматериковый слой.

Значительный интерес представляет собой погребение, открытое в южном конце фундаментного рва придела в деревянном гробу, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Хорошо прослеживается могильная яма, длина ее 2 м, ширина 1 м, в которой обнаружены лежавшие слоями сгнившие остатки досок. В борту могилы четко читается линия стенок гроба. Выявленные человеческие кости лежали *in situ*, нет черепа. В области грудной клетки, на уровне залегания костей, обнаружены остатки перетлевшей ткани, перемешанной с землей, в которой прослежены золотые нити и найдены две круглые бронзовые позолоченные пуговицы с ушком в виде гирьки. Это захоронение совершенно до постройки придела. Во время его строительства оно было частично разрушено и полностью ограблено.

Погребения в саркофаге, отдельные находки свидетельствуют о погребении в них знатных лиц, возможно из рода Мстиславичей, о которых упоминается в летописи.

Церковь Федора просуществовала в руинах до XVII в., о чем свидетельствуют рисунки голландского художника Вестерфельда. Я. И. Смирнов, впервые опубликовавший всю серию рисунков Киева 1651 г., не без оснований считал, что изображены западный, южный и восточный фасады интересующего нас памятника²⁵. М. К. Каргер²⁶ церковь Федора видел лишь в указанном рисунке южного фасада изображенного Киевского храма (рис. 5). В конце XVII в. церковь была разобрана на строительный материал, который использовался для строительно-восстановительных работ других киевских монументальных построек²⁷.

* Датировка исторических событий дается по Ипатьевской летописи: ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 2.

¹ ПСРЛ.— 1962.— Т. 2.— Стб. 293.

² Там же.— Стб. 294.

³ Там же.— Стб. 469.

⁴ Там же.— Стб. 532.

⁵ Там же.— Стб. 539.

⁶ Там же.— Стб. 567.

⁷ Там же.— Стб. 228.

⁸ Там же.— Стб. 690.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л., 1961.— Т. 2.— С. 431—433.

¹⁰ ПСРЛ.— 1962.— Т. 2.— Стб. 352, 353.

¹¹ Там же.— Стб. 844.

¹² Богусевич В. А. Про феодальні двори XI—XIII ст. // Археологія.— 1957.— Т. 2.— С. 14—20.

¹³ Толочко П. П. Древний Киев.— К., 1983.— С. 194—198.

¹⁴ Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. // ЖМНП.— 1839.— Ч. 21.— Март.— Отд. III.— С. 68—69.

¹⁵ Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л., 1958.— Т. 1.— С. 328.

¹⁶ Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. // Археологія.— 1955.— Т. 10.— С. 122—135.

¹⁷ Богусевич В. А. Отчет о раскопках в Киеве на Владимирской ул. № 7—9, в 1957 (май—июнь) // НА ИА АН УССР.— Ф. э. 5143.

¹⁸ Килиевич С. П. Отчет о раскопках Старокиевского отряда за 1982 г. // НА ИА АН УССР.— Ф. э. 20401.

¹⁹ Килиевич С. П. Отчет о раскопках Старокиевского отряда за 1983 г. // НА ИА АН УССР.— Ф. э. 20829.

²⁰ Высоцкий С. А. Киевские граффити XI—XIII вв.— Киев, 1985.— С. 108—109.— Табл. XIII (3, 4).

²¹ НА ИА АН УССР.— Ф. э. 20906.

²² Килиевич С. П., Харламов В. А. Отчет о раскопках Старокиевского отряда за 1984 г. // НА ИА АН УССР.— Ф. э. 21236—21239; Килиевич С. П., Харламов В. А. Отчет о раскопках Старокиевского отряда за 1985 г. // НА ИА АН УССР.— Ф. э. 22031.

²³ Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева.— Киев, 1982.— С. 114—115.

²⁴ Там же.— С. 119.

²⁵ Смирнов Я. И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905).— М.— 1908.— Т. 2.— С. 484—487.

²⁶ Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л., 1961.— Т. 2.— С. 431—433.

²⁷ Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в.— К., 1982.— С. 37.

Городище находится в 0,5 км юго-восточнее левобережной части с. Бушево Ракитянского р-на Киевской обл. на левом берегу р. Гороховатка, недалеко от впадения ее в Рось. Занимает незначительное возвышение в пойме и имеет полукруглую в плане форму с валом по периметру и двумя въездами — с северо-запада и юга. Внутренняя площадь городища 3,8 га (рис. 1). Обследовалось М. Ю. Брайчевским в 1947 г.¹ и автором в 1972 г.²

Городище расположено в линии укрепленных пунктов XI—XIII вв. на левом берегу р. Рось, строительство которых, согласно летописи, было начато при киевском великом князе Ярославе в 1032 г.³ В 6 км к востоку от него находится городище в с. Саварка, а в 20 км западнее — городище у с. Сухолесы (уроч. Старые Сухолесы).

Бушевское городище имеет ряд частных особенностей: расположено на низкой местности, выделяется большими размерами, окружено мощным валом высотой 3—4 м, шириной 17—19 м, общей длиной 700 м, на его площади встречается мало керамики древнерусского времени, преобладают находки VII—VI вв. до н. э. Кроме того, на северном краю городища в обрыве наружной части вала, срезанной р. Гороховатка, обнаружены отпечатки истлевших продольных стен городен. Под валом в обрыве залегает культурный слой скифского времени, а в насыпи вала встретились отдельные обломки древнерусской керамики. В связи с этим в 1980 г. во время работы экспедиции по исследованию оборонительных сооружений древнерусского времени на левом берегу Роси поперек вала городища на поврежденном северном участке (в 40 м от въезда) была заложена траншея шириной 1 м, длиной 13 м.

Траншеей разрезаны обугленные остатки двух рядов срубных дубовых клетей (рис. 2). Клеть внутреннего ряда — по периметру площадки городища — была сооружена непосред-

ственно на древней поверхности — культурном слое скифского времени толщиной 40 см. Пол клетки перекрыт слоем горелой земли толщиной 4—8 см. Выше залегает перемешанный грунт, образовавшийся в результате пожара. Обугленные остатки внутренней продольной стены клетки (со стороны площадки городища), как и в других аналогичных случаях, в траншее не обнаружены; эта стена была полностью открытой для пожара и сгорела сильнее, ее остатки не были присыпаны сколько-нибудь значительным количеством грунта, съехавшим с внешней стороны и заполнившим в основном тыльную часть клетки.

Непосредственно с внешней стороны к первому ряду клетей примыкал ряд городен — срубов, заполненных внутри грунтом на высоту 1,4—1,5 м. Выше эти срубы оставались пустотелыми и образовывали второй ряд помещений-клетей. При этом внутренняя продольная стена городен и второго ряда клетей являлась одновременно стеной первого ряда клетей. В западной стенке траншеи она сохранилась на высоту 1 м в наклонном положении из восьми обугленных бревен, сдвинутых под напором заполнения городни. Наружная продольная стена городни в нижней части сгнила — ей соответствует вертикальная линия между заполнением городни и насыпью вала по наружному краю. В верхней части эта стена сгорела, причем на уровне клетки она завалилась всередину под давлением насыпи с наружной стороны. У восточной стенки траншеи от указанной стены прослежено 5—6 сильно обугленных бревен, а у западной стенки траншеи на полу клетки лежали остатки сгоревшей поперечной стены, от которой сохранилось в нижней части несколько обугленных бревен (далее, во внутреннюю сторону), перегоревших на мелкие угольки и сажу (кв. 11, глубина 1,15; 1,36 м).

Пол внешней клетки (на заполнении городни) в ряде мест перекрыт про-

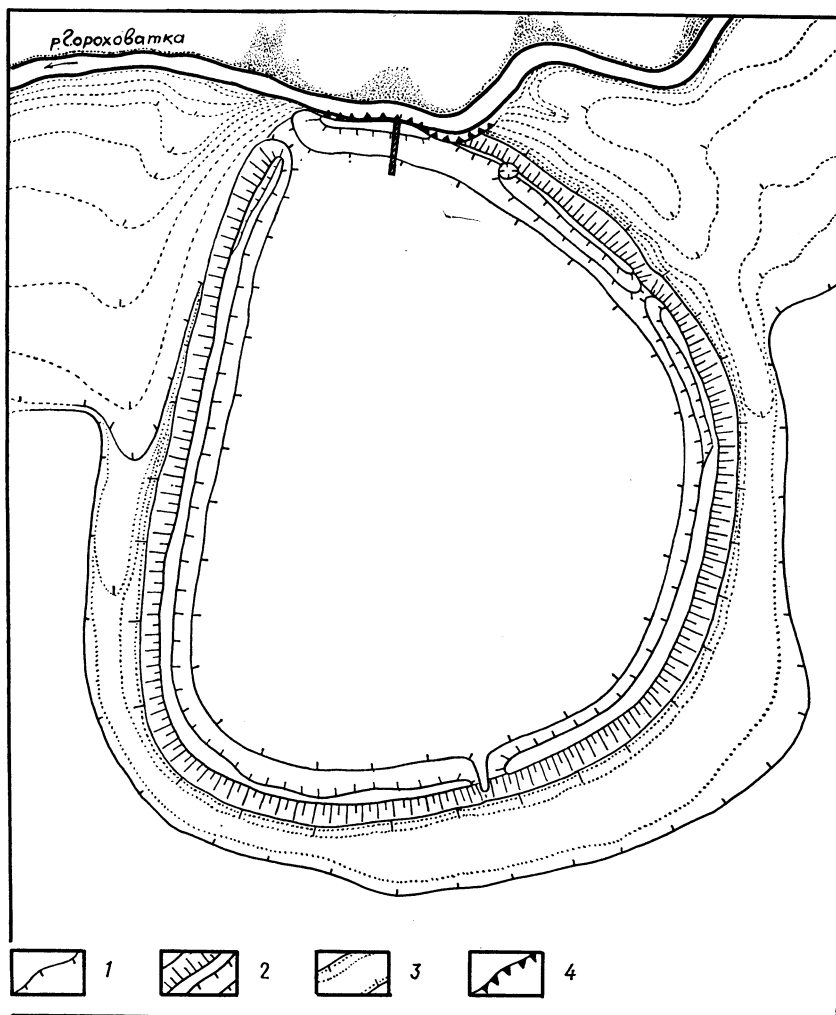

Рис. 1. План Бушевского городища:
1 — понижение; 2 — вал; 3 — ров; 4 — обрыв

сложкой темно-коричневой земли, аналогичной находившейся на полу нижней (внутренней) клетки. Выше у восточной стенки траншеи залегал завал серой земли с вкраплениями обожженной глины и угольков, а у западной стенки траншеи кроме аналогичного грунта встречались большие скопления обожженной глины (кв. 9, 10). Этот грунт из завала потолочной присыпки клеток и обрушившейся насыпи из наружной части вала имеет максимальную толщину 0,8—1 м, понижаясь во внутреннюю сторону и перекрывая частично руины нижнего ряда клеток.

Сверху на образовавшемся со временем внутреннем склоне вала современная насыпь состоит из темно-серой земли.

Клетки во внутреннем и внешнем (верхнем) рядах имели размер поперек вала по 3,2—3,4 м, а находившаяся под верхней клетью городня — 4—3,4 м (кверху в наружной части суживалась).

Наружная часть вала насыпана из плотной светло-желтой материковой глины, только в самой нижней части она содержит примесь серой земли. Под светло-желтой глиной вдоль тран-

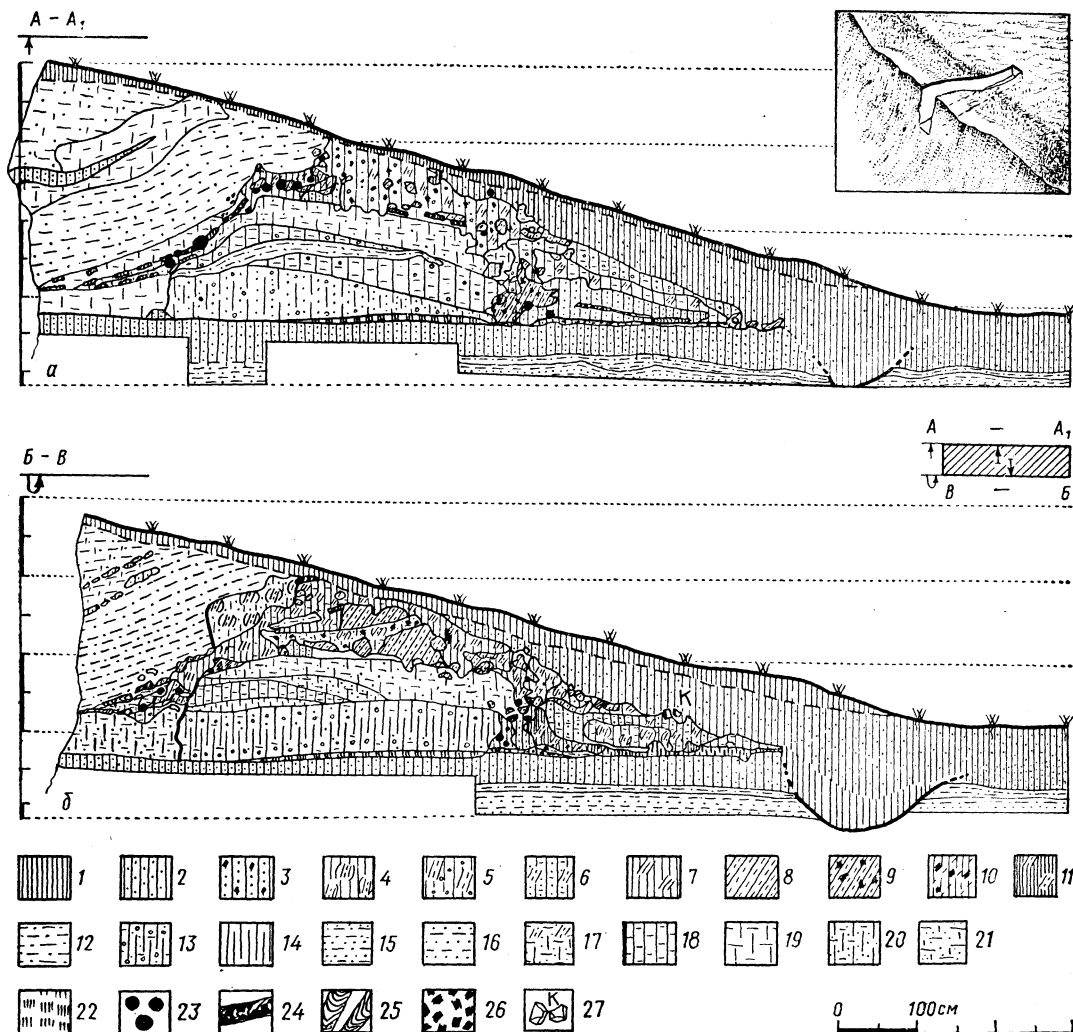

Рис. 2. Профили стенок траншей через вал Бушевского городища:

а — восточная стенка; б — западная стенка; 1 — темно-серая твердая суглинистая земля, 2 — темно-серая земля; 3 — серая земля с вкраплениями обожженной глины и угольков; 4 — темно-серая земля с примесью обожженной глины; 5 — серая земля с обожженной глиной; 6 — серая земля с обожженной и необожженной светло-желтой глиной; 7 — темно-серая земля с вкраплениями обожженной и необожженной светло-желтой глины; 8 — обожженная глина; 9 — обожженная глина с угольками и серой землей; 10 — темно-коричневая земля со следами обожженности; 12 — светло-желтая глина; 13 — плотная серая земля с вкраплениями светло-желтой глины; 14 — плотная темно-серая земля; 15 — темно-серый с желтоватым оттенком суглинок; 16 — желтый суглинок; 17 — светло-желтая глина с вкраплениями серой земли и кусочков пережженной глины; 18 — серая земля с желтой глиной; 19 — светло-желтая глина с гумусными вкраплениями; 20 — светло-желтая глина с серой землей; 21 — темно-серый с желтоватым оттенком суглинок; 22 — коричневый слой истлевшей щепы и коры; 23 — торцы обугленных бревен; 24 — обугленные бревна; 25 — гнилое дерево; 26 — уголь; 27 — камень

шеи были обнаружены следы пяти сильно обугленных бревен, заходивших передними концами под бревна продольной стены городен (кв. 12/13, глуб. 2—2,35 м), а еще ниже — остатки гнилых бревен. Эти же частично обугленные, в основном гнилые, бревна прослеживались на обеих стенках

траншеи (кв. 12, 13). Они имели вид настила, положенного на более рыхлую по структуре насыпь в наружной части вала. Ниже настила в траншее не обнаружены остатки дерева, хотя есть основание утверждать, что в этой части вала находилась поперечная стена. Она прослежена в другом месте —

в зачистке обрыва вала (в 5 м западнее траншеи) в виде рыхлой темно-коричневой земли с остатками сгнившего дерева шириной 20 см, высотой 1,2 м. По обе стороны истлевшей стены грунт насыпи различается по цвету и составу.

На высоте около 1,2 м от упомянутого настила в светло-желтой глине залегает наискось прослойка темно-серой земли, понижающаяся кнаружи. Она зафиксирована на аналогичной высоте и за пределами траншеи — в обрыве наружного склона вала. Очевидно, эта прослойка соответствует первоначальному уровню склона вала, впоследствии подсыпанного светло-желтой глиной на высоту 1,4—1,5 м.

На линии траншеи вал сохранился на ширину 12 м. Ширина вала в неповрежденных местах 19 м, из них 5,5 м приходится на внешний склон. Если принять первоначальную крутизну внешнего склона вала за 45° , то насыпь вала (откос) перед городней имела ширину в среднем 5 м. Ширина всего сооружения вместе с городнями и клетями составляла не менее 12 м.

В траншее кроме обломков стенок древнерусской керамики найден 21 венчик XI—XII вв. На полу внутренней клетки обнаружены три венчика XI в. (рис. 3, 1—3), а в горелом слое на полу верхней клетки среди сильно пережженной керамики — один венчик конца XI — начала XII в. и один венчик конца XI в. (рис. 3, 4, 5). В заполнении городен под верхней клетью найдены два венчика XI в. (рис. 3, 6, 7), а под наружным склоном вала — 4 венчика не позднее конца XI в. (рис. 3, 8—11).

По данным одной траншеи трудно восстановить строительную историю памятника. Удалось выяснить, что вал городища имеет важное научное значение, в нем впервые обнаружены клетки, устроенные в два яруса. При этом в завале клеток находится значительный археологический материал. Кроме керамики, в заполнении внутренней клетки встретился сильно перержавленный железный топор.

Обломки наиболее ранних венчиков древнерусских горшков из Бушевского

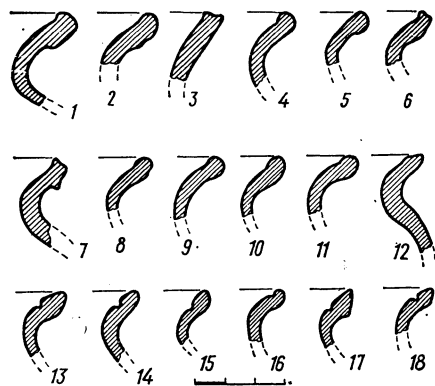

Рис. 3. Венчики глиняной посуды:

1—11 — Бушево; 12 — Пилява; 139, 14 — Шарки; 15 — Саварка; 16 — Кононча; 17 — Пишки; 18 — Буки

городища, несомненно, относятся ко времени княжения Ярослава. Однако, существовали ли в это время укрепления, ответить трудно. Учитывая то, что материалы раннежелезного века сосредоточены в пределах городища, нельзя исключать возможность сооружения первых укреплений в I тысячелетии до н. э. Этому не противоречат и большие размеры городища, характерные для скифского времени. В таком случае с самого начала, то есть около середины XI в., пойменное городище могло быть приспособленным для защиты первых древнерусских поселенцев. Сохранившийся вал сооружен позднее — во второй половине XI в. В конце XI или в начале XII в., судя по керамике на полу клеток, укрепления были сожжены и вал утратил оборонительное значение. Вал городища хорошо сохранился, по мощности ему нет аналогий в Поросье.

Небольшое селище с керамикой XI—XII вв. примыкает к городищу с юго-запада и юга. Отдельные обломки посуды конца XI—XII вв. встречаются на возвышенной местности севернее городища по другую сторону Гороховатки. В этой части нет культурного слоя, и находки рассредоточены на большой площади.

На городище и селище не найдены особые разновидности керамики, обнаруженной на ряде других памятников Поросья, существовавших в XII—XIII вв.: венчиков с глубокой борозд-

кой на внутренней стороне и удлиненным острым или (реже) округленным краем (рис. 3, 12—18). Они встретились на городищах в подъемном материале наряду с обычными венчиками XII—XIII вв., начиная от с. Кононча Каневского р-на Черкасской обл. в нижнем течении Роси до с. Буки Сквирского р-на Киевской обл. на р. Роставица, то есть на всей территории торческого Поросья. Больше всего их найдено в летописном Торческе у с. Шарки, в 6 км севернее Бушевского городища. В свое время на примере одного только Торческа мы предварительно датировали указанную керамику концом XI в.⁴ Однако отсутствие аналогичной керамики в Бушево позволяет пересмотреть ее хронологию и уточнить тем самым датировку Бушевского городища. Нужно иметь в виду, что приведенные выше отличия керамики Поросья от обычной древнерусской керамики XII—XIII вв. возникли в местной среде не сразу. Для сложения локальных особенностей в керамическом производстве требовалось время, и появление новых приемов моделирования венчиков древнерусской посуды следует относить к более позднему этапу ее бытования. В период существования Бушевского укрепления этой керамики в Поросье еще не было.

По всей вероятности, Бушевское го-

родище являлось одной из первых крепостей, предназначавшихся для защиты «своих поганых» — торков, поселенных в Поросье киевскими князьями во второй половине XI в. Богатая пастбищами широкая пойма при слиянии Роси и Гороховатки отвечала потребностям скотоводческого хозяйства оседлых кочевников. В просторной крепости во время половецкой опасности укрывалось торческое население вместе со своими «вежами» и «товаром».

Бушевское укрепление, несмотря на его мощностъ и большую площадь, не стало сколько-нибудь значительным экономическим центром Древнерусского государства в Поросской волости. Не исключено, что оно имело важные административные функции, например могло быть предшественником соседнего Торческа.

¹ *Брайчевський М. Ю.* Слов'янські пам'ятки Середнього Поросья // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 60.

² *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження в слов'яно-руській археології.— К., 1976.— С. 191.

³ *Летопись по Ипатскому списку* // ПСРЛ.— М.— 1962.— Т. 2.— С. 137.

⁴ *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження в слов'яно-руській археології.— К., 1976.— С. 193.

Е. В. Махно

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Спор о том, что социальным строем Древней Руси является феодальный, теперь уже стал беспредметным. Установление этого постулата, уже общепринятого в марксистской историографии, принадлежит советской исторической школе¹.

Однако по-прежнему дискуссионным является вопрос о ее дофеодальном периоде. Несмотря на то, что аргументы, приведенные советской школой историков в 40—50-х годах, не могут

вызывать сколько-нибудь серьезных возражений, спор этот продолжается. Поэтому не бесполезным будет напомнить о некоторых фактах к истории изучения дофеодального периода Древней Руси, в разработке которых самое активное участие принимали археологи Украины, и в первую очередь В. И. Довженок.

Для советской исторической науки, и особенно для археологии Украины, это было трудное время становления.

Полностью раскопанное к этому времени Райковецкое городище² (погибшее в пожаре батыевского нашествия) помогло решить давно дискутирующийся вопрос о феодализме в Древней Руси. Вопросы археологии теперь приобрели актуальность и вызвали к ней живой интерес в самых широких кругах населения.

Известно, что южная часть территории, на которой позднее располагалась Киевская Русь в первые века нашей эры, была занята антами.

Анализ письменных источников приводит исследователей, авторов указанных работ, к единодушному заключению, что анты были многочисленной могущественной веткой восточных славян³. Они располагались в основном в лесостепной полосе между реками Дунай и Дон. Их хозяйственной базой было земледелие и скотоводство [ВДИ, с. 313, 333], а общественный строй — военная демократия. Походы антов на Византию являлись результатом происходившего среди них процесса феодализации и образования военно-феодальных дружин с вождями во главе [ВДИ, с. 314], этот процесс интенсивнее всего проходил в Среднем Поднепровье [ВДИ, с. 333].

Б. А. Рыбаков в названной статье «Анты и Киевская Русь» обращал также внимание на хорошо известные и давно установленные факты «о появлении в VI в. антов на северной границе Византии», об их «вторжении в землю Ромеев» и, наконец, «о вступлении их на путь широких вторжений в Восточную Римскую империю», что именно «с этого времени антов можно встретить и на Дунае, и в Италии, и далеко в глубине Балканского полуострова» [ВДИ, с. 334].

Изложенные здесь и подобные им обстоятельства позволяют Б. А. Рыбакову поднимать вопрос о необходимости изучения антов как непосредственных предшественников Киевской Руси, поскольку их «общественный строй представляет для нас особый интерес, так как позволяет определить тот фундамент, на котором возникло Киевское государство» [ВДИ, с. 319—320, 326].

В широком обсуждении вопросов, касающихся антов, известных по письменным источникам, принимали участие в буквальном смысле все: научные сотрудники, аспиранты, ассистенты, лаборанты.

Оставалось, однако, неясным, каковым же было их археологическое выражение. Предположение Б. А. Рыбакова о том, что культурой антов является роменская археологическая культура [ВДИ, с. 323—326], было сразу же опровергнуто П. Н. Третьяковым. Его тщательная разведка на правом берегу Днепра показала, что памятники этой культуры здесь отсутствуют.

Следовательно, территория распространения антов по письменным источникам и данные о роменской археологической культуре не совпадают. Уточнение датировок роменской культуры также подтвердило ошибочность этого предположения.

Таким образом, в начале 40-х годов оставалось не выясненным, какая же из известных археологических культур является культурой антов. Но состоявшие археологических источников не позволяло даже предположительно высказать новые, заслуживающие внимания гипотезы.

Естественно было ожидать этот ответ от отдела феодализма, в составе которого работал и В. И. Довженок. Этот отдел развернул широчайшую программу действий по выявлению и обработке для публикации археологических коллекций I и II тысячелетий н. э. во многих музеях Украины. К работе над этими вопросами привлекались крупные специалисты Ленинграда и Москвы (в том числе М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. Н. Третьяков).

Однако главное внимание на данном этапе было уделено памятникам предшествующего Киевской Руси времени, которые и должны были дать ответ на остро стоящий вопрос о дофеодальном периоде Киевской Руси.

Наиболее известными в то время были открытые В. В. Хвойкой памятники зарубинецкой и черняховской культур, существовавшие тогда под

общим названием «поля погребений». Они и должны были составить основное ядро изучаемых первоисточников, тем более что В. В. Хвойка считал их славянскими. Предполагалось создать корпус, в 1-й том которого по предварительным наметкам должны были войти материалы Киевского, Житомирского, Белоцерковского и Черкасского музеев, к обработке которых сразу же и приступили.

Для быстрейшего и более качественного выполнения этой работы был привлечен широкий круг исследователей, в который кроме сотрудников Института археологии (М. И. Самойловский, В. Е. Козловская, М. Л. Макаревич, М. И. Фещенко) вошли научные сотрудники музеев Киевского (С. В. Коршенко), Харьковского (Луцкевич), Львовского (М. Ю. Смишко, Фенин) музеев. В этой работе посчастливилось принимать участие и автору.

Особое внимание было уделено изучению летописных материалов. Эта часть работы была возложена на В. И. Довженка. Обработке были подвергнуты все варианты летописных сводов. Производилась самая тщательная фиксация данных о характере общественного устройства, законодательства, уровне земледелия, постановке военного дела в Древней Руси и т. д.

В результате напряженной работы для 1-го тома корпуса были подготовлены к печати обширные материалы, выполненные на основании фондов Киевского, Харьковского и Львовского музеев.

В короткое время отделом феодализма осуществлены также широкие полевые работы. Под руководством И. М. Самойловского на протяжении 1939—1941 гг. почти полностью раскопан спасенный от разрушения кирпичным заводом могильник зарубинецкой культуры у с. Корчеватое. Тогда же проводились исследования поселения черняховской культуры с гончарным горном у с. Никольское, Солонянско-го р-на Днепропетровской обл. В 1940 г. была проведена обширная разведка по следам В. В. Хвойки вокруг Киева с пробными раскопками на поселении,

в свое время исследованном В. В. Хвойкой в уроч. Осова у с. Жуковцы Обуховского р-на.

Ознакомившись с материалами разведки и раскопок у с. Жуковцы, В. И. Довженок с присущей ему принципиальностью тогда же, еще в 1940 г., первый высказал предположение о принадлежности памятников черняховской культуры антам.

Более чем двухлетняя оккупация Киева не смогла остановить поступательного развития археологической науки. Несмотря на то, что и после освобождения Киева В. П. Петров и В. И. Довженок продолжали на фронтах войны выполнять свой патриотический долг воинов-освободителей, Институт возобновил работы по исследованию славянских памятников. Ведущий научный состав Института уже в 1944 г. пополнился крупными специалистами-археологами. Общее руководство Института принял на себя академик П. П. Ефименко, незаменимым организатором издательского дела стал М. Я. Рудинский.

Отечественная война еще продолжалась, но Институт археологии смог (при поддержке Н. П. Бажана) получить ассигнования, позволившие уже в начале 1945 г. широко развернуть полевые исследования на всей территории Украины по всем разделам археологической науки. Особое внимание было уделено памятникам периода Киевской Руси, а также памятникам, предшествующим ее образованию.

При неизменном участии архитекторов Киева и местных исторических музеев продолжались начатые еще в 30-х годах исследования наиболее крупных древнерусских городов — Киева, Чернигова, Переяслава. Проводились работы также в Вышгороде, Любече, Шестовице, Полтаве. Были продолжены раскопки в Городске и Райковецком городище, а также Плисенске.

В план работ были включены плановые и систематические исследования поселений черняховской культуры. В эти же годы было положено начало функционированию постоянно действующей маршрутной экспедиции

«Большой Киев». Проводились также систематические разведки по Тетереву, Роси, Раставище, Тясмину, в Поднепровье и на Южном Буге, а также в Посеймье, Посулье и по Ворскле. Достижения полевых исследований сразу же становились достоянием широкой научной общественности⁴.

Уже упоминалось, что в археологической науке актуальнейшим был вопрос о дофеодальном периоде, и это определяло все возрастающий интерес к памятникам, в частности к поселениям I тысячелетия н. э. Коллектив исследователей, подготовивший под руководством В. П. Петрова к публикации фондовые материалы этого времени по собраниям Киевского, Харьковского, Львовского музеев, в известной мере был готов к выполнению этой задачи.

Массовые материалы, поступившие в фонды Института в результате многочисленных разведочных экспедиций, уже в 1945—1948 гг. очерчивали огромную территорию, насыщенную памятниками, в основном поселениями черняховской культуры. Раскопки этих поселений охватывали Среднее Приднепровье (на правом — Жуковцы, Ягнятин, Пражев, на левом берегу — Кантемировка), прилегающий к нему с запада бассейн Иквы — в верховьях Стыря (Волица, Костяпец); по течению Днестра, в его верховьях — Неслухов, Викнины Великие; в средней части — Лука-Врублевецкая; а также в среднем течении Южного Буга — Грушевка⁵.

Уже при пробных разведывательных раскопках на Пражевском поселении найдена втулка от железного наральника, а на Ягнятинском — носовая часть. Если же вспомнить, что еще в 20-х годах на поселении черняховской культуры у с. Коровинцы Сумской обл. найдено железное чересло, то сведения о колесном плуге черняховской культуры налицо. Кроме того, на Ягнятинском поселении найден железный меч с длинной рукоятью и боевой нож типа скрамосакса, а на полу жилища на Жуковецком поселении — наконецник копья с втулкой.

Важным обстоятельством явилось

также то, что на материале Жуковецкого поселения из раскопок 1946 г. и Ягнятинского — раскопок 1946—1947 гг. установлена генетическая связь между гончарством Киевской Руси и черняховской культурой, поскольку изготовление посуды в обоих происходило на медленном гончарном круге ленточным способом. Подробный разбор формовки деталей свидетельствовал об усоверженствовании этих приемов с течением времени.

Кроме того, на многих исследуемых поселениях, кроме черняховского, был обнаружен еще и слой Киевской Руси (Неслухов, Лука-Врублевецкая, Жуковцы, Ягнятин). При этом насыщенность культурного слоя находками, их стратиграфическое распределение, наличие данных о гонетической преемственности в гончарном производстве [АП, 3, с. 159] позволили прийти к заключению о непрерывном существовании этих поселений на протяжении I — начала II тысячелетия н. э., а также высказать твердое убеждение о непрерывности в это время исторического процесса на Приднепровье и Поднепровье [АП, 1, с. 204; АП, 3, с. 364—365; АП, 1, с. 175; АП, 3, с. 165, 241].

Разведки и раскопки поселений черняховской культуры привели, таким образом, исследователей к единодушному мнению о том, что памятники черняховской культуры на территории Украины оставлены многочисленными раннеславянскими племенами — восточной веткой ранних славян — антами.

М. А. Тиханова в это время писала: «...касаясь этнической принадлежности населения ... наиболее вероятно видеть в нем местное оседлое земледельческое население ... ранних славян — антов, которые заселяли в первые века нашей эры территорию между Днестром и Днепром» [АП, 1, с. 182].

М. К. Каргер в 1944 г. не допускал иного решения этого вопроса. Гарантией правильности этих выводов было полное совпадение данных письменных и археологических источников, характеризующих разные стороны и черняховской культуры, и антов, а именно:

их многочисленность, территорию распространения, хронологический диапазон и уровень экономического развития.

Все факты, кратко изложенные, позволяют суммировать следующее: многолетние усилия большого коллектива историков и археологов, обрабатывающих наиболее тщательно и в широком плане письменные источники и памятники материальной культуры, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, пришли к вполне обоснованным заключениям, кратко сформулированным академиком Б. Д. Грековым в работе, вышедшей в конце 1944 г.⁶ Он писал: «Привлекая добытые археологами факты, вынуждены признать, что общественный строй антов далеко не примитивен. Перед нами военная демократия не в начальной своей стадии, а в последней». Этим и объясняется «...появление значительных политических объединений и крупных вождей, способных вести большие, организованные по-военному человеческие массы на серьезные военно-политические предприятия». Поскольку основой общественной жизни является материальная культура, академик Б. Д. Греков подчеркивал: «Успех антского оружия был подготовлен количеством добываемого металла, выучкой ремесленников, распространностью ремесленных навыков...».

Изложенные в данной статье факты свидетельствуют, что самые первые сведения о железодельном производстве (в виде железных наконечников наральных мечей, наконечника копья) были получены уже в самом начале исследования поселений (полей погребений, как говорили тогда, черняховской культуры, как говорим теперь). Именно этим и решался вопрос о дофеодальном периоде Древней Руси. Стало ясно, что его корни уходят в антский период.

Этому вопросу была посвящена статья, написанная В. И. Довженком в соавторстве с М. Ю. Брайчевским, под названием «О времени сложения феодализма в Древней Руси»⁷.

Опираясь на археологические открытия, авторы статьи приходят к обосно-

ванному заключению, что периоду Киевской Руси, которая сформировалась как высокоразвитое феодальное государство, предшествовал длительный путь исторического развития славян. На стадии же дофеодального периода находились восточнославянские племена антов, предшествующие Киевской Руси.

Появление в этот период плуга с железным наконечником сразу же повлекло за собой повышение продуктивности земледельческого производства и получение гарантированного прибавочного продукта. Земледелие, таким образом, становится достаточно продуктивным, чтобы давать какое-то количество прибавочного продукта, могущего быть превращенным в товар. Продукция ремесел (гончарного, железодельного, ювелирного, косторезного и т. д.), выделяющихся у антов в самостоятельные отрасли производства, также была расщеплена на рынок.

Общественное разделение труда и возникновение постоянного внутреннего рынка обусловили появление денежной торговли. Римская монета служила в антском обществе денежным знаком и имела внутреннее хождение. В несколько более позднее время эти же функции выполняла монета арабской чеканки.

Уровень техники земледелия у антов при наличии коллективной собственности на землю способствовал закреплению индивидуального землепользования (при наличии переделов), которое в конечном итоге повлекло за собой имущественное, а затем и социальное расслоение.

Многочисленные клады римских монет и вещицы, среди которых были и значительные, являются доказательством того, что в антском обществе существовало имущественное расслоение. Письменные источники сохранили свидетельства о социальной верхушке князей и вельмож, узурпировавших власть, сделав ее наследственной. Сохранились некоторые имена представителей этой власти, которые дошли до наших дней.

Учитывая эти обстоятельства, авторы статьи приходят к заключению, что

антское политическое объединение является лишь звеном в цепи исторического развития того периода, когда на развалинах разрушаемой рабовладельческой системы хозяйства в Западной, Центральной и Восточной Европе складывается ряд государственных объединений и возникает новый феодальный строй.

Следовательно, разработка одного из важнейших вопросов советской исторической науки «о дофеодальном периоде Древней Руси», поставленного академиком Б. Д. Грековым со всей категоричностью и научной обоснованностью в начале 30-х годов, успешно продолжалась и в 50-е годы. Источником этих разработок были упомянутые материалы широко развернувшихся на территории Украины археологических исследований 40-х годов. Эта работа была продолжена В. И. Довженком и М. Ю. Брайчевским и в последующее время, доказательством чего является то, что оба автора приняли участие во Всесоюзном совещании, посвященном проблемам возникновения феодализма у народов СССР, состоявшемся в Москве⁸.

Проблеме возникновения феодализма у восточных славян на данном совещании было посвящено 5 сообщений, но направляющими его работу были два взаимно дополняющие друг друга выступления: Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян (В. И. Довженок); Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытнообщинного строя к феодализму (М. Ю. Брайчевский).

Приведенные ниже отрывки из зачитанной на данном совещании работы В. И. Довженка не вызывают сомнения в обоснованной позиции автора и его исследовательской направленности по обсуждаемому вопросу.

А именно: «Основным источником для освещения социально-экономических явлений в восточнославянском обществе в период, предшествующий образованию Древнерусского государства, когда у восточных славян складывались феодальные отношения, яв-

ляются археологические памятники черняховской культуры». Письменные источники «...не противоречат показателям археологических памятников, а подтверждают их».

«Первое в хронологической последовательности место среди археологических памятников на восточнославянских землях периода, когда складывались предпосылки феодальных отношений, принадлежит памятникам черняховской культуры ... ближе к истине находятся те, кто считает эту культуру славянской ... не было и не могло быть в первой половине I тыс. на этой территории другого, столь многочисленного оседлого народа, создавшего свою культуру и оставившего после себя такое огромное количество памятников»⁹. Установлено, что создатели черняховской культуры находились на той ступени социального развития, когда интенсивно проходит процесс имущественной дифференциации.

Сейчас уже известно, что эти предпосылки создаются еще в недрах первобытного строя.

Пашенное земледелие появилось еще при наличии общинной земельной собственности. Но именно оно обусловило переход к индивидуальной обработке общинной земли, при которой продукт труда земледельца является его частной собственностью и поэтому может служить средством к обогащению.

Конкретным примером перехода земель в частное пользование является раскопанная у с. Леськи Черкасской обл. богатая усадьба черняховской культуры, состоящая из нескольких построек и расположенная в очень удобном для земледелия месте. Но получив указанный участок в частное пользование и применяя метод интенсификации, можно получить больше выгоды, чем на участке более удобном, но полученном для пользования на небольшой срок.

Выделенные же в частное владение участки земли, таким образом, в дальнейшем становятся «основной производственной ячейкой, которая в рамках феодальной собственности обеспечивает возможность феодальной эксплуатации».

Указанный и подобные обнаруженному в Лесках факты свидетельствуют о появлении в антском обществе не только определенного рода зародышей будущего хозяйства древнерусского смерда, характерного для эпохи Киевской Руси, но и являются подтверждением мнения, высказанного академиком Б. Д. Грековым о возникновении частного землевладения на Руси в VI—VII вв. н. э.

Пашенное земледелие и применение плуга с железным наконечником подняло производительные силы Европы на такой уровень, который уже не соответствовал рабовладельческому способу производства¹⁰.

Поэтому процесс внутреннего расчленения восточнославянского общества у антов вел к феодализму, при котором свободный мелкий производитель постепенно превращался в подданного, обязанного определенными повинностями. На Руси господствовали главным образом повинности, известные по источникам под названием древнерусской дани¹¹.

Изложенное выше позволяет признать, что творческое содружество В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского позволило создать наиболее прогрессивное направление по наиболее актуальному вопросу в славяноведении — вопросу о дофеодальном периоде Древней Руси.

Возглавить это направление помогло В. И. Довженку на протяжении того, что еще в конце 30 — начале 40-х годов он тщательно проработал летописные своды и извлек из них все возможное для дальнейшей расшифровки вопросов о социальном и экономическом строе Древней Руси.

Именно поэтому В. И. Довженку, более чем кому-либо другому, были близки и понятны призывы академика Б. Д. Грекова о необходимости изучения периода, предшествовавшего Древней Руси. К этому обязывала и его фундаментальная работа «Земледелие Древней Руси», которую даже самые взыскательные критики ставили в один ряд с капитальным трудом Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси».

Дальнейшее продвижение по изуче-

нию материалов, касающихся I тыс. н. э., невозможно без учета материалов, добытых в 30—40-е годы, без учета созданного академиками Б. Д. Грековым и Б. А. Рыбаковым, а также В. И. Довженком, много лет возглавлявшим отдел славянорусской археологии в ИА АН УССР.

¹ *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.*— М., 1969.— С. 71—74.

² *Мовчанівський Ф. М.* Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції 1934 р. // *Наукові записки ПІМФ.*— 1937.— Кн. 2.— С. 35—65; *Молчановский Ф. Н.* Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища // *Проблемы истории докапиталистических обществ.*— 1934.— № 5.— С. 83—92; *Маслов В. И.* Рільничке знаряддя і техніка за пам'ятками Райковецького городища феодальної доби // *Наукові записки ПІМФ.*— 1937.— Кн. 1.— С. 43—84.

³ *Державин Н. С.* Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна.— С. 279—289; *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи.— С. 290—307; *Горянов Б. Т.* Славянские поселения VI в. и их общественный строй.— С. 308—318; *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— С. 319—337; *Греков Б. Д.* История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Василевского.— С. 338—351; *Лившиц Е. Э.* Восстание Фомы славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв.— С. 352—365.

⁴ Институт археологии под непосредственным руководством ученого секретаря М. Я. Рудинского издавал тогда два типа сборников: «Археологічні пам'ятки», в котором публиковались материалы проводившихся раскопок и разведок, «Археологія» был предназначен в первую очередь для законченных и сводных исследований, но также и для первичных публикаций.

⁵ *Публикации* этих материалов посвящены «Археологічні пам'ятки».— 1949.— 1.— С. 153—208; 1952.— 3.— С. 154—168, 223—230 и 315—378.

⁶ *Греков Б. Д.* Культура Киевской Руси.— М., 1944.— С. 20—21.

⁷ Опубликована в журн. «Вопросы истории».— 1950.— 8.— С. 62—77.

⁸ *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.*— М., 1969.— С. 28—52, 111—114; Основной задачей совещания было способствовать научной критике буржуазных социологов и историков, отрицающих существование естественно-исторического процесса.

⁹ *Там же.*— С. 28, 29.

¹⁰ *Там же.*— С. 40, 44; *Греков Б. Д.* Генезис феодализма в России // *Вопросы истории.*— 1952.— № 5.— С. 37.

¹¹ *Там же.*— С. 50—52.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	— Археологические исследования на Украине	МГУ	— Московский государственный университет
АО	— Археологические открытия	МДАПВ	— Матеріали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині
АН СССР	— Академия наук СССР	НА	— Научный архив Института археологии АН УССР
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР	ИА АН УССР	
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	НИИТИ	— Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
ВВ	— Византийский временник	ПВЛ	— Повесть временных лет
ВГУ	— Воронежский государственный университет	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ВДИ	— Вестник древней истории	РАНИНОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ВИ	— Вопросы истории	СА	— Советская археология
ГИМ	— Государственный исторический музей	САИ	— Свод археологических источников
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения	СЭ	— Советская этнография
ИАН СССР	— Известия АН СССР	ТОДРП	— Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры		
ИА АН УССР	— Институт археологии АН УССР	УИЖ	— Український історичний журнал
ИЖ	— Исторический журнал	ХДУ	— Харківський державний університет
ИФЭИ	— Институт фольклора, этнографии и искусствоведения АН УССР им. М. Т. Рыльского	ЧИОНЛ	— Чтения в историческом обществе Нестора-летописца
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	AM	— Archeologia Moldovej
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	MSW	— Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР	SCIV	— Studii si cercetari de istorie veche
		WA	— Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Толочко П. П. В. И. Довженок и украинская советская археология . . .

СЛАВЯНЕ

Довженок В. И. Об этнической принадлежности населения черняховской культуры . . .

Винокур И. С., Мегей В. Ф. Об историко-культурной интерпретации памятников Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры

Вакуленко Л. В. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в I—II вв. н. э.

Пачкова С. П. К методике классификации зарубинецкой керамики . . .

Баран В. Д. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепной зоны Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э.

Приходнюк О. М. Анты и пеньковская культура

Шмидт Е. А. О земледелии в верховьях Днепра во второй половине I тысячелетия н. э.

Тимощук Б. А. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ

Боровский Я. Е. О названии Великой богини славян

Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища

Смиленко А. Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII—X вв.

	РУСЬ	
3	<i>Толочко П. П.</i> Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX—XIII вв.	115
6	<i>Сагайдак М. А.</i> К истории хозяйственного освоения киевской территории в конце I—начале II тысячелетия	124
14	<i>Беллева С. А.</i> Некоторые вопросы изучения древнерусского села в работах В. И. Довженка	130
22	<i>Брайчевский М. Ю.</i> Динамическая партийная система в древнерусском городе XII—начала XIII в.	135
34	<i>Кирпичников А. Н.</i> К оценкам военного дела средневековой Руси	141
45	<i>Котляр Н. Ф.</i> К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси	147
58	<i>Высоцкий С. А.</i> О дате поездки посольства Ольги в Константинополь	154
70	<i>Асеев Ю. С.</i> О стилевых чертах архитектуры древнего Киева второй половины XI—начала XII в.	161
74	<i>Ивакин Г. Ю.</i> О церкви Успения богородицы Пирогощей	168
84	<i>Килиевич С. Р., Харламов В. А.</i> Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве	180
92	<i>Кучера М. П.</i> Бушевское городище	188
105	<i>Махно Е. В.</i> Некоторые факты к истории изучения дофеодального периода Древней Руси	192
	Список сокращений	199

2 р. 80 к.

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

Наукова думка